ISSN: 2542-212X

Электронный журнал

Кавказология

Caucasology

II

2020

Электронный журнал

Кавказология

Caucasology

№ 2 / 2020

DOI: 10.31143/2542-212X-2020-2

Свидетельство о регистрации	Эл № ФС77-59844 от 17 ноября 2014
ISSN	2542-212X
Периодичность	4 раза в год
Учредитель/Издатель	Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова»
E-mail редакции	caucasology.kbsu@gmail.com
URL-адрес издания	http://www.kbsu.ru/nauchnye-izdaniya/zhurnal-kavkazologiya/

Редакционный совет

Альтудов Юрий Камбулатович, профессор, ректор Кабардино-Балкарского государственного университета им. Х.М. Бербекова, Нальчик, Россия.

Барахоева Нина Мустафаевна, директор Ингушского научно-исследовательского института гуманитарных наук им. Ч.Э. Ахриева, Магас, Россия.

Берсиров Батырбий Махмудович, директор Адыгейского республиканского института гуманитарных исследований имени Т.М. Керашева», Майкоп, Россия.

Горбунов Александр Павлович, ректор Пятигорского государственного университета, Пятигорск, Россия.

Грусман Владимир Моисеевич, директор Российского этнографического музея, Санкт-Петербург, Россия.

Гапуров Шахрудин Айдиевич, президент Академии наук Чеченской Республики, Грозный, Россия.

Дерлугьян Георгий Матвеевич, профессор Нью-Йоркского университета Абу-Даби, США.

Дмитриев Владимир Александрович, ведущий научный сотрудник Российского этнографического музея, Санкт-Петербург, Россия.

Дюмон Жерар Франсуа, географ, экономист и демограф, профессор, преподаватель Университета Париж-Сорбонна, Париж, Франция.

Ивахненко Евгений Николаевич, ректор Российского государственного гуманитарного университета (РГГУ), Москва, Россия.

Ильин Владимир Иванович, профессор кафедры социологии культуры и коммуникаций Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург, Россия.

Карамурзов Барасби Сулейманович, президент Кабардино-Балкарского государственного университета им. Х.М. Бербекова, Нальчик, Россия.

Левитская Алина Афакоевна, ректор Северо-Кавказского федерального университета, Ставрополь, Россия.

Магомедов Магомед Ибрагимович, директор Института языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы, Махачкала, Россия.

Мусукаев Александр Ибрагимович, доктор исторических наук, профессор, Нальчик, Россия.

Мюльфрид Флориан, доктор наук, Йена, Германия.

Рябов Андрей Виленович, главный редактор журнала «Мировая экономика и международные отношения», Москва, Россия.

Томеллери Витторио Спрингфилд**,** профессор департамента славянской филологии университета г. Мачерата, Марчета, Италия.

Узденов Таусолтан Аубекирович, ректор Карачаево-Черкесского государственного университета имени У.Д. Алиева, Карачаевск, Россия.

Editorial Council

Altudov Yuri Kambulatovich, Professor, Rector, Kabardino-Balkarian State University, Nalchik, Russia.

Nina Mustafaevna Barakhoeva, Director, Ingush Institute for the Researches in Humanities, Magas, Russia.

Bersirov Batyrbiy Mahmudovich, Director, Adyghe Republic's Institute for Humanitarian Studies, Maikop, Russia.

Gorbunov Alexandr Pavlovich, Rector, Pyatigorsk State University, Pyatigorsk, Russia.

Grusman Vladimir Moiseevich, Director, Russian Museum of Ethnography, St. Petersburg, Russia.

Gapurov Shahrudin Aidievich, President, Academy of Sciences of Chechen Republic, Groznyi, Russia.

Derluguian Georgi, Professor, New York University Abu Dhabi, UAE, USA.

Dmitriev Vladimir Alexandrovich, Leading Researcher, Russian Museum of Ethnography, St. Petersburg, Russia.

Dumont Gerard Francois, geographer, economist and demographer, Professor of Paris-Sorbonne University, Paris, France.

Ivakhnenko Evgeny Nikolaevich, Rector, Russian State University for the Humanities (RGGU), Moscow, Russia.

Ilyin Vladimir Ivanovich, Professor, Saint Petersburg State University, St. Petersburg, Russia.

Karamurzov Barasbi Suleymanovich, President, Kabardinj-Balkarian State University, Nalchik, Russia.

Levitskaja Alina Afakoevna, Rector, The North-Caucasus Federal University, Stavropol, Russia.

Magomedov Magomed Ibragimovich, Director, Institute of Language, Literature and Art, Makhachkala, Russia.

Musukaev Alexander Ibragimovich, Doctor of Historical Sciences, Professor, Nalchik, Russia.

Mühlfried Florian, PhD, Jena, Germany.

Ryabov Andrey Vilenovich, Editor-in-chief, World Economy and International Relations, Moscow, Russia.

Tomellery Vittorio Springfield, Professor, University of Macerata, Macerata, Italy.

Uzdenov Tausoltan Aubekirovich, Rector, Karachay-Cherkess State University, Karachaevsk, Russia.

Главный редактор

Боров Аслан Хажисмелович

Редакционная коллегия

Кажаров А.Г. (заместитель главного редактора),
Азикова Ю.М. (ответственный секретарь),
Аккиева С.И., Аствацатурова М.А., Баразбиев М.И., Бауаев К.К., Бгажноков Б.Х., Берберов Б.А., Бозиева Н.Б., Борова А.Р., Бугай Н.Ф., Бухуров М.Ф., Геграев Х.К., Гутов А.М., Дзамихов К.Ф., Иванова С.Ю., Канукова З.В., Кочесоков Р.Х., Кудаева З.Ж., Кузьминов П.А., Кучукова З.А., Мамсиров Х.Б., Муратова Е.Г., Мусукаева А.Х., Нальчикова Е.А., Прасолов Д.Н., Сабанчиев Х.-М.А., Тамазов М.С., Текуева М.А., Тенов Т.З., Тимижев Х.Т., Тхагапсоев Х.Г., Узнародов Д.И., Узнародов И.М.

Editor-in-Chief

Borov Aslan Hazhismelovich

Editorial board

Kazharov A.G. (Deputy Editor-in-Chief),
Azikova Yu.M. (Executive Secretary),
Akkieva S.I., Astvatsaturova M.A., Barazbiev M.I., Bauaev K.K., Bgazhnokov B.Kh., Berberov B.A., Bozieva N.B., Borova A.R., Bugay N.F., Buhurov M.F., Gegraev Kh.K., Gutov A.M., Dzamihov K.F., Ivanova S.Yu., Kanukova Z.V., Kochesokov R.Kh., Kudayeva Z.Z., Kuzminov P.A., Kuchukova Z.A., Mamsirov Kh.B., Muratova E.G., Musukaeva A.Kh., Nalchikova E.A., Prasolov D.N., Sabadchiev Kh.-M.A., Tamazov M.S., Tekueva M.A., Tenov T.Z., Timizhev Kh.T., Thagapsoev Kh.G., Uznarodov D.I., Uznarodov I.M.

СОДЕРЖАНИЕ

ОБЩИЕ ПРОБЛЕМЫ

Дерлугьян Г.М.
Кавказ, камешек в жерновах всемирной истории **12-49**

ИСТОРИЯ, ЭТНОЛОГИЯ И АРХЕОЛОГИЯ

Археология и древняя история

Кадиева А.А., Демиденко С.В., Емкужев А.А.
Погребение предскифского времени с бронзовым нагрудным убором из могильника Заюково – 3 (предварительная публикация) **50-67**

Средневековая и новая история

Боров А.Х., Муратова Е.Г., Азикова Ю.М.
Проблемы концептуализации традиционной системы интер-социальных взаимодействий на Центральном Кавказе: становление историографической традиции (конец XVIII – начало XX века) **68-110**

Дзамихов К.Ф.
П.Л. Юдин – архивист и исследователь истории Северного Кавказа **111-125**

Новейшая история

Бабич И.Л.
Благотворительность в контексте материального обеспечения северокавказских эмигрантов во Франции (1920-1940-е годы) **126-142**

Карамурзов Р.Б.
Экономическое и социальное развитие постсоветского Азербайджана: тенденции, динамика, итоги **143-177**

Кушхабиев А.В.
Кабардинское национальное движение в 1992 году: основные проблемы и направления деятельности **178-203**

Этнография, этнология, антропология

Фоменко В.А., Джумагулова А.Т.
Древние и средневековые курганы в истории и культуре ногайского населения степного Прикумья (историографический и этнологический аспекты исследования) **204-231**

ФОЛЬКЛОР И ЛИТЕРАТУРА НАРОДОВ КАВКАЗА

Хавжокова Л.Б., Куантова Ж.Ю.
Новеллы З. Налоева: проблемы освоения жанра и формирования индивидуально-авторского стиля **232-245**

Сарбашева А.М.
Творческое наследие Омара Этезова в истории балкарской культуры **246-259**

Керимова Р.А.
Карачаево-балкарская поэзия нового времени: религиозный аспект **260-274**

_____

Наши авторы **275-276**

CONTENTS

GENERAL PROBLEMS

Derluguian G.M.
The Caucasus: a Rock in the Grinding Wheels of World History **12-49**

HISTORY, ETHNOLOGY AND ARCHAEOLOGY

Archaeology and ancient history

Kadieva A.A., Demidenko S.V., Emkyzhev A.A.
Burial of the Pre-Skythian Time with a Bronze Chest Cloth from the Burial Grave of Zayukovo-3 (Preliminary Publication) **50-67**

Medieval and modern history

Borov A.Kh., Muratova E.G., Azikova Yu.M.
The Problems of Conceptualizing the Traditional System of Inter-Social Interactions in the Central Caucasus: the Formation of a Historiographical Tradition (the End of 18th – Early 20th Century) **68-110**

Dzamikhov K.F.
P.L. Yudin – Archivist and Researcher of the History of the North Caucasus **111-125**

Contemporary history

Babich I.L.
Charity in the Context of Material Life of North Caucasian Émigrés in France in the 1920-1940s **126-142**

Karamourzov R.B.
Economic and Social Development of Post-soviet Azerbaijan: the Tendencies, the Dynamic and the Results **143-177**

Kushkhabiev A.V.
Kabardian National Movement in 1992: Main Problems and Directions of Activity **178-203**

Ethnography, ethnology, anthropology

Fomenko V.A., Dzhumagulova A.T.
Ancient and Medieval Burial Mounds in the History and Culture of the Nogai Population of the Steppe Prikumye (Historiographical and Ethnographical Aspects of the Study) **204-231**

FOLKLORE AND LITERATURE OF THE PEOPLES OF THE CAUCASUS

Khavzhokova L.B., Kuantova Zh.Yu.
Z. Naloev's Novels: Problems of Developing a Genre and Forming Individual Author's Style **232-245**

Sarbasheva A.M.
The Creative Heritage of Omar Ethesov in the History of Balkarian Culture **246-259**

Kerimova R.A.
Karachay-Balkarian Poetry of the Modern Time: a Religious Aspect **260-274**

_____

Our authors **275-276**

ОБЩИЕ ПРОБЛЕМЫ

УДК 93/94

DOI 10.31143/2542-212X-2020-2-12-49

КАВКАЗ: КАМЕШЕК В ЖЕРНОВАХ ВСЕМИРНОЙ ИСТОРИИ

Г.М. ДЕРЛУГЬЯН

Нью-Йоркский университет Абу-Даби
Почтовый ящик 129188
Абу-Даби, Объединенные Арабские Эмираты
E-mail: GD44@nyu.edu

Аннотация. Горные хребты, закупорившие перешеек между Каспийским и Черным морями, делают Кавказ отдельным историко-географическим регионом. С эпохи Бронзы здесь сохранялись эндемичные народы, лишь минимально ассимилированные как древними цивилизациями Передней Азии, так и кочевым миром степей Евразии. Отсюда метафора Уильяма МакНила: камешек в жерновах истории. Кавказ участвовал в древних и средневековых миросистемах в основном как полупериферия, поставлявшая в центры мигрантов в виде воинов-наемников, торговцев и ремесленников, а также рабов различного статуса. Современная капиталистическая миросистема привела к трансформации Кавказа еще даже до включения в Российскую империю. Сельхозкультуры индейцев Америки (особенно кукуруза и фасоль) в XVII-XIX вв. произвели на Кавказе демографический взрыв. Одновременно, ружья и пистолеты, вскоре успешно воспроизведенные местными умельцами, изменили баланс сил между конными аристократами и простолюдинами. Успех крестьянских восстаний идеологически консолидировался исламом самого раннего, до-имперского образца. Парадоксально, модернизация Кавказа воспроизвела также коллизии, аналогичные возникновению полиса Древней Греции и Рима. Кукуруза, винтовки и горская демократия сделали присоединение Северного Кавказа самым дорогостоящим из завоеваний Российской империи. Даже массовое выселение горцев в 1860-х с заменой их фермерами-поселенцами и казаками не создало устойчиво капиталистического развития, породив аграрные конфликты, вылившиеся в Гражданскую войну и сталинскую коллективизацию. Этнические конфликты, сегодня приведшие к национальной консолидации карты Кавказа, восходят именно к недооцененным противоречиям ранней модернизации региона.

Ключевые слова: всемирная история; ислам; социокультурная эволюция; альтернативы государственности; трансатлантические обмены; революция огнестрельного оружия; царская Россия.

THE CAUCASUS: A ROCK IN THE GRINDING WHEELS OF WORLD HISTORY

G.M. DERLUGUIAN

New York University Abu Dhabi,
Saadiyat island, P.O. Box 129188
Abu Dhabi, UAE
E-mail: GD44@nyu.edu

Abstract. The maze of high mountain ridges blocking the isthmus between the Black and Caspian seas renders the Caucasus a separate historical-geographical region. Since Bronze Age, it harbored endemic human populations with their peculiar languages that resisted assimilation from both the agrarian civilizations of Near East and the waves of nomadic invasions sweeping the Eurasian Steppes. Hence William McNeill's metaphor of a 'rock in the grinding wheels of history'. The Caucasus, however, has participated in the succession of ancient and medieval world-systems mostly as semi-periphery sending its inhabitants to the core as mercenaries, traders, or slaves. The modern world-system transformed the Caucasus even before incorporating it. First, new American crops (esp. maize) produced demographic explosion. Next, firearms successfully imitated by local gunsmiths shifted the balance of power from mounted knights to commoners. The spread of militant Islam in its original, pre-imperial forms, paradoxically, was the ideological consequence of early modernization and its social revolution in the North Caucasus. The demise of medieval mounted aristocracy enabled by firearms in the hands of commoners recapitulated in a very different context the armed democratizations of Ancient Greece and Rome. Maize, guns, and mountaineer democracy made the incorporation of the Caucasus by imperial Russia its costliest colonial conquest in material and human terms. The consequences reach into our days through ethno-nationalist conflicts that forcefully homogenized the ethnic map of the region.

Keywords: world history; Islam; sociocultural evolution; non-state alternatives; transatlantic exchanges; gunpowder revolution; imperial Russia.

Данный очерк был призван по возможности кратко ответить на простой вопрос: Что такое Кавказ? Однако сколь-нибудь серьезный ответ на такого рода вопросы, как предупреждал Фазиль Искандер, приобретает тенденцию ветвиться, прорастая в глубины истории и расширяясь географически. Если все-таки постараться ограничить расползание повествования, то работать приходится широкими импрессионистскими мазками. При этом целостную композицию в науке должен задавать четкий эскиз, собранный из целых батарей теорий, в окончательном варианте упрятанных в сноски, чему нас учили зачинатель «мега-истории» Уильям Макнил и создатель миросистемного анализа Иммануил Валлерстайн. Первейшим условием было писать так, чтобы текст легко читался, а смысл его считывался любыми интересующимися людьми.

Сходу оговоримся ради специалистов, что здесь не хватит места для историографии наследия классического ориентализма[1] либо оценки недавних работ по «этническим конфликтам» пост-советского периода [Gammer 2006; Bullough 2010; Politkpvskaya 2003]. Отдельной темой остаются литературоведение и культурная антропология Кавказа, бурно развивавшиеся в последние годы [Caucasus Paradigms… 2007; Gould 2016]. Желающие получить более детальные описания региона могут их найти в прекрасно написанных популярных книгах Нила Ачерсона, Чарльза Кинга и Томаса де Вааля [Ascherson 1995; King 2008; de Waal 2010]. Отдельным достижением высится «Атлас этнополитической истории Кавказа» Артура Цуциева, которому удалось элегантно экономным образом нанести этно-конструктивистские озарения ирландо-американского политолога Бенедикта Андерсона на размышления

[1] Яркий пример: [Baddeley 1908].

французского географического историка Фернана Броделя о громадной роли ландшафта и природной среды в формировании структур человеческих обществ доиндустриальных эпох [Цуциев 2007][1]. Данный же очерк строится в перспективе сравнительно-исторической социологии, чей основоположник Чарльз Тилли вынес главный аналитический вопрос нашей научной дисциплины в монографическое заглавие бесподобной лаконичности: «Why?» Почему? [Tilly 2006].

Из уже приведенных ярких названий изданных на Западе книг становится видно, что Кавказ там ассоциируется прежде всего с завоеваниями и упорным сопротивлением множества коренных народов на протяжении веков. Однако Кавказ не сводим к «окровавленным землям» где-то на дальней оконечности между Европой и Ближним Востоком. Все гораздо интереснее и нередко даже поразительно гуманнее, как мы вдруг узнаем, например, из небольшого сюжета о спасении в 1942 г. еврейских детей в черкесских селах во время фашистской оккупации[2]. И это тоже наш Кавказ.

Этот компактный регион мира поражает воображение своим культурно-лингвистическим разнообразием, легендарными обычаями и человеческими характерами. Да и не только всей этой бросающейся в глаза экзотикой. На Кавказе мы обнаруживаем отголоски и до сих пор слишком мало исследованные аналогии историческим процессам, впервые разворачивавшимся в колыбелях древних цивилизаций Месопотамии, в демократических полисах Древней Греции, в пустынях Аравии и кочевом мире Великих Степей Евразии. В более близкие к нам эпохи Кавказ играл на удивление заметную роль в формировании политики и культуры России, даже ее кухни и массового юмора. Как же без «лезгинки», шашлыка, супа харчо, тостов или анекдотов, приписывавшихся «Армянскому радио»? В XIX веке Кавказ захватил воображение создателей классической литературы: Пушкин, Лермонтов, Толстой. Перевернувшие мир исторические катаклизмы XX столетия непосредственно затронули Кавказ и вынесли на вершины власти множество ранее безвестных кавказцев. Конечно, самого Сталина, но и многих, многих других. Распад СССР стал явным и необратимым со взрывами этнических конфликтов вокруг Карабаха, разгона демонстрации в Тбилиси в апреле 1989 г., войн в Абхазии и Чечне. Бурно расцветшая в 1990-х «русская мафия» [Волков 2002] (как скопом выражались западные журналисты, эксперты и полицейские) на самом деле включала в себя значительные кавказские компоненты самого разнообразного социально-этнического происхождения. Так что же такое Кавказ? И, главное, почему Кавказ именно такой?

[1] Расширенный и сверенный перевод «Атласа» Цуциева на английский язык был осуществлен Издательством Йельского университета [Tsutsiev 2014].

[2] Sufian N. Zhemukhov and William L. Youmans, «Rescue and Jewish-Muslim Relations in the North Caucasus”, in: Crispin Brooks and Kiril Federman (eds.) Beyond The Pale: The Holocaust in the North Caucasus, Rochester University Press, (forthcoming).

«Гора языков»

Фундаментальный факт географии – взглянем на карту – состоит в том, что Кавказ перегораживает грядой весьма суровых гор перешеек между Каспийским и Черными морями. При этом среди кавказских народов почему-то никогда не было мореходов и даже рыбаков. Причину тому можно разглядеть при более внимательном взгляде на ту же карту. В отличие от гораздо более теплого (а также более соленого и более разнообразного по формам жизни) Средиземноморья с его мириадами архипелагов, полуостровов, проливов и бухт, в Черном море и тем более на Каспии нет ничего подобного. Мореходство на весельно-парусных лодках здесь возможно едва половину года; в прочие месяцы слишком штормит из-за холодных степных ветров. Регулярное мореходство в Черное море принесут из Средиземноморья древние греки, а на Каспий и подавно уже в основном русские, спустившиеся по Волге. Климат и гористый ландшафт надолго заперли народы Кавказа в их тесных долинах и ущельях. Но та же география превратила их обиталища в природные крепости, веками укрытые от внешних завоевателей и миграций более многочисленных народов. У горцев ведь и отбирать было особо нечего. Вероятно еще на исходе Каменного века на Кавказе возник своего рода заповедник автохтонных народов, что сегодня подтверждается новейшими методами сравнительно-исторического языкознания и популяционной генетики [Wang et al. 2019].

Отсюда и парадокс неподатливого камешка между жерновами всемирной истории. С юга регион непосредственно граничит с древнейшими аграрными цивилизациями Анатолии, Месопотамии и Персии. Вавилоняне знали Кавказ как громадную по их меркам гору Арарат на самом краю известного им мира, куда после потопа мог пристать со своим ковчегом даже не Ной, а его куда более древний прообраз Утнапиштим [Finkel 2014]. Древние греки, освоившие проход в Черное море через Босфор, где-то там, на краю их Ойкумены, располагали царство, откуда Ясон и аргонавты добыли не менее мифическое Золотое руно. Для древнейших аграрных цивилизаций Кавказ находился именно что «за горами, за морями».

С севера предгорья Кавказа выходят в степи Евразии, где со времен одомашнивания лошади и изобретения колеса еще на заре Бронзового века, где-то пять тысячелетий назад, складывается кочевой скотоводческий образ жизни. Но горы не представляли хозяйственного интереса для степняков – как и особой угрозы, потому что степняки сами были мощной угрозой в силу своей относительной многочисленности, мобильности и прирожденного владения конно-лучным боем. В течение последующих столетий кочевники регулярно накатывали волнами из более засушливых районов Внутренней Азии, неизменно стремясь на запад, в менее засушливые плодородные степи северного Причерноморья – а также силой поучаствовать в богатствах античной цивилизации [Beckwith 2009].

Наиболее ранними хозяевами Степи были ираноязычные киммерийцы, скифы, сарматы, аланы. От них на Кавказе остался удивительный в своей реликтовой изоляции осетинский язык. Следом накатывались тюркоязычные

гунны, хазары, булгары, половцы. Вероятно, к последним восходят карачаевский, балкарский, кумыкский языки – лингвистически вроде бы продолжение половецкого, хотя говорящие на них люди приобрели вполне кавказскую наружность и быт. Наконец, средневековые монголы, последними из которых уже в XVII веке оказались калмыки, мирно осевшие между нижней Волгой и отрогами Кавказа не столько из буддийского миролюбия, сколько под воздействием ружей в руках черкесов и русских казаков. Теми полу-забытыми боями на дальнем краю Европы завершилась эпоха степных завоеваний [Khodarkovsky 1992]. Как говорится, нашла стрела на пулю.

Почему кочевники степей накатывали волна за волной, не оставляя устойчивых государственно-культурных образований? Тому было минимум две структурные причины, и обе довольно парадоксальные. Кочевой быт, вполне оформившийся еще в первом тысячелетии до нашей эры, слишком быстро достиг своего предела технологического развития, т.е. оказался по-своему совершенным и не позволяющим существенных инноваций [Андерсон 2007]. Сочетание коня-коров-овец, седла-кибитки-юрты, лука-сабли-пики требовали и допускали лишь относительно малые усовершенствования. Политическая организация, в основе которой были родовые объединения в хронически неустойчивом наборе, имела лишь немногим больший потенциал к усложнению и развитию[1]. Для контроля над степями и в набегах против оседлых земледельцев данная организация и без того оставалась достаточно действенной и грозной в течение многих веков вплоть по распространения ружей среди противников степняков. Кочевые империи, возникавшие уже под конец своей эпохи, заимствовали государственную организацию и частично регулярную армию от покоренных ими аграрных империй [Osinsky 2019]. Если кочевничество оказалось боковой и в конечном счете тупиковой ветвью социальной эволюции, это вовсе не означает, будто кочевники не оказали громадного влияния на прочие эволюционные ветви. Влияние это оказывается еще больше, чем обычно представляется [Kotkin 2007]. Даже феномен развитого феодализма Запада не удается объяснить без фактора Степи, вернее, как колоссальную географическую удачу, предотвратившую кочевое завоевание в момент, когда Запад только оформлялся на крайней атлантической оконечности Евразии[2].

И тут возникает второй парадокс – раз за разом вторгаясь из внутренних регионов Азии в Предкавказье и Северное Причерноморье, кочевники никак не могли закрыть за собой «калитку». Поэтому с востока постоянно приходили все новые волны более голодных и решительных завоевателей, сметавшие и подминавшие тех, кто уже ранее комфортно расположился на наиболее

[1] См. фундаментальное обобщающее исследование: [Кочевые империи… 2019].

[2] См. публичную лекцию российского медиевиста член-корр. РАН Павла Юрьевича Уварова: *Уваров П.Ю.* Роскошь феодализма (взгляд из всемирной истории) [Видео файл]. Исторический лекторий центра «Архэ». Москва, 12 июня 2019 // YouTube: сайт. URL: https://www.youtube.com/watch?v=6dOc-Z6nnpk (дата обращения: 30.06.2019). Также поражающую смелостью размаха и эрудицией книгу австрийского историка из Стэнфорда Вальтера Шайделя: [Scheidel 2019].

призовых участках степей. Неуклонная повторяемость кочевых завоеваний, конечно, составляет знаменитый «закон Ибн Халдуна», подмеченный средневековым арабским политологом еще в XIV в. [Алексеев, Сырейщикова 2009]. Наверняка, у кочевников случались и неудачи, когда вторжения новоприбывших вооруженных мигрантов останавливали на дальних подступах. Но в истории запечатлелись именно успешные вторжения, перекраивавшие этно-политическую карту. Однако Кавказские горы представляли собой от природы неприступную стену, в которой оставалось всего-навсего пара «калиток» – Дарьяльское ущелье («Сарматские ворота» древних авторов) и Дербент, «Закрытые врата», охраняемые постоянными гарнизонами сменявших друг друга аграрных империй начиная с персов-ахеменидов. Самим своим присутствием на физической карте Кавказ сыграл серьезную роль в прикрытии цивилизаций Ближнего Востока от кочевых нашествий.

Забегая вперед, упомянем еще один парадокс. Задумайтесь над вроде бы очевидным фактом, почему Россия такая большая, а русские намного многочисленнее других славянских народов? Положение на геополитическом краю Степи веками оставалось бедой восточных славян, о чем красноречиво свидетельствует этимология слова «рабы» во многих западных языках: slaves, sclavi, от «славяне». Баланс сил стремительно сменился на противоположный с появлением у русских в XVI в. ручного огнестрельного оружия. Теперь уже казаки и стрельцы легко прошли по степям теми же маршрутами былого выдвижения кочевников, но в противоположном направлении. Вскоре Московское царство уже граничило и с Китаем, Бухарой – и с Кавказом. Вскоре огнестрельное оружие произведет подлинную революцию и среди горцев Кавказа, о чем чуть ниже.Средневековый арабский географ Аль-Масуди назвал Кавказ «Горой языков» [Микульский 1998]. В самом деле, на относительно небольшом пространстве здесь встречается удивительное разноязычие, причем большей частью это сугубо местные эндемики и изоляты – тот же осетинский, уходящий корнями в скифско-сарматское прошлое, или кавказские потомки половецких наречий. Разве что калмыцкий, который не успел далеко отойти от монгольской общности, да азербайджанский, стоящий где-то между туркменским и турецким (собственно, как и на карте) имеют очевидных зарубежных родственников, хотя все равно они уже несколько столетий как стали частью кавказского многоголосья. Нахско-дагестанские и адыго-абхазские (черкесские) языки представляют собой эндемичную, нигде более не встречаемую лингвистическую семью, а возможно и две отдельные семьи. Родство здесь такое отдаленное и неочевидное, что вызывает споры среди самых глубинных языковедов. Феерически сложные грамматики и неподражаемая фонетика (в современном абхазском 54 буквы, в большинстве согласные) это просто находка для сравнительного языкознания. Еще одна самостоятельная семья – картвельская – представлена одним грузинским плюс его ближайшими сванскими, мегрельскими и лазскими родственниками. Армянский, конечно, индоевропейский язык, так что «ков» еще довольно явно напоминает русскую «корову» и «говядину» или английское cow, Луна по-армянски все-таки «Лусин», а звезда – «астгхик», сопоставьте с греческой

астрономией. Но вот откуда берутся числительные «мек, ерку, ерек» вместо типичных для индоевропейцев один, два, три/one, two, three? Армянский по всей видимости очень рано выделился из прото-индоевропейской общности и успел в ходе эволюции набрать сам или набраться от кавказских соседей более чем достаточно интересных особенностей.

С религиями на Кавказе все вроде как у остальных народов мира. Но чтобы вот так, всё на более-менее одном пятачке и разом?! С одной стороны – калмыки, буддисты тибето-ламаистского толка. С другой стороны – азербайджанцы, исторически мусульмане-шииты как полноправные представители средневековой персидской цивилизации, но притом со вполне различимым наследием более раннего зороастризма, что пышно проявляется в весенний праздник Новруз (т.е. Новый год, от иранского индоевропейского корня).

Грузины в основной массе православные христиане. Исключение составляют проживающие вокруг Батуми аджарцы, принявшие суннитский ислам в бытностью свою подданными турецкого султана. Мусульманство аджарцев представляет неловкую аберрацию для современного грузинского национализма, строящегося на нарративе векового сопротивления иноземному господству и христианской проевропейской идентичности, наглядно явленной на крестоносном национальном флаге, принятом при Михаиле Саакашвили в 2003 г. [Serrano 2018]. Впрочем, аджарский ислам носит преимущественно ритуальный характер, никогда не достигавший уровня религиозной идеологии. Проблема здесь чисто политическая, проявлявшаяся в борьбе Тбилиси и Батуми за назначения в местном госаппарате еще со времен Первой («меньшевистской») грузинской республики 1918-21 гг., латентно сопровождавшая весь советский период и резко обострившаяся с распадом Советского Союза, открытием границы с Турцией и возникновением в Аджарии в 1990-2003 гг. режима личной власти Аслана Абашидзе. С политической революцией 2003 г. в Грузии и резким усилением центральной власти при Саакашвили проблема аджарской идентичности отходит в тень и претерпевает сложную трансформацию, где найдется немало неожиданного для политической антропологии [Pelkmans 2006].

На Кавказе встречается сразу несколько версий иудаизма, притом все довольно экзотичные. Грузинские евреи – вполне грузины по языку и культуре, хотя по вере иудеи. Не путать с горскими евреями, чей разговорный язык восходит к среднеперсидским диалектам. Вдобавок к тому, в XIX в. на Кавказ высылались русские «субботники» – потомки крестьян, восставших против официальной церкви и решивших «вернуться» к Ветхозаветному иудаизму [Субботники 1901]. Все они с 1973 г. начали выезжать в Израиль, и эмиграция ускорилась с распадом СССР.

Упомянем раннесредневековой сюжет с обращением в иудаизм кочевого Хазарского каганата – в основном потому, что эта история, долго считавшаяся легендой с не слишком надежными внешними источниками, недавно получила неожиданное подтверждение с археологической находкой в Швеции серебряных монет образца Арабского халифата, но с двусмысленной надписью

«Муса Расул-аль-Аллах», т.е. Моисей Посланец Божий [Петрухин 2012][1]. Предположительно, потерпев поражение во фронтальном столкновении с арабами где-то на территории Дагестана, хазары отступили в предкавказские степи и непролазную дельту Волги, однако в качестве средства достижения геополитического баланса и цивилизационного престижа избрали иудаизм как древнейшую из религий Книги, равноудаленную от арабского ислама и византийского христианства.

Среди горских народов Северного Кавказа преобладают мусульмане-сунниты. В Дагестане у ислама имеются особенно глубокие и давние корни, восходящие к ранним завоеваниям Арабского халифата. Однако не стоит забывать, что Дербент всегда служил крайним пограничным пунктом между цивилизациями Ближнего Востока с одной стороны и племенным миром гор и степей по другую сторону. О том, насколько исторически недавно и своеобразно распространялся ислам среди горцев, разговор пойдет чуть ниже. Здесь лишь отметим, что множество до-исламских (как и до-христианских) верований сохранилось на Северном Кавказе в качестве пережитков, заслуживших немалое восхищение среди этнографов. В самом деле, кто только в мире не поклонялся в свое время всяческим дубам-колдунам? Некоторые абхазы и грузинские горцы – так и по сей день. Осетинам удается вполне вежливо сочетать ислам с православием, порою даже в одной и той же семье. Показательно, что более прочих христианских вероучителей осетины почитают Св. Георгия, или Уастырджи – всадника с копьем. Даром ли они потомки сарматов с аланами?

У армян, как всегда, все свое и древнейшее – христианство особого армянского толка. И еще вспомним немногочисленных и тем более удивительных удинов. По языку вроде дагестанцы, живут преимущественно среди азербайджанцев, а исповедуют армянскую разновидность христианства. Предположительно, тут сохранились отголоски ситуации в раннесредневековой Кавказской Албании – не путать с балканской Албанией! И без того все так запутано…

Политолог, глядя на такое этно-религиозное разнообразие, первым делом усмотрит здесь барьеры к возникновению единства власти и крупных коллективных идентичностей, соразмерных устойчивой государственности. Образование государственности на Кавказе выглядит более проблематично, чем в прочих регионах мира, давно прошедших имперско-цивилизационную нивелировку. Хотя, заметим, в Скандинавии единого государства также не возникло, несмотря на единство культуры и близкородственные языки. Кавказ своеобразен, но все-таки не уникален.

Политическая фрагментация, многоплеменный «трайбализм» и феодальная раздробленность оставались обычной нормой для Кавказа в течение долгих столетий [Preiser-Kapeller 2019]. Положение не смогли изменить

[1] *Петрухин В.Я.* Евреи в Хазарии. Проблема обращения хазар [Видео файл]. Центр «Сэфер». Летняя школа по иудаике. 29.05.2012 // YouTube: сайт. URL: https://www.youtube.com/watch?v=8G18imPEqvA (дата обращения: 12.12.2012).

имперские вторжения ассирийцев, древних персов, греков, римлян, турок. Даже Арабский халифат VII-IX веков, в пору своего подъема сумевший за несколько поколений почти целиком исламизировать Иран и прежде византийские Сирию с Египтом, вынужденно позволил армянским и грузинским князьям гордо пребывать в своем христианстве. Богатой дани от этих задиристых горцев все равно было не дождаться, поэтому оставалось в лучшем случае добиваться хотя бы отказа от восстаний плюс традиционной поставки наемников в союзнические войска. Не обходилось без своих типично феодальных парадоксов власти. Тбилиси, в раннем средневековье, подобно Дербенту, почти два столетия служивший укрепленным центром исламского эмирата, вернулся в местное христианское состояние после неудачного мятежа тбилисского эмира, на подавление которого халиф багдадский был вынужден отрядить местный грузинский (или грузино-армянский) отряд [Suny 1988]. И так продолжалось столетиями, полными набегов, междоусобиц и смертоносных эпидемий, переносимых из внутренних районов Азии теми же мобильными степняками и их стадами[1].

Бедствия перемежались, если повезет, эпизодическими реставрациями и расцветами местных культур. Однако в ходе нашествий и переселений Средневековья раз за разом изменялась геополитическая и этническая карта как Степи, так и Ближнего Востока. Поэтому Кавказу везло всё меньше на моменты расцвета культур. Сами колыбели древнейших цивилизаций неуклонно приходили в упадок и теряли свое некогда центральное значение. Вероятно, сказывалось постепенное оскудение плодородия земель, слишком долго находившихся в обработке. Как показывают последние исследования палеоклиматологов, изменялся также климат и русла основных рек [White 2011]. Наконец, несомненно должны были сказаться чудовищные и постоянно возвращавшиеся эпидемии чумы, известной в Западной Европе как «Черная смерть» второй половины XIV в. [Хайдаров 2018]. Не оттого ли опустошения, произведенные армиями Тамерлана в самом конце этого столетия всего за нескольких страшных лет, оставили в нашем регионе такой длительный геополитический вакуум и упадок по меньшей мере высоких, если не всех форм прежней культуры? Массовые военные убийства по всей видимости совпали с массовым вымиранием людей от микро-паразитов [Darwin 2007].

Историческая демография Кавказа практически целиком лишена прямых источников и оттого плохо поддается изучению. Тем не менее, косвенно многое указывает на длительное снижение численности населения в позднем Средневековье. Исчезают княжеские элиты, которые некогда заказывали монументальные постройки и предметы искусства, теряются навыки мастерства, все меньше крестьян, чей труд оплачивал моменты процветания в прошлом. Негативная динамика начнет изменяться только в XVIII веке, и это уже будет совсем другая эпоха.

[1] Уильям Макнил, Эпидемии и народы. Пер. Н. Проценко. М.: Издательство Университета Дмитрия Пожарского, 2021 (готовится к печати).

Наступление эпохи модерна

В XVIII в. Кавказ начинает завоевывать совершенно новая Российская империя, которая впервые приходит с севера, из Европы, а не из Азии. Из классических дворцов и кабинетов Петербурга Кавказ первоначально выглядел не более чем географическим препятствием на пути к колониальным богатствам Персии и Индии, плюс полезным плацдармом для охвата с флангов турок-османов, извечного соперника в разделе византийского наследия [The North Caucasus… 1992]. Для царской России прийти на выручку единоверным грузинам и армянам выглядело не менее логичным продолжением колониальной геополитики и официальной православной идеологии, чем традиционная протекция грекам и славянам на Балканах. Вдобавок, кавказские христиане могли быть легко и с пользой рекрутированы в военные и административные кадры империи. В начале XIX века в центрах кавказского управления возникают живописные, многоязыкие и динамично гибридные очаги нового колониального общества. Прежде всего это Тифлис (Тбилиси), который начинает вскоре соперничать с самой Одессой как равнозначный центр на южных рубежах расширяющейся империи. Характерно, что расцвет обоих городов связан с одним и тем же именем известного англофила и даже либерала графа М.С. Воронцова, которому предоставлялась возможность делать на новоосваеваемых территориях то, что в центре крепостнической России выглядело бы едва возможным – к примеру, позволить богатым еврейским семействам посещать в Одессе оперный театр наряду с русскими и европейскими аристократами [Herlihy 1991]. Еще в XIX в. выходцы из грузинского и армянского дворянства достигают высших постов в Российской империи. Конечно, на ум сходу приходят имена героя войны 1812 г. князя Петра Багратиона и главного министра царя-реформатора Александра II генерала Михаила Лорис-Меликова.

Почему они так быстро добиваются успеха? Отдельной темой здесь стоит обозначить навыки и виды культурного капитала, которые позволяли выходцам с Кавказа добиваться видного положения в громадной России в самых разнообразных контекстах. Это тема будущих сравнительно-социологических исследований, о которых, вероятно, пока мало кто задумывался. В начале XX века точно так же среди российских революционеров возникнет непропорциональная доля грузин, армян, а вскоре также азербайджанцев, осетин, черкесов. Следом в советской армии появятся высшие командиры-кавказцы и немало Героев Советского Союза, чем будут так гордиться их соотечественники на малых родинах. Воры в законе времен СССР и после его распада по очевидным причинам вызывают не такую гордость, однако с социологической точки зрения это тоже успешные самовыдвиженцы в одной из общесоюзных иерархий, пусть и нелегальной. Что же помогало им добиваться столь неординарных успехов?

Полезную гипотезу на специфическом материале мафии подсказывает итальяно-британский социолог Диего Гамбетта, предложивший рассматривать традиционную культуру Сицилии как набор навыков и диспозиций, в новых

условиях оказавшихся очень полезными в создании и поддержании мафиозных кланов [Gambetta 1996]. Эта культура не столько внезаконная, сколько внегосударственная, где из-за отсутствия формальных рынков и государственных структур личный авторитет мужчин строится на таких гендерных ультра-маскулинных качествах, как сила воли и ригоризм в соблюдении норм; умение драться и держать удар; уважение к старшим, верность друзьям и защита младших; красноречие и одновременно сдержанность, плюс, как ни странно, щедрость, показное потребление. Израильские антропологи Джеральд Марс и Йоханан Альтман, еще в конце 1970-х гг. изучавшие по заказу полиции прибывшие в Израиль криминальные группировки грузинских евреев, пришли к парадоксальному выводу о нематериальной мотивации теневой экономики в самой советской Грузии [Mars, Altman 1983]. Заложенные в местной культуре ожидания щедрости и показного потребления успешных мужчин и женщин из их семей требовали материальной подпитки какими угодно средствами. В позднесоветский период это «умение красиво жить» служило оправданием взяточничества и участия в теневых рынках. Более того, уже после распада СССР и с началом этнических войн на Северном Кавказе комплекс горской ультра-маскулинности найдет одно из своих выражений в исламизме и террористическом джихаде как одной из немногих воинских и «абреческих» ролей, доступных рядовым северокавказцам после катастрофической деиндустриализации [The post-Soviet… 2016]. Такова, как представляется, длительная преемственность кавказских культур.

Но вернемся в прошлое. Карьерное продвижение кавказского дворянства достаточно ожидаемо вызывало в свое время серьезное противодействие российского офицерства и чиновничества – откуда взялись эти самозваные «князья» из инородцев, претендующие теперь на высшие строчки в имперской Табели о рангах? Тот же неприятный вопрос относился, по мнению русской иерархии, и к местным христианским священникам – нередко совсем нищим, но гордым. Вопрос «откуда взялись» на самом деле важный, и ответ на него уходит корнями в далекое византийское и даже античное прошлое. Южный Кавказ, как и гористые Македония и Иллирия на Балканах, служил типично полупериферийным регионом-сателлитом, поставляющим имперскому центру в основном наемных воинов. Горцы ценились уже тогда именно за те маскулинные качества и навыки, что упоминались выше. До прихода на Балканы славян, а также арабов и тюрок на Ближний Восток, т.е. более всего до VI-VII веков н. э., хотя во многом и позже, Кавказ «естественным образом» служил одним из основных демографических резервуаров для пополнения служилых элит Византии [Toumanoff 1971]. Со временем это включило в себя и монашество со священничеством, отчего, к примеру, святым покровителем западноевропейского города Маастрихта оказывается армянин. Едва ли стоит в патриотическом порыве пересчитывать армян и грузин среди византийских

императоров и царедворцов[1]. Да, их много, но они делались греко-римлянами вероятно не менее быстро, чем их далекие потомки становились обрусевшими кавказцами в XIX и XX веках.

Важнее другое. Регулярные миграции на службу за повышением социального положения задали в Закавказье устойчивое воспроизводство элит феодального типа, продолжавшееся даже спустя века после падения Византии (и ранее, Сасанидского Ирана). Армянские элиты уже в позднем Средневековье были в значительной мере выбиты либо вытеснены в купечество и священничество. От северокавказской Алании в итоге остались почти только легендарные воспоминания. Элиты кавказской Албании тюркизировались и исламизировались вместе с Персией, превращаясь в будущих азербайджанцев. Лучше других сохранились в геополитически чуть более защищенном междугорье грузинские (и, вероятно, ставшие грузинскими аланские, армянские, албанские) феодальные элиты, которые и встретили русских одними из первых.

Первые контакты с новой властью шли далеко не гладко и породили среди грузин довольно серьезное сопротивление. Советская историография это отчасти замалчивала, зато постсоветские грузинские историки превратили в высокие проявления национального духа, на сей раз отчасти замалчивая сословную составляющую конфликта. Отношения были урегулированы в 1840-х гг. щедрыми уступками грузинским элитам с прибытием на Кавказ того же графа Воронцова в качестве наместника. Этот особый статус, выбитый себе Воронцовым, давал ему исключительные полномочия и право прямого обращения к царю. Вот почему на возражения чиновников, возмущенных приравниванием грузинских сословий к российским, наместник мог позволить себе знаменитую фразу: «Ежели Государю было угодно водворения на Кавказе закона, то прислал бы «Свод законов Российской империи». Однако он прислал меня» [Rhinelander 1990]. Наряду с Польшей, грузинские земли окажутся окраиной царской империи с исключительно высокой долей дворянства на душу населения, порядка 5-6 процентов [Анчабадзе, Волкова 1990]. Как нередко случается в истории, успешное решение в одном поколении создает проблемы в последующих поколениях. В массе своей местное дворянство разорялось перед новыми вызовами сословного потребления на европейский манер, шло на службу либо искало себе современных профессий путем получения высшего образования.[2]

Трудно не провести от этого причинно-следственную цепочку к возникновению особо многочисленной национальной интеллигенции, а затем и современного революционного движения. Первая в мире страна, где социал-демократы на выборах взяли власть – не Австрия и не Швеция, а

[1] О чем верно и едко предупреждает американский византинист Anthony Kaldellis, *Romanland: Ethnicity and Empire in Byzantium*, в главе «The Armenian Fallacy» (Армянское заблуждение) [Kaldellis 2019].

[2] Социальные коллизии с замечательным юмором показаны в водевиле «Ханума» Авксентия Цагарели (самого вынужденного служить на железной дороге), с громадным успехом поставленном по-русски в 1972 г. выходцем из Тифлиса Георгием Товстоноговым.

«меньшевистская» Грузия 1918 г. [Jones 2005]. Сочетание европейской веры в прогресс, легальный реформизм, и при этом национальной гегемонии, овладевшей в те годы умами крестьянского большинства грузин как раз и обеспечивалось в основном предводительством разорившегося дворянства, перешедшего в национальную интеллигенцию. Более того, какое-то время накануне и в течение 1917 г. грузины преобладали в руководстве меньшевистской фракции всей российской социал-демократии, соперничая в этом с польско-литовскими евреями. Большевики также получили изрядную долю кавказцев в своем руководстве, но то были выходцы из менее статусной интеллигенции, зачастую упорных самоучек крестьянско-ремесленного происхождения, подобно Сталину, Орджоникидзе, Микояну, Нариманову, Лакобе, удивительной судьбы адыгу Мосу Шовгенову и его жене Гошевнай, мученически погибших в Гражданской войне. Несомненно, многие и разные кавказцы очень успешно воспользовались включением своего уголка мира в Российскую империю и, более широко, в современную миросистему.

Обычно игнорируется факт в целом удивительно гладкого включения в состав империи прикаспийского края на юго-востоке Кавказа, впоследствии составившего территорию Азербайджана [Swietochowski 1995]. В отличие от длительной череды упорных столкновений с турками-османами, Россия в нескольких кампаниях начала XIX в. быстро разбила каджарскую Персию и получила себе ряд плодородных, густонаселенных областей со значительным преобладанием мусульман-шиитов, как и в остальном Иране. Приобретенное таким образом многоязыкое население традиционно управлялось персо-тюркскими ханствами, чьи правящие элиты весьма скоро перенесли свою лояльность с давно ослабевшей Персии на проявившую значительную силу Россию. Религиозные отличия при этом создали минимальные трения и проблемы. Традиционные ханские элиты долгой и сложной историей своего края были приучены к такого рода переменчивости в политической ориентации. Российская империя, со своей стороны, накопила большой опыт в интеграции покоренных мусульманских элит (как выражались советские пропагандисты, «феодально-байских пережитков») [Crews 2009].

Проблемы возникнут в конце XIX в. в свази с грандиозным нефтяным бумом в Баку, который в те годы стремительно превращался во второй по значению в мире регион добычи нового сырья, наряду с США [Ергин 2011]. Иностранные капиталы братьев Нобелей и знаменитых Ротшильдов, как и местные предприниматели вроде легендарного Александра Манташева творили чудеса техники, как и ужасы для экологии и социального неравенства. Первый в мире нефтеналивной танкер «Зороастр» появился в Баку, впервые трубопровод связал Апшеронский полуостров с портом Батуми. Капиталистический бум, да еще на колониальной периферии, плодил равно нуворишеские дворцы и пролетарские трущобы. Недаром Баку превращается в центр революционной активности не только Кавказа, но и всей империи. Сталин и Спандарян завоевывают громкие подпольные репутации именно в Баку.

Однако наряду с классовыми, как всегда на колониальной периферии, росли и национальные противоречия [Suny 1972]. Взрывной рост капитализма породил множество новых возможностей для предпринимательства и социальной мобильности – как и еще больших провалов ожиданий и чувств социальной фрустрации. Конкуренция за позиции и социальные ниши в новой городской среде Баку переворачивала вверх тормашками средневековую ближневосточную иерархию, где местные христиане давно находились на подчиненном положении. В такие моменты истории именно подчиненные группы, которым особенно нечего терять, нередко первыми успевают воспользоваться новыми возможностями. Так случилось с евреями Европы с приходом эпохи модерна, с китайскими мигрантами в Таиланд и Малайю XIX-XX вв., греками в Османской империи и палестинскими беженцами среди арабов наших дней [Слезкин 2019]. Городскому ремесленнику или сыну полунищего, но образованного приходского батюшки зачастую оказывалось легче встроиться в социальные лифты новой эпохи, нежели владельцу традиционного богатства в виде земли, скота, ковров. В Баку и вокруг него разные скорости модернизации различных этнических групп порождают жуткую рознь между быстро урбанизирующимися армянами и преимущественно сельскими мусульманами. Всякий раз, когда власть в Российской империи обрушивается в революциях 1905 и 1917 годов, тлеющая рознь вспыхивает в смертоносных погромах и ожесточенных столкновениях. Иногда верх берут более организованные армяне, во многих случаях – численно их превосходящие азербайджанцы. Советская власть, в чьем интернациональном руководстве были как армяне, так и азербайджанцы, смогла загасить конфликт на несколько поколений. Однако он заново вспыхивает в 1988 г. с очередным ослаблением центральной власти и после 1991 г. выливается уже в настоящую войну между двумя теперь уже независимыми национальными государствами [de Waal 2003]. Это все достаточно известно. Куда реже отмечается то, чего не наблюдается – обе стороны не используют религию в качестве определяющей характеристики себя и противника. Ни армяне, ни азербайджанцы не считают себя воинами веры. Конфликт их сугубо националистический, значит современный, относящийся к категории соперничества за государственные и рыночные ресурсы в рамках мир-системы модерна [Валлерстайн 2015/2016].

Северный Кавказ: современные факторы Газавата

Относительно мирное вхождение земель будущего Азербайджана в состав Российской империи дает нам важный исторический контраст для анализа исламистского сопротивления, развернувшегося на Северном Кавказе в XIX веке и вновь вспыхнувшего в самом конце XX века. Как мы видели на примере Азербайджана, дело тут не в исламе как таковом. Если перейти к широкой историко-сравнительной перспективе, то скорее возникает вопрос, почему те или иные течения ислама в одном историческом контексте приводят к повстанчеству, а в другом не приводят? Начинать анализ очевидно надо с повстанчества, а не его религиозной идеологии.

Здесь нам уже никак не обойтись без соотнесения Кавказа со всемирно-историческими сдвигами эпохи модерна, которые затронули наш уголок мира еще до прихода русских. Будьте готовы к неожиданным влияниям и масштабным историческим аналогиям. Казалось бы, где чеченцы, а где ацтеки и майя? Где Дагестан, а где полисная демократия Древней Греции и Рима? Где адыгские народы, и где аравийские бедуины времен пророка Мухаммеда? Однако позвольте в этом разделе кратко изложить мои гипотезы.

Стереотипные представления о Кавказе и кавказцах как пестром скоплении разноязыких племен и свободолюбивых лихих джигитов в черкесках при газырях и кинжалах, следующих ригористическим обычаям гостеприимства и кровной мести, живущим в «бедных саклях» и пасущих отары овец на склонах неприступных гор, если и имели когда-то прообраз в исторической реальности, то это был все-таки Северный Кавказ. Эта географическая зона, ныне в составе Российской Федерации, протянулась от довольно голых скалистых отрогов Дагестана близ Каспия до лесистых гор кавказского Причерноморья. Если в порядке неизбежно упрощающей иллюстрации армян, грузин и азербайджанцев можно сравнить, соответственно, с греками, поляками и румынами Восточной Европы, то горцы Северного Кавказа выглядят скорее сопоставимо с коренными обитателями Сицилии, Корсики и Сардинии, либо гор Албании и марокканского Атласа. Большое Средиземноморье исторически богато на подобные зоны-убежища безгосударственных племен [Бродель 2002].

По инерции, доставшейся от европейского эволюционизма XIX века, племена считаются чем-то первобытным и примитивным. На самом деле социальные структуры горцев Северного Кавказа были подчас удивительно сложны и едва ли имели отношение к первобытности[1]. То были наборы социальных адаптаций к среде, где не могли возникнуть протяженные аграрные империи и административно-торговые города, поскольку не было ни товарных потоков, ни достаточной крестьянской массы для обложения податями. Издавна, вероятно еще с раннего Железного века, в относительной изоляции ущелий Северного Кавказа сложились малые популяции с собственными языками, традиционно управляемые наследственными вождями («князьями») и их дружинами с целыми лестницами сословных рангов. Свободные общинники, однако, составляли большинство населения и пользовались коллективными привилегиями участия в общинных сходках, а также владения землей и оружием, которое могли себе позволить приобрести рядовые крестьяне. Это вполне сопоставимо с сословиями патрициев и плебса в наиболее знакомом нам по письменным источникам раннем республиканском Риме. Аналогичные общинные порядки, судя по более косвенным указаниям, были типичны и для многих кельтских народов древней Европы. Ниже вождей, аристократов и общинников находилось множество зависимых статусных групп, от

[1] См. в интернете теоретически обобщающий труд американских антропологов: Аллен В. Джонсон и Тимоти Эрл, Эволюция человеческих обществ: от добывающей группы к аграрному государству. (В неопубликованной авторской версии, верстка Н.И. Кузнецовой).

крепостных, бессемейных «беглецов» и «сирот» (клиентов в римской иерархии) до домашних рабов и вольноотпущенников. Наряду и побоку от общинной иерархии встречались также категории перманентных «почетных гостей»: как правило укрывавшихся от мести кровников из других племен, проигравших соперничество в своих политиях татарских «султанов», армянских по легендарному происхождению «черкесо-гаев», и т.п.[1] Важно при этом отметить, опять-таки аналогично греко-римской античности, отсутствие профессионального жречества – в отправлении традиционных ритуалов в той или иной мере могли участвовать практически все взрослые члены общества. Как видим, социальные структуры носили раздробленный на локальные сегменты, но при этом сложный иерархический характер.

Ни в коем случае эти общества не были изолированы от остального мира. Они находились на периферии как ранних цивилизаций, так и кочевого мира степей, с которыми регулярно вступали в отношения обмена. Основным «предметом» обмена периферии с центрами древних миросистем служили невольники. Вероятно значительное большинство использовали в качестве рабов на галерах, рудниках и в домохозяйствах, притом свидетельства жестокости рабства порою видны даже археологически, в анализе костных останков[2]. На исламском Востоке в Средние века, однако, «черкесские» невольники (где слово «черкесские» служило товарным брэндом для почти всех кавказцев) широко использовались в элитном потреблении – мальчики становились дворцовой стражей-мамлюками, девочек отправляли в гаремы [Clarence-Smith 2003].

Политическая экономия кавказской работорговли была достаточно проста. Кавказ в целом небогат природными ресурсами. Традиционное земледелие и скотоводство не могло обеспечить воинские элиты крестьянскими рентами в объемах, достаточных для поддержания высокостатусного потребления – прежде всего, приобретения сложного вооружения и боевых коней. Конным воинам оставался простейший выход – захватить в набеге несколько подростков из чужой общины и быстро перепродать их работорговцам в южном Дагестане либо на Черноморском побережье. При этом соотношение рисков с потенциально громадной прибылью было сопоставимо, если не превосходило современную наркоторговлю, которая является опасным, но и выгоднейшим видом нелегального экспорта в сущности продукции растениеводства с мировой периферии.

Подавление кавказской работорговли послужило великолепным предлогом для российского завоевания, в ходе которого крепостническая империя выступала передовой державой наравне и едва не впереди самой Англии. Но в отличие от англичан, над исторической памятью русских довлели века крымских набегов с их ужасом и позором продажи в чужеземные страны.

---

[1] См., например: [Джимов 1986].

[2] *Дробышевский С.* Лекция «Гребцы Боспора – жизнь и смерть на античной галере». Тольятти [Видео файл]. 28.01.2018 // YouTube: сайт. URL: https://www.youtube.com/watch?v=6X4SXoQqiRc&t=332s (дата обращения: 11.03.2019).

В исторических документах упоминается немало случаев, когда солдаты, матросы и казаки сами подбивали командиров атаковать заподозренных работорговцев либо отказывались выдавать беглых с той стороны линии[1]. Это добавляет человеческой сложности кавказским войнам.

Легендарное сочетание широчайшего гостеприимства и бескомпромиссной мстительности, встречаемые среди многих горцев и кочевников мира, на деле выступали двумя сторонами одной и той же медали. Как отмечает американский археолог-теоретик Тимоти Эрл, в безгосударственном обществе жизнь и имущество вождя, как и просто видного человека, обеспечиваются (и то не всегда надежно) двойственной репутацией щедрого надежного друга и непреклонного мстителя [Earle 1997]. Множество такого рода обществ исторически существовало за пределами аграрных империй, в труднодоступных ландшафтах гор, пустынь, лесов. Некоторые сохраняются и по сей день, например, в Афганистане и в горах Юго-восточной Азии, неизменно представляя своей анархичностью, вооруженным и неуловимым характером раздражитель и вызов любым государствам, стремящимся подчинить их себе [Scott 2009]. Однако это не означает утопической «прирожденной» свободы и всеобщего равенства, воображаемых современными анархическими мыслителями и либертарианцами. Закон здесь прост и суров – то, что ты не можешь защитить силой оружия, тебе не принадлежит, будь то даже жизнь и свобода собственной семьи. На сей счет достаточно ознакомиться с историческими сагами скандинавских викингов. Долгое время на Кавказе даже большинству свободных по обычаю общинников было далеко не по средствам эффектное и смертельно эффективное вооружение средневековых всадников. Оставалось скрываться в горных урочищах – как труднодоступных, так и малопродуктивных.

Положение начинает радикально изменяться с проникновением извне двух материальных факторов, в обоих случаях связанных с эпохой модерна. Во-первых, это разнообразные и высокоурожайные сельскохозяйственные растения, впервые одомашненные индейцами Центральной и Южной Америки, попавшие в Европу через испанцев. Дальнейшее распространение новых сельхозкультур слабо документировано. Остается полагаться на этимологию их названий (как, к примеру, итальянское «помодоро» – «золотое яблоко»), и здесь предстоит немало работы для лингвистов-кавказоведов. Чего стоит этимология слов для обозначения кукурузы в различных языках! Сегодня трудно себе представить «традиционное» кавказское застолье без влияний майя, ацтеков и инков: фасоли, красного перца, помидоров, кабачков, подсолнечного масла, картофеля, кукурузы, не говоря уже о мясистой птице с характерными названиями «индо-утка» и «индейка», и, наверное, также табачного дыма под конец.

Кукуруза оказала громадное влияние на численность и расселение народов как в гористом южном Китае, так и в африканской саванне [Global economic… 2019]. Ближе к Кавказу, на Балканах, засухоустойчивая и

[1] Более всего, однако, памятен рассказ К.М. Станюковича «Максимка» [Станюкович 1982].

урожайная кукуруза позволила основать новые села выше в горах, где местное население прежде никогда бы не могло прокормиться пшеницей, ячменем и просом. Именно удаленные «кукурузные» села укрывали от турецких властей повстанцев-гайдуков, а в ходе Второй мировой войны партизан-коммунистов[1]. Нечто похожее должно было происходить на Кавказе, что можно попытаться восстановить по историческим и археологическим источникам, если только поискать последствия кукурузы. Если гипотеза верна, то с начала XVIII в., обнаружится мощный демографический рост, выталкивающий коренные народы на освоение плодородных предгорий. Это неизбежно сопровождалось поземельными конфликтами и спорами по поводу давних прав и привилегий прежних владетелей. Адыгейский историк Буб Мосович Джимов приводил примеры из устной традиции, когда общинники отказывались платить князьям дань с кукурузы, поскольку по обычаю платили только с проса[2].

Здесь вступает в действие второе новшество – ружья и пистолеты[3]. Следом появятся знаменитые черкески с нагрудными газырями (готовыми ружейными зарядами), а также приспособленные именно под огнестрельное оружие облегченные шашки – кавказская импровизация, удачно заменяющая европейский штык в рукопашной после выстрела. Ружья находились в руках по крайней мере некоторых черкесских воинов еще в 1630-х гг. при отражении последнего из великих монгольских нашествий – калмыцкой орды. Те ранние ружья (фитильные аркебузы или пищали) доставлялись вероятно от турок через Крым. Однако уже в следующем XVIII столетии местные мастера Дагестана и Тифлиса научились изготовлять ружья и пистолеты отменного качества и в возрастающих количествах, хотя металлы оставались привозными [Аствацатурян 1996]. (Как пример мир-экономических связей, на Кавказе оказалось в переработке множество гусарских сабель, списанных армией Австрии после Семилетней войны 1756-1763 гг.) Важно отметить, что секрет знаменитой меткости кавказских выстрелов имел технологические предпосылки. Стволы сваривались из сабельных полотен, перевитых на стальном стрежне. Получаемая таким образом нарезка ствола фактически делала его охотничьей винтовкой, а не армейским гладкоствольным мушкетом. В отличие от регулярных армий, компенсировавших невысокую точность мушкетов массой залпового огня, кавказцы привнесли в свою тактику охотничьи навыки скрадывания и единичного, зато меткого выстрела как правило из-за дерева или камня, после чего оставалось либо отойти для существенно более длительной, в сравнении с гладкоствольным мушкетом, перезарядки своих винтовок, либо бросаться в бой с шашкой и кинжалом.

Согласно известной поговорке американского Дикого Запада, «полковник Кольт сделал людей равными». Это как нигде применимо к Кавказу в течение кровавого и славного столетия между серединой XVIII и XIX вв. Массовое

[1] Наблюдения Уильяма МакНила, под конец Второй мировой войны переброшенного на Балканы в качестве американского разведчика для связи с партизанами. (Личное сообщение, Чикаго, ноябрь 1999).
[2] Личное сообщение (Майкоп, март 1989 г.).
[3] См. классическую обобщающая работу: [МакНил 2008].

производство огнестрельного оружия кавказскими мастерами привело к снижению цен до скромного уровня достатка пастухов и крестьян. Дорогая кольчуга и быстрый конь более не спасали аристократов[1]. Последствия для социальной иерархии оказались громадны. Фактически, на Северном Кавказе прокатилась волна крестьянских восстаний, во многих случаях увенчавшихся успехом и приведшим к революционным политическим и идеологическим последствиям.

Возможно, покажется странным уклончивое нежелание советских историков-кавказоведов признать революцией драматические события того периода, которыми народы Северного Кавказа могли бы гордиться. Причиной было вынужденное стремление советских историков подверстать свой материал под единую эволюционную схему общественно-экономических формаций, освященную именами Маркса, Энгельса и самого Сталина. Отсюда бесконечные внутренние дебаты по поводу неуклюжих словосочетаний «горский» или «кочевой» феодализм. Но если концепцию феодализма приходится приспосабливать к неподатливому историческому материалу введением особых прилагательных, то работает ли сама теоретическая схема? Как же быть, если средневековый строй Северного Кавказа не очень похож на «классический» феодализм Франции и даже Киевской Руси? Тем более, если на смену ему приходит общинная демократия, которую по лекалам советской идеологии следовало считать пережитком первобытности? Местные советские кавказоведы, будучи патриотами своих народов, не желали выставить их слишком архаичными. Отсюда же натянутые и туманные предположения о наличии в регионе древних городов и государств.

Выход из теоретического тупика одним из первых предложил дагестанский историк М.А. Агларов, разглядевший совсем иную аналогию во всемирной истории – со становлением античного полиса [Агларов 1988]. Теперь возмущенные сомнения высказывали видные кавказоведы Тбилиси, Москвы и Ленинграда: что общего у дагестанских аулов и их имамов с афинской демократией Клисфена и Перикла?! Однако такой взгляд исходит из традиционно восхищенной переоценки урбанизма и интеллектуального наследия Древней Греции. Афины были важным исключением, правилом же служат скорее вполне сельские общины остальной Эллады и тем более раннего Рима. Здесь скорее работают теоретические модели других классиков, прежде всего Макса Вебера и Уильяма МакНила, указывавших на коренную важность типов вооружения и организации войска для общественного строя [Вебер 2011; МакНил 2004]. Архаичный мир Одиссея, Агамемнона и других героев эпоса Гомера строится вокруг укрепленных цитаделей местных царей, владеющих исключительно дорогими видами бронзового вооружения и колесницами [Finley 2002 (1954)]. Дороговизна вооружения эпохи Бронзы дает неоспоримое преимущество знати. Наступление же в Средиземноморье эпохи железа дало в

[1] О столкновении крестьянской пули с благородной кольчугой сохранились свидетельства в кабардинских сказаниях о восстании Дамалея сер. XVIII в. Личное сообщение Барасби Бгажнокова (Нальчик, август 2004 г.).

руки крестьянам-общинникам не только более эффективные железные орудия труда, но и существенно удешевило оружие. Римский легионер шел в бой с фанерным щитом, копьем и довольно примитивным мечом-гладиусом. Сила республиканского Рима заключалась в гражданской дисциплине и поражающей воображение способности нести порою громадные потери, восполняемые все новыми призывниками [Scheidel 2019; Шайдель 2019]. Римляне могли проигрывать битвы, зато неизменно побеждали в войнах.

Один в поле в самом деле не воин. С распространением на Кавказе огнестрельного оружия возникла острая необходимость в новом идеологическом и социальном оформлении общинной и тем более межобщинной солидарности, возведенной до уровня непререкаемого морального императива [Лапин 2008]. Ради чего и заодно с кем люди идут в смертельный бой? Дагестанцы, вайнахи, адыги обнаружили в исламе не только духовное воодушевление, но и рабочую схему преодоления племенной раздробленности и создания воюющей государственности[1]. Попытаемся в очередной раз заметить вполне очевидное. Ислам единственным среди мировых религий возник на племенной периферии за пределами аграрных империй. Его основоположником был середняк-общинник, возделывавший участок финиковых деревьев, державший немного скота и иногда подрабатывавший караванной «челночной» торговлей [Большаков 2000]. Проповедь Мухаммеда пришлась на эпоху затяжных войн между Византией и Сасанидский Ираном, опустошивших и обескровивших обе империи. Хотя пустынная Аравия не была в них непосредственно вовлечена, по многим признакам этот регион был также отброшен в хаос эпидемиями и катастрофическими колебаниями климата [Коротаев и др. 2007]. Обострению племенной междоусобицы, набегов и кровной мести новый пророк противопоставил всеобщий Божественный закон шариата, требование этического поведения во имя спасения души, плюс жесткую регламентацию коллективного поведения общины уверовавших. В отличие от Будды и тем более Христа, Мухаммеду и в еще большей степени его наследникам-халифам постоянно приходилось решать политические и военные вопросы [Cook 2015 (1994)]. Многое в ритуальных требованиях ислама (пятикратная молитва по часам, отказ от спиртного, решение споров авторитетными кадиями, раздел добычи с учетом нужд общины и бедных, даже побитие камнями как высшая мера коллективного наказания) логично соответствует распорядку внутри подвижной партизанской армии равных. Все это очень пригодится лидерам народного ислама на Северном Кавказе в период подрыва аристократической власти и сопротивления Российской империи.

Ислам охватывает Северный Кавказ исторически недавно, глубоко проникая в массы лишь в XVIII в. Дотоле, как и на многих удаленных окраинах ойкумены, ислам оставался делом скорее княжеским, необходимым и приличествующим во внешних сношениях с империями Ближнего Востока. Простой народ мог еще долго придерживаться традиционных местных

[1] Ценнейший источник: [ал-Карахи 1941].

верований и ритуалов [Zelkina 2000]. И вдруг взрывообразное обращение к мировой религии, причем с упором на ее учение о социальной справедливости и преодоление традиционных адатов отдельных племен единым законом шариата. Трудно не соотнести это духовное явление с распространением ружей среди общинников и вспыхнувшей борьбой за свои права. Формируется и активно растет социальная сеть суфийских проповедников с центром в Дагестане. Большинство из них простого происхождения, порою даже вольноотпущенники, получившие свободу за образцовую религиозность. Селения начинают соперничать за привлечение особо харизматичных и образованных наставников – как некогда греческие полисы стремились ради престижа и воспитания молодежи привлечь видных философов, а в совсем другую эпоху пуританские общины Англии и ее американских колоний приглашали проповедников из Оксфорда либо Гарварда. Здесь я пересказываю известное специалистам и всем интересующимся кавказской историей, однако постараемся пересобрать заново элементы большой картины.

Народный кавказский ислам радикально отличался от официальной имперской религии Османов или Сефевидов своим упором на социальное равенство, отсутствием иерархии и апелляцией к ранним прецедентам времен Мухаммеда, действовавшего в аналогичном контексте племенного общества, восставшего против языческих царей и иноверных империй. В этом кавказские исламисты XVIII и XIX века не уникальны. Напротив, они полноправная часть происходившего в ту пору исторического сдвига исламской военно-религиозной активности из имперских центров Индии, Персии и Османской империи, терпящих унизительные поражения от наступающих колониальных держав Запада. На передний край сопротивления выходит исламская периферия вольных племен. Именно это наблюдается в Алжире в восстании Абдель Кадера, в Санусситкском повстанчестве Ливии, в махдизме Судана, в джихадах Западной Африки и Сомали, в суфийских движениях Индии, Афганистана, Бенгалии и островов Юго-Восточной Азии, и, прежде всего, в религиозном фундаментализме Мухаммеда ибн Абд аль Ваххаба в самой Аравии. Во-многом, это напоминает средневековые народные ереси христианской Европы, однако аналогичные протестные движения в более конфедеративном суннитском исламе не считались отступничеством от канонической церкви за отсутствием таковой [Tuğal 2017]. Отметим на будущее едва ли случайное совпадение географии исламистских движений XIX века и наших дней.

Вот в этот клокочущий котел и вступает Российская империя в своем продвижении через Кавказ в Азию [Hopkirk 1992]. Классовый инстинкт русского генералитета (самих, конечно, дворян) возмущала даже не столько исламская пылкость горцев. С мусульманами русские давно свыклись и готовы были их включить в состав империи, подобно происходившему в то же самое время на землях Азербайджана. Однако в Дагестане, Чечне и Черкессии царский генералитет столкнулся с тем, что им слишком напоминало собственную пугачевщину. Если почитать под этим углом зрения документы тех лет, изумляет, насколько часто к русскому командованию обращаются горские князья с «союзническими» просьбами отрядить солдат с пушками для

внушения взбунтовавшимся селениям «должного почтения» к начальству. С подобных карательных рейдов и начиналась Кавказская война, в итоге оказавшаяся самой длительной военной кампанией в истории Российской империи и политически сопоставимой только с усилиями по подавлению польских восстаний [Гордин 2012].

Не стоит недоучитывать громадный соблазн, который с точки зрения горских воинов представляла прибывшая к ним регулярная армия с ее зачастую неуклюжими крепостными рекрутами, со множеством сабель, боеприпасов, лошадей и прочих трофеев [Гордин 2000]. Трактаты по политической философии, делающие упор на гражданских ценностях древних демократий, нередко упускают, что греко-римский полис, ватаги викингов, торгово-ремесленные городские коммуны развитого Средневековья все были по сути кооперативами вооруженных собственников по взаимной обороне. И все они при случае с готовностью использовали оружие для захвата добычи и пленников. Так завоевания Александра Македонского выросли из древнегреческой демократии, а Римская империя возникла из республики [Андерсон 2007]. Имамат Шамиля за четверть века своего напряженного существования проделал во-многом аналогичную эволюцию, приведшую в выделению элиты профессиональных воинов со своими интересами к стяжанию трофеев и престижа[1].

Следует, конечно, учитывать, что Кавказская война (как и польские восстания) происходила в мировом контексте длительного соперничества Российской империи с Великобританией, индустриальной и колониальной державой-гегемоном XIX века[2]. Для советских историков это составляло особый камень преткновения. Однако не следует преувеличивать эффективность британского фактора, тем более излишне яркую роль британских и прочих искателей приключений, вроде Дэвида Уркварта, в возрасте 21 года претендовавшего возглавить сопротивление Черкессии под флагом собственного изобретения (ныне официальный флаг Республики Адыгея) и впоследствии прославившегося в основном популярными книгами [Ascherson 1995]. Имам Шамиль всегда оставался хозяином самому себе и проницательным политиком, чему главным свидетельством его фактический нейтралитет в Крымской войне.

Здесь мы вступаем на политическое «минное поле» уже наших дней, возникшее с возобновлением исламистских движений и острого соперничества России с Турцией и странами Запада. Фигура имама Шамиля кажется противоречивой лишь в ретроспективе изменчивых политических идеологий наших дней, которые не учитывают сложной динамики той эпохи [Ливен А. 2019]. Основной парадокс завершения Кавказской войны заключается именно в

---

[1] Эту гипотезу выдвинул еще в 1930-х, но не смог опубликовать при жизни, советский кавказовед Н.И. Покровский: [Покровский 2000].

[2] *Ливен Д.* Российская империя и ее враги с XVI века до наших дней [Ливен Д. 2007]. Монография серьезного британского историка в оригинале носила менее провокационное название Russian Empire and Its Rivals (Yale University Press, 2002) – «Российская империя и ее соперники».

успехе усилий Шамиля по созданию военно-государственных структур теократии и ее правящей элиты.

Если генерал Ермолов в 1820-х не находил среди горских общин «договороспособных» с его точки зрения предводителей, наместник Воронцов в 1840-х только создавал своими «ласково» цивилизующими мерами из туземного дворянства партнеров по управлению Кавказом, то у князя Барятинского в конце 1850-х в сравнении с предшественниками было два громадных новых преимущества. Прежде всего, численно выросшая армия, при этом качественно перевооружавшаяся после Крымской войны, в том числе при личном содействии американского оружейника Сэма Кольта [Bradley 1990]. Кавказские умельцы могли вручную изготовлять однозарядные ружья, но не многозарядные пистолеты и винтовки системы бельгийцев Бердана и братьев Наган, а тем более горные пушки, требовавшие индустриальной металлообработки. Это коренное изменение в балансе сил обычно упускают историки и публицисты, расплывчато ссылающиеся на усталость горцев после стольких лет войны. Очевидно Шамиль, отнюдь не только религиозный мистик, знал и понимал достаточно, чтобы реалистично оценивать как международную обстановку, так и резко ухудшившиеся перспективы продолжения вооруженной борьбы. Он капитулировал в момент, когда еще мог добиться почетных условий для себя и своих подчиненных, многие из которых, по крайней мере в Дагестане, перешли на русскую службу фактически с сохранением должностей.

Иначе обстояли дела в Чечне и тем более в Причерноморской Черкесии, в удалении от центров имамата, где влияние Шамиля было в лучшем случае опосредованным. Там победа русского оружия произвела эсхатологическую панику на грани ожидания конца света, насильственного обращения в христианство и депортации в Сибирь. Русское командование не могло или не особо желало предотвратить панику, вероятно решив, что исход нелояльных горцев в Турцию облегчит управление новоприобретенными территориями. Оценочно, в начале 1860-х гг. на Черноморское побережье устремилось до миллиона беженцев-мухаджиров (арабское слово, восходящее к хиджре пророка Мухаммеда и его первых последователей, вынужденных временно покинуть Мекку). Сколь-нибудь надежных подсчетов вестись не могло, и некому было подсчитывать людские потери от болезней и крушений перегруженных лодок, на которых мухаджиры переправлялись в турецкие земли через нередко штормовое море. Те переселенцы конца Кавказской войны положили начало черкесской диаспоре, по разным оценкам насчитывающей сегодня от двух до пяти миллионов человек, разбросанных по Балканам, Сирии, Иордании и в основном Турции.

В наши дни радикальная часть черкесских активистов требует признания тех трагических событий геноцидом[1]. Это означает перенос в прошлое правовой категории, описывающей организованные массовые убийства по этническому признаку, ставшие организационно осуществимыми в период двух

[1] В западной литературе прямые обвинения сформулированы английским журналистом и американским публицистом-любителем [Bullough 2010; Richmond 2013].

мировых войн XX века. Систематическая реконструкция событий и мотиваций середины XIX в. остается задачей для профессиональных историков. Тем не менее, общая картина выглядит достаточно знакомой при соотнесении с мировой перспективой. Крупнейший британский социолог Майкл Манн в исследовании «этнических чисток» всех времен относит выселение горцев Северного Кавказа к категории колониальных кампаний тотального подавления коренных народов, подобно изгнанию в резервации индейцев США либо народности Гереро в германской Юго-западной Африке (Намибии) [Манн 2016][1]. Подчеркну, что эту оценку никак не опровергает факт участия черкесских полувоенных отрядов в геноцидах последних лет Османской империи, направленных против христианских меньшинств армян, греков и ассирийцев [Reynolds 2011]. В эпохи крушения империй жертвы и убийцы могут меняться местами, что множит страдания, но ничего не меняет в наших оценках.

Крушение империй

Современные дискуссии о колониальном характере российского завоевания Кавказа, если преодолеть эмоционально-политическую нагрузку терминов, получают довольно простое разрешение. Российская империя была настолько же способна преследовать колониальные коммерческие цели, насколько ее абсолютистская организация дозволяла развитие капитализма. Очевидно, соотношение менялось со временем. Персидский поход Петра I стремился к достижению выгод от неравноправной торговли с Востоком целиком в подражание голландским образцам. Столетием спустя, проект торговой «Кавказской компании» Грибоедова оставался либеральной утопией передового англофила, пытавшегося реформировать империю с окраин [Эйдельман 1990]. Однако среди модернизационных реформ 1860-70-х гг. становится более реальным колониализм по образцам Англии и Франции, которые изучались русским командованием на Кавказе. В отсутствие очевидной сырьевой монокультуры (подобно хлопку для Туркестана) и до развития нефтепромыслов Баку и Грозного ближе к концу XIX в., переселенческое фермерство выступало основной формой колонизации Кавказа. Ориентированное на рынок коммерческое фермерство, как, например, выращивание зерна, чая и табака, было призвано покрыть казенные расходы на управление, оборону, развитие образования и транспорта. Другое дело, что эта цель так и осталась недостижимой для царского правительства несмотря на массовое переселение русских (в том числе принудительное, как в случае молокан и духоборов), прием беженцев (в основном армян и греков) и, позднее, широкое привлечение более «европейских» немцев, поляков, молдаван, эстонцев. В целом, Кавказ оставался убыточной колонией.

Впрочем, не все выгоды государства измеряемы деньгами. Крупнейшей группой поселенцев на Северном Кавказе становятся казаки, обязанные платить за царскую щедрость военной службой. В наши дни, как и в прошлом, эта

[1] См. особенно с. 202-205.

особая категория поселенцев-колонистов окутана романтической мифологией. Исторические энтузиасты казачества относят его возникновение едва не к археологическим свидетельствам материальной культуры славянских типов в степях домонгольского периода. Это распространенная тенденция к безоглядному удревлению предков. Казачество становится возможным лишь с середины XVI в. с распространением все того же ручного огнестрельного оружия, давшего возможность противостоять кочевой коннице [McNeill 1964]. Аналогичные группы вооруженных простолюдинов, ушедших в вольное пограничье, возникают примерно в те же времена на расширяющихся внешних пределах европейской экспансии, хотя самым ранним прототипом несомненно послужили восставшие чешские крестьяне-табориты 1410-1420-х гг. во главе с Яном Жижкой, выдающимся народным полководцем, изобретшим тактику противостояния кавалерии посредством огненного боя и подвижных боевых повозок (табора) [Мацек 1954]. К той же категории можно отнести балканское гайдучество, австрийских пограничников-гренцеров, бразильских бандейрантес, южно-африканских буров, создавших республики Оранжевая и Трансвааль. Недаром Лев Толстой, восхищенный бурами, называл их «Заваальским казачеством» [Давидсон, Филатова 2010].

История казачества во многом отражает историю становления современной государственности в России. Европейские монархии раннего Нового времени в своих бесконечных войнах стремились использовать в качестве наемников различные негосударственные формирования (на Западе известные как морские и сухопутные приватиры). Но с завершением военных кампаний заканчивалось и финансирование такого рода союзников, которые нередко переходили к самостоятельным набегам либо, в виде вооруженной забастовки, поднимали порою мощные восстания, в которые могли вливаться и крестьянские повстанцы [Khodarkovsky 1994]. То, что советская историография, следуя Ф. Энгельсу, называла крестьянскими войнами на деле были именно казачье-крестьянскими восстаниями под предводительством Болотникова, Разина, Пугачева. В последнем случае правительство Екатерины II нашло в регулярной армии достаточную силу для жесткого и глубокого переформирования казачества, превращенного в особое сословие фактически государственных крестьян, однако же подчиненных военному ведомству через назначаемых кадровых офицеров-дворян [Kollmann 2017]. Основной повинностью данного сословия была военная служба на окраинах расширяющейся империи, где казакам и переводимым в казачье сословие крестьянам выделались земли для освоения – с позиций самодержавия екатерининского образца, весьма удачное организационное решение.

Большинство некогда удачных решений со временем накапливают собственные противоречия. Казачья публицистика, возникающая на рубеже XIX-XX вв. с распространением грамотности и газет, сегодня может нас удивить постоянными жалобами на хозяйственное «оскудение» и падение престижа службы. Это очевидно связано с использованием казачьих подразделений для подавления стачек и прочих протестных выступлений, что низводило сословие военных героев до полицейских и карательных функций.

Особенно трагично это проявляется в годы Гражданской войны, когда белогвардейское командование постоянно пеняло казакам на их нежелание воевать за пределами казачьих областей якобы из недостатка «патриотической гражданственности». Причины, которым практически не уделено внимания историков, на деле могли быть ровно противоположными. Кубанский мемуарист-эмигрант приводит показательный обмен репликами во время парада в Екатеринодаре летом 1918 г. На возглас деникинского офицера «Казаки-молодцы!» казачий атаман пробурчал: «Триста лет как молодцы. Хорошо бы стать и гражданами» [Скобцов 1962]. Как известно, контрразведка генерала А. Деникина сочла необходимым подавить казачий автономизм вплоть до убийств его лидеров.

Еще более мощным источником казачьего недовольства служила, как ни парадоксально, нехватка земельных угодий. Причина кроется в демографической динамике предреволюционных десятилетий бурного развития фермерского капитализма на Северном Кавказе. О размахе можно судить всего по двум цифрам. В 1864 г. при переводе на мирное положение Кубанской войсковой области ее население оценивалось в 150 тыс., а к 1913 г. достигало уже полутора миллиона человек – десятикратный прирост за полвека! Значительную часть прироста составляли «иногородние» мигранты, в массе своей безземельные крестьяне-арендаторы, устремившиеся на Кавказ после отмены крепостного права [Ратушняк 1989]. Соперничество за земли и рыночные возможности вылилось, как выразился в своем духе местный большевистский комментатор, в «дичайшую классовую борьбу» [Ладоха 1923]. Как видим, и «американский», фермерский путь развития капитализма в контексте сословных привилегий старого режима оказался чреват ненавистью и насильственным взрывом. Во-многом это и позволило большевикам победить в Гражданской войне, непосредственно выросшей из массового индустриального насилия Первой мировой [Holquist 2002]. Эта часть истории Кавказа остается как актуальной, так и весьма слабо проясненной.

Более того, сословные и в основе своей земельные конфликты на Кавказе как правило приобретали этническую составляющую. После десятилетий советской модернизации аграрная основа конфликтов обычно забыта либо становится малопонятной, но от тех лет в коллективной памяти сохраняются стереотипы этнического противостояния. Приведу в порядке иллюстрации лишь одну из множества подобных историй, почерпнутую из давно опубликованных документов [Документы и материалы… 1955]. Некий князь, щедро тративший с друзьями время и деньги в духанах городка Гори, в конце 1905 г. отправляется в свое некогда родовое село собрать долги с крестьян, плативших еще его предкам со времен отмены крепостного права полвеком ранее. Крестьяне дерзко отказываются платить, ссылаясь на революцию, охватившую империю. Взбешенный князь ногайкой ударил пожилую женщину, после чего ему на голову накинули бурку и поколотили. В горийском управлении полиции князю отказывают в помощи по причине Русско-японской войны и той же революции. Князь тогда вооружается сам и со своими друзьями отправляется поквитаться в оскорбившее его село, что на сей раз оборачивается

перестрелкой с жертвами. Лишь два года спустя жандармам удается схватить кого-то из крестьян и отправить на каторгу, откуда те в 1917 г. возвращаются (удивительно ли?) убежденными большевиками. Теперь раскроем этнический фон конфликта – крестьяне были осетинами, в то время как князь, конечно, грузин. Конфликт разгорится вскоре с куда большей силой, на сей раз между осетинскими партизанами и войсками меньшевистской (т.е. социал-демократической!) Грузии, официально стремившейся провести прогрессивную аграрную реформу [Квинитадзе 1985].

Жестокость Гражданской войны до сих пор не нашла полного научного объяснения. Потрясает количество жертв: январь 1918 г., на станции Шамхор азербайджанские ополченцы убивают до 10 тыс. солдат бывшей императорской армии в попытках завладеть их оружием; в марте того же года отряды Бакинской коммуны и армянские дружины в ходе зачистки мусульманских пригородов убивают от трех до дести тысяч человек; в то же самое время «красные» отряды Екатеринодара подвергают артиллерийским обстрелам адыгейские аулы в попытке отобрать оружие у «контрреволюционных азиатов»; несколько месяцев спустя белогвардейские формирования генерала Деникина, взявшие Майкоп, в первые же дни казнят до восьми тысяч пленных [Kazemzadeh 1951].

Несомненно, эта тема остается актуальной, но не ради вынесения приговоров задним числом или сведения счетов. Именно из личного и организационного опыта Гражданской войны, когда даже периферийные стычки зачастую перерастали в погромы и резню с многотысячными жертвами, формируются кадры и структуры советского государства сталинского образца. Там же – но едва ли глубже в истории – находятся подлинные корни межнациональных конфликтов, которые вновь разгорятся после крушения СССР в 1991 г. [Suny 1993]. В конечном счете, однако, большевики приносят на Кавказ не просто террор ради власти и победы над своими многочисленными «классовыми» врагами. СССР стал едва не первой в истории диктатурой ускоренного развития, чьи успехи несомненны – как несомненна и необходимость их тщательной критичной переоценки. В мире XXI века, полном этнических и расовых столкновений, сохраняется также и актуальность исследования во-многом уникального модернизационного эксперимента по подтягиванию и встраиванию многочисленных наций в атомно-космическую сверхдержаву [Martin 2001]. Кавказоведению предстоит заново осваивать громадные пласты истории.

Заключение: К актуальной программе кавказоведения

За пределами данного очерка остаются советская военно-индустриальная модернизация и последовавший за ее крахом период интенсивной, остро конфликтной национализации государственных образований Кавказа[1]. Это самостоятельные громадные темы, к научному изучению которых нам неизбежно придется возвращаться раз за разом.

[1] См. [Дерлугьян 2010], а также статьи: [Дерлугьян 2016; Дерлугьян 2017].

Научное изучение Кавказа, несомненно в систематическом соотнесении с другими регионами мира, далеко не исчерпывается политической злободневностью. Нам достался поразительно много- и своеобразный полигон для исследования языков, этнических культур и религий, миграций и условий сохранения автохтонности. Главной задачей данного очерка было указать направления для дальнейшего поиска, который начинается со способности замечать с удивлением вроде бы обыденное либо известное и многократно описанное.

Однако остается еще нечто важное, что профессиональные ученые оставляют обычно за скобками, во многом из справедливого опасения быть втянутыми в различные «войны памяти» [Политика памяти… 2020; Шнирельман 2003]. Многие кавказоведы также сами кавказцы, которым не к лицу притворяться беспристрастными внешними наблюдателями. Честнее и эффективнее в плане эпистемологии науки подвергнуть себя и свои занятия критической рефлексии, отвечая, например, на вопросы, почему и для кого мы занимаемся той или иной проблематикой. В этой области основные достижения принадлежат сегодня постмодернистскому литературоведению, чей образный, философско-насыщенный язык, тем не менее, не стоит воспринимать непреодолимым [Тлостанова 2020]. Позвольте и мне такую попытку с привнесением личного опыта.

Когда в середине 1990-х я был принят на работу доцентом одного из американских университетов, среди множества формуляров для заполнения оказался вопросник медицинской страховки, просивший по возможности перечислить причины смертей моих старших родственников в XX веке. Впервые пришло осознание, что в прошедшем столетии от старости как таковой не умер почти никто из мужчин со стороны моего отца, потомков армянских беженцев из оставшегося в Турции города Артвина, так и в семье моей мамы, кубанской казачки. Революция, голод, выселение, коллективизация, репрессии, оккупация, плен, павшие в боях… А вот вдовы жили очень долго, воспитывая нас, хотя почти никогда не вспоминали ничего из происходившего с ними с 1914 по 1945 годы.

Впрочем, одну историю мне все-таки удалось реконструировать из обрывочных воспоминаний бабушек. Преподобный Тер-Карапет Дерлугьян, дядя моего деда, служил в Артвине церковным вардапетом (архимандритом). Почитаем он был как за мудрость и немалую личную храбрость, проявленную в спасении артвинских беженцев в Первой мировой войне, так и за европейскую образованность, приобретенную в армянской семинарии в Венеции и университетах Болоньи и Вены. Живя по сути в глуши, высоко в горах над Батуми, вардапет Дерлугьян читал много книг и с удовольствием принимал у себя начитанных людей. Среди них многие были революционерами, скрывавшимися и от турецкой, и от русской полиции. Один из таких гостей позднее называл себя Сталин. В 1920-х, уже в Краснодаре, когда местный ревком закрыл было армянскую церковь, вардапет отправился в Москву и привез фотографию, изображавшего его мирно сидящим на садовой скамейке рядом с самим Вождем. Церковь и национальная школа тогда устояли, однако

их все-таки закрыли уже в 1937 г. На сей раз поехавший в Москву вардапет оказался в уральской тюрьме, но удивительным образом вернулся спустя всего два года, хотя и совсем больным. Многие тогда качали головами: «Зачем спас этого черта Сталина?» На что вардапет отвечал со смиренной улыбкой: «Человеческое дело спасать всех, кто в беде. А кого спасать, решаем не мы, но только Он, на небе».

Когда я пишу о советском периоде истории, меня не покидает дилемма спасения будущего Сталина. Найдем ли мы ответ с высоты сегодняшних знаний?

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Агларов 1988 – *Агларов М.А.* Сельская община в Нагорном Дагестане в XVII – начале XIX в. – М.: Наука, 1988. – 236 с.

Алексеев, Сырейщикова 2009 – *Алексеев И.Л., Сырейщикова А.А.* Некоторые тенденции изучения наследия Ибн Халдуна в современной историографии // Вестник РГГУ. Серия "Востоковедение. Африканистика". – 2009. – № 13. – С. 195-218.

Ал-Карахи 1941 – *Ал-Карахи М.Т.* Хроника Мухаммеда Тахира ал-Карахи: о дагестанских войнах в период Шамиля / Пер. с араб. А.М. Барабанова; предисл. акад. И.Ю. Крачковского. – Москва, Ленинград: Изд-во Академии наук СССР, 1941. – 336 с.

Андерсон 2007 – *Андерсон П.* Переходы от Античности к феодализму / Пер. с анг., под ред. Д.Е. Фурмана. – М.: Издательский дом «Территория будущего», 2007. – 288 с.

Анчабадзе, Волкова 1990 – *Анчабадзе Ю.Д., Волкова Н.Г.* Старый Тбилиси. Город и горожане в XIX веке. – М.: Наука, 1990. – 269 с.

Аствацатурян 1996 – *Аствацатурян Э.Г.* Оружие народов Кавказа. – Нальчик: Эль-Фа, 1996. – 191 с.

Большаков 2000 – *Большаков О.Г.* История Халифата. Т. I. Ислам в Аравии, 570-633 гг. 2-е изд. – М.: «Восточная литература», 2000. – 312 с.

Бродель 2002 – *Бродель Ф.* Средиземноморье и средиземноморский мир в эпоху Филиппа II. Часть 1. Роль среды / Пер. с фр. Марк Юсим. – М.: Языки славянской культуры, 2002. – 496 с.

Валлерстайн 2015/2016 – *Валлерстайн И.* Мир-система Модерна: в 4 томах / Пер. с англ. и ред. Н. Проценко, А. Черняева. – М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2015/2016.

Вебер 2011 – *Вебер М.* Феодализм, «сословное государство» и патримониализм / Пер. с нем. и комментарии А.Ю. Антоновского // Ойкумена. – 2011. – № 8. – С. 225-255.

Волков 2002 – *Волков В.* Силовое предпринимательство в России. – СПб.: «Летний сад», 2002. – 282 с.

Гордин 2000 – *Гордин Я.А.* Кавказ: земля и кровь. – СПб.: «Звезда», 2000. – 465 с.

Гордин 2012 – *Гордин Я.А.* Алексей Ермолов. Солдат и его империя: в 2 т. – СПб.: Вита Нова, 2012. – Т. 1. – 654 с.; – Т. 2. – 588 с.

Давидсон, Филатова 2010 – *Давидсон А.Б., Филатова И.И.* Россия и Южная Африка: Три века связей. – М.: Издат. дом ГУ-ВШЭ, 2010. – 330 с.

Дерлугьян 2010 – *Дерлугьян Г.М.* Адепт Бурдье на Кавказе: опыт миросистемной биографии. – М.: Территория будущего, 2010. – 558 с.

Дерлугьян 2016 – *Дерлугьян Г.М.* Исламизм и новый распад империй // Государство, религия, церковь. – 2016. – № 2. – С. 357-372. (Спецномер «Религия и общество на Кавказе»).

Дерлугьян 2017 – *Дерлугьян Г.М.* Советская революция, 1905-1945: Тезисы к первому столетию // Неприкосновенный запас. – 2017. – № 6. – С. 60-80.

Джимов 1986 – *Джимов Б.М.* Социально-экономическое и политическое положение адыгов в XIX в. – Майкоп: Краснодарское книжное издательство: Адыгейское отделение, 1986. – 189 с.

Документы и материалы… 1955 – *Документы и материалы* к годовщине Первой русской революции в Юго-Осетии. – Сталинири: Госполитиздат, 1955.

Ергин 2011 – *Ергин Д.* Добыча: Всемирная история борьбы за нефть, деньги и власть. – М.: Альпина Паблишер, 2011. – 943 с.

Квинитазде 1985 – *Квинитазде Г.И.* Мои воспоминания в годы независимости Грузии, 1917-1921. – Paris: YMCA-press, 1985. – 471 с.

Коротаев и др. 2007 – *Коротаев А.В., Клименко В.В., Прусаков Д.Б.* Возникновение ислама: Социально-экологический и политико-антропологический контекст. – М.: ОГИ, 2007. – 109 с.

Кочевые империи… 2019 – *Кочевые империи* Евразии: особенности исторической динамики / Отв. ред. Б.В. Базаров, Н.Н. Крадин. – М.: Наука – Вост. лит., 2019. – 503 с.

Ладоха 1923 – *Ладоха Г.* Очерки гражданской борьбы на Кубани. – Краснодар: «Буревестник», 1923. – 122 с.

Лапин 2008 – *Лапин* В.В. Армия России в Кавказской войне XVIII-XIX вв. – СПб.: «Европейский дом», 2008. – 396 с.

Ливен А. 2019 – Ливен А. Чечня: Трагедия российской мощи / Пер. Н. Проценко. – М.: Изд-во Университета Дмитрия Пожарского, 2019. – 560 с.

Ливен Д. 2007 – *Ливен Д.* Российская империя и ее враги с XVI века до наших дней / Пер. с англ. А. Козлика, А. Платонова. – М.: Изд-во «Европа», 2007. – 678 с.

МакНил 2004 – *МакНил У.* Восхождение Запада. История человеческого сообщества. Пер. с англ. – Киев: Ника-Центр; М.: Старклайт, 2004. – 1064 с.

МакНил 2008 – *МакНил У.* В погоне за мощью. Технология, вооруженная сила и общество в XI-XX веках / Перевод с англ. полковника Т. Оганесяна, науч. ред. С.А. Нефедова. – М.: Территория будущего, 2008. – 454 с.

Манн 2016 – *Манн М.* Темная сторона демократии: объяснение этнических чисток. – М.: Пятый Рим, 2016. – 928 с.

Мацек 1954 – *Мацек Й.* Гуситское революционное движение. Пер. с чеш. – М.: Изд-во иностр. лит-ры, 1954. – 226 с.

Микульский 1998 – *Микульский Д.В.* Арабский Геродот / Отв. редактор Л.Ю. Сергиенко. – М.: Алетейа, 1998. – 229 с.

Покровский 2000 – *Покровский Н.И.* Кавказские войны и имамат Шамиля. – М.: РОССПЭН, 2000. – 584 с.

Политика памяти… 2020 – *Политика памяти* в современной России и странах Восточной Европы. Акторы, институты, нарративы / Под ред. А.И. Миллера и Д.В. Ефременко. – СПб.: Издательство Европейского университета, 2020. – 632 с.

Ратушняк 1989 – *Ратушняк В.Н.* Сельскохозяйственное производство Северного Кавказа в конце XIX – начале XX века. – Ростов-на-Дону: Изд-во Ростовского университета, 1989. – 251 с.

Скобцов 1962 – *Скобцов Д.* Три года революции и гражданской войны на Кубани. – Париж: б/изд., 1962. – 366 с.

Слезкин 2019 – *Слезкин Ю.* Эра Меркурия: Евреи в современном мире. – М.: Издательство: Corpus, 2019. – 512 с.

Станюкович 1982 – *Станюкович К.М.* Максимка. – М.: Советская Россия, 1982. – 38 с.

Субботники 1901 – *Субботники* (секта) // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. – Санкт-Петербург: Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон, 1890-1907. – Т. 31а: Статика – Судоустройство. – СПб.: Типография Акц. Общ. «Издательское дело», Брокгауз-Ефрон, 1901. – С. 874-875.

Тлостанова 2020 – *Тлостанова М.* Постколониальный удел и деколониальный выбор: постсоциалистическая медиация // Новое литературное обозрение. – 2020. – № 1(161). – С. 66-84.

Хайдаров 2018 – *Хайдаров Т.Ф.* Эпоха «Черной смерти» в Золотой Орде и прилегающих регионах (конец XIII – первая половина XV вв.). – Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2018. – 303 с.

Цуциев 2007 – *Цуциев А.А.* Атлас этнополитической истории Кавказа. – М.: Издательство «Европа», 2007. – 127 с.

Шайдель 2019 – *Шайдель В.* Великий уравнитель: насилие и история неравенства от каменного века до XXI столетия. – М.: АСТ, 2019. – 768 с.

Шнирельман 2003 – *Шнирельман В.А.* Войны памяти: мифы, идентичность и политика в Закавказье. – М.: Академкнига, 2003. – 591 с.

Эйдельман 1990 – *Эйдельман Н.Я.* «Быть может за хребтом Кавказа...» (Русская литература и общественная мысль первой половины XIX в. Кавказский контекст). – М.: Изд-во «Наука», 1990. – 316 с.

Ascherson 1995 – *Ascherson N.* Black Sea. – London: Jonathan Cape, 1995 – 306 p.

Baddeley 1908 – *Baddeley J.F.* The Russian Conquest of the Caucasus – London, New York, Bombay, Calcutta: Longmans, Green and Co., 1908 – IX, 518 p.

Beckwith 2009 – *Beckwith C.* Empires of the Silk Road: A History of Central Eurasia from the Bronze Age. – Princeton, N.J.: Princeton University Press, 2009. – XV, 472 p.

Bradley 1990 – *Bradley J.* Guns for the Tsar: American Technology and the Small Arms Industry in Nineteenth-Century Russia. – DeKalb: Northern Illinois University Press, 1990. – XI, 274 p.

Bullough 2010 – *Bullough O.* Let Our Fame Be Great: Journeys Among the Defiant People of the Caucasus. – New York: Basic Books, 2010. – 496 p.

Caucasus Paradigms… 2007 – *Caucasus Paradigms*: Anthropologies, Histories, and the Making of a World Area. Ed. Bruce Grant and Lale Yalçin-Heckmann. Halle Studies in the Anthropology of Eurasia. No. 13. – Münster: LIT Verlag, 2007. – 309 p.

Clarence-Smith 2003 – *Clarence-Smith W.G.* Islam and the Abolition of Slavery. – New York, NY: Oxford University Press, 2006. – XXVI, 293 p.

Cook 2015 (1994) – *Cook M.* Ancient Religions, Modern Politics: Islamic Case in Comparative Perspective. – Princeton: Princeton University Press, 2015. – XX, 541 p.

Crews 2009 – *Crews R.D.* For Prophet and the Tsar: Islam and Empires in Russia and Central Asia. – Cambridge, MA: Harvard University Press, 2009. – VIII, 463 p.

Darwin 2007 – *Darwin J.* After Tamerlane. The Global History of Empire. – London: Allen Lane, 2007. – 592 p.

de Waal 2003 – *de Waal T.* Black Garden: Armenia and Azerbaijan through Peace and War. – New York: NYU Press, 2003. – XIII, 337 p.

de Waal 2010 – *de Waal T.* The Caucasus: An Introduction. – New York: Oxford University Press, 20107 – 272 p.

Earle 1997 – *Earle T.* How Chiefs Come to Power: The Political Economy in Prehistory. – Stanford: Stanford University Press, 1997. – 270 p.

Finkel 2014 – *Finkel I.* The Ark Before Noah: Decoding the Story of the Flood. – London: Hodder & Stoughton, 2014. – 352 p.

Finley 2002 (1954) – *Finley M.I.* The World of Odysseus. – New York: NYRB Classics, 2002. – 232 p.

Gambetta 1996 – *Gambetta D.* The Sicilian Mafia: The Business of Private Protection. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1993. – 335 p.

Gammer 2006 – *Gammer M.* The Lone Wolf and the Bear: Three Centuries of Chechen Defiance of Russian Rule. – Pittsburgh, Pa.: Univ. of Pittsburgh press, cop. 2006. – XVIII, 252 p.

Global economic… 2019 – *Global economic* history / Tirthankar Roy and Giorgio Riello (eds.). – London: Bloomsbury Academic, 2019. – VII, 370 p.

Gould 2016 – *Gould R.* Writers and Rebels: The Literature of Insurgency in the Caucasus. – New Haven: Yale University Press, 2016. – IX, 336 p.

Herlihy 1991 – *Herlihy P.* Odessa: A History, 1794-1914. – Cambridge, MA: Harvard University Press, 1986. – XVIII, 411 p.

Holquist 2002 – *Holquist P.* Making War, Forging Revolution: Russia's Continuum of Crisis, 1914-1921. – Cambridge, MA: Harvard University Press, 2002. – IX, 359 p.

Hopkirk 1992 – *Hopkirk P.* The Great Game: The Struggle for Empire in Central Asia. – London: Kodansha International, 1992. – XXIV, 565 p.

Jones 2005 – *Jones S.F.* Socialism in Georgian Colors: The European Road to Social Democracy, 1883–1917. – Cambridge, MA: Harvard University Press, 2005. – XIV, 384 p.

Kaldellis 2019 – *Kaldellis A.* Romanland: Ethnicity and Empire in Byzantium. – Cambridge, MA: Harvard University Press, 2019. – 392 p.

Kazemzadeh 1951 – *Kazemzadeh F.* The Struggle for Transcaucasia, 1917-1921. – New York: Philosophical Library, 1951. – XIII, 356 p.

Khodarkovsky 1992 – *Khodarkovsky M.* Where two worlds met: The Russian state and the Kalmyk nomads, 1600-1771. – Ithaca; London: Cornell University Press, 1992. – XII, 278 p.

Khodarkovsky 1994 – *Khodarkovsky M.* The Stepan Razin Uprising: Was It a "Peasant War"? // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. – 1994. – Vol. 42. – No. 1. – P. 1-19.

King 2008 – *King Ch.* The Ghost of Freedom: A History of the Caucasus. – New York: Oxford University Press, 2008. – XVIII, 291 p.

Kollmann 2017 – *Kollmann N.S.* The Russian Empire 1450–1801. New York: Oxford University Press, 2017. – XII, 497 p.

Kotkin 2007 – *Kotkin S.* Mongol Commonwealth? Exchange and Governance across the Post-Mongol Space. – Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History. – June 2007. – Volume 8. – No. 3. – P. 487-531.

Mars, Altman 1983 – *Mars G. and Altman Y.* The Cultural Bases of Soviet Georgia's Second Economy // Soviet Studies. – October 1983. – Vol. XXXV. – No. 4. – P. 546-560.

Martin 2001 – *Martin T.* The Affirmative Action Empire. Nations and Nationalism in the Soviet Union. Ithaca, NY: Cornell University Press, 2001. – XIII, 496 p.

McNeill 1964 – *McNeill W.H.* Europe's Steppe Frontier, 1500–1800. – Chicago: University of Chicago Press, 1964. – 252 p.

Osinsky 2019 – *Osinsky P.I.* The Nomadic Empires as State Formations // Евразийство и мир. – 2019. – No1. – P. 42-57.

Pelkmans 2006 – *Pelkmans M.* Defending the Border: Identity, Religion, and Modernity in the Republic of Georgia. – Ithaca, NY: Cornell University Press, 2006. – XVI, 240 p.

Politkpvskaya 2003 – *Politkovskaya A.* A Small Corner of Hell: Dispatches from Chechnya / trans. Alexander Burry and Tatiana Tulchinsky; with an introduction by Georgi Derluguian. – Chicago; London: Univ. of Chicago press, 2003. – VI, 224 p.

Preiser-Kapeller 2019 – *Preiser-Kapeller J.* «Small Kingdoms in a Big World: Patterns of Power in Early medieval South Armenia» // Power in Landscape. Geographic and Digital Approaches on Historical Research / ed. Mihailo St. Popovićet al. – Leipzig: Eudora Verlag, 2019. – P. 107-119.

Reynolds 2011 – *Reynolds M.A.* Shattering Empires: The Clash and Collapse of the Ottoman and Russian Empires, 1908-1918. – New York: Cambridge University Press, 2011 – XIV, 303 p.

Rhinelander 1990 – *Rhinelander A.L.* Prince Michael Vorontsov: Viceroy to the Tsar. – Montreal: McGill-Queen's University Press, 1990. – XIX, 279 p.

Richmond 2013 – *Richmond W.* The Circassian Genocide. – New Brunswick, NJ: Rutgers University Press, 2013. – 218 p.

Scheidel 2019 – *Scheidel W.* Escape from Rome: The Failure of Empire and the Road to Prosperity. (Princeton Economic History of the Western World). – Princeton, N.J.: Princeton University Press, 2019. – XX, 674 p.

Scott 2009 – *Scott J.C.* The Art of Not Being Governed: An Anarchist History of Upland Southeast Asia. – New Haven: Yale University Press, 2009). – XVIII, 442 p.

Serrano 2018 – *Serrano S.* Orthodoxie et politique en Géorgie postsoviétique. – Paris: Karthala, 2018. – 310 p.

Suny 1972 – *Suny R.G.* Baku Commune, 1917-1918: Class and Nationality in the Russian Revolution. – Princeton: Princeton University press, 1972. – XII, 412 p.

Suny 1988 – *Suny R.G.* The Making of the Georgian Nation – London: Tauris, 1989. – XVIII, 395 p.

Suny 1993 – *Suny R.G.* The Revenge of the Past: Nationalism, Revolution and the Collapse of the Soviet Union. – Stanford, CA: Stanford University Press, 1993. – XIX, 200 p.

Swietochowski 1995 – *Swietochowski T.* Russia and Azerbaijan: A Borderland in Transition. – New York: Columbia University Press, 1995. – X, 290 p.

The North Caucasus… 1992 – *The North Caucasus* Barrier: Russia's Advance Towards the Muslim World / Abdurakhman Avtorkhanov and Marie Bennigsen Broxup, eds. – London: Hurst, 1992. – XVII, 252 p.

The post-Soviet… 2016 – *The post-Soviet* industrial extinctions and the rise of jihadi terrorism as male gender role in the North Caucasus // Elgar Handbook of Alternative Theories of Economic Development / edited by Jayati Ghosh, Rainer Kattel, and Erik Reinert. – London: Elgar, 2016. – P. 729-737.

Tilly 2006 – *Tilly Ch.* Why?: What Happens When People Give Reasons… And Why. – Princeton: Princeton University Press, 2006. – 224 p.

Toumanoff 1971 – *Toumanoff C.* Caucasia and Byzantium // Traditio. – 1971. – Vol. 27. – P. 111-158.

Tsutsiev 2014 – *Tsutsiev A.* Atlas of the Ethno-Political History of the Caucasus / trans. Nora Seligman Favorov. – New Haven: Yale University Press, 2014. – XV, 221 p.

Tuğal 2017 – *Tuğal C.* Caring for the Poor: Islamic and Christian Benevolence in a Liberal World. – New York and London: Routledge, 2017. – XII, 246 p.

Wang et al. 2019 – *Wang, C., Reinhold, S., Kalmykov, A. et al.* Ancient human genome-wide data from a 3000-year interval in the Caucasus corresponds with eco-geographic regions // Nature Communications. – 2019. – 10:590. – P. 1-13. DOI: 10.1038/s41467-018-08220-8

White 2011 – *White S.* The Climate of Rebellion in the Early Modern Ottoman Empire. – Cambridge University Press, 2011. – XVII, 352 p.

Zelkina 2000 – *Zelkina A.* In Quest for God and Freedom: the Sufi Response to the Russian Advance in the North Caucasus. – London: Hurst, 2000. – XXIII, 265 p.

REFERENCES

AGLAROV M.A. *Sel'skaya obshchina v Nagornom Dagestane v XVII – nachale XIX v.* [Rural Community in Highland Dagestan in the 17th – early 19th Century]. – M.: Nauka, 1988. – 236 p. (In Russian)

ALEKSEEV I.L., SYREISHCHIKOVA A.A. *Nekotorye tendentsii izucheniya naslediya Ibn Khalduna v sovremennoi istoriografii* [Some Trends in the Study of Ibn Khaldun's Heritage in Modern Historiography]. IN: *Vestnik RGGU. Seriya "Vostokovedenie. Afrikanistika"*. – 2009. – No. 13. – P. 195-218. (In Russian)

AL-KARAKHI M.T. *Khronika Mukhammeda Takhira al-Karakhi: o dagestanskikh voinakh v period Shamilya / Per. s arab. A.M. Barabanova; predisl. akad. I.Yu. Krachkovskogo* [Mukhammed Takhir al-Karakhi's Chronicle: on Dagestani Wars in the Times of Shamil'. Translation from Arabic by A.M. Barabanov; preface by Acad. I.Yu. Krachkovsky]. – Moscow, Leningrad: Izd-vo Akademii nauk SSSR, 1941. – 336 p. (In Russian)

ANCHABADZE Yu.D., VOLKOVA N.G. *Staryi Tbilisi. Gorod i gorozhane v XIX veke* [Old Tbilisi. The City and City Dwellers in the 19th Century]. – M.: Nauka, 1990. – 269 p. (In Russian)

ANDERSON P. *Perekhody ot Antichnosti k feodalizmu / Per. s ang. pod red. D.E. Furmana* [Passages from Antiquity to Feudalism. Translation from English, ed. D.E. Furman]. – M.: Izdatel'skii dom «Territoriya budushchego», 2007. – 288 p. (In Russian)

ASCHERSON N. Black Sea. – London: Jonathan Cape, 1995 – 306 p. (In English)

ASTVATSATURYAN E.G. *Oruzhie narodov Kavkaza* [The Weapons of the Caucasus Peoples]. – Nalchik: El'-Fa, 1996. – 191 p. (In Russian)

BADDELEY J.F. The Russian Conquest of the Caucasus – London, New York, Bombay, Calcutta: Longmans, Green and Co., 1908 – IX, 518 p. (In English)

BECKWITH C. Empires of the Silk Road: A History of Central Eurasia from the Bronze Age. – Princeton, N.J.: Princeton University Press, 2009. – XV, 472 p. (In English)

BOL'SHAKOV O.G. *Istoriya Khalifata. Vol. I. Islam v Aravii, 570-633 gg*. [History of the Caliphate. Vol. I. Islam in Arabia, 570-633]. – M.: «Vostochnaya literatura», 2000. – 312 p. (In Russian)

BRADLEY J. Guns for the Tsar: American Technology and the Small Arms Industry in Nineteenth-Century Russia. – DeKalb: Northern Illinois University Press, 1990. – XI, 274 p. (In English)

BRAUDEL F. *Sredizemnomor'e i sredizemnomorskii mir v epokhu Filippa II. Chast' 1. Rol' sredy / Per. s fr. Mark Yusim* [The Mediterranean and the Mediterranean World in the Age of Philip II. Part 1. The Role of the Environment. Transl. from fr. Mark Yusim]. – M.: Yazyki slavyanskoi kul'tury, 2002. – 496 p. (In Russian)

BULLOUGH O. Let Our Fame Be Great: Journeys Among the Defiant People of the Caucasus. – New York: Basic Books, 2010. – 496 p. (In English)

Caucasus Paradigms: Anthropologies, Histories, and the Making of a World Area. Ed. Bruce Grant and Lale Yalçin-Heckmann. Halle Studies in the Anthropology of Eurasia. No. 13. – Münster: LIT Verlag, 2007. – 309 p. (In English)

CLARENCE-SMITH W.G. Islam and the Abolition of Slavery. – New York, NY: Oxford University Press, 2006. – XXVI, 293 p. (In English)

COOK M. Ancient Religions, Modern Politics: Islamic Case in Comparative Perspective. – Princeton: Princeton University Press, 2015. – XX, 541 p. (In English)

CREWS R.D. For Prophet and the Tsar: Islam and Empires in Russia and Central Asia. – Cambridge, MA: Harvard University Press, 2009. – VIII, 463 p. (In English)

DARWIN J. After Tamerlane. The Global History of Empire. – London: Allen Lane, 2007. – 592 p. (In English)

DAVIDSON A.B., FILATOVA I.I. *Rossiya i Yuzhnaya Afrika: Tri veka svyazei* [Russia and South Africa: Three Centuries of Relations]. – M.: Izdat. dom GU-VShE, 2010. – 330 p. (In Russian)

DE WAAL T. Black Garden: Armenia and Azerbaijan through Peace and War. – New York: NYU Press, 2003. – XIII, 337 p. (In English)

DE WAAL T. The Caucasus: An Introduction. – New York: Oxford University Press, 20107 – 272 p. (In English)

DERLUGUIAN G.M. *Adept Burd'e na Kavkaze: opyt mirosistemnoi biografii* [Bourdieu's Secret Admirer in the Caucasus. A World-System Biography]. – M.: Territoriya budushchego, 2010. – 558 p. (In Russian)

DERLUGUIAN G.M. *Islamizm i novyi raspad imperii* [Islamism and the New Disintegration of Empires]. IN: *Gosudarstvo, religiya, tserkov'*. – 2016. – No. 2. – P. 357-372. (Special issue "Religion and Society in the Caucasus"). (In Russian)

DERLUGUIAN G.M. *Sovetskaya revolyutsiya, 1905-1945: Tezisy k pervomu stoletiyu* [The Soviet Revolution, 1905-1945: Theses to the First Centenary]. IN: *Neprikosnovennyi zapas*. – 2017. – No. 6. – P. 60-80. (In Russian)

Dokumenty i materialy k godovshchine Pervoi russkoi revolyutsii v Yugo-Osetii [Documents and Materials to the Anniversary of the First Russian Revolution in South Ossetia]. – Staliniri: Gospolitizdat, 1955. (In Russian)

DZHIMOV B.M. *Sotsial'no-ekonomicheskoe i politicheskoe polozhenie adygov v XIX v.* [Socio-economic and Political Condition of Adyghe in the 19th Century]. – Maikop: Krasnodarskoe knizhnoe izdatel'stvo: Adygeiskoe otdelenie, 1986. – 189 p. (In Russian)

EARLE T. How Chiefs Come to Power: The Political Economy in Prehistory. – Stanford: Stanford University Press, 1997. – 270 p. (In English)

EIDELMAN N.Ya. «Byt' mozhet za khrebtom Kavkaza...» (Russkaya literatura i obshchestvennaya mysl' pervoi poloviny XIX v. Kavkazskii kontekst) [["Maybe behind the ridge of the Caucasus ..." (Russian literature and social thought of the first half of the 19th century. Caucasian context)]. – M.: Izd-vo «Nauka», 1990. – 316 p. (In Russian)

ERGIN D. *Dobycha: Vsemirnaya istoriya bor'by za neft', den'gi i vlast'* [The Prize: The Epic Quest for Oil, Money, and Power]. – M.: Al'pina Pablisher, 2011. – 943 p. (In Russian)

FINKEL I. The Ark Before Noah: Decoding the Story of the Flood. – London: Hodder & Stoughton, 2014. – 352 p. (In English)

FINLEY M.I. The World of Odysseus. – New York: NYRB Classics, 2002. – 232 p. (In English)

GAMBETTA D. The Sicilian Mafia: The Business of Private Protection. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1993. – 335 p. (In English)

GAMMER M. The Lone Wolf and the Bear: Three Centuries of Chechen Defiance of Russian Rule. – Pittsburgh, Pa.: Univ. of Pittsburgh press, cop. 2006. – XVIII, 252 p. (In English)

Global economic history / Tirthankar Roy and Giorgio Riello (eds.). – London: Bloomsbury Academic, 2019. – VII, 370 p. (In English)

GORDIN Ya.A. *Aleksei Ermolov. Soldat i ego imperiya: v 2 t.* [Aleksei Ermolov. A Soldier and his Empire: in 2 vols.]. – SPb.: Vita Nova, 2012. – Vol. 1. – 654 p.; – Vol. 2. – 588 p. (In Russian)

GORDIN Ya.A. *Kavkaz: zemlya i krov'* [Caucasus: the Land and the Blood]. – SPb.: «Zvezda», 2000. – 465 p. (In Russian)

GOULD R. Writers and Rebels: The Literature of Insurgency in the Caucasus. – New Haven: Yale University Press, 2016. – IX, 336 p. (In English)

HERLIHY P. Odessa: A History, 1794-1914. – Cambridge, MA: Harvard University Press, 1986. – XVIII, 411 p. (In English)

HOLQUIST P. Making War, Forging Revolution: Russia's Continuum of Crisis, 1914-1921. – Cambridge, MA: Harvard University Press, 2002. – IX, 359 p. (In English)

HOPKIRK P. The Great Game: The Struggle for Empire in Central Asia. – London: Kodansha International, 1992. – XXIV, 565 p. (In English)

JONES S.F. Socialism in Georgian Colors: The European Road to Social Democracy, 1883–1917. – Cambridge, MA: Harvard University Press, 2005. – XIV, 384 p. (In English)

KALDELLIS A. Romanland: Ethnicity and Empire in Byzantium. – Cambridge, MA: Harvard University Press, 2019. – 392 p. (In English)

KAZEMZADEH F. The Struggle for Transcaucasia, 1917-1921. – New York: Philosophical Library, 1951. – XIII, 356 p. (In English)

KHAIDAROV T.F. *Epokha «Chernoi smerti» v Zolotoi Orde i prilegayushchikh regionakh (konets XIII – pervaya polovina XV vv.)* [The era of the "Black Death" in the Golden Horde and surrounding regions (late 13th – first half of the 15th centuries)]. – Kazan': Institut istorii im. Sh. Mardzhani AN RT, 2018. – 303 p. (In Russian)

KHODARKOVSKY M. The Stepan Razin Uprising: Was It a "Peasant War"? IN: Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. – 1994. – Vol. 42. – No. 1. – P. 1-19. (In English)

KHODARKOVSKY M. Where two worlds met: The Russian state and the Kalmyk nomads, 1600-1771. – Ithaca; London: Cornell University Press, 1992. – XII, 278 p. (In English)

KING Ch. The Ghost of Freedom: A History of the Caucasus. – New York: Oxford University Press, 2008. – XVIII, 291 p. (In English)

Kochevye imperii Evrazii: osobennosti istoricheskoi dinamiki / Otv. red. B.V. Bazarov, N.N. Kradin [Nomadic Empires of Eurasia: features of historical dynamics. B.V. Bazarov, N.N. Kradin eds.]. – M.: Nauka – Vost. lit., 2019. – 503 p. (In Russian)

KOLLMANN N.S. The Russian Empire 1450–1801. New York: Oxford University Press, 2017. – XII, 497 p. (In English)

KOROTAEV A.V., KLIMENKO V.V., PRUSAKOV D.B. *Vozniknovenie islama: Sotsial'no-ekologicheskii i politiko-antropologicheskii kontekst* [Origins of Islam: Socio-ecological and Politic-anthropological Context]. – M.: OGI, 2007. – 109 p. (In Russian)

KOTKIN S. Mongol Commonwealth? Exchange and Governance across the Post-Mongol Space. – Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History. – June 2007. – Volume 8. – No. 3. – P. 487-531. (In English)

KVINITAZDE G.I. *Moi vospominaniya v gody nezavisimosti Gruzii, 1917-1921* [My Memories in the Years of Georgia's Independence]. – Paris: YMCA-press, 1985. – 471 p. (In Russian)

LADOKHA G. *Ocherki grazhdanskoi bor'by na Kubani* [Sketches of Civil Strife in the Kuban]. – Krasnodar: «Burevestnik», 1923. – 122 p. (In Russian)

LAPIN V.V. *Armiya Rossii v Kavkazskoi voine XVIII-XIX vv.* [Russia's Army in the Caucasian War of the 18th -19th Centuries]. – SPb.: «Evropeiskii dom», 2008. – 396 p. (In Russian)

LIVEN A. *Chechnya: Tragediya rossiiskoi moshchi / Per. N. Protsenko* [Chechnya: Tombstone of Russian Power. Transl. by N. Protsenko]. – M.: Izd-vo Universiteta Dmitriya Pozharskogo, 2019. – 560 p. (In Russian)

LIVEN D. *Rossiiskaya imperiya i ee vragi s XVI veka do nashikh dnei / Per. s angl. A. Kozlika, A. Platonova* [The Russian Empire and its rivals from the sixteenth century to the present. Transl. from English A. Kozlik, A. Platonov]. – M.: Izd-vo «Evropa», 2007. – 678 p. (In Russian)

MACEK J. *Gusitskoe revolyutsionnoe dvizhenie. Per. s chesh*. [Hussite Revolutionary Movement. Transl. from Czech]. – M.: Izd-vo inostr. lit-ry, 1954. – 226 p. (In Russian)

MANN M. *Temnaya storona demokratii: ob"yasnenie etnicheskikh chistok* [The Dark Side of Democracy: Explaining Ethnic Cleansing]. – M.: Pyatyi Rim, 2016. – 928 p. (In Russian)

MARS G. AND ALTMAN Y. The Cultural Bases of Soviet Georgia's Second Economy. IN: Soviet Studies. – October 1983. – Vol. XXXV. – No. 4. – P. 546-560. (In English)

MARTIN T. The Affirmative Action Empire. Nations and Nationalism in the Soviet Union. Ithaca, NY: Cornell University Press, 2001. – XIII, 496 p. (In English)

McNEILL W. *V pogone za moshch'yu. Tekhnologiya, vooruzhennaya sila i obshchestvo v XI-XX vekakh / Perevod s angl. polkovnika T. Oganesyana, nauch. red. S.A. Nefedova* [The Pursuit of Power: Technology, Armed Force, and Society since A.D. 1000. Transl. from Engl. Colonel T. Oganesyan, scientific ed. S.A. Nefedova]. – M.: Territoriya budushchego, 2008. – 454 p. (In Russian)

McNEILL W. *Voskhozhdenie Zapada. Istoriya chelovecheskogo soobshchestva. Per. s angl.* [The Rise of the West. A History of the Human Community. Transl. from Engl.]. – Kiev: Nika-Tsentr; M.: Starklait, 2004. – 1064 p. (In Russian)

McNEILL W.H. Europe's Steppe Frontier, 1500-1800. – Chicago: University of Chicago Press, 1964. – 252 p. (In English)

MIKULSKY D.V. *Arabskii Gerodot / Otv. redaktor L.Yu. Sergienko* [The Arab Herodotus. L.Yu. Sergienko ed.]. – M.: Aleteia, 1998. – 229 p. (In Russian)

OSINSKY P.I. The Nomadic Empires as State Formations. IN: *Evraziistvo i mir*. – 2019. – No. 1. – P. 42-57. (In English)

PELKMANS M. Defending the Border: Identity, Religion, and Modernity in the Republic of Georgia. – Ithaca, NY: Cornell University Press, 2006. – XVI, 240 p. (In English)

POKROVSKY N.I. *Kavkazskie voiny i imamat Shamilya* [The Caucasus Wars and the Imamate of Shamil']. – M.: ROSSPEN, 2000. – 584 p. (In Russian)

Politika pamyati v sovremennoi Rossii i stranakh Vostochnoi Evropy. Aktory, instituty, narrativy / Pod red. A.I. Millera i D.V. Efremenko [The Politics of Memory in Contemporary

Russia and in Countries of Eastern Europe. Actors, Institutions, Narratives. Ed. by A.I. Miller and D.V. Efremenko]. – SPb.: Izdatel'stvo Evropeiskogo universiteta, 2020. – 632 p. (In Russian)

POLITKOVSKAYA A. A Small Corner of Hell: Dispatches from Chechnya / trans. Alexander Burry and Tatiana Tulchinsky; with an introduction by Georgi Derluguian. – Chicago; London: Univ. of Chicago press, 2003. – VI, 224 p. (In English)

PREISER-KAPELLER J. «Small Kingdoms in a Big World: Patterns of Power in Early medieval South Armenia». IN: Power in Landscape. Geographic and Digital Approaches on Historical Research / ed. Mihailo St. Popovićet al. – Leipzig: Eudora Verlag, 2019. – P. 107-119. (In English)

RATUSHNYAK V.N. *Sel'skokhozyaistvennoe proizvodstvo Severnogo Kavkaza v kontse XIX – nachale XX veka* [Agricultural Production of the North Caucasus in the late 19th – early 20th century]. – Rostov-on-Don: Izd-vo Rostovskogo universiteta, 1989. – 251 p. (In Russian)

REYNOLDS M.A. Shattering Empires: The Clash and Collapse of the Ottoman and Russian Empires, 1908-1918. – New York: Cambridge University Press, 2011 – XIV, 303 p. (In English)

RHINELANDER A.L. Prince Michael Vorontsov: Viceroy to the Tsar. – Montreal: McGill-Queen's University Press, 1990. – XIX, 279 p. (In English)

RICHMOND W. The Circassian Genocide. – New Brunswick, NJ: Rutgers University Press, 2013. – 218 p. (In English)

SCHEIDEL W. Escape from Rome: The Failure of Empire and the Road to Prosperity. (Princeton Economic History of the Western World). – Princeton, N.J.: Princeton University Press, 2019. – XX, 674 p. (In English)

SCHEIDEL W. *Velikii uravnitel': nasilie i istoriya neravenstva ot kamennogo veka do XXI stoletiya* [The Great Leveler: Violence and the History of Inequality from the Stone Age to the Twenty-First Century]. – M.: AST, 2019. – 768 p. (In Russian)

SCOTT J.C. The Art of Not Being Governed: An Anarchist History of Upland Southeast Asia. – New Haven: Yale University Press, 2009). – XVIII, 442 p. (In English)

SERRANO S. Orthodoxie et politique en Géorgie postsoviétique. – Paris: Karthala, 2018. – 310 p. (In French)

SHNIRELMAN V.A. *Voiny pamyati: mify, identichnost' i politika v Zakavkaz'e* [Wars of Memory: myths, identity and politics in Transcaucasia]. – M.: Akademkniga, 2003. – 591 p. (In Russian)

SKOBTSOV D. *Tri goda revolyutsii i grazhdanskoi voiny na Kubani* [Three years of Revolution and Civil War in the Kuban]. – Paris: w.p., 1962. – 366 p. (In Russian)

SLEZKIN Yu. *Era Merkuriya: Evrei v sovremennom mire* [Era of Mercury: Jews in the Modern World]. – M.: Izdatel'stvo: Corpus, 2019. – 512 p. (In Russian)

STANYUKOVICH K.M. *Maksimka* [Maksimka]. – M.: Sovetskaya Rossiya, 1982. – 38 p. (In Russian)

Subbotniki (sekta) [Sabbath Worshippers]. IN: *Entsiklopedicheskii slovar' Brokgauza i Efrona* [Encyclopedic Dictionary of Brockhaus and Efron]. – Sankt-Petersburg: F.A. Brockhaus, I.A. Efron, 1890-1907. – Vol. 31a: *Statika – Sudoustroistvo*. – SPb.: Tipografiya Akts. Obshch. «Izdatel'skoe delo», Brokgauz-Efron, 1901. – P. 874-875. (In Russian)

SUNY R.G. Baku Commune, 1917-1918: Class and Nationality in the Russian Revolution. – Princeton: Princeton University press, 1972. – XII, 412 p. (In English)

SUNY R.G. The Making of the Georgian Nation – London: Tauris, 1989. – XVIII, 395 p. (In English)

SUNY R.G. The Revenge of the Past: Nationalism, Revolution and the Collapse of the Soviet Union. – Stanford, CA: Stanford University Press, 1993. – XIX, 200 p. (In English)

SWIETOCHOWSKI T. Russia and Azerbaijan: A Borderland in Transition. – New York: Columbia University Press, 1995. – X, 290 p. (In English)

The North Caucasus Barrier: Russia's Advance Towards the Muslim World / Abdurakhman Avtorkhanov and Marie Bennigsen Broxup, eds. – London: Hurst, 1992. – XVII, 252 p. (In English)

The post-Soviet industrial extinctions and the rise of jihadi terrorism as male gender role in the North Caucasus. IN: Elgar Handbook of Alternative Theories of Economic Development / edited by Jayati Ghosh, Rainer Kattel, and Erik Reinert. – London: Elgar, 2016. – P. 729-737. (In English)

TILLY Ch. Why?: What Happens When People Give Reasons… And Why. – Princeton: Princeton University Press, 2006. – 224 p. (In English)

TLOSTANOVA M. *Postkolonial'nyi udel i dekolonial'nyi vybor: postsotsialisticheskaya mediatsiya* [The Postcolonial Condition and the Decolonial Option: a Postsocialist Mediation]. IN: *Novoe literaturnoe obozrenie*. – 2020. – No. 1(161). – P. 66-84. (In Russian)

TOUMANOFF C. Caucasia and Byzantium. IN: Traditio. – 1971. – Vol. 27. – P. 111-158. (In English)

TSUTSIEV A. Atlas of the Ethno-Political History of the Caucasus / trans. Nora Seligman Favorov. – New Haven: Yale University Press, 2014. – XV, 221 p. (In English)

TSUTSIEV A.A. *Atlas etnopoliticheskoi istorii Kavkaza* [Atlas of the Ethno-Political History of the Caucasus]. – M.: Izdatel'stvo «Evropa», 2007. – 127 p. (In Russian)

TUĞAL C. Caring for the Poor: Islamic and Christian Benevolence in a Liberal World. – New York and London: Routledge, 2017. – XII, 246 p. (In English)

VOLKOV V. *Silovoe predprinimatel'stvo v Rossii* [Violent Entrepreneurship in Russia]. – SPb.: «Letnii sad», 2002. – 282 p. (In Russian)

WALLERSTEIN I. *Mir-sistema Moderna: v 4 tomakh / Per. s angl. i red. N. Protsenko, A. Chernyaeva* [The Modern World-System. Vols. I-IV. Transl. from English and ed. N. Protsenko, A. Chernyaeva]. – M.: Russkii fond sodeistviya obrazovaniyu i nauke, 2015/2016. (In Russian)

WANG, C., REINHOLD, S., KALMYKOV, A. et al. Ancient human genome-wide data from a 3000-year interval in the Caucasus corresponds with eco-geographic regions. IN: Nature Communications. – 2019. – 10:590. – P. 1-13. DOI: 10.1038/s41467-018-08220-8 (In English)

WEBER M. *Feodalizm, «soslovnoe gosudarstvo» i patrimonializm / Per. s nem. i kommentarii A.Yu. Antonovskogo* [Feudalism, 'Estate State' and Patrimonialism. Translation from German and commentaries of A.Yu. Antonovskij]. IN: *Oikumena*. – 2011. – No. 8. – P. 225-255. (In Russian)

WHITE S. The Climate of Rebellion in the Early Modern Ottoman Empire. – Cambridge University Press, 2011. – XVII, 352 p. (In English)

ZELKINA A. In Quest for God and Freedom: the Sufi Response to the Russian Advance in the North Caucasus. – London: Hurst, 2000. – XXIII, 265 p. (In English)

ИСТОРИЯ, ЭТНОЛОГИЯ И АРХЕОЛОГИЯ

Археология и древняя история

УДК 902/904

DOI 10.31143/2542-212X-2020-2-50-67

ПОГРЕБЕНИЕ ПРЕДСКИФСКОГО ВРЕМЕНИ С БРОНЗОВЫМ НАГРУДНЫМ УБОРОМ ИЗ МОГИЛЬНИКА ЗАЮКОВО-3 (предварительная публикация)

А.А. КАДИЕВА

ФГБУК Государственный исторический музей
Отдел археологических памятников
109012, РФ, г. Москва, Красная площадь, д. 1
E-mail: adelgeida85@mail.ru

С.В. ДЕМИДЕНКО

ФГБУН Институт археологии Российской академии наук,
Отдел скифо-сарматской археологии
117036, РФ, г. Москва, ул. Дмитрия Ульянова, 19
E-mail: svdemidenko@hotmail.com

А.А. ЕМКУЖЕВ

ФГБНУ «Федеральный научный центр
«Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук»
360017, РФ, г. Нальчик, ул. Инессы Арманд, д. 37А
E-mail: astemirserzhant@mail.ru

Аннотация. В 2019 г. на могильнике Заюково-3 (Баксанский район Кабардино-Балкарской республики) было исследовано погребение 148. Погребение было совершено в грунтовой яме. Костяк погребенной практически полностью истлел, кости сохранились фрагментарно. Из погребального инвентаря сохранились предметы головного убора: спиральные пронизи, бочонковидные бусины и биконические пронизи. На шее погребенной обнаружены гривна и ожерелье, под горлом две булавки остриями в сторону головы, на левой руке был обнаружен браслет. Наличие богатого ожерелья в сочетании с гривной, расшитого пронизями головного убора, а также браслета указывает, на женский пол погребенной. Погребение датируется VIII-VII вв. до н.э. Убор погребенной обнаруживает значительные черты сходства с синхронными погребениями из могильников Терезе и Индустрия, что указывает на культурное и, возможно, этническое родство между населением предскифского времени Баксанского ущелья и Кисловодской котловины.

Ключевые слова: кобанская эпоха; предскифское время; могильник Заюково-3; Кабардино-Балкарская Республика; погребальный обряд.

BURIAL OF THE PRE-SKYTHIAN TIME WITH A BRONZE CHEST CLOTH FROM THE BURIAL GRAVE OF ZAYUKOVO-3 (preliminary publication)

A.A. KADIEVA

The State Historical Museum
Department of Archaeological Monuments
109012, RF, Moscow, Red Square, 1
E-mail: adelgeida85@mail.ru

S.V. DEMIDENKO

Institute of Archeology of the Russian Academy of Sciences
Department of Scythian-Sarmatian Archeology
117036, RF, Moscow, Dmitry Ulyanov st., 19
E-mail: svdemidenko@hotmail.com

A.A. EMKYZHEV

FSBSE «Federal Scientific Center
'Kabardin-Balkar Scientific Center of the Russian Academy of Sciences'»
360000, Russian Federation, KBR, Nalchik, Inessa Armand st., 37A
E-mail: astemirserzhant@mail.ru

Abstract. In 2019, burial 148 was investigated at the Zayukovo-3 burial ground (Baksan district of the Kabardino-Balkarian Republic), was committed in a dirt pit. The skeleton of the buried was almost completely decayed, the bones were preserved fragmentarily. The headdress items were preserved from the funerary inventory: spiral piercings, barrel shaped deads and biconical piercings. A torc and a necklace were found on the neck of the deceased, two pins were pointed under the throat with the points to wards the heard, and a bracelet was found on the left hond. The presence of a rich necklace in combi nation with a torc embination with a torc embroidered with a pierced headgear, as well as a bracelet, indicates a buried woman. The burial dates back to the 8th – 7th centuries. The burial dress reveals significant similarities with synchronous burials from the burial grounds of Teres and Industry, which indicates cultural and possibly, ethnic kinship between the population of the pre-Scythian time of the Baksan gorge and the Kislovodsk hollow.

Keywords: koban era; pre-Scythian time; burial ground Zayukovo-3; Kabardino-Balkarian Republic; funeral rite.

Памятники кобанской археологической культуры (ныне поднятой рядом исследователей до уровня кобанской культурно-исторической области) получили мировую известность благодаря бронзовой зооморфной пластике. Однако ее изучение осложнено тем, что большинство предметов являются случайными находками или происходят из грабительских раскопок и лишь небольшое количество изделий с изображениями животных обнаружено в

закрытых комплексах. Поэтому выявление каждого нового памятника, позволяющего достоверно определить состав женского убора предскифской эпохи, является значимым событием в археологии.

Рис. 1. Могильник Заюково-3. Погребение 148. Вид с юга.

В 2019 году на могильнике Заюково-3 (Баксанское ущелье, Кабардино-Балкарская Республика) было обнаружено погребение 148. Захоронение принадлежало молодой женщине. Костяк практически полностью истлел, сохранились фрагменты длинных костей правой руки под браслетом, фрагмент бедренной кости левой ноги и фрагменты берцовых костей ног. Судя по расположению остатков костей, погребенная была уложена вытянуто на спине головой на северо-запад. Погребение было осуществлено в грунтовой яме, границы которой из-за гомогенности слоя проследить не удалось. Размеры погребения по расположению костей и инвентаря составляют 1,55 х 0,35 м.

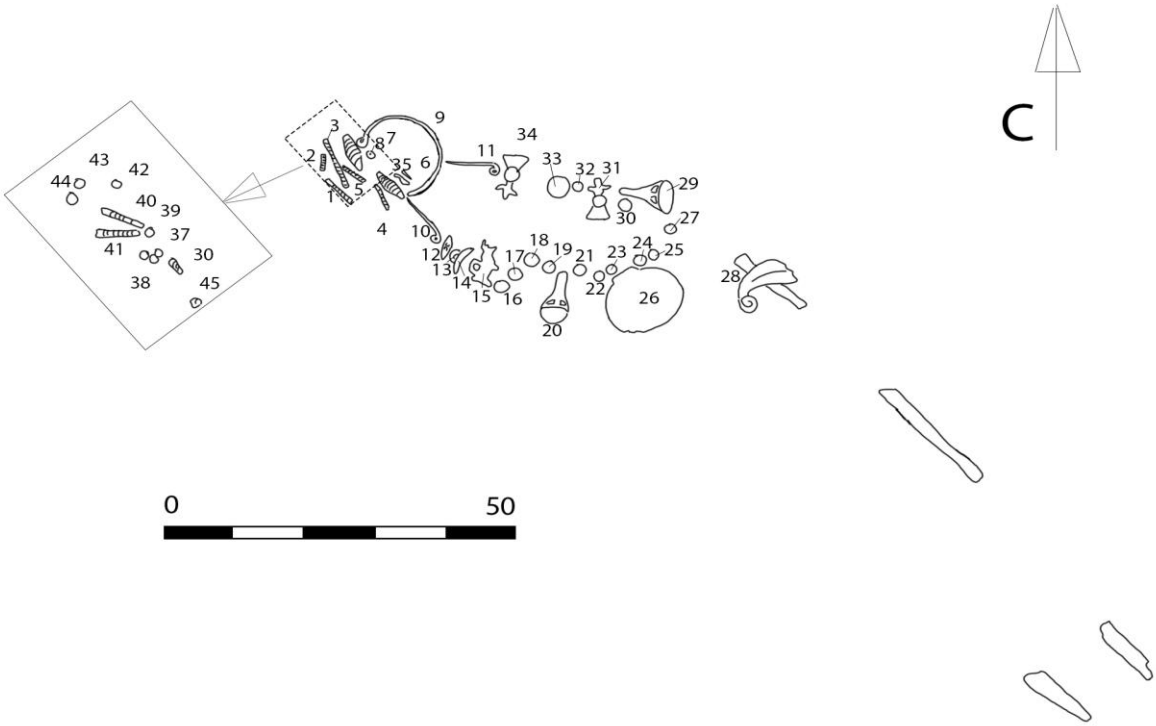

Рис. 2. Могильник Заюково-3. Погребение 148. План. 1-5, 35, 36, 40, 41, 4 - 49, 52 – спиральные пронизи; 6, 7, 53 – биконические пронизи; 8, 35 – пронизи с бусинами; 9 – гривна; 10, 11 – булавки; 12 – ромбовидная бляшка; 13, 16 -19, 21-25, 27, 30, 32 – полусферические бляшки; 14 – подвеска в виде сдвоенных клыков; 15 – подвеска в виде оленя; 20, 26 – выпуклая нагрудная бляха овальной формы; 28 – браслет; 29 – два массивных конических бубенчика; 31, 34 – подвески с головой псового хищника; 33 – бляшка полусферическая с глубоко утопленной петлей; 37, 38, 39, 42-44, 50, 51 – бочонковидные бусины; 45 – бляшка коническая с выпуклой в виде гребня оборотной стороной. Бронза.

Погребальный убор состоял из следующих предметов:

бронзовые спиральные пронизи (Рис. 2, *1-5*, Рис. 3) лежали в два слоя. После снятия верхнего слоя украшений под ним было обнаружено скопление аналогичных пронизей. Ниже уровня этих пронизей (в районе лба?) лежали три биконические бронзовые пронизи (две в первом, одна во втором слое) (Рис. 2, *6,7,53*, Рис. 4, *10-12*) и пронизи с бусинами (Рис. 2, *8,35*, Рис. 3, *3*, Рис. 4, 1-9). Вероятнее всего все эти пронизи были нашиты на головной убор.

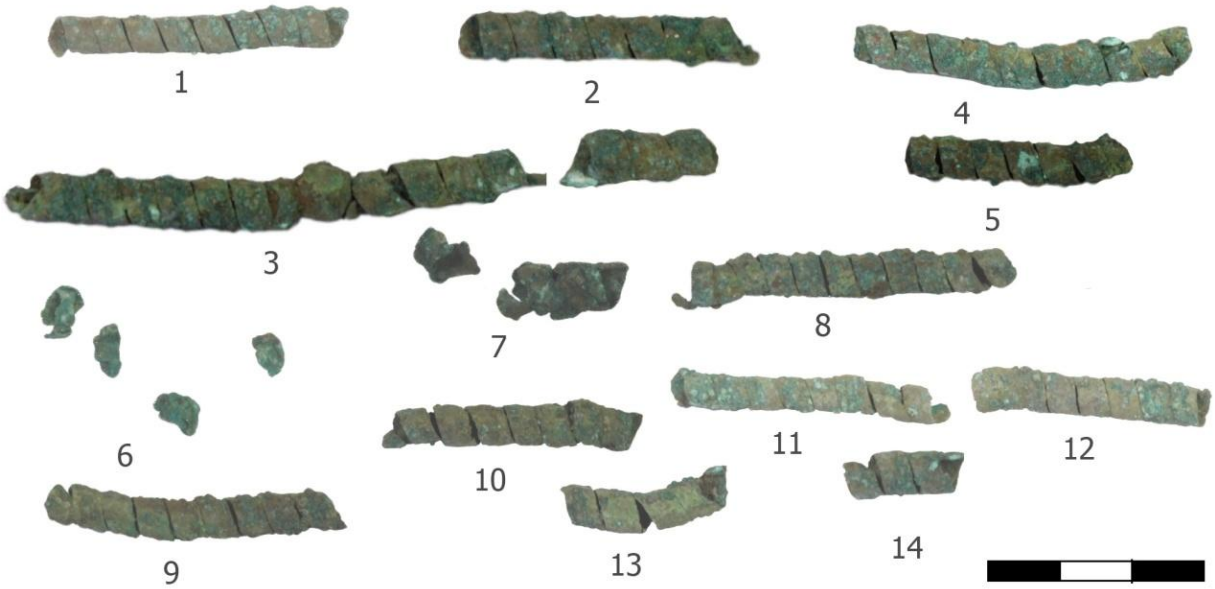

Рис. 3. 1-14 – спиральные пронизи. Бронза.

На шее погребенной были обнаружены гривна (Рис. 2, *9*, Рис. 5) и ожерелье, состоящее из ромбовидных и полусферических бляшек, зооморфных подвесок, крупных подвесок-бубенчиков и овальной пластинчатой бляхи. На левую руку погребенной был надет браслет (Рис. 2, *28*, Рис. 8, *1*).

Под горлом погребенной были обнаружены две бронзовые булавки (Рис.2, *10,11*, Рис. 6, *1,2*), лежащие остриями в сторону головы. Вероятнее всего, они не являлись деталями костюма, а были застежками савана.

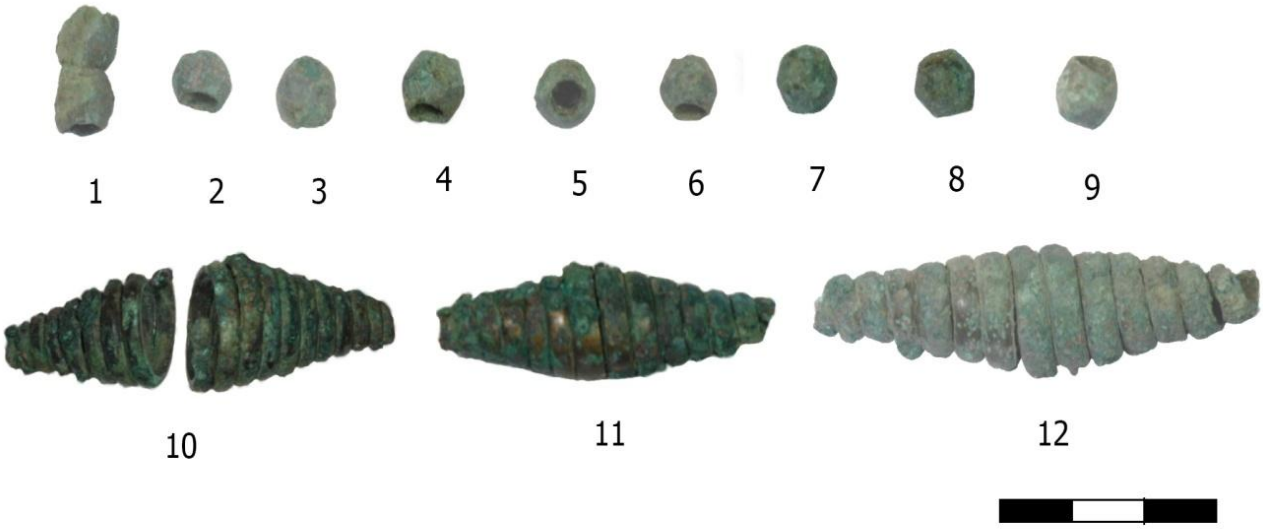

Рис. 4. Могильник Заюково-3. Погребение 148. 1-9 – бусины, 10-12 – биконические спиральные пронизи. Бронза.

Гривна (Рис. 2, *9*, Рис. 5) из гладкого прута с раскованными и закрученными в спираль концами. Концы не смыкаются. Диаметр 12,7 см, сечение прута 0,6 см. Гривна относится к типу 1 варианту 1 по типологии В.И. Козенковой [Козенкова 1998: 51]. Автор датирует подобные экземпляры IX-VIII вв. до н.э. По А.Б. Белинскому и С.Л. Дудареву гривна также относится типу 1 варианту 1, который исследователи датируют предскифским времени не позднее начала VII в. до н.э. [Белинский, Дударев 2015: 371].

На широкое распространение подобных гривен указывают С.Б. Вальчак, С.В.Демиденко и А.А.Кадиева [Кадиева и др. 2020]. Исследователи привели основные аналогии, известные в комплексах западной кобанской археологической культуры[1]. Следует также отметить, что аналогичные гривны были встречены на территории существования центральной кобанской археологической культуры [Мошинский 2010: 75, 106], а также в Закавказье [Мошинский 2010: 105]. Примечательно и то, что близкие украшения обнаружены в Центральной Европе, в частности на территории Баварии [Хардинг 2013: 174], что, в свою очередь, позволяет говорить о контактах Кавказа и Европы в целом.

По мнению Б.В. Техова, шейная гривна в эпоху поздней бронзы носилась только мужчинами и ее клали в могилу только с представителями мужского пола. Автор отмечает, что и в более позднее время, в VI-IV вв. до н.э., когда у скифов и персов обладание золотой гривной являлось признаком знатности и богатства, их носили только мужчины. Исследователь пишет, что в погребениях VII-VI вв. до н.э. Тлийского могильника гривны встречаются в мужских погребениях, следовательно, бронзовая гривна на протяжении долгого времени являлась характерным мужским украшением. Б.В. Техов датирует аналогичные гривны не позднее конца XI в. до н.э. [Техов 1977: 151, 152, рис. 107].

Однако, в памятниках западной кобанской культуры, гривны встречаются как в мужских, так и в женских захоронениях. Так Г.Е. Афанасьев и В.И. Козенкова отмечают, что бронзовая гривна из массивного круглого в сечении дрота овальной формы с раскованными и завернутыми в трубочку концами входила в комплекс украшений костюма в погребении 7 могильника Индустрия-1. Исследователи утверждают, что близкие аналогии таких гривен представлены на всей территории кобанской культуры в памятниках не позднее рубежа VIII-VII вв. до н.э. [Афанасьев, Козенкова 1981: 172, рис. 7, *15*].

[1] Коллектив авторов статьи рассматривает эту общность как отдельную западную кобанскую археологическую культуру.

Рис. 5. Могильник Заюково-3. Погребение 148. 1- гривна. Бронза.

Булавки (Рис. 2, *10, 11*, Рис. 6, *1,2*) с гладким стержнем и закрученной в спираль головкой. Часть стержня в 0,9 см от головки закручена в спираль, остальная часть стержня круглая в сечении. Данные экземпляры близки типу VI варианту 2 по типологии В.И. Козенковой [Козенкова 1998: 66], но отличаются тем, что в спираль закручен малый участок верхней части стержня. Таким образом, эти булавки являются разновидностью типа VI варианта 2 по В.И. Козенковой. Исследовательница датирует подобные булавки с начала I тыс. до н.э. до скифского времени.

По классификации А.Б. Белинского и С.Л. Дударева исследуемые предметы наиболее близки экземплярам типа I варианта 1, который датируется предскифским и скифским временем [Белинский, Дударев 2015: 367]. Однако булавки из Заюково-3 отличаются круглым сечением по всей длине стержня.

Рис. 6. Могильник Заюково-3. Погребение 148. 1, 2 – булавки; 3, 5 – **подвески; 4 – бляшка; 6, 7 – бубенчики. Бронза.**

Выпуклая нагрудная бляха овальной формы (Рис. 2, *26*, Рис. 9). Верхняя часть бляхи раскована и скручена в петлю для подвешивания. По краю бляхи с оборотной стороны пунсоном нанесен орнамент в виде небольших точек. Размеры: 8,9 х 8,5 см. Предмет относится к типу IX нагрудных блях по типологии В.И. Козенковой [Козенкова 1998: 62]. По мнению автора, такие бляхи датируются X–VIII вв. до н.э. В.И. Козенкова причисляет их к специфическим украшениям западного варианта кобанской культуры[1]. Исследовательница приводит аналогии из некрополей Кисловодской котловины, а в качестве самой восточной точки распространения указывает на неопубликованные материалы из окрестностей села Заюково, хранящиеся в Государственном Эрмитаже [Козенкова 2004: 120]. Следует отметить, что подобные экземпляры известны и на могильнике Заюково-3 по материалам собрания В.Н. Котлярова и в погребения 55 [Кадиева, Демиденко 2017: 166, фото 3]. Сейчас эти находки готовятся к публикации.

Две подвески в виде птицы с головой псового хищника, с треугольным хвостом и сквозным отверстием для подвешивания. Размеры первой: длина – 4,4 см, высота – 2,8 см (Рис. 2, *31*, Рис. 8, *2*). Размеры второй: длина – 4,8 см, высота – 3,1 см (Рис. 2, *34*, Рис. 8, *3*). Подвески относятся к типу XVII варианту 1 по типологии В.И. Козенковой [Козенкова 1998: 43], который исследовательница датирует X–VIII вв. до н.э., указывая на широкий круг аналогий, как в западной, так и в центральной кобанской культуре. В

[1] Коллектив авторов статьи рассматривает эту общность как отдельную западную кобанскую археологическую культуру.

частности, две аналогичные бронзовые подвески обнаружены в составе ожерелья из погребения 7 могильника Индустрия-1 [Афанасьев, Козенкова 1981: 173, рис. 5, *12*].

Бронзовая подвеска в виде оленя (Рис. 2, *15*, Рис. 6, *3*) с круглой петлей для подвешивания на спине. Ответвления рогов переданы наплывами, ноги короткие, с одного бока короче, чем с другого, морда острая. Длина – 3,2 см, высота – 1,9 см. Предмет принадлежит к типу XVII варианту 2 по типологии В.И. Козенковой [Козенкова 1998: 44]. Аналогичная подвеска обнаружена в гробнице 1 могильника Терезе [Козенкова 2004: 18, рис. 12]. Также Подобные фигурки найдены также в Кобанском могильнике [Бронзовый век… 2013: 611, рис. 36.19.21; Доманский 1984: рис. 108].

Очень близкие подвески в виде оленя встречены в материалах Тлийского могильника [Техов 1977: 172, рис. 115]. Б.В. Техов считает, что фигурки оленей в позднебронзовых материалах Закавказья явление нередкое. По мнению исследователя, подвески в виде оленя широко распространяются почти на всей территории Северного Кавказа и в Закавказье. Однако закавказские экземпляры отличаются от тлийских меньшим реализмом. К чему, по мнению некоторых специалистов, привели большой спрос и массовое производство подобных изделий в начале I тысячелетия до н.э. Именно поэтому автор утверждает, что изготавливаемые фигурки стали уменьшаться в размерах, обретая при этом явные черты стилизации. Автор датирует подобные предметы XII-X вв. до н.э. [Техов 1977: 171, 172].

Прототипами подвесок из Заюково-3 и Терезе могли быть украшения, подобные изделиям из могильника Верхний Кобан [Мошинский 2010: 119, рис. 147, *c*]. Приведенная фигурка более массивна, и ее детали более тщательно проработаны, однако по иконографии и технологии она близка изображениям оленей из Терезе, Заюково-3 и Тли.

Браслет бронзовый пластинчатый литой с закрученными в спираль концами и тремя наружными гранями, украшенными косыми насечками (Рис. 2, *28*, Рис. 8, *1*). Диаметр – 5,5 см, максимальная ширина – 2,9 см. Украшение относится к типу V по типологии В.И. Козенковой [Козенкова 1998: 52, 53]. По мнению автора, аналогичные браслеты датируются XII-X вв. до н. э. и имеют весьма широкое распространение, как по всему ареалу кобанских культур, так и за его пределами на территории Западного Кавказа и Закавказья [Козенкова 2004: 118].

Как отмечает Б.В. Техов, подобные браслеты являются характерным признаком женских погребений. Но пластинчатые браслеты встречаются не в каждом. Возможно, их носили более состоятельные, а может быть, более молодые женщины. По мнению Б.В. Техова, бронзовые пластинчатые браслеты с тремя наружными гранями и завернутыми в спираль концами формировались на Кавказе, не исключая влияния со стороны переднеазиатской цивилизации. Автор указывает, что такие браслеты характерны для материальной культуры горных племен Центрального Кавказа в эпоху поздней бронзы и датирует их XII-X вв. до н.э. [Техов 1977: 160, 161, рис. 109]. В.И. Козенкова, рассматривая браслет с волютообразными концами и косой насечкой по ребрам отмечает

особенную близость таких украшений именно с материалами Тлийского некрополя [Козенкова 2004: 118].

Тринадцать полусферических бронзовых бляшек с прямой скрытой перемычкой в виде пластины на оборотной стороне (Рис. 2, *13, 16-19, 21-25, 27, 30, 32*, Рис. 7, *1-8*). Диаметр – 1,1-1,2 см, высота – 0,3-0,4 см. Бляшки относятся к типу II варианту 1 по классификации В.И. Козенковой [Козенкова 1998: 36, 37]. Данный тип украшений широко распространен на территории западной кобанской культуры в классический этап ее существования. Однако А.Б. Белинский и С.Л. Дударев на основании материалов могильника Клин-Яр III и обширных кавказских аналогий считают, что данный тип бляшек распространен в VIII-VII вв. до н.э. [Белинский, Дударев 2015: 363].

Б.В. Техов на материалах Центрального Кавказа, в том числе и Тлийского могильника, относит полусферические бляшки к бронзовым пуговицам I типа с грибовидными шляпками. Автор пишет, что по форме они напоминают шляпку белого гриба с прямой палочковидной петелькой на тыльной стороне. Исследователь указывает на то, что пуговицы такого типа служили для застегивания костюма и одновременно являлись предметом украшения. Чаще всего они встречались в мужских погребениях. Б.В. Техов датирует такой тип украшений XII-X вв. до н.э. [Техов 1977: 177, рис 114, *55-68*].

Г.Е. Афанасьев и В.И. Козенкова отмечают, что бронзовые пуговицы выпукло-вогнутой формы, с петлей-перекладиной на оборотной стороне обнаружены в погребении 7 могильника Индустрия-1. Авторы указывают, что такие пуговицы широко известны для всех кавказских культур эпохи бронзы и раннего железа [Афанасьев, Козенкова 1981: 173, рис. 5, *7*].

Рис. 7. Могильник Заюково-3. Погребение 148. 1-8- Бляшки. Бронза.

Ромбовидная бронзовая литая бляшка со скрытой пластинчатой перемычкой на оборотной стороне (Рис. 2, *12* Рис. 6, *4*). Размеры: 2,3 х 0,9 см. Предмет относится к VI типу пуговиц по классификации В.И. Козенковой [Козенкова 1998: 37]. Исследовательницей установлено, что подобные предметы датируются VIII-VII вв. до н. э. По А.Б. Белинскому и С.Л. Дудареву подобные бляшки относятся к типу II, бытование которого на территории Кавминвод исследователи датируют VIII-VII вв. до н. э., отмечая существование их в более ранний период на других территориях. [Белинский, Дударев 2015: 364] Следует отметить, что А.Б. Белинский и С.Л. Дударев объединяют полусферические и ромбовидные бляшки в одну группу украшений с единой датировкой [Белинский, Дударев 2015: 362].

По классификации Б.В. Техова ромбовидные бляшки относятся к типу II бронзовых пуговиц и датируются XII-X вв. до н.э. Исследователь указывает на то, что ромбовидные бляшки чаще всего встречались в женских погребениях и являлись частью украшения, которые помимо пуговиц нашивались на рукава или составляли вместе с кожаным ремнем браслет. Большое количество бронзовых пуговиц, обнаруженное в Тлийском могильнике, позволило автору предположить, что мода украшать бронзовыми пуговицами одежду и головные уборы у племен данного региона была более устойчива и распространена шире, чем у соседних племен [Техов 1977: 178, рис. 114, *68-71*].

Рис. 8. Могильник Заюково-3. Погребение 148. 1- браслет, 2, 3- подвески, 5- бляшки. Бронза.

Три биконических спиральных пронизи (Рис. 2, *6, 7, 53*, Рис. 4, *10-12*). Длина – 4-5,3 см, максимальный диаметр – 1,2-1,3 см. Предметы относятся к типу XXXVIII по типологии В.И. Козенковой [Козенкова 1998: 49]. Автор датирует данный вид украшений X-VIII вв. до н. э. А.Б. Белинский и С.Л. Дударев также относят подобные изделия к архаичным и датируют не позднее VIII – начала VII вв. до н.э. [Белинский, Дударев 2015: 358]. В.И. Козенкова причисляет их к характерным элементам костюма населения именно западного кобанского ареала [Козенкова 2004: 127].

Четырнадцать спиральных пронизей (Рис. 2, *1-5, 35, 36, 40, 41, 46-49, 52* Рис. 3, *1-14*). Длина: от 1,1 до 8,8 см. В женских погребальных комплексах Тлийского могильника также встречались спиральные трубочки, изготовленные из узкой лентовидной бронзовой пластинки или из тонкой проволоки. Б.В. Техов считает, что эти спиральные пронизи являются украшениями, поскольку были найдены на груди погребенных и в области черепа, и существуют с XIV в. до н. э. вплоть до раннеантичной эпохи [Техов 1977: 168, 169, рис. 113]. По мнению В.И. Козенковой, данный тип украшений характерен для всего кобанского ареала, особенно в центральной и западной его частях с глубокой древности до середины I тыс. до н.э. [Козенкова 2004: 127].

Девять бочонковидных бусин (Рис. 2, *37, 38, 39, 42-44, 50, 51* Рис. 4, *1-9*). Диаметр – 0,5-0,6 см, высота – 0,4-0,5 см. В комплексах Тлийского могильника попадались низки из боченковидных бронзовых бусин и спиральных трубочек [Техов 1977: 169, рис. 113].

Бляшка полусферическая с глубоко утопленной петлей (Рис. 2, *33*, Рис. 8, *5*). Диаметр – 2,2 см, высота – 0,4 см. Изделие близко к предметам типа VI варианта 1 по классификации В.И. Козенковой и датируется X-VIII вв. до н. э. [Козенкова 1998: 62].

Бляшка коническая с выпуклой в виде гребня оборотной стороной через которое просверлено отверстие для крепления (Рис. 2, *45*). Диаметр – 1 см, высота – 0,6 см. Предмет относится к типу V варианту 2 по классификации В.И. Козенковой [Козенкова 1998: 37]. Исследовательница отмечает распространение этих предметов исключительно в Баксанском ущелье.

Два массивных конических бубенчика с тремя треугольными прорезями на верхней и на нижней стороне. Внутри находятся один или два бронзовых шарика (Рис. 2, *20, 29* Рис. 6, *6, 7*). Высота – 4,1 и 4,2 см. В.И. Козенкова относит подобные предметы к типу XIII варианту 8 [Козенкова 1998: 42], который датирует рубежом II-I тыс. до н.э. Однако единственное, известное на сегодняшний день, погребение с подобным бубенчиком (погребение 7 могильника Индустрия-1) этим же специалистом датируется первой половиной VIII вв. до н. э.

Колокольчик из Индустрии-1 является частью ожерелья и обладает конусовидной формой с круглой петлей и закрытым, слегка выпуклым основанием. Авторы публикации комплекса, Г.Е. Афанасьев и В.И. Козенкова, указывают, что в стенках и основании колокольчика прорезаны сквозные

треугольники, внутри полости сохранилась бронзовая горошина. [Афанасьев, Козенкова 1981: 173, рис. 5, *11*].

Аналогичные бубенчики известны среди материалов Кобанского могильника [Мошинский 2010: 114, рис. 136; Доманский 1984: рис. 93].

Подвеска в виде клыка с овальным отверстием для крепления в центре и двумя острыми концами, орнаментированная насечками по центру внутренней стороны (Рис. 2, *14* Рис. 6, *5*). Длина – 3,2 см, ширина – 0,8 см. Предмет относится к типу XIV варианту 1 по классификации В.И. Козенковой [Козенкова 1998: 42] и, по мнению исследовательницы, датируется IX-VIII вв. до н. э. Приведенные В.И. Козенковой аналогии происходят из окрестностей села Заюково, Каменномостского могильника, а также из гробниц 1 и 2 могильника Терезе [Козенкова 2004: 110]. В последнем случае автор раскопок предполагает принадлежность этих подвесок к элементам конской сбруи.

За пределами западной кобанской культуры украшения данного типа обнаружены в коллекциях из Кобанского могильника [Доманский 1984: рис. 90; Материалы… 1900: Табл. XXXI, *2*], а также в Адайдонском могильнике [Сокровища Алании… 2011: 74, рис. 63].

Рис. 9. Могильник Заюково-3. Погребение 148. Бляха. Бронза

Хотя отдельные предметы из погребения 148 могильника Заюково-3 встречают широкий круг аналогий в древностях кобанской культурно-исторической области, по своему составу ближайшей аналогией изучаемого бронзового убора является убор из погребения 7 могильника Индустрия [Афанасьев, Козенкова 1981: 166]. Убор из Индустрии включал в себя гривну, головной убор из полусферических бляшек и трубочек-пронизей, ожерелье из двух зооморфных подвесок в виде птиц с головами собак, массивного конического бубенчика и подвески в виде клыка (иной, чем в Заюково-3 формы).

Также, близкой по составу и региону метсонахождения, аналогией исследуемого убора, является убор из гробницы 1 могильника Терезе[1] [Козенкова 2004: 18], который состоял из спиральных биконических пронизей, подвески в виде оленя, клыковидной подвески, сдвоенной подвески в виде птиц и нагрудной бляхи овальной формы.

Таким образом, несмотря на отдельные различия, очевидно родство концепции описанных выше уборов. Погребение 148 могильника Заюково-3 представляет интерес и для реконструкции костюма носителей западной кобанской археологической культуры. Так, расположение спиральных пронизей и биконических бусин над гривной указывает, на то, что эти предметы служили украшением головного убора. При этом необходимо отметить, что в расположении предметов сохранилась рядность, а также, что они лежат на достаточно большой площади. Спиральные пронизи не деформированы, что неизбежно случилось бы при нашивании их на плотно прилегающую к голове шапочку или платок. Из вышесказанного следует наличие у головного убора своеобразного щитка, вертикально расположенного надо лбом. Наиболее вероятный материал головного убора – войлок.

Расположение полусферических бляшек заставляет предположить, что эти предметы не были частью ожерелья, а украшали ворот платья (Рис. 10).

Датировка убора из погребения 148 могильника Заюково-3, по аналогии с наиболее близким убором из погребения 7 могильника Индустрия-1, представляется наиболее вероятной в рамках VIII в. до н.э. Поскольку Г.Е. Афанасьев и В.И. Козенкова отнесли погребение из Индустрии к первой половине VIII в. до н.э., возможно, близкий убор из Заюково также относится к этому периоду. В пользу этого говорит и отсутствие в погребении железных вещей, которые характерны для захоронений Заюково-3 эпохи киммерийских походов. Тем не менее, поскольку материалы, которые можно уверенно отнести к первой половине VIII в. и ранее пока на этом некрополе не обнаружены, сузить датировку до тщательного анализа материалов памятника, относящихся к предскифской эпохе, пока не представляется возможным.

[1] Поскольку гробница 1 была коллективным кремационным погребением, да еще и разрушенным строителями, единство этого убора дискуссионно. Но, даже если это детали разных уборов, морфологически они близки материалам Заюково-3.

Рис. 10. Могильник Заюково-3. Погребение 148. Вариант реконструкции костюма погребенной. Художник Д.А. Баринова.

А.Б. Белинский и С.Л. Дударев отмечают, что женский убор имел сакральную функцию и являлся отражением идеологических представлений «кобанских племен» [Белинский, Дударев 2015: 373]. Привлекает внимание факт, что при составлении женских уборов, и особенно ожерелий, в них использовались предметы одних и тех же форм, хотя количество и место их в уборе различалось. Вероятно, состав женского убора не был жестко регламентирован, важно было лишь, чтобы он был составлен из определенных компонентов, количество которых определялось самой носительницей. Представляется возможным рассматривать женское ожерелье кобанской

культурно-исторической области как орнаментальную композицию, отдельные элементы которой могут свободно комбинироваться, а в качестве определенного знака выступает все ожерелье. И.В. Палагута в исследовании, посвященном орнаменту, опираясь на этнографические наблюдения за восприятием семантики орнамента, отметил, что уже через несколько поколений изначальный смысл элементов орнамента может быть утрачен и их трактовка обновлена в сознании мастера и владельца [Палагута 2020: 57]. Возможно, это случилось и с кобанскими ожерельями.

Кроме того, большинство исследователей разделяет мнение, что женский костюм как более консервативная система, является этническим маркером. На нынешнем этапе изучения западной кобанской культуры можно предположить, что состав каждого конкретного убора индивидуален. Однако родство ожерелий из Заюково-3, Индустрии и Терезе позволяют говорить не просто о случайном сходстве, но о родстве женского костюма населения Баксанского ущелья и Кисловодской котловины и, очевидно, родство религиозных воззрений жителей указанных территорий.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Афанасьев, Козенкова 1981 – *Афанасьев Г.Е., Козенкова В.И.* О неизвестных погребальных комплексах предскифского времени из окрестностей Кисловодска // Советская Археология. – 1981. – № 2. – С. 161-177.

Белинский, Дударев 2015 – *Белинский А.Б., Дударев С.Л.* Могильник Клин-Яр III и его место среди древностей Кавказа и Юго-Восточной Европы начала эпохи Раннего железа. – Ставрополь: Дизайн-студия Б, 2015. – 373 с.

Бронзовый век… 2013 – Бронзовый век. Европа без границ. Каталог выставки. ГЭ и ГИМ, 2013 г. / Отв. ред. Ю.Ю. Пиотровский. – СПб.: Чистый лист, 2013. – 646 с.

Доманский 1984 – *Доманский Я.В.* Древняя художественная бронза Кавказа. – М: Искусство, 1984. – 238 с.

Кадиева и др. 2020 – *Кадиева А.А. Вальчак С.Б. Демиденко С.В.* Мужские погребения предскифского времени в вытянутом положении на могильнике Заюково-3 (по материалам раскопок Объединенной Северокавказской археологической экспедиции ГИМ, КБГУ и ИА РАН в 2015 г.) // Краткие сообщения Института Археологии. – 2020. – Вып. 258. – С. 165-180. DOI: http://doi.org/10.25681/IARAS.0130-2620.258.165-180

Кадиева, Демиденко 2017 – *Кадиева А.А., Демиденко С.В.* Раскопки комплекса археологических памятников близ селения Заюково (Кабардино-Балкарская Республика) // Вестник РФФИ. Гуманитарные и общественные науки. – 2017. – № 2. – С. 164-171.

Козенкова 1998 – *Козенкова В.И.* Материальная основа быта кобанских племен. Западный вариант // Свод археологических источников России. Выпуск В2-5. Т. 5 / Ред. Б.А. Рыбаков. – М.: Институт археологии РАН, 1998. – 200 с.

Козенкова 2004 – *Козенкова В.И.* Биритуализм в погребальном обряде древних «кобанцев». Могильник Терезе конца XII-VIII вв. до н.э. // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа / Гл. редактор А.Б. Белинский. – М.: Памятники исторической мысли, 2004. – Вып.V. – 220 с.

Материалы… 1900 – *Материалы* по археологии Кавказа, собранные экспедициями Московского археологического общества. Вып. 8: Могильники Северного Кавказа графини Уваровой / Под ред. и с предисл. гр. Уваровой. – М.: Типография А.И. Мамонтова и К, 1900. – 420 с.

Мошинский 2010 – *Мошинский А.П.* Древние бронзы Кавказа. – М.: Новая энергия, 2010. – 199 с.

Палагута 2020 – *Палагута И.В.* Орнамент как особый вид искусства // Вопросы истории искусства. – 2020. – № 1. – С. 45-64.

Сокровища Алании… 2011 – *Сокровища Алании*. Археологические материалы из фондов Института истории и археологии РСО-Алания / Ред. М.М. Блиев. – М.: Эксмо, 2011. – 240 с.

Техов 1977 – *Техов Б.В.* Центральный Кавказ в XVI-X вв. до н.э. – М.: Наука, 1977. – 240 с.

Хардинг 2013 – *Хардинг Э.* Дальние связи Европы в эпоху бронзы // Бронзовый век. Европа без границ. Каталог выставки ГЭ и ГИМ, 2013 г. / Отв. ред. Ю.Ю. Пиотровский. – СПб.: Чистый лист, 2013. – С. 170-182.

REFERENCES

AFANAS'EV G.E., KOZENKOVA V.I. *O neizvestnykh pogrebal'nykh kompleksakh predskifskogo vremeni iz okrestnostei Kislovodska* [About unknown pre-Scythian burial complexes from the environs of Kislovodsk]. IN: *Sovetskaya Arkheologiya*. – 1981. – No. 2. – P. 161-177. (In Russian)

BELINSKII A.B., DUDAREV S.L. *Mogil'nik Klin-Yar III i ego mesto sredi drevnostei Kavkaza i Yugo-Vostochnoi Evropy nachala epokhi Rannego zheleza* [Klin-Yar III burial ground and its place among the antiquities of the Caucasus and Southeast Europe at the beginning of the Early Iron Age]. – Stavropol: Dizain-studiya B, 2015. – 373 p. (In Russian)

Bronzovyi vek. Evropa bez granits. Katalog vystavki. GE i GIM, 2013 g. / Otv. red. Yu.Yu. Piotrovskii [Bronze Age. Europe without borders. Exhibition catalog. SE and SHM, 2013. Ed. Yu.Yu. Piotrovsky]. – SPb.: Chistyi list, 2013. – 646 p. (In Russian)

DOMANSKII Ya.V. *Drevnyaya khudozhestvennaya bronza Kavkaza* [Ancient art bronze of the Caucasus]. – M: Iskusstvo, 1984. – 238 p. (In Russian)

HARDING A. *Dal'nie svyazi Evropu v epokhu bronzy* [Long-distance communications of Europe in the Bronze Age]. IN: *Bronzovyi vek. Evropa bez granits. Katalog vystavki. GE i GIM, 2013 g. / Otv. red. Yu.Yu. Piotrovskii* [Bronze Age. Europe without borders. Exhibition catalog. SE and SHM, 2013. Ed. Yu.Yu. Piotrovsky]. – SPb.: Chistyi list, 2013. – P. 170-182. (In Russian)

KADIEVA A.A. VAL'CHAK S.B. DEMIDENKO S.V. *Muzhskie pogrebeniya predskifskogo vremeni v vytyanutom polozhenii na mogil'nike Zayukovo-3 (po materialam raskopok Ob"edinennoi Severokavkazskoi arkheologicheskoi ekspeditsii GIM, KBGU i IA RAN v 2015 g.)* [Male burials of the Pre-Scythian time in an extended position at the Zayukovo-3 burial ground (based on materials from excavations of the Joint North Caucasian Archaeological Expedition of the State Historical Museum, KBSU and IA RAS in 2015)]. IN: *Kratkie soobshcheniya Instituta Arkheologii*. – 2020. – Iss. 258. – P. 165-180. DOI: http://doi.org/10.25681/IARAS.0130-2620.258.165-180 (In Russian)

KADIEVA A.A., DEMIDENKO S.V. *Raskopki kompleksa arkheologicheskikh pamyatnikov bliz seleniya Zayukovo (Kabardino-Balkarskaya Respublika)* [Excavations of a complex of archaeological sites near the village of Zayukovo (Kabardino-Balkarian Republic)]. IN: *Vestnik RFFI. Gumanitarnye i obshchestvennye nauki*. – 2017. – No. 2. – P. 164-171. (In Russian)

KOZENKOVA V.I. *Biritualizm v pogrebal'nom obryade drevnikh «kobantsev». Mogil'nik Tereze kontsa XII-VIII vv. do n.e.* [Biritualism in the funeral rite of the ancient "Kobans". Terese burial ground of the end of the XII-VIII centuries BC]. IN: *Materialy po izucheniyu istoriko-kul'turnogo naslediya Severnogo Kavkaza / Gl. redaktor A.B. Belinskii* [Materials on the study of the historical and cultural heritage of the North Caucasus. Ch. Editor A.B. Belinsky]. – M.: Pamyatniki istoricheskoi mysli, 2004. – Iss. V. – 220 p. (In Russian)

KOZENKOVA V.I. *Material'naya osnova byta kobanskikh plemen. Zapadnyi variant* [The material basis of the life of Koban tribes. Western version]. IN: *Svod arkheologicheskikh istochnikov Rossii. Vypusk V2-5. T. 5 / Red. B.A. Rybakov* [Collection of archaeological sources of

Russia. Iss. V2-5. Vol. 5. Ed. B.A. Ribakov]. – M.: Institut arkheologii RAN, 1998. – 200 p. (In Russian)

Materialy po arkheologii Kavkaza, sobrannye ekspeditsiyami Moskovskogo arkheologicheskogo obshchestva. Vyp. 8: Mogil'niki Severnogo Kavkaza grafini Uvarovoi / Pod red. i s predisl. gr. Uvarovoi [Materials on the archeology of the Caucasus, collected by the expeditions of the Moscow Archaeological Society. Iss. 8: Tombs of the North Caucasus by the Countess Uvarova. Edited and with a foreword by the countess Uvarova]. – M.: Tipografiya A.I. Mamontova i K, 1900. – 420 p. (In Russian)

MOSHINSKII A.P. *Drevnie bronzy Kavkaza* [Ancient bronzes of the Caucasus]. – M.: Novaya energiya, 2010. – 199 p. (In Russian)

PALAGUTA I.V. *Ornament kak osobyi vid iskusstva* [Ornament as a special kind of art]. IN: *Voprosy istorii iskusstva*. – 2020. – No. 1. – P. 45-64. (In Russian)

Sokrovishcha Alanii. Arkheologicheskie materialy iz fondov Instituta istorii i arkheologii RSO-Alaniya / Red. M.M. Bliev [Treasures of Alanya. Archaeological materials from the funds of the Institute of History and Archeology of North Ossetia-Alania. Ed. M.M. Bliev]. – M.: Eksmo, 2011. – 240 p. (In Russian)

TEKHOV B.V. *Tsentral'nyi Kavkaz v XVI-X vv. do n.e.* [Central Caucasus in the 16th-10th centuries BC]. – M.: Nauka, 1977. – 240 p. (In Russian)

ИСТОРИЯ, ЭТНОЛОГИЯ И АРХЕОЛОГИЯ

Средневековая и новая история

УДК 93/94(470.6)

DOI 10.31143/2542-212X-2020-2-68-110

ПРОБЛЕМЫ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ ТРАДИЦИОННОЙ СИСТЕМЫ ИНТЕР-СОЦИАЛЬНЫХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЙ НА ЦЕНТРАЛЬНОМ КАВКАЗЕ: СТАНОВЛЕНИЕ ИСТОРИОГРАФИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ (КОНЕЦ XVIII – НАЧАЛО XX ВЕКА)

А.Х. БОРОВ

ФГБНУ «Федеральный научный центр
«Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук»
Центр социально-политических исследований КБНЦ РАН
360000, КБР, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18
E-mail: aslan-borov@mail.ru

Е.Г. МУРАТОВА

Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова
360004, Кабардино-Балкарская Республика, г. Нальчик, ул. Чернышевского, № 173
E-mail: lena_gm@mail.ru

Ю.М. АЗИКОВА

Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова
360004, Кабардино-Балкарская Республика, г. Нальчик, ул. Чернышевского, № 173
E-mail: i.azikova@kbsu.ru

Аннотация. Частью подготовительной работы к написанию обобщающей истории Кабардино-Балкарии является подведение итогов научного изучения ее ключевых проблем. Предлагаемая статья имеет целью обсуждение опыта концептуализации традиционной системы интер-социальных взаимодействий на Центральном Кавказе в общественной и научной мысли России и региона с конца XVIII и до начала XX в. За это время существенно изменились и контексты и тексты, в которых интерпретировалась соответствующая проблематика. В конце XVIII – начале XIX в. интерпретация системы интер-социальных взаимодействий в регионе была вписана в общую просветительско-географическую парадигму познания Кавказа. В первой половине XIX в. сложилась своего рода политико-этнографическая парадигма исследований региона, представленная обширной литературой. Во второй половине XIX – начале XX в. в условиях интеграции местных обществ в судебно-административную систему, экономическую жизнь и сословную структуру империи возникло своего рода локальное дискурсивное пространство, в котором обсуждение сословного и земельного вопроса оказалось тесно связано с интерпретацией природы интер-

социальных взаимодействий на Центральном Кавказе. Прямой или косвенный обмен оценками и суждениями шел между академическим социально-историческим подходом, правительственным реформизмом и просвещенными представителями местных элит. Рассмотренный в статье материал напоминает о важности историографической и методологической рефлексии для научно-исторического познания. В качестве фундаментальной для исторического изучения традиционной системы интер-социальных взаимодействий на Центральном Кавказе выступает проблема совмещения категориального аппарата социально-исторического и этно-исторического подходов к проблеме. Существенную проблему представляет обобщение совокупности исторических данных о системе интер-социальных взаимосвязей в пространстве региона, равно как об их воспроизводстве и эволюции во времени. Представляется, что любая однозначная формула здесь будет нести элементы упрощения и субъективности. Эти вопросы требуют дальнейшей тщательной проработки на теоретико-методологическом уровне.

Ключевые слова: Россия; Центральный Кавказ; владения; общества; интер-социальные взаимодействия; концепции.

THE PROBLEMS OF CONCEPTUALIZING THE TRADITIONAL SYSTEM OF INTER-SOCIAL INTERACTIONS IN THE CENTRAL CAUCASUS: THE FORMATION OF A HISTORIOGRAPHICAL TRADITION (THE END OF 18TH – EARLY 20TH CENTURY)

A.Kh. BOROV

FSBSE «Federal Scientific Center
'Kabardin-Balkar Scientific Center of the Russian Academy of Sciences'»,
Center of socio-political researches
360000, KBR, Nalchik, Pushkin street, 18
E-mail: aslan-borov@mail.ru

E.G. MURATOVA

Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov
360004, KBR, Nalchik, Chernyshevsky Str., 173
E-mail: lena_gm@mail.ru

Yu.M. AZIKOVA

Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov
360004, KBR, Nalchik, Chernyshevsky Str., 173
E-mail: i.azikova@kbsu.ru

Abstract. Part of the preparatory work for writing a generalizing history of Kabardino-Balkaria is the summing up of the scientific study of its key problems. This article is intended to discuss the experience of conceptualizing the traditional system of inter-social interactions in the Central Caucasus in the social and scientific thought of Russia and the region from the late 18th to the early 20th century. During this time, the contexts and texts in which the corresponding issues were interpreted have substantially changed. In the late 18th - early 19th century, the interpretation of the system of inter-social interactions in the region was included in the general geographical paradigm of cognition of the Caucasus informed by the enlightenment world vision. In the first half of the

19th century, a kind of political-ethnographic paradigm of regional studies emerged represented by extensive literature. In the second half of the 19th and early 20th centuries, in the context of the integration of local societies into the judicial and administrative system, economic life and the estate structure of the empire, a kind of local discursive space arose in which the discussion of the estate and land issues turned out to be closely connected with the interpretation of the nature of inter-social interactions on Central Caucasus. A direct or indirect exchange of assessments and judgments was between the academic socio-historical approach, government reformism and enlightened representatives of local elites. The material considered in the article recalls the importance of historiographical and methodological reflection for scientific and historical knowledge. The fundamental problem for the historical study of the traditional system of inter-social interactions in the Central Caucasus is the problem of combining the categorical apparatus of socio-historical and ethno-historical approaches to the problem. A significant problem is the generalization of the totality of historical data on the system of inter-social relationships in the region's space, as well as on their reproduction and evolution over time. It seems that any unambiguous formula here will carry elements of simplification and subjectivity. These issues require further careful study at the theoretical and methodological level.

Keywords: Russia; Central Caucasus; possessions; communities; inter-social interactions; conceptions.

Введение

Создание обобщающей академической истории Кабардино-Балкарии остается на повестке дня исторической науки республики. Разумеется, это масштабная задача, решение которой должно быть подготовлено выполнением конкретных исследований по широкому кругу проблем, относящихся к различным аспектам и периодам исторического развития. Но даже при наличии достаточного материала требуется предварительная проработка сложной проблемы методологического синтеза.

Специфика этой проблемы в случае Кабардино-Балкарии, как и некоторых других северокавказских республик, связана с полисубъектностью регионального исторического процесса. В обобщающей истории республики должен быть осуществлен синтез национальных историй ее народов.

Дополнительную трудность здесь создает выход проблемы на актуальную общественно-политическую ситуацию, в которой все еще большое место занимает проблематика межнациональных отношений. Но одновременно это делает ее решение еще более настоятельным. На основе представлений об истории Кабардино-Балкарии как механическом объединении сугубо самостоятельных, «параллельных» историй ее народов нельзя утвердить их республиканскую гражданскую идентичность. А в ее отсутствие разговоры об их общероссийской гражданской идентичности являются бессодержательными.

Таким образом, обобщающая история республики должна нести не только научно-познавательные, но и социальные функции. В традиции научной историографии и в новейших историко-теоретических работах присутствует тенденция разводить и противопоставлять эти функции историописания. Разрыв и параллельное существование научно-ориентированной и социально-ориентированной истории рассматривается как один из базовых признаков актуальной социокультурной и теоретико-познавательной ситуации. Понятие

«социально-ориентированная история» говорит не о социальной обусловленности процесса познания, а о том, что в новой ситуации существует потребность в специальном конструировании исторического знания, которое направлено на удовлетворение потребностей социума и не базируется на исторической науке, хотя особым образом востребует ее фактологию [Маловичко, Румянцева 2013: 5, 8, 9].

Думается, что обобщающие академические труды не укладываются в эту дихотомическую схему. Все те конкретные результаты, на которых они базируются, должны носить строго научный характер, а их конструктивные социальные функции могут реализоваться через синтез и строго научное обобщение этих результатов. Для профессиональных историков нет никакой необходимости отступать от принципов объективности в политических интересах так же, как подчинять интересы современного общества отдельным элементам прошлого опыта.

Частью подготовительной работы к написанию обобщающей истории Кабардино-Балкарии является подведение итогов научного изучения ее ключевых проблем. Предлагаемая статья имеет целью начать обсуждение опыта концептуализации традиционной системы интер-социальных взаимодействий на Центральном Кавказе в общественной и научной мысли России и региона. Мы не обозначаем весь этот опыт понятием «историография проблемы», поскольку речь в ней идет не только о профессиональной научной историографии, но об определенном срезе того, что М.Е. Колесникова обозначила как «интеллектуальное кавказоведение» [Колесникова 2012]. Помимо прочего, это обусловлено тем, что для нас важно принимать во внимание социальные установки авторов рассматриваемых текстов и их взаимодействие с собственно историческими концепциями. А в выборе конкретного предмета данной статьи мы опирались на обоснованную ею же, характеристику второй половины XVIII – начала XX в. как периода становления северокавказской историографической традиции [Колесникова 2011].

Академические экспедиции конца XVIII – начала XIX в.: открытие социально-политической географии Центрального Кавказа

Исследователи истории отечественного кавказоведения отмечают, что обзоры путешествий, совершенных во второй половине XVIII – первой половине XIX в. на Северный Кавказ, такими учеными как С.-Г. Гмелин, И.А. Гильденштедт, П.С. Паллас, Я. Рейнеггс, Я. Потоцкий, Г.-Ю. Клапрот, заложили основы интеллектуального кавказоведения, явились началом складывания северокавказской историографической традиции [Колесникова 2012].

На наш взгляд, историографическая актуальность материалов первых академических экспедиций на Кавказ обусловлена как раз их пионерским характером. Программа исследований была сформулирована максимально широко и всесторонне. Речь шла о том, чтобы предоставить просвещенному европеизированному сознанию и просвещенной Российской монархии систему

рациональных знаний о новой для них стране. Таков труд И.А. Гильденштедта (1744-1774), познавательный интерес которого не был ограничен рамками научной традиции (которая еще не сложилась) и не был зашорен нацеленностью на решение какой-то конкретной научной проблемы. Тем самым представление системы интер-социальных взаимодействий на Северном Кавказе у И.А. Гильденштедта приобретает широту и фундаментальность, которые были в известной степени утрачены в последующей историографической традиции.

Прежде всего, картина кавказского мира, представшая глазам русско-европейского исследователя, была чрезвычайно пестрой в этническом и социально-политическом плане. И.А. Гильденштедт отмечал, что в Кавказских горах «находится большое число меньших и больших остатков народов и их скопищ», они «обитают в почти бесчисленном количестве округов и уездов, которые частью друг с другом имеют отношения, частью полностью [живут] сами по себе, и обитатели их говорят на чрезвычайно различных языках, являются то подданными деспотов, то без начальства и состоят только [под властью] выбранных ими самими старейшин, не знают ни законов, ни послушания» [Гильденштедт 2002: 223]. Уже здесь обозначена общая предпосылка высокого удельного веса и значимости интер-социальных взаимодействий в регионе: сама дробность этно-социального пространства делала их неизбежными, а «разноуровневость» социально-потестарных систем предопределяла их асимметричный характер.

С этой точки зрения прямое отношение к анализу интер-социальных связей имеет предпринятая И.А. Гильденштедтом попытка определенным образом упорядочить пестрое разнообразие языковых, социальных и территориальных общностей региона. Таксономия различных общностей, которую И.А. Гильденштедт построил путем сравнения «образцов языка», «государственных устройств», «исторических обстоятельств», «физического сходства» и т.д. выглядит следующим образом: различные диалекты сводятся к немногим языкам; многочисленные народы составляют немногие нации; множество уездов и округов образуют немногие провинции [Гильденштедт 2002: 223]. Таким образом, он выделил на Северном Кавказе укрупненные «провинции», соответствовавшие областям расселения карачаево-балкарцев (Басиания), адыгов (Черкесия), осетин (Осетия), вайнахов (Кистия), дагестанских народов (Лезгистан).

Здесь важно обратить внимание на то, что у И.А. Гильденштедта «нация» – не более чем культурно-лингвистическая общность, а «провинция» – совокупность расположенных рядом округов и уездов. Они не образуют социально-территориальных или территориально-политических целостностей. «Понятие о провинции и народе будет определено, если к этой нации причислить все те округа, которые похожи по внешнему виду, государственному устройству и обычаям и особенно в языке, несмотря на то, держатся ли [эти провинции и народы] вместе или признают различную верховную власть» [Гильденштедт 2002: 239].

Описывая какую-либо из названных «провинций», И.А. Гильденштедт

может просто перечислить входящие в нее округа, никак не характеризуя «внутренние» для нее связи социально-территориальных единиц. Так, о различных «округах» провинции Басиана он замечает только, что они «говорят на мало отличающихся друг от друга диалектах упомянутого ногайско-татарского [языка]» [Гильденштедт 2002: 224]. Жители провинции Осетия «делят свою страну и себя на различные уезды», над некоторыми из них владычествуют кабардинские князья, но и те из них, которые более или менее независимы «не только не держатся вместе между собой, но живут партиями в открытой вражде, осложняют свою суровую жизнь и сами себе устраивают ссоры» [Гильденштедт 2002: 235]. «В Черкесии нет общего собственно правителя, и между ее округами нет регулярных отношений, хотя государственное устройство страны является республиканским. Князья между собою воюют и подчиняют [один другого] и часто объявляют себя [сторонниками] совершенно противоположных партий» [Гильденштедт 2002: 228]. И.А. Гильденштедт дает «множеству уездов или округов…, которые располагаются в значительной части главных гор около Сунджи», название «Кистия или Кистетия», но оговаривает: «Жители этих округов, правда, не уживаются между собой, частью [состоят] в открытой вражде и еле удерживаются вместе те, которые живут на одной реке» [Гильденштедт 2002: 238]. Иными словами, и «внутри» выделенных И.А. Гильденштедтом северокавказских «провинций», имеют место интер-социальные взаимодействия, сторонами которых выступают социально-территориальные единицы, а не сословия или классы. Такие взаимодействия могут характеризоваться, с одной стороны, низкой интенсивностью, а с другой – конфликтностью. В то же время для тех или иных социально-территориальных единиц («округов»), отнесенных к данной «провинции», могут оказаться более значимыми отношения с «округами» или владельцами, отнесенными к другим «провинциям».

И.А. Гильденштедт фиксирует наличие внешних связей и у басиан (балкарцев), и у осетин, и у кистинцев (прежде всего, ингушских обществ). И каждый раз речь идет о «различных округах», «некоторых», «части» уездов или округов, а не обо всей этнической общности. Другой стороной интер-социальных взаимодействий у него выступают «правители Грузии», «кабардинские князья», «аксайские князья», «это государство» – то есть Россия. Характер их отношений с горскими обществами выражается словами «подданные», «подвластные», «подчинение», «владычество», «покровительство» [Гильденштедт 2002: 225, 235, 238]. И.А. Гильденштедт полагает, что в прежние времена все эти общества были подвластны Грузии, а впоследствии, ввиду внутренних раздоров и ослабления Грузии, освободились, но некоторые оказались под властью уже кабардинских и аксайских (кумыкских) владельцев. Вообще, в качестве естественного основания для конфигураций, которые принимают интер-социальные взаимодействия, для него выступает сила. Подобно тому, как ослабевшая Грузия естественным образом лишилась своего доминирования над горцами Северного Кавказа, теперь для них столь же естественно искать покровительства нового

могущественного соседа – России. «Они находились в прежнее время под покровительством кабардинского и алкайского [аксайского – авт.] князей», пишет И.А. Гильденштедт об «ингушцах» – но теперь «они переменили этих незначительных покровителей на покровительство России» [Гильденштедт 2002: 240].

Наиболее полное представление факторов и содержания интер-социальных взаимодействий на Центральном Кавказа дает характеристика И.А. Гильденштедтом отношений балкарских обществ с кабардинскими князьями: «Все басианцы, вероятно, были подданными правителей Грузии… Сейчас у них нет ничего общего с грузинскими правителями, так как последние частью бессильны, частью потому, что их страна лежит между высоких диких снежных гор и у округа Сванети. ... Но тем более басиани имеют дело с кабардинцами, потому что различные басианские округа платят подать различным кабардинским князьям; обычно одна семья ежегодно отдает одну овцу. Кабардинцы более могущественны, и басианцы гонят скот зимой в кабардинское владение, и уже поэтому они должны подчиняться» [Гильденштедт 2002: 225]. Здесь в равной степени важны и «могущество» кабардинских князей, и постоянная необходимость гонять зимой скот «в кабардинское владение», и естественная защищенность басианских жилищ «высокими дикими снежными горами». Не остался незамеченным И.А. Гильденштедтом особый статус владельцев Черекского ущелья, т.е. округа, называемого «Малкар – по-басиански; Балкар – по-черкесски; собственно Басиани – по-грузински». «Фамилия Басиат в округе считается княжеской и также признается черкесами за таковую, – свидетельствует И.А. Гильденштедт. – От нее, вероятно, грузины принимают название Басиана для всей страны» [Гильденштедт 2002: 224].

В целом, возникавший в материалах И.А. Гильденштедта культурно-исторический образ Кавказа представлял собой его отражение в зеркале европеизированного просвещенного сознания. При этом полагалось, что именно рациональное европейское сознание может преодолеть познавательные трудности и дать народам Кавказа истинное знание о них самих, поскольку «невежество, частью дикость самих народов и незначительность многих из них сохранили их в такой темноте, что о старине знали мало и еще меньше что-то достоверное, и многие почти не знали своего названия, которое также еще было искажено» [Гильденштедт 2002: 223]. Эта установка на географическое описание Кавказа с просветительских позиций сохранила свое влияние в российском кавказоведении практически до конца имперской эпохи, а в конце XVIII в. она доминировала. Ею отмечено «Всеобщее историко-топографическое описание Кавказа» врача и авантюриста Якоба Рейнеггса, ставшего в 1781-1783 гг. «комиссионером» Г.А. Потемкина при Картли-Кахетинском царе Ираклии II и Имеретинском царе Соломоне I [Рейнеггс 1974]. Она присутствует и в описании «Путешествия по Астраханским степям и по Кавказу» просвещенного европейского аристократа Я. Потоцкого, находившего, что труд Я. Рейнеггса грешит многими неточностями [Потоцкий 1974]. В академическом русле, но все более сближавшемся с интересами

имперской политики в регионе, просветительско-географическая традиция была продолжена П.-С. Палласом и Г.-Ю. Клапротом.

Академик Петр Симон Паллас (1741-1811), который был одним из руководителей большой академической экспедиции 1768-1774 гг. и подготовил к изданию работы И.-А. Гильденштедта, С.Г. Гмелина, Л.Л. Штедера, совершил в 1793-1794 гг. путешествие по южным провинциям России, включая Северный Кавказ. Описание этого путешествия было издано на немецком языке в Лейпциге (1799 г.).

П.С. Паллас провел около месяца именно на Центральном Кавказе и его «Описание народов Кавказа» охватывает абазин (тапанта и башильбай), ногайцев, осетинские, балкарские, вайнахские общества и, как оговаривает сам П.С. Паллас, «особенно черкесов», из которых наибольшее внимание уделено кабардинцам [Pallas 1799: 363-424].

Вслед за И.А. Гильденштедтом он считал необходимым внести определенный порядок в представление о многочисленных горских народах, говорящих на разных языках. П.С. Паллас принимал народоведческую классификацию и политическую географию Северного Кавказа, разработанную И.А. Гильденштедтом, но считал, что последний был не всегда точен в описании обычаев и нравов тех или иных народов [Pallas 1799: 363-364]. Те уточнения, которые П.С. Паллас собирался внести или внес в описания И.А. Гильденштедта не входят в предмет настоящей статьи, но в концептуальном плане он заметно изменил представление системы интер-социальных взаимодействий на Центральном Кавказе. Суть этих изменений – в акцентировании исторического измерения, охватывающего ее генезис, актуальное состояние и направление ее желательной трансформации.

Ответ на вопрос о возникновении наблюдаемого на Центральном Кавказе социально-политического порядка связан с характеристикой черкесов как «воинственной народности», которая населяет предгорья и «прекрасную равнину», «прежних обитателей которой она изгнала или большей частью подчинила». Отождествляя «народ» с княжеско-дворянским сословием, П.С. Паллас пишет, что это «род рыцарей (eine Art von Rittern), которые соблюдают «подлинную феодальную систему» (vollkommenes Feodalsystem) в отношениях между собой и к своим подданным, подобную той, которую немецкое рыцарство ввело прежде в Пруссии и Лифляндии, с еще большей строгостью и бесчеловечностью [Pallas 1799: 373]. Это сравнение не подвергалось в литературе специальному анализу, но очевидны два его аспекта. Аналогия проводится как между иерархически организованными воинскими корпорациями, так и их политическим практиками, направленными на подчинение земель и народов. Что касается «большей строгости и бесчеловечности» черкесской феодальной системы, то в тексте П.С. Палласа она никак не обосновывается, а скорее опровергается последующим суждением о «мягком обращении» черкесских «господ» со своими подданными, что позволяет, по его же словам, «с меньшей суровостью судить об аристократическом строе этой храброй народности рыцарей» [Pallas 1799: 373].

И внутренние для аристократических адыгских (черкесских) обществ социальные отношения и характер их отношений с другими горскими обществами определяются, по смыслу суждений П.С. Палласа, образом жизни черкесской феодальной аристократии. «Князья и рыцари, – пишет он, – не имеют никаких других занятий кроме войны, грабежей и охоты» [Pallas 1799: 383]. Уздени или рыцари держат народ в повиновении и обязаны князьям только службой во время войны. В описание повинностей, которые несут в пользу аристократии «подданные или крестьяне» П.С. Паллас включает и обязанности других горских обществ: «Одни только горские народы, которые должны платить дань черкесским князьям, например, абазины, осетины, дугоры, базиане, балкарцы, карачаи и карабулаки, дают из каждой семьи обычно овцу или ее стоимость войлоком, буркой, полотном, медной посудой и тому подобное. Каждый, у кого есть овцы, будь то отара большая или маленькая, дает летом князю овцу, чтобы князь мог постоянно держать открытый стол» [Pallas 1799: 384-385].

Эта общая констатация конкретизируется и получает дополнительные измерения в характеристике отношений кабардинских князей с абазинскими и балкарскими обществами.

О Малой Абазе, «называемой Алтыкесек», П.С. Паллас замечает, что у них «нет князей, а только старейшины племен, и кабардинцы рассматривают их как своих подданных». Они были бы по-своему богаты, если бы не постоянные притеснения со стороны черкесских князей при том, что «[п]раво кабардинцев на этот народ основано на узурпации» [Pallas 1799: 365-366]. При генерале Фабрициане абазины стали независимы, но при последующих более мягких русских командующих снова попали «под кабардинское иго» (unter das Kabardinische Joch) [Pallas 1799: 366].

Применительно к балкарцам, живущим главным образом «по Череку высоко в горах», П.С. Паллас указывает, что за выпас скота на равнинных пастбищах они должны платить дань черкесам, которые рассматривают их «как подданных» [Pallas 1799: 408]. И снова П.С. Паллас подчеркивает, что балкарцы «ищут способа прийти под русское покровительство, чему черкесы всеми силами стараются препятствовать и поэтому никого не пропускают на Линию. В 1783 г. несколько базиан, посланных искать этого покровительства, пробились окольными путями к подполковнику Штедеру. Но возвратились они лишь с голыми обещаниями» [Pallas 1799: 408-409]. П.С. Паллас иллюстрирует остроту проблемы ситуацией, свидетелем которой он был сам, находясь в русском лагере на Баксане. Чтобы не допустить установления связи русского отряда с балкарцами Черекского ущелья кабардинцы объявили о появлении там эпидемии чумы. «Под этим предлогом они заняли узкие проходы, которые ведут туда, и грозили расстрелять каждого, кто намеревался пересечь Кабарду, чтобы отрезать балкарцев от связи с нами» [Pallas 1799: 410].

Таким образом, выстраивается законченная историческая концепция, логическое ядро которой образует представление о неустойчивом, преходящем характере системы интер-социальных взаимодействий на Центральном Кавказе, построенной на отношениях зависимости горских социально-территориальных

образований от кабардинских князей. Это представление задает оценочные характеристики генезиса и перспектив наблюдаемого социально-политического порядка в субрегионе. «Воинственный народ», предводительствуемый военно-рыцарским сословием, некогда занял благодатные предгорные и равнинные территории Центрального Кавказа, вытеснив и подчинив себе прежних жителей. Его господствующее положение основано на узурпации и противоречит жизненным интересам горских обществ. Перспектива их освобождения от этой зависимости связана с установлением российского контроля в регионе. Горцы стремятся под покровительство России, а кабардинские владельцы всячески этому препятствуют, не желая отказаться от своей свободы и своих прав на окрестные «народы». Благоприятный для России момент состоит в том, что соперничество кабардинских князей между собой делает их менее опасными противниками, а правильная политика для России заключается в том, чтобы постараться сделать из черкесов своих добрых подданных и поставить себе на службу их воинскую доблесть, ибо «их легкая кавалерия могла бы составить наиболее устрашающий корпус войск, который когда-либо появлялся на полях сражений» [Pallas 1799: 373].

Новый политический контекст академического изучения Центрального Кавказа, связанный с началом решения практических вопросов установления имперского контроля в регионе, который России предстояло интегрировать и «цивилизовать», отразился и в материалах путешествия по Кавказу в 1807 и 1808 гг. академика Генриха-Юлиуса Клапрота (1783-1835). Характерно содержание одного из пунктов программы его исследований, предложенного Я. Потоцким: «Осетины являются, вероятно, наиболее легко поддающимся цивилизации народом Кавказа, и путешественнику следует изучить их с этой точки зрения; необходимо установить, что до сих пор задерживало их развитие и что надо сделать для ускорения приобщения их к цивилизации. … Я снова повторяю, что любопытное всегда должно уступать место полезному и основной целью должно быть лучшее ознакомление с Кавказом» [Осетины глазами… 1967: 106].

В общих чертах Г.-Ю. Клапрот воспроизводит концепцию П.С. Палласа, но в ряде деталей отражает реальность интер-социальных взаимодействий на Центральном Кавказе, которая оказывается сложнее, чем это представлял П.С. Паллас.

Специфику традиционного социально-политического порядка в регионе и у него также задает социальный «габитус» кабардинских князей – «ленных владельцев относительно дворян», глубоко убежденных в своем прирожденном особом статусе. Г.-Ю. Клапрот указывает, что «ни у одного народа не простирается так далеко гордость благородства, как у Черкесов», предпочитающих всему на свете свой образ жизни, состоящий в «войне, звериной охоте и воровстве, и те, которые у них отличаются в сих занятиях, пользуются особливым уважением» [Извлечение… 1812: 17, 24. 27, 43]. К 1807-1808 гг. князей стало гораздо меньше вследствие эпидемии чумы, «которая сделала между народом великое опустошение», а военное присутствие России ограничивает их своеволие. Но их традиционные представления и социальные

установки сохраняют свою прочность. «Прежде власть Черкесских Князей простиралась еще на Осетинцов, Чеченцов, Абассов, и на Татарские племена, обитающие в горах при верховьях Чегема, Баксана, Малки и Кубани; но по занятии сих стран Русскими, они потеряли прежнюю свою силу, хотя до ныне еще почитают себя повелителями сих народов», – свидетельствует Г.-Ю. Клапрот [Извлечение… 1812: 18].

Однако воспроизводство «асимметричных» интер-социальных связей поддерживается не только консерватизмом и волей кабардинских князей. В материалах Г.-Ю. Клапрота присутствуют указания еще на три обстоятельства, которые также играют здесь свою роль. Во-первых, это сама давность установления отношений зависимости, в результате чего и чрезмерные, выходящие за рамки обычая притязания кабардинских князей, и отказ от уплаты «старинной подати» выступают как нарушение традиционного порядка и порождают конфликты [Осетины глазами… 1967: 156; Клапрот 1974: 257]. Во-вторых, взаимовыгодный характер интер-социального взаимодействия в определенных отношениях. Это может быть хозяйственная взаимозависимость (Г.-Ю. Клапрот показывает это на примере отношений кабардинцев и дигорцев) или потребность в покровительстве и защите (как в случае отношений карачаевцев и кабардинцев) [Осетины глазами… 1967: 156; Клапрот 1974: 247]. Наконец, новые основания для интер-социальной «сцепки» горских обществ и кабардинских владельцев возникали в связи с перемещением горцев в предгорья и на равнину. Г.-Ю. Клапрот приводит пример нескольких осетинских селений на Урсдоне, Урухе и Лескене, которые были основаны на землях Мало-Кабардинских владельцев: «Поскольку эти фамилии дигорцев населяют и обрабатывают землю черкесов, они рассматривают себя вместе со всем народом вассалами фамилии Тау-Султанов, которым они платят дань… Тау-Султаны посылали даже воспитывать своих детей в Истир-Дугор, и эта мера значительно укрепила их взаимную связь, так как князь становился, так сказать, членом народа и знал язык страны» [Осетины глазами… 1967: 155-156]. В оценку политической реальности, связанной с продвижением России им привносится важная оговорка: «Продвижение русских до Кубани и верховьев Терека очень ослабило черкесов, что позволило осетинам, обитающим к северу от гор, использовать подходящие обстоятельства и освобождаться от подданства черкесам всякий раз, когда их интересы не требовали этого подчинения» [Осетины глазами… 1967: 155]. Иными словами, это «подданство» не всегда противоречило интересам самих горцев.

Таким образом, основная линия эволюции просветительско-географического подхода в кавказоведческих штудиях от И.А. Гильденштедта к П.С. Палласу и Г.-Ю. Клапроту заключалась в возрастании влияния на оценки и суждения по проблеме интер-социальных взаимодействий в регионе политических и военно-административных задач, решаемых имперской властью. Если И.А. Гильденштедт обосновывал важность историко-этнографического изучения народов Кавказа просто тем, что «Россия имеет отношения с этими народами в течение трех столетий», то для П.С. Палласа географическое пространство региона уже структурировано пограничной

Кавказской линией, на которой создаются колонии и которую надо защищать от «вторжений горских народов» [Гильденштедт 2002: 223; Pallas 1799: 298-299]. Г.-Ю. Клапрот прямо фиксирует места, где можно ставить посты, чтобы «сдерживать жителей гор, кабардинцев и чеченцев» и думает о том, какими мерами более эффективно можно удержать в повиновении кабардинских князей [Извлечение… 1812: 23-24].

Некоторая «политизация» просветительско-географической парадигмы имела еще одно существенное последствие. В документальных источниках XVIII в. по социально-политическим взаимоотношениям на Центральном Кавказе сплошь и рядом фигурируют конкретные княжеские фамилии и имена. И.А. Гильденштедт, кажется, только один раз использует для представления сторон интер-социальных взаимодействий этнонимическую номенклатуру – «басиани имеют дело с кабардинцами», но тут же уточняет – «потому что различные басианские округа платят подать различным кабардинским князьям» [Гильденштедт 2002: 225]. П.С. Паллас уже не так заботится об уточнении, когда говорит о «народах» Малой Абазы, что «кабардинцы рассматривают их как своих подданных» или о том, что «право кабардинцев на этот народ» основано на узурпации [Pallas 1799: 365-366]. А для Г.-Ю. Клапрота является правилом ограничиваться указанием на этническую принадлежность сторон интер-социальных взаимодействий [Осетины глазами… 1967: 157; Клапрот 1974: 238, 239, 245]. Можно предположить, что такой сдвиг в сторону оперирования укрупненными этнонимическими категориями был обусловлен двумя обстоятельствами. Во-первых, в начале 1790-х гг. завершилось формирование Кавказской укрепленной линии и она стала главным структурирующим элементом политической географии Северного Кавказа. В глазах командования и офицеров, служащих на линии, гораздо важнее были отношения с теми или иными «залинейными народами», чем детали их интер-социальных взаимодействий между собой. Линия во многом определяла маршруты передвижений П.С. Палласа и Г.-Ю. Клапрота по Центральному Кавказу, а общение с военными чинами на линии не могло не повлиять на восприятие ими этносоциального ландшафта региона. Во-вторых, за три с лишним десятилетия после 1774 г. произошло кардинальное ослабление социально-политических позиций в регионе кабардинского княжеского сословия, выступавшего формирующей силой традиционного интер-социального порядка на Центральном Кавказе. Многие элементы этого порядка уходили в историю.

«Народоведение» Центрального Кавказа в контексте имперской политики покорения региона

Указанные выше обстоятельства на десятилетия вперед определили характер изучения Кавказа в России – «завоевание Кавказа Россией шло вместе со становлением российского кавказоведения». Запросы военной и административной политики государства служили важнейшим стимулом для этого, и в 1840-е гг., когда Кавказская война была еще в самом разгаре, «высшие российские власти пытались как можно точнее уяснить себе характер

местного права и общества у новых мусульманских подданных Империи на Кавказе» [Бобровников 2002: 147-148]. Наряду с географией Кавказа военных авторов первой половины XIX в. все больше интересует этнография народов региона. Политико-этнографическая парадигма кавказоведческих штудий представлена обширной литературой, но непосредственно интересующий нас предмет нашел в ней весьма неравномерное отражение. С достаточной полнотой, оставляющей место для анализа эмпирических и концептуальных аспектов проблемы, он присутствует в сводных работах, прежде всего, у С.М. Броневского и И.Ф. Бларамберга.

Работа С.М. Броневского, создававшаяся в 1804-1810 гг., носит переходный характер от просветительско-географической к политико-этнографической парадигме познания Кавказа. С.М. Броневский широко опирается на труды И.А. Гильденштедта, С.Г. Гмелина, П.С. Палласа, говорит о своих ожиданиях от публикации материалов путешествия Г.-Ю. Клапрота, помещает свою работу в рамки географической парадигмы, обнимающей географию «историческую, политическую, гражданскую и естественную» и направленную на конечный результат построения «Систематической Географии Кавказа» [Броневский 1823а: VIII, XIII, XXVI]. Но наряду с этим он указывает на военно-политическую значимость знаний о географии Кавказа, которые «казались быть в наши времена наипаче нужными для Русских Офицеров, в том краю служащих», и замечает, что «успехи Географии медленны и неразлучны с успехами оружия» [Броневский 1823а: IX, 9].

Проблематика интер-социальных взаимодействий на Центральном Кавказе занимает достаточно скромное место в обзорных историко-этнографических трудах первой половины XIX в. и новые, по сравнению с предшествующей литературой, конкретные свидетельства и факты встречаются крайне редко. С.М. Броневский сообщает о абазинах тапанта: «Сие колено Абазинцев, стесненное в прежних своих жилищах от междоусобных несогласий, перешло на северную сторону гор в нынешнее местопребывание в исходе 17-го столетия, с согласия Кабардинцев, отступивших далее на восток к Баксану и Тереку, и с того времени находится в зависимости Кабардинских Князей. По временам перешедшие на правую сторону Кубани некоторые отделения сих родов состоят в Российском подданстве под властью Князей Большой Кабарды. Прочие, оставшиеся по сю сторону Кубани, стараются освободить себя от сей зависимости; да и все вообще Абазинцы шестиродные неохотно признают над собой власть Кабардинцев, которые домогаются утвердить прежнее право свое над ними, равно как и некоторые Закубанские Князья, отчего нередко случаются у них распри, а между тем Абазинцы ищут убежища то на одной, то на другой стороне Кубани» [Броневский 1823а: 331, 332-333]. Этот весьма информативный отрывок говорит и о причинах передвижения «Малой Абазы» на северный склон Кавказского хребта, и об основаниях установления их зависимости от кабардинских князей, и о напряженном характере их отношений, и о влиянии пограничного положения верховьев Кубани на социально-политические взаимоотношения местных

владений и обществ.

С.М. Броневский включает также в описание ингушских обществ характеристику их отношений с кабардинскими князьями, основанную на материалах разбирательства генералом де Медемом в 1873 г. «взаимных притязаний между Кабардинцами и Ингушами», после принятия последними в 1870 г. присяги на российское подданство. Речь идет о том, что «Аксаевские и Кабардинские князья издревле стараются утвердить над Ингушами временные права завоевания наложением даней и требованием всегдашнего от них покорства», а «Ингушевские Старшины», со своей стороны, признавая, что «временно они и платили подать Кабардинцам», но «подвластными им никогда себя не признавали, а тем паче не признают себя с того времени, как они поступили в Российское подданство…» [Броневский 1823b: 164-165].

И.Ф. Бларамберг затрагивает несколько больше конкретных сюжетов из области интер-социальных взаимодействий на Центральном Кавказе, хотя в большинстве случаев использует материалы П.С. Палласа, Г.-Ю. Клапрота и того же С.М. Броневского.

Так, говоря об абазинах тапанта, он суммирует сведения и суждения П.С. Палласа и С.М. Броневского. То, что абазины «были покорными князьям Кабарды», объясняется тем, что когда «это племя» покинуло свою бывшую территорию в конце XVII в. и перешло на северный склон Кавказа, кабардинцы уступили ему землю, которую оно теперь занимает, но при этом установили над ним свое господство [Бларамберг 1999: 285, 288]. В хозяйственно-экономическом плане подчеркивается, что абазины «смогли бы разбогатеть, если бы черкесы не отнимали у них все, что они зарабатывают». В социально-политическом плане отмечается феодально-иерархическое оформление отношений: кабардинские князья признают абазинских князей «равными кабардинским узденям», причем этого различия «не существовало до тех пор, пока они не подчинились черкесам». Фиксируются изменения в отношениях кабардинских и абазинских владельцев, связанные с установлением военно-политического контроля России над Центральным Кавказом. По оценке И.Ф. Бларамберга, если почти весь абазинский народ «раньше подчинялся черкесам», то теперь русские войска держат черкесов в страхе и те «стали меньше тревожить абазин», хотя «еще и сегодня высокомерно относятся к ним» [Бларамберг 1999: 288].

Кабардино-осетинские отношения И.Ф. Бларамберг с опорой на Г.-Ю. Клапрота интерпретирует в широком контексте этнополитической истории региона. Он предполагает, что высокогорные долины Кавказа, так же как и Кабарда, были заселены осетинами еще с давних времен, потом они были изгнаны с территории предгорий черкесами, которые заняли обе Кабарды»; «[о]бъединение черкесских князей постепенно усилилось, и осетины стали их данниками». Продвижение в регион России «значительно ослабило черкесские племена, и осетины, живущие на северном склоне Кавказа, воспользовались этим обстоятельством и стали независимыми от черкесов» [Бларамберг 1999: 224-226]. Близко к сведениям Г.-Ю. Клапрота стоит также его характеристика карачаевцев, о которых он говорит, что «они относятся к числу наиболее

цивилизованных народов Кавказа», оказывающих «цивилизующее влияние на своих соседей». Но одновременно, согласно И.Ф. Бларамбергу, «[о]ни выказывают исключительное смирение и уважение к своим владыкам – князьям Кабарды», которым они «обязаны платить дань» и «которых они считают, всех без исключения своими сюзеренами» [Бларамберг 1999: 312, 313]. Что касается ингушских обществ, И.Ф. Бларамберг практически ничего не добавляет к материалам С.М. Броневского, говоря о том, что аксайские и кабардинские князья «еще с давних времен пытаются присвоить себе право повелевать ингушами и требуют от них ежегодной дани» и излагая сюжет о взаимных притязаниях ингушских старшин и кабардинских князей, ставших в 1773 г. предметом разбирательства тогдашнего командующего на линии генерала де Медема [Бларамберг 1999: 346].

Относительно балкарских обществ («бассиан») И.Ф. Бларамберг высказывает суждение о том, что обретя свободу от грузинского господства, когда Грузия была завоевана монголами, «позже они попали в зависимость от кабардинцев и оставались в этом положении до самого последнего времени» [Бларамберг 1999: 320-321]. В качестве общего фактора, обусловившего эту зависимость, он указывает и для балкарского и для чегемского общества потребность в использовании зимних пастбищ и в коммуникациях с внешним миром через территорию Кабарды. Вместе с тем, относительно чегемцев вслед за Г.-Ю. Клапротом он отмечает в общем виде, что «все они зависят от князей Кабарды, которые время от времени требуют уплаты старинной дани, в чем чегемы часто им отказывают, защищая свои интересы с оружием в руках» [Бларамберг 1999: 322-323].

Фиксация набора конкретных «кейсов» по интер-социальным взаимодействиям на Центральном Кавказе у С.М. Броневского и И.Ф. Бларамберга приобретает концептуальную глубину, если соотнести их с некоторыми общими характеристиками традиционного социально-политического порядка в регионе.

Прежде всего, они отмечают универсальное для всех местных обществ значение силы и насилия как регулятора взаимных отношений. С.М Броневский замечает, что трудно найти на земном шаре народы, «кои бы с большим упорством защищали себя и посягали на своих соседей, как жители Кавказских гор», «все без изъятия ведут войну с своими соседями: Черкесы с Абхазами, Кабардинцы с Осетинцами и Чеченцами; Осетинцы с Кистами; Чеченцы почти со всеми окружающими их коленами; Лезгинцы с Грузиею и Ширваном» [Броневский 1823а: 34]. И все же на этом фоне войны как «образа жизни сих народов» он выделяет «племена», которые, «не довольствуясь краткими набегами», приобрели «славу завоевателей, как-то Кабардинцы и Лезгинцы» [Броневский 1823а: 34]. И.Ф. Бларамберг повторяет суждения о том, что «[в]се эти народы имеют большую склонность к войне» и о том, что кабардинцы и лезгины «не ограничились разбоем или кратковременными вторжениями к своим соседям, но стали завоевателями» [Бларамберг 1999: 40, 41].

Вопрос о природе регулярных набегов на Восточную Грузию, практиковавшихся на протяжении XVI-XVIII вв. дагестанскими вольными

обществами и владетелями, не входит в предмет настоящей работы. Что же касается кабардинцев, то их характеристика как «завоевателей» у С.М. Броневского неотделима от характеристики социального статуса и военно-феодальных социальных практик княжеского сословия Кабарды. «Владельцы Большой Кабарды, – отмечает он, – издревле присваивают себе некоторые преимущества над Малою Кабардою, которая по малосилию своему нередко претерпевает от них притеснения; таковым же притязаниям подвержены и прочие их соседи, как-то: *Ингуши*, *Осетинцы*, *Дугорцы*, *Балкарцы*, *Абазинцы*, *Бесленейцы*, из коих иные платят им дань, и все опасаются их неприязни. И хотя Князья Большой Кабарды гораздо обессилели против прежнего от истребительных следствий войны, каковую они не преставали возжигать по всему Кавказу, однако они почитают себя по рождению и по делам своим первыми рыцарями не только между Черкесами, но и между всеми Кавказскими народами. В самом деле нельзя отрицать сего первенства, Кабардинским чванством увеличенного» [Броневский 1823b: 88-89]. То же самое с небольшими вариациями повторяет и И.Ф. Бларамберг [Бларамберг 1999: 205].

В литературе этот фрагмент цитируется либо как одно из свидетельств «политического господства Кабарды» над горцами Центрального Кавказа, либо как сконструированное русскими исследователями и офицерами (и подчиненное целям создания плацдарма для завоевания Кавказа) представление о том, что недосягаемые на тот момент русскому правительству горские народы подвластны пророссийской Кабарде [Кожев 2016: 75, 76; Кипкеева 2006: 16]. Представляется, что приведенные суждения заслуживают более детального анализа, который не сводил бы их содержание к простой констатации асимметричности интер-социальных взаимодействий на Центральном Кавказе и не был бы подчинен задачам, выходящим за рамки того, что было предметом изучения для С.М. Броневского или И.Ф. Бларамберга. С этой точки зрения важно выделить несколько моментов в представлении ими феодальной системы у кабардинцев.

Во-первых, несколько расширяется и конкретизируется идущее от П.С. Палласа ее сравнение с немецким рыцарским порядком в Пруссии и Лифляндии. С.М. Броневский говорит о «феодальной иерархии, учрежденной у Кабардинцев» и сравнивает ее не только с порядками в Пруссии, Курляндии и Лифляндии, но и с «внутренним управлением в России во время удельных Князей» [Броневский 1823b: 113, 114]. Иными словами, в ней одновременно присутствуют четкая иерархия и княжеское своеволие. Это сочетание лежит в основе традиционного социально-политического порядка в Кабарде и во многом объясняет содержание и формы интер-социальных взаимодействий на Центральном Кавказе.

Во-вторых, в трактовке С.М. Броневского и И.Ф. Бларамберга место человека на вершине этой иерархии имеет двоякую детерминацию. Формально, занять его позволяет только «знатность рождения». Обладающие этим преимуществом княжеские особы, «по общему мнению признаны за неприкосновенные», и достичь «верховной власти», будучи незнатного

происхождения, невозможно. В реальной жизни личный престиж того или другого князя определяется его храбростью, а политическое влияние и даже сохранение владельческого статуса обеспечивается его силой, определяемой количеством вассалов и подвластного населения. Отсюда – необходимость постоянной военной активности князей в целях наращивания своей силы и влияния: «Главное попечение их состоит в том, чтобы приобретать способы к содержанию известного числа приближенных людей, составляющих отборное войско, а при том снабжать себя нужными вещами: сукном, оружием, конскими уборами. То есть, всякой старается о умножении двора своего и военных сил, дабы посредством сих последних достигнуть большей власти: кто живет смирно в своей земле и не налагает даней на своих соседей, не почитается за сильного владельца» [Броневский 1823a: 43, 44]. Следует указать на сложное соотношение социальных и этнических компонентов в используемой здесь понятийной системе. Она отражает влияние популярной в XVIII в. «завоевательной» теории классогенеза, вообще, и генезиса феодализма, в частности. У П.С. Палласа, а вслед за ним у С.М. Броневского и И.Ф. Бларамберга проводится мысль, что княжеская аристократия Кабарды является наследницей завоевателей, а зависимые сословия состоят из потомков завоеванного ими «старожилого народа», принявшего язык завоевателей. Но описываемые ими военно-феодальные практики строятся на сугубо социальной, а не этнической мотивации, и среди тех, кто претерпевает притеснения со стороны князей Большой Кабарды называется, прежде всего, Малая Кабарда, а также упоминаются в их ряду и «Бесленейцы». Иными словами, здесь не проводится различия между «домашней» (С.М. Броневский) или «внутренней» (И.Ф. Бларамберг) и внешней для данного этнополитического ареала войной.

В-третьих, в качестве самостоятельного фактора в интер-социальных взаимодействиях выступают социально-психологические и социокультурные проекции феодально-аристократического социального порядка. У С.М. Броневского и И.Ф. Бларамберга прочитывается троякое видение этого обстоятельства. Прежде всего, иерархически выстроенный сословный строй не может не порождать у наследственной знати элементов аристократической спеси или «чванства», как это называет С.М. Броневский. Но вместе с тем аристократия является носителем социальных моделей поведения, воспринимаемых в качестве образцов другими слоями и группами населения. Их отличает то, что С.М. Броневский называет «особенным возвышением духа и людкостию в обращении», а И.Ф. Бларамберг – «благородством характера, учтивостью» [Броневский 1823b: 89; Бларамберг 1999: 206]. Наконец, С.М. Броневский и вслед за ним И.Ф. Бларамберг обращают внимание на ряд социокультурных институтов, регулирующих социальные взаимодействия, как внутри отдельных обществ, так и в их отношениях между собой. Они обозначают эту совокупность институтов понятиями «политика» и «народное право». Это «постановления или обычаи, коих благотворное действие ощутительную принесло пользу совокупно нравственности и населению: соблюдение долга гостеприимства, ненарушаемая связь дружбы под названием

Куначества, убежища в разных местах, почитаемые за неприкосновенные, охранение путешественников, предавшихся под покровительство Кунаков, почтение к старости и к заступлению женского пола, примирение враждующих Третейским Судом [Броневский 1823а: 53-54]. Эти установления и обычаи, уточняет И.Ф. Бларамберг, не предотвращают ни непрерывных военных действий, ни убийств, ни кровной мести, что имеет место до нынешнего времени, но они поддерживают союзы между ними [Бларамберг 1999: 43].

Отмеченные выше социально-политические и социокультурные явления занимают важное место в общем представлении у С.М. Броневского и И.Ф. Бларамберга культурно-исторической специфики Северного Кавказа. Как правило, они рассматриваются в литературе по отдельности, в качестве самостоятельных предметов изучения. Поскольку исследователя интересует их описательный аспект это вполне правомерно, однако при попытке выявить их концептуальный смысл обнаруживается необходимость учитывать их взаимные логические связи. В частности, концептуализация интер-социальных взаимодействий на Центральном Кавказе в российском кавказоведении первой половины XIX в. становится более понятной, если включить в нее представления о военном быте как универсальной характеристике обществ региона; о феодальной системе Кабарды и обусловленных ею военно-феодальных практиках кабардинских владельцев как специфическом факторе, обусловившем их особое место в интер-социальных взаимодействиях на Центральном Кавказе; о традиционных социокультурных институтах, оформляющих, делающих понятным и тем самым в той или иной степени легитимирующих для всех обществ региона порядок их взаимных отношений.

Труды северокавказских просветителей, общественных деятелей, писателей XIX в. обычно выделяют в особую группу историографических источников [Колесникова 2012]. Однако если говорить о первой половине века, то по своему концептуальному содержанию они вплотную примыкают к политико-этнографической линии в российском кавказоведении, хотя политический компонент выражен в них в различной степени. С этой точки зрения интерес представляет отражение проблематики интер-социальных взаимодействий на Центральном Кавказе в работах Ш.Б. Ногмова и С. Хан-Гирея.

Ш.Б. Ногмов в своей «Истории» указывал на «избалованность и худые нравы кабардинцев, беспрестанно помышлявших о набегах и грабежах», но относительно горских народов он фиксирует исключительно случаи их помощи кабардинским князьям в ситуациях внутренних распрей или в борьбе с нашествиями различных врагов. У него кабардинские князья в одном случае «послали в горы к разным народам, приглашая вступить с ними в союз» и «прибыли к ним около 3000 войска, набранного в разных местах гор»; в другом случае «кабардинцы были в опасном и ужасном положении, имея мало надежды на спасение, но через день неожиданно подоспела к ним помощь, состоявшая с лишком из 2000 людей, собранных из разных горских племен»; в третьем – «кабардинский народ решился прибегнуть под защиту абазинцев и других горских племен»; в четвертом – предупрежденные о приближении

крымского войска «кабардинцы все свое имущество, жен и детей отправили в горы» [Ногмов 1861: 90, 91, 98, 108, 141]. Материал о зависимости различных горских обществ от кабардинских владельцев содержится только в приложенных к изданию труда Ш.Б. Ногмова Постановлениях о сословиях в Кабарде [Ногмов 1861: 151-162].

С. Хан-Гирей отмечает господствующее положение кабардинских князей среди «соседственных с ними племен», но обращает на себя внимание критический пафос, с которым он характеризует этот иерархический порядок в интер-социальных взаимодействиях на Центральном Кавказе. «Кабардинцы, пользуясь превосходством своих сил над соседними с ними племенами, покорили их; конечно, они не имели на то законных прав, но право сильного доставило им возможность лишить слабых свободы, за которую сами неоднократно кровь свою проливали ручьями, отражая войска крымских ханов», – провозглашает он [Хан-Гирей 2008: 188]. Хан-Гирей называет горские общества, имевшие «несчастие быть в соседстве с кабардинцами» жертвами их алчности, покоренными их оружием, данниками, тогда как более отдаленные «по временам также повиновались им или были разоряемы». Кабардинские же воинственные князья «покоряют», «опустошают», «разоряют», «утесняют» и «угнетают», устанавливают свое «иго» над своими ближними и дальними соседями [Хан-Гирей 2008: 188, 189].

Если говорить об общем концептуальном наследии политико-этнографической школы, повлиявшем на дальнейшее развитие историографии проблем интер-социальных взаимодействий на Центральном Кавказе, то наиболее существенным представляется присутствие в нем определенного расхождения между преимущественно социальной и социокультурной их интерпретацией и преимущественно этнической экспозицией социального пространства региона.

Структурирование дискурсивного пространства проблемы: социоисторизм, правительственный реформизм, этнополитика

Во второй половине XIX – начале XX в. приоритеты научных исследований в рамках, как правительственного, так и ученого, и общественного направлений кавказоведения по-прежнему определялись интересами официальной политики вовлечения Северного Кавказа в российскую имперскую систему [Колесникова 2011: 421-422]. Но теперь речь шла не об установлении военно-политического контроля и суверенитета над территорией, а о включении местных обществ в судебно-административную систему, экономическую жизнь и сословную структуру империи. Тем самым создавался новый контекст для практики интер-социальных взаимодействий на Центральном Кавказе и для их осмысления. Этнические общества обретали формальные административно-территориальное границы, что стимулировало процессы этнической консолидации и одновременно вело к окончательному слому традиционных форм и механизмов их поземельных и социальных взаимоотношений. Наряду с перестройкой внутренних социальных отношений каждого из местных обществ (земельная реформа, освобождение зависимых

сословий) кавказская администрация была озабочена определением места их привилегированных сословий в сословной структуре империи. Это также актуализировало вопрос об их относительном статусе, причем их представители активно участвовали в его решении, заявляя свои позиции и свои трактовки традиционной системы социально-политических отношений в регионе.

Новизна ситуации была связана с тем, что дискутировавшиеся на разных уровнях Кавказской администрации проблемы в конце XIX – начале XX в. вышли в публичную сферу. Возникло своего рода локальное дискурсивное пространство, логическая среда, в которой сословный и земельный вопросы оказались тесно связаны с интерпретацией природы интер-социальных взаимодействий на Центральном Кавказе. Прямой или косвенный обмен оценками и суждениями шел между коллегиальными органами и отдельными авторами, принадлежавшими к научному миру (М.М. Ковалевский, Н.П. Василенко), к чиновникам Кавказской администрации (Н.Ф. Грабовский, Н.П. Тульчинский), к просвещенными слоям местных этнических элит (М. Абаев, Б. Шаханов, Д. Цаликов). С большей определенностью выступила грань между собственно научно-ориентированными (академическим) и социально-ориентированными (нацеленным на актуальные интересы власти и тех или иных социальных и этнических групп) интерпретациями интер-социальных взаимодействий в регионе.

* * *

Предметом преимущественного интереса академического российского кавказоведения становится изучение социальной структуры и обычного права обществ Северного Кавказа. Познавательные предпосылки становления новой модели представления культурно-исторической специфики Северного Кавказа создавались накоплением этнографического материала о народах региона, профессионализацией сферы научного изучения Кавказа, превращением его в интегральную часть академической науки в условиях становления научного историзма и роста влияния позитивистской теории социальной эволюции. Базовая черта этой модели – социоцентризм, т.е. превращение общества, социальной структуры и социальных отношений (познаваемых через систему обычного права) в предмет преимущественного интереса и в основной элемент концептуализации культурно-исторической специфики Северного Кавказа.

В рамках социоисторической модели переформулируются и заново ставятся традиционные вопросы. Анализ эмпирического материала подчинятся решению общих теоретических вопросов социальной эволюции. «Какие же, спрашивается, выводы по отношению к эволюции общества дает нам этнография кавказских племен»? – ставил вопрос М.М. Ковалевский [Ковалевский 1890: 9]. По Ф.И. Леонтовичу кавказские обычно-правовые материалы (адаты) представляют немаловажный научный интерес для сравнительного правоведения. В обычном праве кавказских горцев «в большинстве стоящих на низких ступенях общественного развития сохранилось немало институтов глубокой старины, по своему происхождению

и характеру принадлежащих к таким явлениям общественной культуры, которые на первых порах встречались в истории всех народов» [Леонтович 1882: 2].

М.М. Ковалевский был убежден, что результатами изучения Кавказа со стороны обычного права населяющих его народностей будут восполнение и исправление тех учений о древнейшем праве и учреждениях, которые пользуются всеобщим признанием, в частности, видоизменение ходячих представлений «о так называемом феодальном быте». Ценность Кавказского материала он связывал с тем, что «процесс феодализации у разных народностей Кавказа достиг разных ступеней развития»: «У одних мы его видим только в зародыше; у весьма немногих – в законченном виде. Сопоставляя и сравнивая между собою системы общественных отношений у разных народцев Кавказа, мы получаем возможность отметить последовательные стадии развития, через которые проходит процесс феодализации» [Ковалевский 1882: 137].

При этом социальная эволюция в целом и процесс феодализации в частности развиваются по М.М. Ковалевскому в тесной связи с интер-социальными взаимодействиями и влияниями. В социально-правовом укладе современных ему горских народов Кавказа он различал эндогенные для них «народные элементы» и результаты экзогенных «культурных влияний». Важное место среди последних он отводил влиянию сословного строя кабардинцев на эволюцию социальных порядков у осетин и балкарцев. В работах М.М. Ковалевского прочитывается два фундаментальных фактора, объясняющих это обстоятельство.

Во-первых, по его оценке в Кабарде раньше оформился сложный социальный порядок, в котором князья за собой «удержали право политического господства, а все остальные сословия поставили по отношению к себе в вассальную или крепостную зависимость», так что иерархический характер «кабардинской общественной организации» дает возможность «открыть источник, из которого заимствована была осетинами и балкарцами доселе существующая в их среде система сословий» [Ковалевский 1890: 240, 245].

Во-вторых, будучи ближайшими соседями горцев, кабардинцы были связаны с ними устойчивыми и многообразными отношениями. «Судьбы этого племени в течение ряда столетий были связаны с судьбами горцев», – замечает М.М. Ковалевский [Ковалевский 1882: 140]. В силу объективных условий географического, хозяйственно-экономического и военно-политического порядка эти связи носили асимметричный характер, объясняющий заимствование горцами элементов сословной системы кабардинцев: «Сам факт заимствования легко объясним, – пишет М.М. Ковалевский, – раз мы примем во внимание господствующее значение кабардинцев на протяжении всего северо-западного Кавказа, ту экономическую зависимость, нередко принимавшую даже политическую форму, форму платежа дани, в какой жители горных ущелий жили от замыкавших проходы большой Кабарды, и то высокое уважение, каким все горцы окружают это по преимуществу рыцарское племя» [Ковалевский 1890: 245].

Механизм социальных заимствований по М.М. Ковалевскому имел социокультурные и социально-политические измерения. С одной стороны, он отмечает, что подражая кабардинцам во многих элементах материальной и социальной культуры (одежде, оружии, манере держать себя в обществе и т.д.), горские народности «усвоили себе также кабардинскую точку зрения на те отношения, какие должны существовать между повелителями и подвластными, между князем и его вассалами». С другой – установление прочного порядка в некоторых частях Осетии «совершилось при непосредственном участии кабардинских дружин» [Ковалевский 1890: 245]. М.М. Ковалевский свидетельствовал, что изученные им материалы не дают права «отрицать существование более чем номинальной зависимости горских таубиев от кабардинских князей» и, напротив, «дают право утверждать, что в известный момент их истории горские таубии принуждены были признать над собою власть соседних кабардинских князей, – сделались их вассалами (узденями), обязались оказывать им покорность и платить дань» [Ковалевский 1890: 256]. Эти общие положения подкрепляются у него разнообразным историко-этнографическим материалом из области кабардино-осетинских и кабардино-балкарских интер-социальных взаимодействий [Ковалевский 1890: 245-256].

* * *

Для правительственного направления в пореформенном кавказоведении одной из серьезных трудностей получения ясного представления о сословной структуре отдельных обществ и характера их взаимных отношений было как раз то, что приходилось реконструировать социальные порядки во многом уже оставшиеся в прошлом. Основная работа такого рода была проделана под руководством Д.С. Кодзокова Временной комиссией для разбора личных и поземельных прав туземцев Терской области (1864-1869) и Комиссией для разбора сословных прав горцев Кубанской и Терской областей (с 1869 г.). Основные ее работы были закончены к концу 1870-х гг. Нас интересует не дальнейшая судьба комиссии и ее предложений, а концептуальное содержание ее аналитических материалов. В обобщающей справке по материалам комиссии, составленной в 1885 г. в Канцелярии главноначальствующего гражданской частью на Кавказе говорилось: «Свод исследований комиссии включает отдельные пояснительные записки о личных правах туземного населения Терской и Кубанской областей; выписки из тех источников, которыми она руководствовалась при своих исследованиях к пояснительным запискам; заключение комиссии о том, какие именно из горских сословий следует считать соответствующими разрядам высшего сословия империи в представлениях ее» [О правах… 2003: 76].

В контексте рассматриваемой проблемы существенное значение имеют следующие моменты. Во-первых, основным, но не единственным источником сведений о межсословных отношениях были данные под присягой «показания» депутатов от сословий. Поэтому в своих выводах комиссия постоянно ссылается на множество заявлений от «алдар, баделят, таубиев, курат, саргасат, гагауров», на «мнение туземцев неадыгейского племени» и «депутатов всех

сословий Большой и Малой Кабарды» и т.д. Во-вторых, из собранных таким образом сведений о сословии кабардинских *пши*, комиссия сделала вывод, что «в прошлой жизни многих туземных племен Северного Кавказа первенствующее место принадлежало этому сословию» и влияние их «хотя и в неравной степени распространялось на все окружающие Кабарду племена, из которых более отдаленные… были только их данниками; ближайшие же… находились у них почти в состоянии рабства» [О правах… 2003: 83]. В-третьих, представления о статусе и правах высших сословий Кабарды были приняты комиссией как методологический инструмент анализа сословной структуры других горских обществ, но со ссылкой на «убеждение самих туземцев»: «На том основании, что привилегированные кабардинские сословия в быту различных племен Терской и Кубанской областей, по убеждению самих туземцев, служат как бы мерилом высшего происхождения, комиссия нашла не только уместным, но даже и необходимым при рассмотрении прав сословий туземцев неадыгейского племени сравнивать права их с правами сословий пши, тлякотлеш и дижинуго…» [О правах… 2003: 94-95]. В-четвертых, на основании собранных материалов комиссия засвидетельствовала, что «не найдется ни одного туземца, который бы осмелился оспаривать первенство сословий *пши*» и что привилегированные сословия осетинских и балкарских обществ притязают только на приравнивание их к кабардинским «первостепенным узденям» – тлякотлешам и дижинуго. Вместе с тем зафиксировано и то, что «феодализм таубиев» и само значение этого слова «горский князь» дали повод их представителям – подпоручику Хамурзе Шакманову и прапорщику Кургоко Абаеву заявить комиссии, что «они свое сословие считают по принадлежащим ему правам и преимуществам равным с кабардинскими князьями». Но эта претензия была единогласно признана несостоятельной всеми остальными участниками заседания – депутатами от всех сословий Большой и Малой Кабарды и привилегированных от Дигории [О правах… 2003: 83, 95, 102]. Здесь проявилась концептуальная коллизия между видением сословной структуры горских обществ в интер-социальной либо, напротив, интра-социальной перспективе. В самом деле, кабардинские и дигорские депутаты (составлявшие, видимо, большинство участников заседания), скорее всего, соотносили статус таубиев с оценкой собственного статуса. Кабардинские князья не считали таубиев равными себе, а кабардинские тлекотлеши и дигорские баделяты не считали их стоящими выше себя. На этом строились их реальные взаимоотношения. Со своей стороны, балкарские депутаты, скорее всего, исходили из сословного статуса таубиев в самом горском обществе. Не случайно и то, что вопрос о равенстве с кабардинскими князьями был поставлен представителем владельческих фамилий Балкарского общества, которое всегда сохраняло свою независимость (Абаевы) и тесно связанных с ними Хуламских таубиев (Шакмановы). С их точки зрения, «феодализм таубиев», видимо, не имел принципиальных отличий от «феодализма *пши*». Но и те таубии, которые согласно материалам комиссии, сами считали себя «по личным правам и происхождению равными сословию кабардинских тлякотлешей», по разному представляли свой статус в зависимости от его

интра- или интер- социальной проекции. С одной стороны, они признавали, что могли родниться «с высшими сословиями Кабарды (за исключением княжеского)», что говорило об их более низком по сравнению с кабардинскими князьями статусе. Но одновременно они свидетельствовали (и комиссия с этим соглашалась), что «до вступления балкарцев в русское подданство вся власть над народом, то есть суд и расправа, находилась в руках их таубиев» [О правах… 2003: 95]. Здесь трудно усмотреть отличие от места и роли княжеского сословия в кабардинском обществе.

Реально на повестке дня стоял вопрос не о прямых взаимоотношениях таубиев с кабардинскими князьями, а об их возможном месте в сословной структуре Российской империи и удовлетворении их потребностей в земельных ресурсах, что также зависело от сегодняшних решений Кавказской администрации. Но проблема рассматривалась всеми участниками процесса в историческом контексте. Суждения самой Комиссии для разбора сословных прав горцев Кубанской и Терской областей о «первенстве» кабардинских князей по отношению к привилегированным сословиям горских обществ относились не к актуальному состоянию их отношений, а к достаточно давнему прошлому, так что оно приобрело уже характер «легендарного сказания». А «настоящее время», по оценке комиссии, отмечено «уравнением кабардинцев с другими племенами Северного Кавказа и принижением кабардинской знати перед знатью некоторых племен неадыгейского происхождения» [О правах… 2003: 77].

Реконструируя истоки процесса, приведшего к этому результату, Н.Ф. Грабовский писал о ситуации после заключения Белградского мира в 1739 г., что «существование Кабарды, как независимой страны в нашем соседстве, имевшей влияние на подвластных ей ближайших народов – осетин (тагаурцев), ингуш и карабулаков, считавшихся в то же время и подданными России, – не мыслимо было», так что «все стремления русской политики на Кавказе по отношению к Кабарде как самой сильнейшей и богатейшей тогда народности на Кавказе должны были сосредоточиться на уничтожении белградского трактата». И уже на рубеже 1760-1770-х гг. «данники Кабарды – осетины и ингуши, – покровительствуемые русскими, отказались подчиняться требованиям кабардинских владельцев и в свою очередь стали производить набеги на кабардинские селения, опустошая и разоряя их» [Грабовский 1876: 125, 129]. А в 1818-1822 гг. согласно К.Ф. Сталю и Н.П. Тульчинскому «с покорением Кабарды генералом Ермоловым» соседние с ней горские общества были «отделены от зависимости князьям Большой Кабарды» [Сталь 2001: 212-214; Тульчинский 1903: 175]. В итоге К.Ф. Сталь мог в начале 1850-х гг. констатировать: «В настоящее время Кабарда совершенно покорна, владение ее разложено на первоначальные составные части» [Сталь 2001: 212].

Н.Ф. Грабовский затрагивал проблему кабардино-горских интер-социальных взаимодействий в контексте истории кабардино-русских отношений, утратившей уже политическую актуальность и представлявшей только научный интерес. Н.П. Тульчинский выходит на ту же проблему в связи с земельным и сословным вопросами в горских обществах, стоявших в конце

XIX – начале XX в. на актуальной повестке дня. Он воспроизводит устоявшиеся представления о зависимости горских «племен» от кабардинских князей и о причинах этой зависимости, ссылаясь, в частности, на материалы комиссии для разбора сословных прав горцев Кубанской и Терской областей и на Постановления о сословиях в Кабарде, опубликованные как приложение к работе Ш.Б. Ногмова. Он констатирует, что в «прежние времена горцы находились в полном подчинении у кабардинских князей», говорит об «эпохе владычества кабардинских князей над соседними народностями» [Тульчинский 1903: 170, 172]. В интерпретации Н.П. Тульчинского необходимость для горцев в покровительстве со стороны кабардинских князей «проистекала, во-первых, из потребности горцев весною и осенью выходить со своими стадами на кабардинскую территорию и, во-вторых, в защите самих себя и своих жилищ от хищнических набегов кабардинцев» [Тульчинский 1903: 173]. Важным представляется суждение Н.П. Тульчинского о том, что все эти факторы «заставляли первых быть в постоянном общении с последними» [Тульчинский 1903: 171]. Оно выглядит как эмпирическая констатация, но в действительности несет существенную концептуальную нагрузку.

В эксплицитной форме Н.П. Тульчинский использует его для обоснования своего тезиса об отсутствии в балкарских обществах феодальной земельной собственности. С одной стороны, вслед за М.М. Ковалевским он отмечает, что общественный быт балкарских обществ, сложился во многом под влиянием аристократических порядков в Кабарде. С другой – он полагает, что «всюду на Северном Кавказе, где процветал аристократический уклад жизни» и где крепостное право не выродилось в полное рабство, «земельная собственность как юридический институт не была присуща высшим классам». Соответственно, он отвергает претензии таубиев на то, что «аристократический строй горцев имел все атрибуты феодализма Западной Европы, не исключая земельного права» таубиев, и поземельной зависимости от них остальных сословий горского общества [Тульчинский 1903: 168, 171, 172]. Эти положения Н.П. Тульчинского подвергались критической оценке и тогда и впоследствии с разных сторон и по разным основаниям.

В контексте нашей темы не менее существенным представляются концептуальные последствия вышеприведенной констатации, которые Н.П. Тульчинский не развивает в явной форме. Но они иллюстрируются приводимым им материалом. Н.П. Тульчинский отмечает, что обязательным условием «большого ското-овцеводства» в горах является возможность на регулярной основе осенью и весной пользоваться пастбищами на плоскости и в предгорьях на протяжении 4-5 месяцев в общей сложности. Отсутствие у горцев собственных земель на плоскости привносило в это условие элемент неопределенности, причинявший беспокойство как горским жителям, так и жителям кабардинской плоскости». Чтобы сделать условия своей жизнедеятельности устойчивыми и предсказуемыми горцы оказывали всякие услуги «влиятельнейшим кабардинским князьям» и достигли того, «что стали свободно пользоваться плоскостью и предгорьями скал для своих стад». Преимуществами этого покровительства прежде всего воспользовались, по

оценке Н.П. Тульчинского, представители высших сословий – таубии и некоторые каракеши. Они «ближе стояли к кабардинским князьям и больше других пользовались их милостями главным образом, вследствие семейных услуг: таубии всеми способами старались брать на воспитание княжеских детей». Складывающееся, таким образом, тесное родство таубиев и кабардинских князей стояло по обычаю выше кровного. Результатом таких родственных сближений и других услуг было занятие таубиями на Кабардинской территории и у себя дома лучших земель [Тульчинский 1903: 171-174]. Таким образом, сближение и своеобразное «выравнивание» социального статуса кабардинских и балкарских владельцев определялось не только политикой кавказской администрации, но закреплением их отношений в традиционных институтах, регулирующих хозяйственную жизнь и личные связи. «Несмотря, однако, на все это, – отмечает Н.П. Тульчинский, – гнет, налагаемый на горцев господством кабардинских князей, все таки давал себя чувствовать в разного рода реквизициях и штрафах, а потому естественно было стремление таубиев и всех горцев освободиться от ига» [Тульчинский 1903: 174].

* * *

В условиях второй половины XIX в., когда российские власти искали варианты решения сословного вопроса, подразумевающие дифференциацию сословного статуса привилегированных сословий отдельных этнических обществ Центрального Кавказа, стали проявляться признаки этнополитической конкуренции между ними, повлиявшие на интерпретацию опыта их прошлых отношений.

Интересным свидетельством этого является, появившийся в 1882 г. памфлет, в котором подвергались критике методы работы, выводы и рекомендации Комиссии для разбора сословных прав туземцев Кубанской и Терской области. Автором памфлета был Д. Цаликов, полковник и, судя по всему, выходец из Куртатинского общества Осетии [Цаликов 1882].

Он упрекал комиссию в том, что она оказалась в плену частных эгоистических интересов, несовместимых с возложенной на «агентов высшей власти» и общественные учреждения задачей служения обществу. «Везде в заключениях ее видна предвзятая мысль выделить Кабардинское племя из группы прочих Кавказских племен, сообщить этому племени первенствующую роль и наделить его всеми сословными преимуществами – писал он. – Таким образом, прочие Кавказские племена ставятся Комиссией на задний план, в котором последнее место отводится Куртатинскому обществу» [Цаликов 1882: 24, 25].

В основе этой предвзятости лежит неверное представление о характере интер-социальных отношений различных обществ Центрального Кавказа. «На каком основании, например, Комиссия утверждает на стр: 5 своих трудов, что многие Кавказские племена состояли в зависимости и даже в рабстве у Кабардинцев! – восклицал Д. Цаликов. – Если это факт исторический, то желательно знать чем он доказывается» [Цаликов 1882: 13]. Ошибка комиссии

в этом вопросе проистекала по мнению автора из того, что для изучения «нравов, обычаев и преданий народа» она опиралась только на «свидетельства депутатов, взятых из того же народа». Для него было очевидно, что «кабардинские депутаты ставили свое племя выше всех других племен, считая чуть-ли не каждого кабардинца природным аристократом». Д. Цаликов не подвергал сомнению добросовестность депутатов, которые «говорили то, в чем сами были вполне убеждены», но они могли заблуждаться «вследствие весьма естественной любви к своему племени» [Цаликов 1882: 7]. Таким образом, Кабарда представляется по мнению Комиссии «гнездом аристократии Северного Кавказа», а все прочие племена только приближаются к ним по своим народным прерогативам. Но, по убеждению Д. Цаликова, в действительности ничего подобного нет [Цаликов 1882: 22-23].

Принципиальная позиция Д. Цаликова относительно социальных порядков на Центральном Кавказе заключается в том, что «различие сословий имело место у всех племен, населяющих Северный Кавказ», но понятие феодализма как сугубо европейского явления к ним, как к восточным народам, неприменимо. Все горские племена Северного Кавказа без исключения, полагает он, построены были «на начале почти рабского почитания старших», каковое «есть характеристическая черта всех восточных народов» [Цаликов 1882: 15, 16].

Солидаризируясь с начальником Кубанской области в 1873-1882 гг. Н.Н. Кармалиным, Д. Цаликов видит справедливое и целесообразное решение сословного вопроса на Северном Кавказе в уничтожении всех древних привилегий горцев, чтобы они, как и все русские, приобретали права и преимущества только личными заслугами перед отечеством. Это нанесло бы удар чувствительный горским племенам, «склонным ревниво охранять свои родовые преимущества», признает он, но время изгладило бы силу этого удара. А великое преимущество этой меры в том, что она носила бы общий характер, коснулась бы всех без исключения и потребовала бы равных жертв от всех племен Северного Кавказа. Тем самым, надеется Д. Цаликов, она могла бы послужить «базисом для нового общественного строя кавказских горцев» [Цаликов 1882: 20, 21]. В противоположность этому предложение комиссии об утверждении в потомственном дворянском достоинстве (с титулом горских князей или без титула) только отдельных горских сословий он считает предвзятым и несправедливым. По его мнению такое предложение, «возвышая одни племена, унижает произвольно другие». Осуществив его, «правительство положило бы семя раздора, зависти и недовольства на долгие времена» [Цаликов 1882: 20, 21]. То есть, по сути, Д. Цаликов переводит проблему в плоскость этнополитики и предупреждает, что проекция представлений о дифференциации «множества племен» Северного Кавказа по степени развития у них сословных различий на настоящее их положение породит напряженность в межэтнических отношениях. Сделавший военную карьеру образованный выходец из Куртатинского общества, которое было отнесено комиссией в разряд лишенных сословных различий «демократических» обществ региона, настаивает, что универсальный подход с позиций «сословного эгалитаризма»,

уравнение всех сословий всех обществ перед лицом российского государства является предпосылкой своего рода «этно-эгалитаризма» и условием поддержания межэтнического мира в регионе.

Иным был опыт интеграции в имперскую социальную систему балкарских обществ и он не мог не отразиться в том, как образованные представители сословия таубиев концептуализировали интер-социальные отношения на Центральном Кавказе. Через десять лет после принятия присяги на Российское подданство депутаты от всех балкарских обществ и дигорцев обратились к императору с прошением: «оставить нам… наше вероисповедание»; позволить производить судопроизводство «по древним нашим обычаям»; дозволить «беспрепятственно пользоваться теми землями, коими до сего времени мы пользуемся; оставить «родовые преимущества и звание тем в наших племенах, которые таковыми с незапамятных времен доселе пользовались» [РГВИА. Ф. 13454. Оп. 2. Д. 281. Л. 13-13об.].

В декабре 1852 г. горская депутация в Санкт-Петербурге просила, чтобы высшее сословие их именовалось не «старшинами», а тем именем, которое они носили до поступления под покровительство России, то есть таубий (горский владелец), «названием понятным для подвластного им народа». И император не усмотрел препятствий для удовлетворения этой просьбы. Ссылаясь на «крайний недостаток в земле», депутаты просили также, чтобы «в распоряжение их были отданы участки земли, находящиеся близ обитаемых ими гор, выше лесов, отделяющих их племена от владений кабардинцев, и которыми в настоящее время никто не пользуется». Решение этого вопроса император оставил на усмотрение Кавказской администрации [Документы… 1959: 51-52]. С началом осуществления земельной реформы на Северном Кавказе в 1863 г. балкарские таубии отстаивали свои права в качестве земельных собственников и добивались желательного для себя разграничения земель Кабарды и горских обществ, причем их фактическое размежевание, состоявшееся только в 1883 г., воспринято было ими негативно [Кудашев 1913: 255-256].

В ходе работы сословно-поземельной комиссии таубии добивались формального закрепления за собой владельческого статуса и титула горских князей. В материалах, собранных В.Н. Кудашевым и использованных Н.П. Василенко при составлении исторических сведений о кабардинском народе, упоминаются две записки, поданные от имени балкарских таубиев в комиссию. В первой, которую Н.П. Василенко датирует концом 1860-х гг. говорилось, в частности, что «горские племена с незапамятных времен, далеко еще до появления адыге, жили сначала в предгорьях», а затем вынуждены были «удалиться в верховья разных ущелий для самостоятельного и дальнейшего существования, т.е. сохранения своих нравов, обычаев и языка, не подходивших ни в каком отношении к адыгейскому племени». Вместе с тем в записке оговаривалось, что «впоследствии взято много кой-чего из адыгейской жизни» и что «адыгейцы служили некогда образцом в жизни не только одному соседнему с ними горскому племени, но и всем племенам Северного Кавказа» [Кудашев 1913: 240-241]. После того как начальник Кубанской области

Н.Н. Кармалин в своей записке от 23 марта 1877 г. высказался против предложения сословно-поземельной комиссии о предоставлении привилегированным сословиям горцев прав российского потомственного дворянства таубии подали новую записку. В ней они напоминали, что присоединились к России добровольно и что им было обещано сохранение их прав. Они также указывали на упущения в материалах комиссии, допущенные в том числе потому, что сами таубии не смогли донести до комиссии все необходимые сведения. Таубии просили, чтобы им были даны права, «соответствующие высочайше дарованному им титулу тау-бий, т.е. горский князь» [Кудашев 1913: 153-154]. Очередной цикл борьбы таубиев за свой сословный статус, поземельные права и интересы был связан с работой комиссии по исследованию положения землевладения и землепользования в Нагорной полосе Терской области под руководством И.Г. Абрамова в 1906-1908 гг. [Муратова 2016; Труды… 1908].

Актуальный общественный контекст рубежа XIX-XX вв. не мог не отразиться на восприятии исторического опыта интер-социальных взаимодействий. Ретроспективно, в конце XIX в., представители балкарской и кабардинской аристократии давали уже весьма различные интерпретации природы их взаимных отношений в прошлом: «По словам князя Асламбека Атажукина, – сообщал М.М. Ковалевский, – его предки, завоевавши Чегем и соседние с ним аулы, обложили горцев данью… Балкарцы сплошь и рядом отрицают обязательный характер этой дани и говорят о добровольных платежах, произведенных ими в разное время в пользу кабардинских князей, как бы в признательность за дозволение пасти стада на плоскости в весенние и осенние месяцы, когда в горах нет достаточного корма» [Ковалевский 1890: 255-256]. Но указанные обстоятельства прочитываются и в двух выдающихся текстах историко-этнографического и политико-правового характера, принадлежащих перу М.К. Абаева и Б.А. Шаханова.

М.К. Абаев рисует широкую картину интер-социальных связей балкарцев с окружающими обществами. «Балкарцы с древних времен имели мирные сношения и военные столкновения с соседними племенами: Грузией, Имеретией, Сванетией с юга, осетинами с запада, карачаевцами с востока и кабардинцами с севера, а также с чеченцами, кумыками и дагестанцами», – пишет он [Абаев 1992: 11]. Присутствие элементов мирных сношений и столкновений «из-за земельной границы» или набегов, грабежей, угона скота отмечено у М.К. Абаева для всех соседей Балкарии кроме Карачая: «несмотря на то, что их разделяет значительное горное пространство, между обоими народами существовала родственная, неразрывная связь» [Абаев 1992: 12].

Характеристика «кабардино-балкарских отношений» включает у М.К. Абаева несколько моментов. Во-первых, речь идет об отношениях «Кабарды» и «кабардинцев» с «Балкарией» и «балкарцами», то есть субъектами этих отношений является этно-социо-территориальные единицы или этнические общности. Во-вторых, Кабарда, занявшая равнины у выходов из ущелий, представляется «самым сильным по многочисленности и враждебным племенем для Балкарии», а также для горцев Осетии, ингушей, карачаевцев и

абазинцев [Абаев 1992: 12]. В-третьих, содержание отношений сводится к постоянной борьбе горсти жителей пяти обществ Балкарии с этим сильным и воинственным племенем вплоть «до последних времен» [Абаев 1992: 13]. В-четвертых, по оценке М.К. Абаева, все балкарские общества сумели в этой борьбе «с почти кочевым народом – Кабардою» сохранить свою независимость и самостоятельность даже тогда, когда все адыги (кабардинцы и другие черкесские племена) «подчинялись крымскому хану, который посылал к ним своих наместников из членов своего рода». И если бывали случаи, когда кабардинским князьям «удавалось проникать с отрядами в горы и производить грабежи в более доступных и сравнительно небольших обществах Хулам, Чегем и Баксан», то происходило это благодаря отсутствию постоянного сильного караула у входов ущелий, разрозненности обществ между собой, в моменты раздоров между самими обществами, «а иногда таубии этих обществ нарочно звали к себе какого-нибудь кабардинского князя, сговорившись с ним, чтобы сбыть ему членов какого-нибудь беспокойного рода из числа своих подданных». Но собственно Балкарское общество, подчеркивает М.К. Абаев, «никогда ни в какие подобные сделки не входило с кабардинцами и охраняло зорко свои границы» [Абаев 1992: 13-14].

Значительное место уделено в очерке М.К. Абаева актуальным, все еще не решенным проблемам социально-экономической жизни балкарских обществ и, прежде всего, земельному вопросу, причем он оказывается тесно связанным с кабардино-балкарским интер-социальным взаимодействием. Ссылаясь на отзыв наместника Кавказа великого князя Михаила Николаевича от 1867 г. и записку военного министра Милютина к проектной карте распределения земель Большой Кабарды от 1869 г., М.К. Абаев заключает, что правительство еще тогда признало «права собственности на земли, как отдельных лиц, так и целых обществ и, кроме того, признав, что у них собственной земли недостаточно, нашло нужным тогда же дать им удобные земли на плоскости Кабарды», еще предложено было два кабардинских аула, расположенных у двух главных входов в горные ущелья, перевести в низовья, «чтобы очистить земли для горцев» [Абаев 1992: 29]. На этих основаниях, считает М.К. Абаев «было почти решено правительством признать за горцами право собственности на всю их территорию», но эти проекты остались неосуществленными, неопределенность земельных прав горцев затянулась, а их положение «с увеличением населения в 4 раза еще более ухудшилось» [Абаев 1992: 36, 37].

В контексте нашей темы представляет интерес объяснение причин такого положения. Здесь на первый план у М.К. Абаева выступает фигура Д.С. Кодзокова, которого он называет «правой рукой» начальника Терской области М.Т. Лорис-Меликова по управлению туземным населением. При этом М.К. Абаев учитывает не только служебное положение, но и национальную принадлежность Д.С. Кодзокова, который «будучи сам по происхождению кабардинцем» добился согласия представителей высшего сословия Кабарды на принятие акта от 20 августа 1863 г. о признании земли кабардинского народа его общим достоянием и о желании пользоваться ею на общинном праве владения [Кудашев 1913: 192]. Он склонял и таубиев к подаче подобного же

заявления об отсутствии в горах поземельной собственности, «но они отказались от такой лжи, поэтому Кодзоков в роли председателя поземельной комиссии принимал все меры к тому, чтобы вопреки проекту наместника границы территории горских обществ отодвинуть как можно дальше в горы, и с этой целью возбудил кабардинце с помощью своих соучастников против горцев, и они начали пограничные споры» и в итоге горцы вынуждены были даже «отказаться от части земель, которыми они владели искони» [Абаев 1992: 34, 35]. Последняя попытка администрации исправить ненормальную ситуацию неопределенности поземельных прав горцев созданием в 1906 г. комиссии по исследованию положения землевладения и землепользования в Нагорной полосе Терской области под руководством И.Г. Абрамова в 1906-1908 гг. также была неудачной. Эта комиссия, по замечанию М.К. Абаев, «закончила свои работы, к сожалению, возбуждением массы недоразумений и жалоб» [Абаев 1992: 37].

С полемикой вокруг результатов работы Абрамовской комиссии связано появление второго важного для реконструкции представлений об истории взаимоотношений кабардинских владельцев и горских обществ в общественной мысли начала XX в. документа. За подписью 490 землевладельцев пяти горских обществ Терской области, в комиссию не позднее ноября 1908 г. была представлена большая записка под названием «Объяснение в комиссию по исследованию современного положения землевладения и землепользования в Нагорной полосе Терской области». Чиновник, приложивший этот документ к докладу управляющего Терской областной чертежной, оценил его как «обширный и убедительный протест», который «составлен из компактного собрания фактических доказательств права собственности на владения таубиями земли, причем выключить что-либо из этого протеста без ущерба защиты этих прав почти невозможно…» [РГВИА. Ф. 1300. Оп. 4. Д. 1597. Л. 30]. Этот обширный документ был составлен Басиятом Шахановым и как нельзя более точно отражает исторические и общественно-политические взгляды своего составителя. Первоначально он был опубликован в газете «Терек» в 1909 г. (№3541-3559) в виде статьи без подписи, под названием «Возражение землевладельцев пяти горских обществ Нальчикского округа Терской области на проекты разрешения земельного вопроса». В 1991 г. Т.Ш. Биттирова по газетному списку переиздала этот документ в «Избранной публицистике» Б. Шаханова [Шаханов 1991].

Его концепция кабардино-горских интер-социальных взаимодействий сформулирована в рамках анализа доводов комиссии «в пользу несуществования у нас права собственности», и первый довод он представляет так: «кабардинцы господствовали над горцами, у кабардинцев не было института частной земельной собственности, следовательно, не было его и у горцев» [Шаханов 1991: 164]. Разбирая этот довод, Б.А. Шаханов строит собственное видение вопроса, опираясь на историко-этнографический материал.

Прежде всего, Б.А. Шаханов отвергает преувеличенные представления о «господстве кабардинцев», заявляя, что «пора оставить рассказы о том, что

будто бы карачаевцы и горцы (за исключением балкарцев) находились как бы в состоянии рабства у кабардинских князей». «Никто из нас не станет отрицать исключительного влияния на Северном Кавказе кабардинских князей – пишет далее Б.А. Шаханов, – но надо же ставить и должные рамки этому влиянию. Но превращать горских таубиев чуть ли не в крепостных кабардинских князей – значит, да простит нам комиссия! говорить вещи, не имеющие и тени правдоподобия» [Шаханов 1991: 165].

Заслуживает специального разбора его «источниковедческий аргумент», ставящий под сомнение тезис о «состоянии рабства» горцев у кабардинских князей. «На каких авторитетах покоится это утверждение – спрашивает Б.А. Шаханов? – На статье, написанной кем-то и помещенной в «Сборнике сведений о кавказских горцах», выпуск III, и на «Истории адыгейского народа», написанной кабардинцем Ногмовым». Здесь можно отметить два обстоятельства. Во-первых, статья, о которой идет речь была представлена в «Сборнике сведений о кавказских горцах», выпуск III за 1870 г. как «отрывок из трудов Комиссии по разбору личных и поземельных прав туземцев Терской области», а именно: Записка о кабардинских привилегированных сословиях, которая «редактирована членом комиссии г. Масловским» [Привилегированные сословия… 1870: 1]. Во-вторых, тезис о том, что горцы находились «почти что в состоянии рабства» у кабардинских князей представлял собой позднейший вывод Терской сословно-поземельной комиссии и, насколько нам известно, в более ранних источниках такая формула не встречается. В частности, в тексте «кабардинца Ногмова» ничего подобного нет, как и в тексте «Постановлений о сословиях в Кабарде», опубликованных в качестве приложения к его «Истории» [Ногмов 1861: 151-162]. Но Б.А. Шаханов реагировал на утвердившуюся в бюрократическом дискурсе конца XIX в. формулу, которая воспринималась как отдающая преимущество в решении сословного и земельного вопросов кабардинскому княжескому сословию. Здесь можно видеть, как на его корректной, с точки зрения исторических реальностей, позиции отражается обстановка своего рода этнополитической конкуренции, сложившаяся в условиях переформатирования традиционной системы интер-социальных взаимодействий на Центральном Кавказе.

В обоснование своей позиции о том, что «кабардинские князья не были «господами» горских таубиев» и что в горских обществах существовал «земельный строй, не имевший ничего общего с кабардинским» Б.А. Шаханов приводит три историко-этнографических аргумента. Первый из них относится к природе связывавших кабардинских и балкарских владельцев отношений искусственного родства. Б.А. Шаханов показывает на примерах, что имели место и случаи воспитания таубиями кабардинских князей, и случаи воспитания кабардинскими князьями сыновей горских таубиев и делает вывод: «Во всех этих случаях «аталычества» не было, и все эти случаи не имели последствием приобретения одной из сторон земли, ни какого-нибудь другого имущества и не доказывали тогда, что сторона ребенка воспитавшая, являлась подчиненной, подвластной той, которой ребенок принадлежал» [Шаханов 1991: 166]. Второй аргумент связан с нормами, определяющими «цену крови»

кабардинского князя. Б.А. Шаханов пишет, что тогда как целые роды подвластных кабардинских князей истреблялись в случае убийства одним из их членов кабардинского князя, таубии, убив кабардинского князя, платили за это обычную «кровь» [Шаханов 1991: 166]. Наконец, Б.А. Шаханов исходит из того, что задолго «до утверждения в крае русских существовала граница, между территорией, занятой пятью горскими обществами, и территорией Кабарды» и даже были споры между ними, что плохо вяжется с представлениями о рабстве, «в каком находились тогда будто бы горцы у кабардинских князей» [Шаханов 1991: 167]. Здесь он ссылается на текст так называемой Хуламской плитки, вызвавшей в свое время острую полемику в общественно-научном дискурсе. Эта полемика не входит в предмет нашего исследования. Для наших целей важнее обратить внимание на то, что в концептуальную структуру текста, интерпретирующего историю интер-социальных взаимодействий кабардинских владельцев и балкарских обществ, вводится представление о совокупной территории горских обществ и их общей границе с Кабардой как исторически глубинном явлении. Вскоре после этого М.К. Абаев писал о готовности правительства во второй половине XIX в. признать за горцами «право собственности на всю их территорию» [Абаев 1992: 37].

В целом историко-этнографический материал, используемый М.К Абаевым и Б.А. Шахановым в обоснование того, что горские общества и их владельцы не находились в отношениях зависимости у кабардинских князей несет дополнительную концептуальную нагрузку, выходящую за пределы сознательно поставленных ими целей. Например, М.К. Абаев передает историю неоднократных попыток кабардинского князя Асланбека Кайтукина покорить Балкарское общество и умелого противостояния ему Балкарского олия (старшего владельца) Сосрана Абаева. Но заканчивается эта история тем, что они заключают между собой союз: Кайтукин предоставил Сосрану право гонять стада Балкарского общества осенью и весной для пастьбы бесплатно на кабардинские земли и ставить «басиат-кош» (лагерь) там, где пожелают таубии, до берегов р. Терек, а Сосран обязался не препятствовать Кайтукину пробираться иногда в соседние общества Безенги и Хулам с целью наживы [Абаев 1992: 17]. То есть столкновения и конфликты оказываются способом установления устойчивого порядка в интер-социальных взаимодействиях. Что касается роли силы и насилия в этом процессе, то интересно здесь также рассмотреть, как представлены функции басиат-кошей. С одной стороны, они устанавливались на территории Кабарды, причем ниже скотоводческих хуторов-кошей для защиты последних от возможных поползновений со стороны Кайтукина. С другой – они служили базой для «путешествий в Чечню, Осетию и др. места за наживой». Но и взаимные отношения горских обществ регулировались сходными механизмами. «Балкарское общество – отмечает М.К. Абаев, – будучи самым большим по количеству жителей и самым сильным благодаря правильному, твердому порядку правления в самом обществе, играло выдающуюся роль» [Абаев 1992: 17]. Эта роль выражалась не только в авторитете местного «Тёре», куда обращались за разрешением более или менее крупных вопросов жители других обществ. Экономические условия,

а именно сравнительная ограниченность «удобной для скотоводства земли», создали в Балкарии «военный дух, и часть населения занималась походами на сторону за наживой». Если отряду молодежи на басиат-кошах «почему-либо не удавалось предпринять поход на южную сторону гор – в Сванетию или Имеретию, то он частенько обижал своих единоплеменников – безенгиевцев, хуламцев и чегемцев, угоняя у них скот». И чтобы спасти себя от нападений балкарцев, «таубии других обществ поспешили сродниться с балкарскими таубиями путем совершения браков, а простые роды тех обществ прибегали под покровительство балкарских таубиев, становясь их эмчеками» [Абаев 1992: 18].

Историко-этнографические аргументы Б.А. Шаханова также свидетельствуют об устойчивых и упорядоченных отношениях верхов кабардинского и горских обществ. Приведенные им материалы говорят о вовлеченности таубиев в межкняжеские конфликты в Кабарде и о наличии нормативно установленной «цены крови», которую платил таубий, в случае убийства кабардинского князя. Здесь выступают и общность политической жизни, и однородность социально-правового порядка, обеспечивавшая социальную сцепку двух обществ.

Заключение

Те или иные формы представления интер-социальных взаимодействий на Центральном Кавказе, включающие их описание, элементы анализа, объяснения и оценки, перманентно присутствовали в интеллектуальном кавказоведении с конца XVIII и до начала XX в. За это время существенно изменились и контексты и тексты, в которых интерпретировалась соответствующая проблематика.

В конце XVIII – начале XIX в. интерпретация системы интер-социальных взаимодействий в регионе была вписана в общую ***просветительско-географическую парадигму*** познания Кавказа. На современном языке она может быть выражена следующим образом.

Общие предпосылки высокого удельного веса и значимости интер-социальных взаимодействий в регионе создаются дробностью этно-социального пространства и хозяйственной взаимозависимостью отдельных социально-территориальных единиц, находящихся в различных природно-географических условиях равнинно-предгорной и горной зон.

Сторонами интер-социальных взаимодействий выступают не этнические общности и соответствующие им «провинции», а входящие в их состав более мелкие социально-территориальные единицы – общества и владения.

Естественным основанием для конфигураций, которые принимают интер-социальные взаимодействия, выступают характерные для всех горских обществ силовые практики. Наиболее благоприятно с этой точки зрения положение кабардинских княжеских владений на Центральном Кавказе, контролирующих пастбищные и пахотные ресурсы равнинно-предгорной зоны и имеющих более многочисленное население.

Характер их взаимодействия с другими горскими обществами

определяется социальным «габитусом» кабардинских князей – феодальных владельцев, глубоко убежденных в своем прирожденном особом статусе. Таким образом, на Центральном Кавказе существовала система интер-социальных взаимодействий, построенная на отношениях зависимости горских социально-территориальных образований от кабардинских князей.

Перспектива освобождения горских обществ от этой зависимости связана с установлением российского контроля в регионе. Горцы стремятся под покровительство России, а кабардинские владельцы всячески этому препятствуют, не желая отказаться от своей свободы и своих прав на окрестные «народы».

Установка на географическое описание Кавказа с просветительских позиций и основные элементы, сформированной в ее контексте концепции интер-социальных взаимодействий на Центральном Кавказе сохранили свое влияние в российском кавказоведении практически до конца имперской эпохи. Но меняющиеся условия и запросы военной и административной политики государства влияли на его целевые ориентиры и подходы. Наряду с географией Кавказа военных авторов первой половины XIX в. все больше интересует этнография народов региона. Сложилась своего рода ***политико-этнографическая парадигма*** кавказоведческих штудий, представленная обширной литературой.

Проблематика интер-социальных взаимодействий на Центральном Кавказе занимает в ней достаточно скромное место, но некоторые элементы их концептуализации получают в ней более развернутую проработку. Прежде всего, это относится к характеристике военно-феодальных социальных практик княжеского сословия Кабарды.

Учрежденная в ней феодальная иерархия сочетается с княжеским своеволием и постоянным их соперничеством. Это сочетание лежит в основе традиционного социально-политического порядка в Кабарде и во многом объясняет содержание и формы интер-социальных взаимодействий на Центральном Кавказе. Личный престиж того или другого князя определяется его храбростью, а политическое влияние обеспечивается его силой, определяемой количеством вассалов и подвластного населения. Отсюда – необходимость постоянной военной активности князей в целях наращивания своей силы и влияния. Их военно-феодальные практики строятся на сугубо социальной, а не этнической мотивации, и среди тех, кто претерпевает притеснения со стороны князей Большой Кабарды, называется, прежде всего, Малая Кабарда. Иерархические моменты интер-социальных взаимодействий поддерживаются социально-психологическими и социокультурными проекциями феодально-аристократического социального порядка. Аристократия является носителем социальных моделей поведения, воспринимаемых в качестве образцов другими слоями и группами населения. А ряд традиционных установлений и обычаев упорядочивают интер-социальные взаимодействия.

Этнографический «поворот» в концептуализации интер-социальных взаимодействий задавался не только вниманием к их социокультурным

аспектам, но и сдвигом в сторону оперирования укрупненными этнонимическими категориями. В условиях, когда Кавказская укрепленная линия стала главным структурирующим элементом политической географии Северного Кавказа, отношения с теми или иными «залинейными народами» оказывались важнее, чем детали интер-социальных взаимодействий в «туземной» среде. В трудах представителей политико-этнографической школы слово «народы» стало наиболее часто употребляемым для обозначения объекта своего познавательного интереса.

Определенное расхождение между преимущественно социальной и социокультурной интерпретацией интер-социальных взаимодействий на Центральном Кавказе и преимущественно этнической экспозицией социального пространства региона в общем концептуальном наследии политико-этнографической школы приобрело более выраженное значение на следующем этапе становления российского кавказоведения.

Социальное содержание взаимодействий различных этно-социо-территориальных единиц в пространстве Центрального Кавказа стало предметом преимущественного интереса академического российского кавказоведения, сконцентрированного на изучении социальной структуры и обычного права обществ Северного Кавказа. В рамках ***социоисторического подхода***, ведущим представителем которого в кавказоведении был М.М. Ковалевский, переформулируются и заново ставятся традиционные вопросы. Проблематика интер-социальных взаимодействий на Центральном Кавказе включается в контекст вопросов социальной эволюции в целом и процессов феодализации, в частности. Ценность кавказского материала М.М. Ковалевский видел в том, что процесс феодализации у разных народностей Кавказа достиг разных ступеней развития. Различая в социально-правовом укладе современных ему горских народов Кавказа эндогенные для них «народные элементы» и результаты экзогенных «культурных влияний», важное место среди последних он отводил влиянию сословного строя кабардинцев на эволюцию социальных порядков у осетин и балкарцев.

Для ***правительственного направления*** в пореформенном кавказоведении одной из серьезных трудностей получения ясного представления о сословной структуре отдельных обществ и характера их взаимных отношений было то, что приходилось реконструировать социальные порядки во многом уже оставшиеся в прошлом. Но результаты такой реконструкции ложились в основу проектов решения актуальных вопросов земельных и сословных отношений в горских обществах. «Свод исследований» Терско-Кубанской сословно-поземельной комиссии подводил к выводу о том, что «в прошлой жизни многих туземных племен Северного Кавказа» доминировало княжеское сословие Кабарды, и его статус был принят комиссией как критерий определения статуса привилегированных сословий других горских обществ. Отдельные авторы, как, например, Н.П. Тульчинский, солидаризировались с выводами комиссии и мнением М.М. Ковалевского о влиянии аристократических порядков в Кабарде на общественный быт горцев,

но не усматривали наличия феодальной земельной собственности ни у кабардинских князей, ни у балкарских таубиев.

Однако выводы комиссии стали предметом критического анализа со стороны ряда ***представителей горских этнических элит***. Они доказывали, что степень влияния кабардинских князей на горские общества и их привилегированные сословия в оценках комиссии сильно преувеличена; что в прошлом притязания кабардинских князей установить свое господство имели место, но горские общества в целом отстояли свою независимость; что сословный и поземельный строй этих обществ сложился в результате внутреннего развития в определенных природных условиях; что политика государства по отношению к этим обществам должна строиться на понимании реальной структуры поземельных и сословных отношений и их потребностей в земельных ресурсах для поддержания достойного существования в условиях роста населения. Воспроизводство в общественном дискурсе начала XX в. положений о господствующем положении на Центральном Кавказе кабардинских князей теперь воспринимается сквозь призму национальных, а не только сословных интересов, и в представлении системы интер-социальных взаимодействий усиливаются элементы этнополитической мотивации.

В целом, очевидно, что главные факторы эволюции способов интерпретации исторического опыта интер-социальных взаимодействий на Центральном Кавказе в общественно-научном дискурсе конца XVIII – начала XX в. связаны не с приращением источниковых знаний, а со сдвигами в общественно-политических запросах и сменой доминантных социально-культурных типов субъектов познавательной деятельности. В конце XVIII в. просвещенная имперская власть нуждалась в достаточно полных и объективных знаниях о новой «стране», которая в перспективе могла стать частью империи, и получала эти знания от «академиков». В первой половине XIX в., располагая международным признанием своего суверенитета над Центральным Кавказом, государство искало эффективные пути достижения покорности его населения. На первый план в его этнографическом изучении, в социокультурном «портретировании» народов региона вышли военные интеллектуалы – этнографы и историки. На протяжении второй половины XIX – начала XX в. усложнились и задачи государственной политики на Северном Кавказе, и состав активных общественных сил, вовлеченных в их решение. Соответственно этому усложнилась концептуальная структура представления системы интер-социальных взаимодействий на Центральном Кавказе, и произошло определенное обособление собственно научного и социально-ориентированного типов исторического знания. В этом усматриваются признаки завершения процесса становления историографической традиции применительно к нашей проблеме и изучение дальнейшего ее развития возможно уже на основе собственно историографических источников.

Рассмотренный в настоящей работе материал позволяет сделать выводы, существенные для современной историографической ситуации.

Во-первых, он лишний раз напоминает о важности историографической и методологической рефлексии для научно-исторического познания. Она не

сводится к тому, чтобы знать «кто, что, когда и о чем писал». Чтобы историографический материал был в полной мере освоен, он должен быть подвергнут операции «деконструкции», должны быть выявлены его гносеологические, логические, целевые, риторические конструктивные элементы. И одновременно с этим осуществляется саморефлексия и экспликация собственных познавательных и социальных установок историка, чтобы возможна была рациональная научная дискуссия по изучаемой проблеме.

Во-вторых, в качестве фундаментальной для исторического изучения традиционной системы интер-социальных взаимодействий на Центральном Кавказе выступает проблема совмещения категориального аппарата социоисторического и этноисторического подходов к проблеме. В общем плане представляется, что этническая и этнополитическая понятийная сетка является «плоской» и не позволяет охватить «объемную» структуру социальных, хозяйственных, политических и социокультурных факторов и форм интер-социальных связей в регионе. Здесь требуется дальнейший методологический анализ.

В-третьих, есть проблема обобщения совокупности исторических данных о системе интер-социальных взаимосвязей в пределах регионального и даже локального этно-социального пространства, равно как об их воспроизводстве и эволюции во времени. Представляется, что любая однозначная формула здесь будет нести элементы упрощения и субъективности. Это вопрос также требует тщательной проработки на теоретико-методологическом уровне.

Дальнейшая проверка обозначенных суждений возможна на материале профессионального (научного) историописания XX – начала XXI в.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Абаев 1992 – *Абаев М.К.* Балкария: Исторический очерк. – Нальчик: Эльбрус, 1992. – 40 с.

Бларамберг 1999 – *Бларамберг И.* Историческое, топографическое, статистическое, этнографическое и военное описание Каказа. – Нальчик: Нальчик: Издательский центр «Эль-Фа», 1999. – 405 с.

Бобровников 2002 – *Бобровников В.О.* Мусульмане Северного Кавказа: обычай, право, насилие: Очерки по истории и этнографии права Нагорного Дагестана. – М.: Восточная литература, 2002. – 368 с.

Броневский 1823a – *Броневский С.М.* Новейшие географические и исторические известия о Кавказе, собранные и пополненные Семеном Броневским. Ч. 1. – М.: В тип. С. Селивановского, 1823. – XXXI, 352 с.

Броневский 1823b – *Броневский С.М.* Новейшие географические и исторические известия о Кавказе, собранные и пополненные Семеном Броневским. Ч. 2. – М.: В тип. С. Селивановского, 1823. – IX, 465 с.

Гильденштедт 2002 – *Гильденштедт И.А.* Путешествие по Кавказу в 1770-1773 гг. – СПб. Петербургское Востоковедение. 2002. – 512 с.

Грабовский 1876 – *Грабовский Н.Ф.* Присоединение к России Кабарды и борьба ея за независимость (исторический очерк) // Сборник сведений о кавказских горцах. – Тифлис: Типография Главного Управления Наместника Кавказского, 1876. – Выпуск IX. – С. 112-212.

Документы… 1959 – *Документы* по истории Балкарии 40-90-х гг. XIX в. / Сост. Е.О. Крикунова. – Нальчик: Каб-Балк. кн. изд-во, 1959. – 262 с.

Извлечение… 1812 – *Извлечение* из Путешествия г-на Клапрота к горам Кавказским // Вестник Европы. – 1812. – Часть LXIV. – № 13. – С. 15-43.

Кипкеева 2006 – *Кипкеева З.Б.* Народы Северо-Западного и Центрального Кавказа: миграции и расселение (60-е годы XVIII в. – 60-е годы XIX в.). – М.: Изд-во Ипполитова, 2006. – 360 с.

Клапрот 1974 – *Клапрот Г.-Ю.* Путешествие по Кавказу и Грузии, предпринятое в 1807-1808 гг. // Адыги, балкарцы, карачаевцы в известиях европейских авторов XIII-XIX вв. / Сост. В.К. Гарданов (далее: АБКИЕА). – Нальчик: Эльбрус, 1974. – С. 235-280.

Ковалевский 1883 – *Ковалевский М.М.* Поземельные и сословные отношения у горцев Северного Кавказа // Русская мысль. – 1883. – Кн. XII. – С. 137-154.

Ковалевский 1890 – *Ковалевский М.М.* Закон и обычай на Кавказе: в 2-х т. Т. 1. – М.: Тип. А.И. Мамонтова и Ко, 1890. – 303 с.

Кожев 2016 – *Кожев З.А.* Социально-политическое и этнокультурное пространство Черкесии (XVI – нач. XIX в.): принципы самоорганизации. – Нальчик: Издательский отдел КБИГИ, 2016. – 172 с.

Колесникова 2011 – *Колесникова М.Е.* Северокавказская историографическая традиция: вторая половина XVIII – начало XX века: 2-е изд., доп. – Ставрополь: Изд-во СГУ, 2011. – 496 с.

Колесникова 2012 – *Колесникова М.Е.* Историографические источники по истории изучения Северного Кавказа во второй половине XVIII – начале XX в. [Электронный ресурс] // Сайт Научно-педагогической школы источниковедения «Источниковедение.ru» URL: http://ivid.ucoz.ru/publ/medushevskaja_90/om_kolesnikova/15-1-0-123 (дата обращения 10.05.2020).

Кудашев 1913 – *Кудашев В.Н.* Исторические сведения о кабардинском народе [К 300-летию дома Романовых / Изд. В.Н. Кудашева]. – Киев: Типо-лит. «С.В. Кульженко», 1913. – XVI, 283 с.

Леонтович 1882 – *Леонтович Ф.И.* Предисловие // Леонтович Ф.И. Адаты кавказских горцев: Материалы по обычному праву Северного и Восточного Кавказа. Вып. 1. – Одесса: тип. П.А. Зеленого (б. Г. Ульриха), 1882. – С. 1-81.

Маловичко, Румянцева 2013 – Маловичко С.И., Румянцева М.Ф. История как строгая наука vs социально ориентированное историописание: монография. – Орехово-Зуево: изд-во МГОГИ, 2013. – 252 с.

Муратова 2016 – *Муратова Е.Г.* Материалы Абрамовской комиссии и Басият Шаханов: спор о земле в начале XX века // Региональная история: методология, источники, историография: Сборник научных трудов третьих международных Усмановских чтений / Науч. ред. Д.П. Самородов; М.Н. Фархшатов. – Стерлитамак: Стерлитамакский филиал БашГУ, 2016. – С.66-69.

Ногмов 1861 – *Ногмов Ш.Б.* История адыхейского народа, составленная по преданиям кабардинцев Шора-Бекмурзин-Ногмовым / Примеч. и прил. Ад. Берже. – Тифлис: Тип. гл. упр. наместника кавказского, 1861. – 176, V с.

О правах… 2003 – *О правах* высших горских сословий в Кубанской и Терской областях // Сборник документов по сословному праву народов Северного Кавказа. 1793-1897 гг. Том I. / Составители: Х.М. Думанов и другие. – Нальчик: Издательский центр «Эль-Фа», 2003. – С. 73-247.

Осетины глазами… 1967 – *Осетины глазами* русских и иностранных путешественников (XIII-XIX вв.) / Сост. Б.А. Калоев. – Орджоникидзе: Северо-Осетинское кн. изд-во, 1967. – 319 с.

Потоцкий 1974 – *Потоцкий Я.* Путешествия по Астраханским степям и по Кавказу // АБКИЕА. – Нальчик: Эльбрус, 1974. – С. 225-234.

Привилегированные сословия… 1870 – *Привилегированные сословия* кабардинского округа // Сборник сведений о кавказских горцах. – Тифлис: Типография Главного Управления Наместника Кавказского, 1870. – Выпуск III. – С. 1-12 [89-100].

РГВИА – Российский государственный военно-исторический архив

Рейнеггс 1974 – *Рейнеггс Я.* Всеобщее историко-топографическое описание Кавказа // АБКИЕА. – Нальчик: Эльбрус, 1974. – С. 209-213.

Сталь 2001 – *Сталь К.Ф.* Этнографический очерк черкесского народа // Русские авторы XIX века о народах Центрального и Северо-Западного Кавказа: в 2-х т. Т. 1. – Нальчик: Эль-Фа, 2001. – С. 187-278.

Труды… 1908 – *Труды* комиссии по исследованию современного положения землевладения и землепользования в Нагорной полосе Терской области. – Владикавказ: Электропечатня Н.К. Григорьева, 1908. – 372 с.

Тульчинский 1903 – *Тульчинский Н.П.* Пять горских обществ Кабарды. I. Этнографически-экономический очерк // Терский сборник. – Владикавказ: Типография Терского Областного правления, 1903. – Вып. 5. – С. 152-216.

Хан-Гирей 2008 – *Хан-Гирей*. Записки о Черкесии. – Нальчик: ГП КБР «Республиканский полиграфкомбинат им. Революции 1905 г»; Издательский центр «Эль-Фа», 2008. – 363 с.

Цаликов 1882 – *Цаликов Д.* Комиссия для разбора сословных прав горцев Кубанской и Терской областей, учрежденная 1869 года в г. Владикавказе / [Полк. Д. Цаликов]. – Каменец-Подольск: «Русская типография» М. Гликина, 1882. – 26 с. // Президентская библиотека имени Б.Н. Ельцина: сайт. URL: https://www.prlib.ru/item/337094 (дата обращения: 21.06.2020).

Шаханов 1991 – *Шаханов Б.А.* Избранная публицистика / Предисл., сост. и коммент. Т.Ш. Биттировой. – Нальчик: Эльбрус, 1991. – 287 с.

Pallas 1799 – *Pallas P.S.* Bemerkungen auf einer Reise in die südlichen Statthalterschaften des Russischen Reichs in den Jahren 1793 und 1794. Band 1. – Leipzig: Gottfried Martini, 1799. – XXXII, 516 s.

REFERENCES

ABAEV M.K. *Balkariya: Istoricheskii ocherk* [Balkariya. Outline of history]. – Nalchik: El'brus, 1992. – 40 p. (In Russian)

BLARAMBERG I. *Istoricheskoe, topograficheskoe, statisticheskoe, etnograficheskoe i voennoe opisanie Kakaza* [Historical, topographical, statistical, ethnographic and military description of the Caucasus]. – Nalchik: Izdatel'skii tsentr «El'-Fa», 1999. – 405 p. (In Russian)

BOBROVNIKOV V.O. *Musul'mane Severnogo Kavkaza: obychai, pravo, nasilie: Ocherki po istorii i etnografii prava Nagornogo Dagestana* [Muslims of the North Caucasus: Custom, Law, Violence: Essays on the History and Ethnography of the Law of Highland Dagestan]. – M.: Vostochnaya literatura, 2002. – 368 p. (In Russian)

BRONEVSKY S.M. *Noveishie geograficheskie i istoricheskie izvestiya o Kavkaze, sobrannye i popolnennye Semenom Bronevskim. Ch. 1* [The latest geographical and historical information about the Caucasus, collected and supplemented by Semyon Bronevsky: in 2 parts. Part 1]. – M.: V tip. S. Selivanovskogo, 1823. – XXXI, 352 p. (In Russian)

BRONEVSKY S.M. *Noveishie geograficheskie i istoricheskie izvestiya o Kavkaze, sobrannye i popolnennye Semenom Bronevskim. Ch. 2* [The latest geographical and historical information about the Caucasus, collected and supplemented by Semyon Bronevsky: in 2 parts. Part 2]. – M.: V tip. S. Selivanovskogo, 1823. – IX, 465 p. (In Russian)

Dokumenty po istorii Balkarii 40-90-kh gg. XIX v. / Sost. E.O. Krikunova [Documents on the history of Balkaria 40-90-ies of the 19th century. Comp. E.O. Krikunova]. – Nalchik: Kab-Balk. kn. izd-vo, 1959. – 262 p. (In Russian)

GRABOVSKY N.F. *Prisoedinenie k Rossii Kabardy i bor'ba eya za nezavisimost' (istoricheskii ocherk)* [Russia's accession to Kabarda and its struggle for independence (historical sketch)]. IN: *Sbornik svedenii o kavkazskikh gortsakh* [Collection of reports on Caucasian mountaineers]. – Tiflis: Tipografiya Glavnogo Upravleniya Namestnika Kavkazskogo, 1876. – Iss. IX. – P. 112-212. (In Russian)

GÜLDENSTÄDT J.A. Puteshestvie po Kavkazu v 1770-1773 gg. [Journey to the Caucasus in 1770-1773 years]. – SPb. Peterburgskoe Vostokovedenie. 2002. – 512 p. (In Russian)

Izvlechenie iz Puteshestviya g-na Klaprota k goram Kavkazskim [Extract from the Journey of Mr. Klaproth to the Caucasus Mountains]. IN: *Vestnik Evropy*. – 1812. – Part LXIV. – No. 13. – P. 15-43. (In Russian)

KHAN-GIREI. *Zapiski o Cherkesii* [Notes on Circassia]. – Nalchik: GP KBR «Respublikanskii poligrafkombinat im. Revolyutsii 1905 g»; Izdatel'skii tsentr «El'-Fa», 2008. – 363 p. (In Russian)

KIPKEEVA Z.B. *Narody Severo-Zapadnogo i Tsentral'nogo Kavkaza: migratsii i rasselenie (60-e gody XVIII v. – 60-e gody XIX v.)* [Peoples of the Northwest and Central Caucasus: Migration and Settlement (60s of the 18th century – 60s of the 19th century)]. – M.: Izd-vo Ippolitova, 2006. – 360 p. (In Russian)

KLAPROTH H.-J. *Puteshestvie po Kavkazu i Gruzii, predprinyatoe v 1807-1808 gg.* [Journey to the Caucasus and Georgia in 1807-1808]. IN: *Adygi, balkartsy, karachaevtsy v izvestiyakh evropeiskikh avtorov XIII-XIX vv. (ABKIEA) / Sost. V.K. Gardanov* [Adyghes, Balkars and Karachays in the reports of European authors of the 13th – 19th centuries (ABKREA). Ed. by V.K. Gardanov]. – Nalchik: El'brus, 1974. – P. 235-280. (In Russian)

KOLESNIKOVA M.E. *Istoriograficheskie istochniki po istorii izucheniya Severnogo Kavkaza vo vtoroi polovine XVIII – nachale XX v.* [Historiographic sources on the history of the study of the North Caucasus in the second half of the XVIII – beginning of XX centuries]. IN: The site of the Scientific-Pedagogical School of Source Studies «Istochnikovedenie.ru» URL: http://ivid.ucoz.ru/publ/medushevskaja_90/om_kolesnikova/15-1-0-123 (date of access: 10.05.2020). (In Russian)

KOLESNIKOVA M.E. *Severokavkazskaya istoriograficheskaya traditsiya: vtoraya polovina XVIII – nachalo XX veka* [North Caucasian historiographic tradition: second half of the 18th – early 20th centuries]. – Stavropol': Izd-vo SGU, 2011. – 496 p. (In Russian)

KOVALEVSKY M.M. *Pozemel'nye i soslovnye otnosheniya u gortsev Severnogo Kavkaza* [Land and estate relations among the mountaineers of the North Caucasus]. IN: *Russkaya mysl'*. – 1883. – Book XII. – P. 137-154. (In Russian)

KOVALEVSKY M.M. *Zakon i obychai na Kavkaze: v 2-kh t. T. 1* [Law and custom in the Caucasus: in 2 vols. Vol. 1]. – M.: Tip. A.I. Mamontova i Ko, 1890. – 303 p. (In Russian)

KOZHEV Z.A. *Sotsial'no-politicheskoe i etnokul'turnoe prostranstvo Cherkesii (XVI – nach. XIX v.): printsipy samoorganizatsii* [Socio-political and ethnocultural space of Circassia (XVI – early XIX century): principles of self-organization]. – Nalchik: Izdatel'skii otdel KBIGI, 2016. – 172 p. (In Russian)

KUDASHEV V.N. *Istoricheskie svedeniya o kabardinskom narode (K 300-letiyu doma Romanovykh / Izd. V.N. Kudasheva)* [Historical evidence about the Kabardian people (On the 300th anniversary of the Romanov dynasty. Ed. V.N. Kudashev)]. – Kiev: Tipo-lit. «S.V. Kul'zhenko», 1913. – XVI, 283 p. (In Russian)

LEONTOVICH F.I. *Predislovie* [Preface]. IN: LEONTOVICH F.I. *Adaty kavkazskikh gortsev: Materialy po obychnomu pravu Severnogo i Vostochnogo Kavkaza. Vyp. 1* [Adats of the Caucasian Mountaineers: Materials on Customary Law of the North and East Caucasus. Iss. 1]. – Odessa: tip. P.A. Zelenogo (b. G. Ul'rikha), 1882. – P. 1-81. (In Russian)

MALOVICHKO S.I., RUMYANTSEVA M.F. *Istoriya kak strogaya nauka vs sotsial'no orientirovannoe istoriopisanie: monografiya* [History as a strict science vs socially oriented historiography: a monograph]. – Orekhovo-Zuevo: izd-vo MGOGI, 2013. – 252 p. (In Russian)

MURATOVA E.G. *Materialy Abramovskoi komissii i Basiyat Shakhanov: spor o zemle v nachale XX veka* [Materials of the Abramov Commission and Basiyat Shakhanov: a dispute over land at the beginning of the 20th century]. IN: *Regional'naya istoriya: metodologiya, istochniki, istoriografiya: Sbornik nauchnykh trudov tret'ikh mezhdunarodnykh Usmanovskikh chtenii / Nauch. red. D.P. Samorodov; M.N. Farkhshatov* [Regional history: methodology, sources, historiography: Collection of scientific works of the third international Usman readings. Scientific ed. D.P. Samorodov; M.N. Farkhshatov]. – Sterlitamak: Sterlitamakskii filial BashGU, 2016. – P. 66-69. (In Russian)

NOGMOV Sh.B. *Istoriya adykheiskogo naroda, sostavlennaya po predaniyam kabardintsev Shora-Bekmurzin-Nogmovym / Primech. i pril. Ad. Berzhe* [The history of the Adyghe people, compiled according to the legends of the Kabardinians by Shora-Bekmurzin-Nogmov. Notes and supplements by Ad. Berge]. – Tiflis: Tip. gl. upr. namestnika kavkazskogo, 1861. – 176, V p. (In Russian)

O pravakh vysshikh gorskikh soslovii v Kubanskoi i Terskoi oblastyakh [On the Rights of the highest mountain estates in the Kuban and Terek regions]. IN: *Sbornik dokumentov po soslovnomu pravu narodov Severnogo Kavkaza. 1793-1897 gg. Tom I / Sostaviteli: Kh.M. Dumanov i drugie* [Collection of documents on the estate law of the peoples of the North Caucasus. 1793-1897 Volume I. Compiled by H.M. Dumanov and others]. – Nalchik: Izdatel'skii tsentr «El'-Fa», 2003. – P. 73-247. (In Russian)

Osetiny glazami russkikh i inostrannykh puteshestvennikov (XIII-XIX vv.) / Sost. B.A. Kaloev [Ossetians through the eyes of Russian and foreign travelers (XIII-XIX centuries). Comp. B.A. Kaloev]. – Ordzhonikidze: Severo-Osetinskoe kn. izd-vo, 1967. – 319 p. (In Russian)

PALLAS P.S. Bemerkungen auf einer Reise in die südlichen Statthalterschaften des Russischen Reichs in den Jahren 1793 und 1794. Band 1. – Leipzig: Gottfried Martini, 1799. – XXXII, 516 s. (In German)

POTOCKI J. *Puteshestviya po Astrakhanskim stepyam i po Kavkazu* [Travels in the Astrakhan steppes and the Caucasus]. IN: *ABKIEA* [ABKREA]. – Nalchik: El'brus, 1974. – P. 225-234. (In Russian)

Privilegirovannye sosloviya kabardinskogo okruga [Privileged estates of the Kabardian district]. IN: *Sbornik svedenii o kavkazskikh gortsakh* [Collection of reports on Caucasian mountaineers]. – Tiflis: Tipografiya Glavnogo Upravleniya Namestnika Kavkazskogo, 1870 – Iss. III. – P. 1-12 [89-100]. (In Russian)

REINEGGS J. *Vseobshchee istoriko-topograficheskoe opisanie Kavkaza* [General historical and topographical description of the Caucasus]. IN: *ABKIEA* [ABKREA]. – Nalchik: El'brus, 1974. – P. 209-213. (In Russian)

RGVIA – Rossiiskii gosudarstvennyi voenno-istoricheskii arkhiv [Russian State Military Historical Archive] (In Russian)

SHAKHANOV B.A. *Izbrannaya publitsistika / Predisl., sost. i komment. T.Sh. Bittirovoi* [Selected Works in Social and Political Journalism. Preface, comp. and comment. T.Sh. Bittirova]. – Nalchik: El'brus, 1991. – 287 p. (In Russian)

STAL' K.F. *Etnograficheskii ocherk cherkesskogo naroda* [Ethnographic sketch of the Circassian people]. IN: *Russkie avtory XIX veka o narodakh Tsentral'nogo i Severo-Zapadnogo Kavkaza: v 2-kh t. T. 1* [Russian authors of the 19th century on the peoples of the Central and North-West Caucasus: in 2 volumes Vol. 1]. – Nalchik: El'-Fa, 2001. – P. 187-278. (In Russian)

Trudy komissii po issledovaniyu sovremennogo polozheniya zemlevladeniya i zemlepol'zovaniya v Nagornoi polose Terskoi oblasti [Proceedings of the commission for the study of the current situation of land ownership and land use in the Highland strip of the Terek region]. – Vladikavkaz: Elektropechatnya N.K. Grigor'eva, 1908. – 372 p. (In Russian)

TSALIKOV D. *Komissiya dlya razbora soslovnykh prav gortsev Kubanskoi i Terskoi oblastei, uchrezhdennaya 1869 goda v g. Vladikavkaze / (Polk. D. Tsalikov)* [The commission for the analysis of the estate rights of the mountaineers of the Kuban and Terek regions, established in 1869 in the city of Vladikavkaz / (Colonel D. Tsalikov)]. – Kamenets-Podol'sk: «Russkaya

tipografiya» M. Glikina, 1882. – 26 p. IN: *Prezidentskaya biblioteka imeni B.N. El'tsina: site* [Presidential Library named after B.N. Yeltsin: website]. URL: https://www.prlib.ru/item/337094 (date of access: 21.06.2020). (In Russian)

TULCHINSKY N.P. *Pyat' gorskikh obshchestv Kabardy. I. Etnograficheski-ekonomicheskii ocherk* [Five mountain societies of Kabarda. I. Ethnographic and economic overview]. IN: *Terskii sbornik*. – Vladikavkaz: Tipografiya Terskogo Oblastnogo pravleniya, 1903. – Iss. 5. – P. 152-216. (In Russian)

ИСТОРИЯ, ЭТНОЛОГИЯ И АРХЕОЛОГИЯ

Средневековая и новая история

УДК 94 (470.64)

DOI 10.31143/2542-212X-2020-2-111-125

П.Л. ЮДИН – АРХИВИСТ И ИССЛЕДОВАТЕЛЬ ИСТОРИИ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА

К.Ф. ДЗАМИХОВ

Институт гуманитарных исследований – филиал Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук»
360000, КБР, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18
E-mail: kbigi@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена историку и архивисту конца XIX – начала XX в. Павлу Львовичу Юдину (1863-1927). Ценность научного наследия П.Л. Юдина заключается, во-первых, в том, что он ввел в научный оборот важные архивные документы, большая часть из которых не сохранилась до наших дней, и во-вторых, созданный им научный нарратив существенно обогатил историю культуры как казачьего сообщества, так и народов Северного Кавказа. Особенно плодотворным являлся владикавказский этап (1910-1923 гг.) научно-просвещенческой деятельности П.Л. Юдина, позволяющий характеризовать его как одну из самых заметных фигур русской провинциальной архивистики конца XIX – начала XX в. Вместе с тем, его работы по истории Смуты на Кавказе, а также посвященные становлению связей России с народами Северного Кавказа, представляют интерес и для современной исторической науки.

Ключевые слова: П.Л. Юдин; провинциальные архивы; историография; история; казачество; народы Северного Кавказа.

P.L. YUDIN – ARCHIVIST AND RESEARCHER OF THE HISTORY OF THE NORTH CAUCASUS

K.F. DZAMIKHOV

The Institute for the Humanities Research – Affiliated of the Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences»
360000, KBR, Nalchik, Pushkin st., 18
E-mail: kbigi@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the less known and less studied scientific heritage of the historian of the late XIX – early XX centuries. P.L. Yudin. The significance of P.L. Yudin works consists not only in introducing into scientific circulation an array of archival documents, most of which has not been preserved to this day, but also in correct interpretations of them and creating a scientific narrative that significantly enriched the history of culture of both the Cossack community and the peoples of the North Caucasus. Specialists appraise as especially fruitful the "Vladikavkaz stage" (1910-1923) of the scientific and educational activity of the researcher. P.L. Yudin was a typical representative of Russian official imperial historiography. At the same time, his work on the history of the "Smuta" in the Caucasus, as well as on the establishment of relations between Russia and the peoples of the North Caucasus, are still of interest to modern historical science.

Keywords: P.L. Yudin; provincial archives; historiography; history; Cossacks; peoples of the North Caucasus.

В истории России немало имен, прославивших отечественную историческую науку, но оставшихся при этом малоизвестными для современных исследователей. Одно из таких имен – Павел Львович Юдин (1863-1927), высокообразованный историк и архивист, научное наследие которого до сих пор остается малоизученным. Личность П.Л. Юдина по-своему уникальна: в ней соединились черты казачьего офицера и российского интеллигента, который на высоком профессиональном уровне осуществлял исследовательскую и просвещенческую работу. На наш взгляд, П.Л. Юдин являлся продолжателем историографической традиции, заложенной донским историком В.Д. Сухоруковым. Ценность научного наследия П.Л. Юдина заключается, во-первых, в том, что он ввел в научный оборот важные архивные документы, большая часть из которых не сохранилась до наших дней, и во-вторых, созданный им научный нарратив существенно обогатил историю культуры как казачьего сообщества, так и народов Северного Кавказа.

Изучение жизненного пути П.Л. Юдина дает возможность проследить этапы становления и условия для занятия гуманитарными науками ученых российской провинции в дореволюционный период. В отечественной исторической науке отсутствуют комплексные работы, посвященные общественной деятельности и научному наследию П.Л. Юдина в области изучения терского казачества и народов Северного Кавказа. Кроме того, в настоящее время, на фоне заметного повышения общественного интереса к ситуации на Северном Кавказе, становится очевидной необходимость учета исторического опыта социальной, административной и экономической политики царизма в отношении казачества и народов этого региона в условиях их адаптации к политической, социальной, экономической и культурной системам Российского государства. В этом отношении исследовательская тема приобретает дополнительную актуальность.

Биография и общественно-научная деятельность П.Л. Юдина до сих пор не становились предметом специального монографического исследования. Однако некоторые сведения о нем все же содержатся в работах авторов разных поколений, в-первую очередь, посвященных истории казачества. Основные вехи жизнедеятельности П.Л. Юдина были установлены уже в исторической литературе 1970-1980-х гг.

Павел Львович Юдин родился в 1864 г. в станице Сакмарской Уральского казачьего войска, которая позже стала относиться к Оренбургскому войску. По отцу его предки являлись казаками-старообрядцами, мать была дочерью оренбургского чиновника. В семье имелась домашняя библиотека, детей приобщали к чтению и поощрялось получение ими в будущем образования. Павел сперва обучался в станичной школе, затем в 1881-1883 гг. в Оренбургском казачьем (юнкерском) училище. Нам не известны документы, которые позволяют утверждать, что Юдин на каком-то этапе обучался архивному делу. Скорее всего, он самостоятельно приобрел навыки работы с архивным материалом и благодаря своему трудолюбию, упорству и любви к историко-архивному делу весьма преуспел на этом поприще. По примеру старшего брата, который стал учителем и журналистом-краеведом, Павел Юдин уже в 16 лет опубликовал свою первую статью, посвященную обычаям старообрядцев. Однако следуя примеру отца, отслужившего долгое время в Оренбургском казачьем войске и вышедшего в отставку урядником, П. Юдин начал службу в этом воинском формировании. В 1898 г. он числился хорунжим Оренбургского казачьего войска. Военная и научно-просвещенческая деятельность П.Л. Юдина до 1917 г. протекала в Оренбурге, Самаре, Астрахани и Владикавказе. При этом владикавказский этап его жизни (1910-1923 гг.) был очень плодотворным. П.Л. Юдин сразу включился в работу Терского общества любителей казачьей старины. Происходит его знакомство и тесное взаимодействие с такими авторитетными исследователями истории терского казачества как В.А. Потто, М.А. Караулов, Г.А. Ткачев и др. В этот период некоторые работы Юдина на конкурсах исторических сочинений получили специальные премии указанного научного общества. Активно работая во Владикавказском, Астраханском и Московском архивах, он публикует большое количество разноплановых научных работ: книг, брошюр, статей, очерков, газетных заметок. Значительная их часть была посвящена историческим деятелям: Александру I, Александру II, цесаревичу Николаю Александровичу, А.С. Пушкину, О.А. Ингельстрому, Н.И. Костомарову, А.Н. Плещееву, декабристам и другим. Для автора статьи особый интерес представляют публикации Юдина, посвященные кабардинским князьям Сунчалею Канклычевичу и Александру Бековичу-Черкасскому. По имеющимся подсчетам, библиография трудов П.Л. Юдина насчитывает 750 наименований. При этом он печатался не только на русском и украинском, но и на французском языке. Его работы хорошо знала и ценила просвещенная публика; признанием его научной деятельности явилось получение им в 1895 г. специального пособия от Императорской Академии наук. В последние годы своей жизни П.Л. Юдин заведовал Дагестанским архивным бюро в Махачкале (1923-1925 гг.), а в 1925-1926 гг. занимался научной и архивной работой в Астрахани.

Несмотря на то, что научное творчество П.Л. Юдина по истории казачества и некоторых северокавказских народов относится к позднему имперскому периоду, первые упоминания о нем появились еще до февральской революции 1917 г. В это время работы П.Л. Юдина подверглись источниковедческому

анализу в публикациях И.В. Захарьина (Якунина). Прежде всего следует отметить его статью, опубликованную в журнале «Русский архив» в 1902 г. и выполненную в виде ответа на его критические замечания в адрес статьи о В.А. Перовском – оренбургском генерал-губернаторе [Захарьин (Якунин) 1902: 303-305].

Первый научный анализ работ П.Л. Юдина по истории терского казачества был проведен его современником, действительным членом Терского общества любителей казачьей старины Г.А. Ткачевым. В 1912 г. на страницах издававшейся в г. Владикавказе газеты «Терские ведомости» он опубликовал специальную статью, посвященную изучению научной деятельности П.Л. Юдина [Ткачев 1912]. Обосновывая актуальность проделанной работы, Г.А. Ткачев отмечал, что тональность и характер заметок П.Л. Юдина по истории терского казачества, появлявшихся в начале 1910-х гг. во владикавказской периодической печати, вызывал неподдельный интерес у читателей. Рецензент писал: «Приятно видеть, когда над вопросами закипает работа, когда статья за статьей посвящаются им (терским казакам. – *К.Д.*) и они занимают, так сказать, злободневное место на столбцах печати. Чувствуется что-то живое, полное сил, какой-то подъем сил, слышится биение жизни. В этом отношении нужно сказать большое спасибо и господину Юдину, и лицам, группирующимся около войскового штаба: они будят и поддерживают постоянное внимание и интерес общества к этим вопросам» [Ткачев 1912]. Однако сама эта статья содержит достаточно критическое отношение Г.А. Ткачева к работам П.Л. Юдина по истории терского казачества. В частности, Г.А. Ткачев указывает на ряд неточностей, допущенных П.Л. Юдиным в оценке достоверности сведений, содержащихся в работе И.Д. Попко «Терские казаки со стародавних времен» о времени появления казаков на Кавказе, а также в оценке личности И. Слепцова и его вклада в историю казачества. При этом Г.А. Ткачев в своей работе наглядно показал, что уже в начале XX в. в исторической науке о казачестве наметилось два уровня исследований: эмпирический и теоретический. В этой системе он отводил значимое место квалификации П.Л. Юдина как историка-архивиста. Г.А. Ткачев отмечал, что по результатам разбора фондов Кизлярского архива, хранящегося в то время в Терском архиве в г. Владикавказе, следовало бы поручить П.Л. Юдину специальное задание, которое бы заключалось в «извлечении из-под спуда наших архивов (материалов по истории Терского казачьего войска. – *К.Д.*) и их печатание» [Ткачев 1912]. При этом рецензент писал, что «теперь, когда им же составленный каталог уже есть, и когда почва уже расчищена, самая пора приступить к этому неотложному делу, а лучше Юдина найти для этой работы работника у нас, мне кажется, невозможно» [Ткачев 1912]. Однако эта рекомендация Г.А. Ткачева так и не была реализована. Нами не обнаружено сборников документов Кизлярского или Астраханского губернского архива по истории казачества, составленных в дореволюционный период под редакцией П.Л. Юдина.

В советское время личность и научное наследие П.Л. Юдина не привлекали особого внимания исследователей. Известный советский

кавказовед Е.Н. Кушева в своем фундаментальном труде, посвященном народам Северного Кавказа и их связям с Россией во второй половине XVI – 30-х годах XVII века [Кушева 1963], широко пользуется работами П.Л. Юдина «Мурза Сюнчалей Янглычев» и «Верность кабардинцев русскому престолу в эпоху Смутного времени». Она обращает внимание исследователей на ценность приведенных в них неизданных архивных материалов. Некоторые сведения по исследуемой нами проблематике содержатся в обобщающем труде по истории Северо-Осетинской АССР [История… 1987]. Исторические сведения, относящиеся к началу XX в., позволяют понять особенности той этнокультурной среды, в рамках которой было создано и функционировало Терское общество любителей казачьей старины и развивалась творческая мысль П.Л. Юдина.

В 1970-1980-е гг. были опубликованы несколько очерков астраханского писателя-краеведа А.С. Маркова, посвященные творчеству П.Л. Юдина [Марков 1979; Марков 1988: 200-222]. В одной из его публикаций – «Литератор, историк, архивист», которая основывалась на личных воспоминаниях дочери П.Л. Юдина, записанных через полвека после смерти ее отца и с использованием материалов семейного архива, были обозначены основные этапы жизнедеятельности исследователя [Марков 1979].

В 1990-2000-е гг., следуя ценным советам и историографической традиции, заложенной Е.Н. Кушевой, широко используют документальный материал П.Л. Юдина в своих исследованиях К.Ф. Дзамихов и Б.К. Мальбахов [Мальбахов, Дзамихов 1996]. Некоторые работы П.Л. Юдина по истории кавказских народов были переизданы К.Ф. Дзамиховым в последнее время [Века… 2017; Из документальной… 2019].

Особый интерес научное наследие П.Л. Юдина вызывает у исследователей истории терского казачества. Определенный вклад в изучение этого вопроса внес М.З. Саблиров [Саблиров 2001]. На основе анализа деятельности Терского общества любителей казачьей старины он предпринял попытку показать роль областных просветительских обществ в развитии культуры. Работа М.З. Саблирова основывалось на материалах Центрального государственного архива Республики Северная Осетия-Алания. Он показал обстоятельства учреждения Терского общества любителей казачьей старины, особенности организации его работы, состав и структуру, роль специальных комиссий, работавших в рамках общества по государственному заказу, участие в культурно-массовых мероприятиях, деятельность общества по проведению научных и литературных конкурсов, особенности организации печатного дела. В ходе работы М.З. Саблиров сделал ряд ценных выводов. В частности, он отмечал, что «общество наряду с культурно-просветительской и научной работой разрабатывало программу гармонизации национальных отношений между казаками и народами Северного Кавказа. Она предусматривала установление более тесных политических и культурных отношений между ними, изучение истории и пропаганду среди казачества традиционных обычаев и быта горцев» [Саблиров 2001: 131].

В.А. Колесников, рассматривая историографию истории Хоперского казачьего полка, приводит различные точки зрения авторов начала XX в. по этому вопросу [Колесников 2006]. В частности, он указывает, что в публикациях В.Г. Толстова [Толстов 1900] «основополагающим мотивом является мысль о жертвенности казаков во имя царя и отечества, что примитивизирует концепцию автора и невыгодно отличает его от коллег-современников». В то время как П.П. Короленко [Короленко 1896] и П.Л. Юдин [Юдин 1914b] «уверенно опровергали столь благостную картину, отмечая недовольства и волнения хоперцев в период их перехода на Кавказ в 1777-1778 гг. или массовый протест представителей 1-го Хоперского полка против поголовного переселения в Закубанье в 1861 г.». При этом В.А. Колесников назвал процитированную работу П.Л. Юдина последним из значимых дореволюционных исследований о хоперцах. По его словам, «Павел Львович, несомненно, олицетворял собой исследователя новой генерации казаковедов, его исследовательскую манеру можно с уверенностью определить как приверженную, хотя и спорадическому, стихийному, но критическому позитивизму» [Колесников 2006].

В 2006 г. выходит несколько работ С.А. Мезина, которые дополняют биографию и общественно-научную деятельность П.Л. Юдина отдельными эпизодами [Мезин 2006a; Мезин 2006b].

Некоторые биографические сведения о П.Л. Юдине также нашли свое отражение в публицистической статье Ф. Киреева [Киреев 2010]. В частности, он сообщает о Юдине: «На протяжении многих лет он сотрудничал в столичных журналах «Русская старина», «Русский архив», «Исторический вестник», много писал по казачьей истории и не только. В своих статьях он широко использовал результаты собственных архивных поисков, которым посвятил немало времени. На основе исследований в Астраханском и Кизлярском архивах Юдин написал несколько работ о гребенских казаках. Член Терского общества любителей казачьей старины (ТОЛКС), в 1913 году за «Очерки смутного времени на Кавказе» он получил II премию ТОЛКС. П.Л. Юдин был не чужд журналистике, и, как видно, давно желал издавать свою газету. Еще в 1901 году он предлагал оренбургскому атаману начать издание газеты «Поволжье», но тогда финансы не позволили этого. Поэтому неудивительно, что именно ему, оказавшемуся во Владикавказе в 1917 году, поручили издание газеты «Вперед» [Киреев 2010: 10, 11].

Для оценки вклада П.Л. Юдина в развитие провинциальной архивистики конца XIX – начала XX века также определенное значение имеют работы, посвященные истории развития архивного дела на Северном Кавказе [Цогоев 2003; Муратова 2017].

В 2011 году выходит специальная статья В.Г. Цогоева, посвященная неизвестным страницам деятельности историка-архивиста П.Л. Юдина во Владикавказе (1910-1914) [Цогоев 2011]. Источниковой базой этой работы стали неопубликованные документы войскового штаба Терского казачьего войска, хранящиеся в Центральном государственном архиве Республики Северная Осетия-Алания (г. Владикавказ), а также различные периодические

издания: «Терские ведомости», «Сборник Общества любителей казачьей старины», «Записки Терского общества любителей казачьей старины» и др. В.Г. Цогоеву удалось раскрыть многогранную деятельность П.Л. Юдина, позволяющую характеризовать его как одну «из самых заметных фигур русской провинциальной архивистики конца XIX – начала XX века».

В совместной статье К.Ф. Дзамихова и Ф.А. Киржиновой научное наследие Павла Львовича Юдина и его общественная деятельность в Терской области в 1910-1917 гг. подверглись специальному изучению [Дзамихов, Киржинова 2012]. Авторы, опираясь на архивные источники и опубликованные материалы, выявленные в дореволюционной периодике, приходят к обоснованному выводу, что научное наследие П.Л. Юдина позволяет представить важные моменты истории терского казачества в исторической динамике, выявить условия и факторы политических, социальных, экономических и культурных трансформаций в их среде в XVI – начале XIX в. Следуя существующим историографическими оценками, они приходят к заключению, что работы П.Л. Юдина до сих пор по праву занимают видное место в историографии истории терского казачества. Научное наследие Павла Львовича Юдина и его общественная деятельность в Терской области в 1910-1917 гг. также стала предметом анализа в диссертационном исследовании Ф.А. Киржиновой [Киржинова 2012].

Таким образом, приведенный историографический обзор позволяет сделать вывод, что вопросы истории народов Северного Кавказа в научном наследии П.Л. Юдина все еще не стали предметом отдельного исследования. Можно предположить, что работа П.Л. Юдина в Саратове, где он состоял хранителем исторического архива местной ученой архивной комиссии (1902-1910 гг.), а также его исследовательская деятельность в Астраханском архиве (1898-1901 гг. и в 1905 г.) и в архивах Владикавказа (с 1910 г.) позволили ему накапливать исторический материал не только по казачеству, но и по истории северокавказских народов. Кроме того, в исторической литературе имеются свидетельства о работе П.Л. Юдина в архивах Свияжска и Казани, а также разборе им частного архива потомков имеретинских царей.

На высокий профессиональный уровень П.Л. Юдина, неоднократно использованный руководством поволжских губерний и кавказского линейного казачьего войска, обратили внимание и в Нальчикском округе Терской области. На съезде доверенных кабардинского народа обсуждался вопрос о привлечении Юдина к выявлению и публикации архивных документов, к подготовке и изданию научных работ. Так, в газете «Терские ведомости» за 1913 г. имеется следующее сообщение: «2 января работавший в московских архивах по отысканию материалов к истории Терского к. в., П.Л. Юдин выехал в Москву. На этот раз едет он по поручению доверенных кабардинского народа для работы в Московских архивах по отысканию материалов к истории Кабардинского народа с условием составления по этому поводу особой докладной записки» [ТВ. 1913. № 2]. Через некоторое время «Терские ведомости» сообщили о выходе в свет его работы «Верность кабардинцев русскому престолу в эпоху смутного времени». «Брошюра эта издается на средства кабардинского народа по случаю

300-летия дома Романовых. Издается она в количестве 3300 экз. для раздачи во время юбилейных торжеств школьникам и всем грамотным кабардинцам. Брошюра составлена П.Л. Юдиным на основе документов главного Московского архива министерства иностранных дел. Автор брошюры для этой цели был послан кабардинцами в Москву» [ТВ. 1913. № 2]. Известно, что к юбилейным торжествам к 300-летию дома Романовых было приурочено и издание В.Н. Кудашева «Исторические сведения о кабардинском народе», к которому тоже имел отношение съезд доверенных.

В сформировавшейся на сегодняшний день историографии научного наследия П.Л. Юдина особо подчеркивается его квалификация историка-архивиста. Отличительная особенность его работ заключается в их фундированности выявленными и вводимыми в научный оборот архивными документами, являющимися основным источником исторических исследований. С этой точки зрения П.Л. Юдин выступает как продолжатель традиций, заложенных в российской историографии и кавказоведении С.М. Броневским, П.Г. Бутковым, С.А. Белокуровым, Ад. Берже. К безусловным заслугам Юдина необходимо отнести его роль по разбору и широкому привлечению в своих исследованиях документов провинциальных архивохранилищ. В конце XIX – начале XX в. состояние последних и условия работы в них оставляли желать лучшего. Например, о своей работе в Астраханском губернском архиве П.Л. Юдин писал: «Пол, полки и самые дела были покрыты таким толстым слоем пыли, что не представлялось совершенно никакой возможности рассмотреть по ярлыкам, к какому периоду и учреждению относились они. Поэтому сначала приходилось очищать пыль, а потом лазить по полкам со свечой, чтобы прочитать надписи и отобрать из прочего ненужного хлама дела бывшей губернской канцелярии, единственно представляющие интерес для нашего исследования. В сарае (в описываемый период астраханский архив располагался в неприспособленном помещении на Облунинской площади – *К.Д.*) не было ни стола, ни стула, и я должен был работать или стоя, или сидя на корточках у единственной двери, тускло освещавшей это архивное хранилище» [ЦГА РСО-Алания. Ф. НСБ. Оп. ОДФ. Д. 1559. Л. 6]. Огромная работа, проделанная Юдиным по разбору фондов Кизлярского архива, который тогда хранился в так называемом Терском архиве г. Владикавказа, была высоко оценена его современником, известным историком и публицистом Г.А. Ткачевым, который считал, что «теперь, когда им же составленный каталог уже есть, и когда почва уже расчищена, самая пора приступить к этому неотложному делу, а лучше Юдина найти для этой работы работника у нас, мне кажется, невозможно» [Ткачев 1912]. Другой известный русский исследователь начала XX в. В.Р. Апухтин также проявлял большой интерес к работам П.Л. Юдина. В своем письме к общественному деятелю и историку казачества М.А. Караулову он объяснял это следующим образом: «Сегодня из газеты «Терек» узнал о существовании Терского общества любителей казачьей старины, а в справочной книге увидел «Календарь Терской области» за 1911 г. В настоящее время я обрабатываю для издания многочисленный материал, выбранный мною из Московских и Санкт-Петербургских архивов по вопросу о

сношении России с Кабардой с XVI по XVIII вв. Работа эта явится отчасти продолжением и дополнением напечатанной части документов в труде С.А. Белокурова «Сношение России с Кавказом (до 1614 г.), но главным образом даст совершенно новые по данному вопросу сведения с 1614 по конец XVIII в. Вам, как работающему на поприще истории Гребенских и Волжских казаков, наверное, хорошо известно, что история кабардинцев тесно связана с историей терцев. В моих архивных работах мне попадалось много интересных первоисточников о гребенских, главным образом, казаках. Для образца я сделаю небольшие выборки (копии и кальки с документов). Если вы изволите мне разрешить, то 2-го июля, когда, как сообщалось в газете очередное заседание общества, я могу приехать во Владикавказ и сделать краткое сообщение на тему: «Материалы для истории сношений России с Кабардой в XVII в. с вопросом о гребенских казаках» … Меня очень интересует доклад об астраханских архивах П.Л. Юдина; в котором должны быть сведения о гребенских казаках и о кабардинцах. Не найду ли я что-либо о Кабарде за XIX столетие во Владикавказском областном архиве ...» [ЦГА РСО-Алания. Ф. 203. Оп.1. Д. 8. Л. 47]. Очевидно, что многие профессиональные российские историки осознавали важность и значение не только московских и петербургских, но и таких провинциальных архивов как Астраханский губернский, Владикавказский областной и др. Сам П.Л. Юдин неоднократно подчеркивал ценность Астраханского архивохранилища: «… до присоединения к России Грузии Астрахань играла громадную роль не только в организации казачьих войск и устройстве Кавказа, но и в наших сношениях с Персией, Хивой, Мингрелией, Имеретией, царем Кахетинско-Картлийским, Кубанским сераскирос и даже с отдаленным и чересполосным Крымом» [Юдин 1911: 2]. П.Л. Юдин отчетливо представлял, что после административных преобразований на юге империи, с момента образования самостоятельной Астраханской губернии в 1719 г. именно здесь откладывался огромный комплекс документации по административному и военному управлению территорией и ключевыми крепостями-форпостами в Предкавказье и на Центральном Кавказе (Терки, Святой Крест, Кизляр и Моздок и т.д.). Поэтому П.Л. Юдин полагал, что в «архивах Астрахани должны были сохраниться такие документы, которые в столичные учреждения могли не попасть» [Юдин 1911: 2]. «С уверенностью могу сказать, – писал он, – что из астраханского архива извлечено все, что можно было позаимствовать оттуда не только для истории Терского казачьего войска и заселения Северного Кавказа, но даже из прошлого Запорожского и Кубанского казачеств, о наших сношениях с Персией, Грузией, Крымом, покорение Дагестана, о татарских и калмыцких ордах и горских племенах» [ЦГА РСО-Алания. Ф. НСБ. Оп. ОДФ. Д. 1559. Л. 7].

П.Л. Юдин, являясь по жизни великим тружеником и добросовестным исследователем, в своих публикациях бил тревогу по поводу условий хранения документов в провинциальных архивах, которые ведут к невосполнимой утрате исторического наследия. Сам он за три месяца работы в Астраханском губернском архиве просмотрел 519 вязок (папок), которые включали в себя 24530 дел, и сделал 202 выписки по исследуемой теме; за 10 месяцев – 1055 вязок в количестве 40252 дел и сделал 982 извлечения приблизительно из 2000

документов, которые охватывали период с 1708 по 1836 гг. [ЦГА РСО-Алания. Ф. НСБ. Оп. ОДФ. Д. 1559. Л. 7]. Впечатляющей по объему была и работа Юдина в архивах г. Владикавказа. По сути, им были разобраны материалы двух архивохранилищ: архива бывшего Кизлярского комендантского управления (он насчитывал 800 объемистых дел в 477 вязках) и архива Кизлярских гражданских учреждений (в нем было 353 вязки, которые насчитывали 21229 дел). По свидетельству П.Л. Юдина, по истории народов Северного Кавказа было отобрано для хранения 1238 дел в 25 вязках [Юдин 1912a: 7]. По результатам этой работы историком-архивистом были составлены 3 описи объемом 83 «писчих листа», что соответствовало 353 страницам, с приложением карточного каталога, разделенного на 116 отделов. При оформлении учетных документов он пользовался своим дневником, в котором аккуратно отмечал «число просмотренных дел, с указанием годов и последовательной нумерации вязок». На каждый документ П.Л. Юдин оформлял отдельную карточку с аннотацией. В частности, он отмечал: «На отысканных документах я ставил в левом верхнем углу номер выписки и номер вязки. Эти же номера писались и на составленных карточках, представлявших собой короткое содержание извлеченного документа». Однотипные документы объединялись в одну карточку. «Дневник и карточки, – отмечал Юдин, – это система, которой я неуклонно держался от начала до конца» [ЦГА РСО-Алания. Фонд Ф. 54. Оп. 5. Д. 4576. Л. 153].

Материалы, выявленные в Астраханском архиве, в систематизированном виде, с тремя составленными указателями также были переданы им в штаб Терского Казачьего войска. «Первый из них – опись валовая (пошкапная) с последовательной нумерацией выписок, показывающей в каком порядке документы отыскивались; второй – опись хронологическая – дает указание о количестве и качестве материала по годам; третий указатель – карточный каталог – систематизирован по отделам в алфавитном порядке» [Юдин 1911: 31-32; Юдин 1912b: 21-31; ЦГА РСО-Алания. Ф. 54. Оп. 5. Д. 4576. Л. 153]. Этот каталог для своего времени являлся образцом высокого профессионализма в архивном деле, а сегодня специалисты считают его ценным историческим источником.

О прекрасной систематизации и высокой информативности составленного каталога свидетельствуют заголовки документов в описях:

20) Кабарда Большая и Малая. Кабардинцы. Набеги их. Служба. Грамоты им. Сношения с Крымом и Кубанью. Претензии на постройку Моздока;

28) Крым и крымцы. Набеги их на казачьи и горские поселения. Сношения с Крымом пограничных начальников. Подговоры горцев и кабардинцев на Россию. Из-за Моздока;

29) Кубанцы. Набеги их. Сношения с Крымом. Побеги за Кубань гребенцов и Терцев. Некрасовцы;

48) Терки, город и крепость. Терский гарнизон. Терские служилые люди. Иноземцы. Терский редут. Перевод гарнизона в крепость Святого Креста, а потом на фельдшанец на Аксае;

50) Терское Кизлярское войско (1-й пакет – 1737-1767 гг.). Служба. Набеги горцев. Причисление астраханских казаков. Князь Черкасский,

полковник Шелдяков, майоры Барковский, Киреев, Мещеряков, Горич. Возка провианта. Почтовая гоньба. Жалование и провиант. Численность войска;

51) Терекско-Кизлярское войско (1770-1803). Командирование офицеров в Кабарду и к горцам с грамотами и для разведки. Рубка лесов. Отпуск вина. Ловля рыбы. Сидка водки. Отвод земель. Статистическое описание войска;

55) Турция, сношения с нею. Замыслы ея. Из-за Моздока;

59) Чеченцы. Набеги их. Сношения с Крымом. Грамоты. Жалование;

60) Шамхал (или Шавкал). Тарковский. Набеги его подданных на линию. Сношения с ними. Замыслы его [Юдин 1911: 32-43].

Именно в фондах Кизлярского архива, находившегося тогда во Владикавказе, П.Л. Юдин обнаружил интересное дело о Шейхе-Мансуре (Ушурме), которое стало основой одной из его специальных работ [Юдин 1914a].

П.Л. Юдин относился к тому небольшому кругу дореволюционных авторов (С.М. Броневский, П.Г. Бутков, С.А. Белокуров), которые работали с документами Московского архива Министерства иностранных дел Российской империи. Многие из них дошли до нас через его работы. Также копии документов сохранились в личной библиотеке Юдина, которая насчитывала свыше 32 тыс. книг и 2 тыс. рукописей на русском и иностранных языках, тематически посвященные X–XVIII вв. Историк широко опирался на сборники документов, изданные в XIX – начале XX в. Среди них – «Памятники дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией», «Акты Кавказской археографической комиссии», «Сношения России с Кавказом» С.А. Белокурова, «Материалы для новой истории Кавказа» П.Г. Буткова и другие. В своих работах П.Л. Юдин часто ссылается на фонд «Кабардинские дела» Московского архива МИД. Именно работа в Московском архиве Министерства иностранных дел позволила Юдину собрать ценный материал по истории Смутного времени, о восстании Ивана Заруцкого и попытках втянуть в него гребенских казаков, кабардинцев, других горцев и организации крупномасштабного движения против Московской власти и новой династии.

Таким образом, в начале XX в. П.Л. Юдин являлся не только интересным исследователем истории казачества и северокавказских народов, но и высоко профессиональным архивистом, благодаря деятельности которого многие бесценные документы сохранились, были введены в оборот и дошли до сегодняшних дней. В одной из своих работ. П.Л. Юдин отмечал: «Среди дел последнего (т.е. Кизлярского комендантского управления – *К.Д.*) попадается также много интересных и притом не известных сведений» [Юдин 1911: 44; Юдин 1912b: 21-31]. «Дополняя данные Астраханского архива, – писал он, – материалы архива Кизлярского дают много новых неизвестных сведений и немало таких мелких указаний, которые на первый взгляд иногда кажутся как бы незначительными и совсем не имеющими никакой ценности, но, тем не менее, в общей массе, в сопоставлении с другими документами и фактами, они подробнее и картиннее оттеняют то или иное совершившееся событие, чем много способствуют к большему выяснению быта, нравов, обычаев и других

особенностей повседневной будничной и боевой казачьей жизни» [Юдин 1912а: 7].

В заключение необходимо указать, что в недавно изданный сборник «Из документальной истории Кавказа: кабардино-русские отношения XVI-XVIII веков в работах П. Юдина» вошли работы исследователя, в которых прямо или опосредовано отражена проблема кабардино-русских отношений указанной эпохи [Из документальной… 2019]. В имперской историографии он одним из первых опубликовал материалы о военно-политическом союзничестве Кабарды и Российского государства. В современной историографии отмечается оригинальная для своего времени методика построения П.Л. Юдиным своих научных исследований, основанная на выявлении широкого круга архивных документов, многие из которых впервые вводились в научный оборот. Можно говорить о стремлении историка рассматривать исторический процесс/события в их взаимосвязи и взаимообусловленности в конкретно-историческом контексте, т.е. следование принципу историзма. Очень важно, что он смог предложить и собственную систему классификации архивных документов. Безусловной заслугой П.Л. Юдина, на наш взгляд, является предложенный им образец изучения истории народов региона в контексте крупных исторических событий общероссийского и международного масштаба. Полагаем, что его работы по истории Смуты в региональном измерении, а также по проблемам взаимоотношений России с народами Северного Кавказа представляют интерес и для современной исторической науки.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Века… 2017 – *Века* совместной истории: народы Кабардино-Балкарии в российском цивилизационном процессе (1557-1917 гг.). – Нальчик: Издательский отдел ИГИ КБНЦ РАН, 2017. – 544 с.

Дзамихов, Киржинова 2012 – *Дзамихов К.Ф., Киржинова Ф.А.* Научное наследие Павла Львовича Юдина и его общественная деятельность в Терской области в 1910-1917 гг. // Известия Кабардино-Балкарского государственного университета. – 2012. – № 1. – Т. 2. – С. 56-60.

Захарьин (Якунин) 1902 – *Захарьин (Якунин) И.В.* Еще о графе В.А. Перовском // Русский архив. – 1902. – № 8. – С. 303-305.

Из документальной… 2019 – *Из документальной* истории Кавказа: кабардино-русские отношения XVI–XVIII века в работах П. Юдина / Сост. К.Ф. Дзамихов. – Нальчик: Ред.-изд. отдел ИГИ КБНЦ РАН, 2019. – 161 с.

История… 1987 – *История* Северо-Осетинской АССР с древнейших времен до наших дней. – Т. 1. – Орджоникидзе: Ир, 1987. – 529 с.

Киреев 2010 – *Киреев Ф.* Из истории «Терского казака» // Казарла. Этнический казачий журнал. – 2010. – № 1. – С. 10-11.

Киржинова 2012 – *Киржинова Ф.А.* Научное наследие Павла Львовича Юдина и его общественная деятельность в Терской области в 1910-1917 годах. Дис. … канд. ист. наук. – Нальчик: КБГУ, 2012. – 185 с.

Колесников 2006 – *Колесников В.А.* Историография Хоперского казачьего полка. – Кубанский сборник. – 2006. – № 1 (22) // Историко-культурное наследие Кубани: сайт. URL: http://www.gipanis.ru/?level=288&type=page&lid=282 (дата обращения: 19.05.2020)

Короленко 1896 – *Короленко П.П.* Хоперцы (К 200-летнему юбилею Кубанского казачьего войска) // Военный сборник. –1896. – № 1. – С. 1-22.

Кушева 1963 – *Кушева Е.Н.* Народы Северного Кавказа и их связи с Россией. Вторая половина XVI – 30-е годы XVII века. – М.: Изд-во АН СССР, 1963. – 369 с.

Мальбахов, Дзамихов 1996 – М*альбахов Б.К., Дзамихов К.Ф.* Кабарда во взаимоотношениях России с Кавказом, Поволжьем и Крымским ханством (середина XVI – конец XVIIIв.). – Нальчик: Эльбрус, 1996. – 352 с.

Марков 1979 – *Марков А.С.* Литератор, историк, архивист // Волга. –1979. –3 ноября.

Марков 1988 – *Марков А.С.* Найдено в Астрахани. – Волгоград: Ниж.-Волж. кн. изд-во, 1988. – 224 с.

Мезин 2006a – Ме*зин С.А.* П.Л. Юдин – деятель провинциальной историографии и культуры конца XIX – начала XX века // Краеведение и архивное дело в провинции: исторический опыт и перспективы развития. Материалы межрегиональной научной конференции к 120-летию Саратовской губернской ученой архивной комиссии. Саратов. 5–6 декабря 2006 г. – Саратов: Изд-во «Локатор», 2006. – С. 51-54.

Мезин 2006b – *Мезин С.А.* Сочинение П.Л. Юдина «Петровские реликвии в Поволжье» // Стрежень: Научный ежегодник. – Волгоград: Издатель, 2006. – Вып. 5. – С. 335-341.

Муратова 2017 – *Муратова Е.Г.* История становления архивного дела на Северном Кавказе. XVII – начало XX в. // Вестник архивиста. – 2017. – № 4. – С. 10-22.

Саблиров 2001 – *Саблиров М.З.* Культура народов Кабарды и Балкарии в конце XIX – начале XX в. – Нальчик: Эльбрус, 2001. – 359 с.

ТВ – Терские ведомости (газета)

Ткачев 1912 – *Ткачев Г.А*. Об исторических разысканиях Юдина // Терские ведомости. – 1912. – № 210.

Толстов 1900 – *Толстов В.Г.* История Хоперского полка Кубанского казачьего войска. 1696-1896: в 2 ч. / Под ред. ген.-майора Потто. – Тифлис: Воен. ист. отд. при Штабе Кавк. воен. окр., 1900-1901.

ЦГА РСО-Алания – Центральный государственный архив Республики Северная Осетия-Алания.

Цогоев 2003 – *Цогоев В.Г.* Архивное дело в Терской области в 1860-1917 гг. // Отечественные архивы. – 2003. – № 2. – С. 15-23.

Цогоев 2011 – *Цогоев В.Г.* Историк-архивист П.Л. Юдин во Владикавказе: неизвестные страницы биографии // Вестник Владикавказского научного центра. – 2011. – Т. II. – № 4. – С. 2-7.

Юдин 1911 – *Юдин П.Л.* Астраханский губернский архив и его материалы (читано 2 июля 1911 г. на заседании Терского общества любителей казачьей старины). – Б.м.: Электропечатня Тип. Терск. Област. Правл., 1911. – 48 с.

Юдин 1912a – *Юдин П.Л.* Материалы Кизлярского архива // Сборник Общества любителей казачьей старины. – 1912. – № 6. – С. 3-19.

Юдин 1912b – *Юдин П.Л.* Перечень отделов карточного указателя по Кизлярскому архиву // Сборник Общества любителей казачьей старины. – 1912. – № 6. – С. 21-31.

Юдин 1914a – *Юдин П.Л.* Лжепророк Ушурма-Ших Мансур (Из истории религиозных движений на Кавказе) // Русский архив. – 1914. – № 10. – Кн. 3. – С. 217-228.

Юдин 1914b – *Юдин П.Л.* С Хопра на Кавказ (К истории Кавказского линейного войска) // Записки Терского общества любителей казачьей старины. – Владикавказ: Типография Терского Областного Правления, 1914. – № 11. – С. 15-21.

REFERENCES

DZAMIKHOV K.F., KIRZHINOVA F.A. *Nauchnoe nasledie Pavla L'vovicha Yudina i ego obshchestvennaya deyatel'nost' v Terskoi oblasti v 1910-1917 gg*. [The scientific heritage of Pavel Lvovich Yudin and his social activities in the Terek region in 1910-1917] IN: *Izvestiya Kabardino-Balkarskogo gosudarstvennogo universiteta* [Proceedings of the Kabardino-Balkarian State University]. – 2012. – No. 1. – Vol. 2. – P. 56-60. (In Russian)

Istoriya Severo-Osetinskoi ASSR s drevneishikh vremen do nashikh dnei [History of the North Ossetian Autonomous Soviet Socialist Republic from ancient times to the present day]. – Vol. 1. – Ordzhonikidze: Ir, 1987. – 529 p. (In Russian)

Iz dokumental'noi istorii Kavkaza: kabardino-russkie otnosheniya XVI–XVIII veka v rabotakh P. Yudina / Sost. K.F. Dzamikhov [From the documentary history of the Caucasus: Kabardino-Russian relations of the 16th – 18th centuries in the works of P. Yudin. Comp. K.F. Dzamihov]. – Nalchik: Red.-izd. otdel IGI KBNTs RAN, 2019. – 161 p. (In Russian)

KIREEV F. *Iz istorii «Terskogo kazaka»* [From the history of «The Terek Cossack»]. IN: *Kazarla. Etnicheskii kazachii zhurnal* [Kazarla. Ethnic Cossack magazine]. – 2010. – No. 1. – P. 10-11. (In Russian)

KIRZHINOVA F.A. *Nauchnoe nasledie Pavla L'vovicha Yudina i ego obshchestvennaya deyatel'nost' v Terskoi oblasti v 1910-1917 godakh. Dis. ... kand. ist. nauk* [The scientific heritage of Pavel Lvovich Yudin and his social activities in the Terek region in 1910-1917: Thesis of the candidate of historical sciences degree]. – Nalchik: KBGU, 2012. – 185 p. (In Russian)

KOLESNIKOV V.A. *Istoriografiya Khoperskogo kazach'ego polka* [Historiography of the Khopersky Cossack Regiment]. – *Kubanskii sbornik* [Kuban collection]. – 2006. – No. 1 (22). IN: *Istoriko-kul'turnoe nasledie Kubani: sait* [Historical and cultural heritage of the Kuban: website]. URL: http://www.gipanis.ru/?level=288&type=page&lid=282 (date of access: 19.05.2020) (In Russian)

KOROLENKO P.P. *Khopertsy (K 200-letnemu yubileyu Kubanskogo kazach'ego voiska)* [Khopertsy (On the 200th anniversary of the Kuban Cossack army)]. IN: *Voennyi sbornik* [Military collection]. –1896. – No. 1. – P. 1-22. (In Russian)

KUSHEVA E.N. *Narody Severnogo Kavkaza i ikh svyazi s Rossiei. Vtoraya polovina XVI – 30-e gody XVII veka* [The peoples of the North Caucasus and their ties with Russia. The second half of the XVI – 30s of the XVII century]. – M.: Izd-vo AN SSSR, 1963. – 369 p. (In Russian)

MALBAKHOV B.K., DZAMIKHOV K.F. *Kabarda vo vzaimootnosheniyakh Rossii s Kavkazom, Povolzh'em i Krymskim khanstvom (seredina XVI – konets XVIII v.)* [Kabarda in relations between Russia and the Caucasus, the Volga region and the Crimean Khanate (mid XVI – late XVIII centuries)]. – Nalchik: El'brus, 1996. – 352 p. (In Russian)

MARKOV A.S. *Literator, istorik, archivist* [Writer, historian, archivist]. IN: *Volga*. –1979. – 3rd of November. (In Russian)

MARKOV A.S. *Naideno v Astrakhani* [Found in Astrakhan]. – Volgograd: Nizh.-Volzh. kn. izd-vo, 1988. – 224 p. (In Russian)

MEZIN S.A. P.L. *Yudin – deyatel' provintsial'noi istoriografii i kul'tury kontsa XIX – nachala XX veka* [P.L. Yudin – a leader of provincial historiography and culture of the late XIX – early XX centuries]. IN: *Kraevedenie i arkhivnoe delo v provintsii: istoricheskii opyt i perspektivy razvitiya. Materialy mezhregional'noi nauchnoi konferentsii k 120-letiyu Saratovskoi gubernskoi uchenoi arkhivnoi komissii. Saratov. 5-6 dekabrya 2006 g.* [Local history and archival affairs in the province: historical experience and development prospects. Materials of the interregional scientific conference on the 120th anniversary of the Saratov provincial scientific archival commission. Saratov. December 5-6, 2006]. – Saratov: Izd-vo «Lokator», 2006. – P. 51-54. (In Russian)

MEZIN S.A. *Sochinenie P.L. Yudina «Petrovskie relikvii v Povolzh'e»* [Paper by P.L. Yudin "Peter the Great Relics in the Volga Region"]. IN: *Strezhen': Nauchnyi ezhegodnik* [Strezhen: Scientific Yearbook]. – Volgograd: Izdatel', 2006. – Iss. 5. – P. 335-341. (In Russian)

MURATOVA E.G. *Istoriya stanovleniya arkhivnogo dela na Severnom Kavkaze. XVII – nachalo XX v.* [History of the Archiving Development in the North Caucasus Region: 17th – early 20th Century]. IN: *Vestnik arkhivista* [Herald of an Archivist]. – 2017. – No. 4. – P. 10-22. (In Russian)

SABLIROV M.Z. *Kul'tura narodov Kabardy i Balkarii v kontse XIX – nachale XX v.* [The culture of the peoples of Kabarda and Balkaria in the late XIX – early XX centuries]. – Nalchik: El'brus, 2001. – 359 p. (In Russian)

Terskie vedomosti (newspaper) (In Russian)

TKACHEV G.A. *Ob istoricheskikh razyskaniyakh Yudina* [On the historical search of Yudin]. IN: *Terskie vedomosti*. – 1912. – No. 210. (In Russian)

TOLSTOV V.G. *Istoriya Khoperskogo polka Kubanskogo kazach'ego voiska. 1696-1896: v 2 ch. / Pod red. gen.-maiora Potto* [The history of the Khopersky regiment of the Kuban Cossack army. 1696-1896: in 2 parts: Ed. by Gen. Major Potto]. – Tiflis: Voen. ist. otd. pri Shtabe Kavk. voen. okr., 1900-1901. (In Russian)

TsGA RSO-Alaniya – Tsentral'nyi gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Severnaya Osetiya-Alaniya [Central State Archive of the Republic of North Ossetia-Alania]. (In Russian)

TSOGOEV V.G. *Arkhivnoe delo v Terskoi oblasti v 1860-1917 gg*. [Archival work in the Terek region in 1860-1917]. IN: *Otechestvennye arkhivy*. – 2003. – No. 2. – P. 15-23. (In Russian)

TSOGOEV V.G. *Istorik-arkhivist P.L. Yudin vo Vladikavkaze: neizvestnye stranitsy biografii* [Historian-archivist P.L. Yudin in Vladikavkaz: unknown pages of a biography]. IN: *Vestnik Vladikavkazskogo nauchnogo tsentra* [Bulletin of the Vladikavkaz Scientific Center]. – 2011. – Vol. II. – No. 4. – P. 2-7. (In Russian)

Veka sovmestnoi istorii: narody Kabardino-Balkarii v rossiiskom tsivilizatsionnom protsesse (1557-1917 gg.) [Centuries of joint history: the peoples of Kabardino-Balkaria in the Russian civilization process]. – Nalchik: Izdatel'skii otdel IGI KBNTs RAN, 2017. – 544 p. (In Russian)

YUDIN P.L. *Astrakhanskii gubernskii arkhiv i ego materialy (chitano 2 iyulya 1911 g. na zasedanii Terskogo obshchestva lyubitelei kazach'ei stariny)* [Astrakhan Provincial Archive and its materials: read July 2, 1911 at a meeting of the Terek Society of Lovers of Cossack Antiquities]. – W.p.: Elektro-pechatnya Tip. Tersk. Oblast. Pravl., 1911. – 48 p. (In Russian)

YUDIN P.L. *Lzheprorok Ushurma-Shikh Mansur (Iz istorii religioznykh dvizhenii na Kavkaze)* [False Prophet Ushurma-Shikh Mansur (From the History of Religious Movements in the Caucasus)]. IN: *Russkii arkhiv* [Russian archive]. – 1914. – No. 10. – Book 3. – P. 217-228. (In Russian)

YUDIN P.L. *Materialy Kizlyarskogo arkhiva* [Materials of the Kizlyar archive]. IN: *Sbornik Obshchestva lyubitelei kazach'ei stariny* [Collection of the Society of Lovers of Cossack Antiquity]. – 1912. – No. 6. – P. 3-19. (In Russian)

YUDIN P.L. *Perechen' otdelov kartochnogo ukazatelya po Kizlyarskomu arkhivu* [The list of departments of the card index for the Kizlyar archive]. IN: *Sbornik Obshchestva lyubitelei kazach'ei stariny* [Collection of the Society of Lovers of Cossack Antiquity]. – 1912. – No. 6. – P. 21-31. (In Russian)

YUDIN P.L. *S Khopra na Kavkaz (K istorii Kavkazskogo lineinogo voiska)* [From Khopr to the Caucasus (On the history of the Caucasian Linear Troops)]. IN: *Zapiski Terskogo obshchestva lyubitelei kazach'ei stariny* [Notes of the Terek Society of Lovers of Cossack Antiquity]. – Vladikavkaz: Tipografiya Terskogo Oblastnogo Pravleniya, 1914. – No. 11. – P. 15-21. (In Russian)

ZAKHAR'IN (YAKUNIN) I.V. *Eshche o grafe V.A. Perovskom* [More about Count V.A. Perovsky]. IN: *Russkii arkhiv* [Russian archive]. – 1902. – No. 8. – P. 303-305. (In Russian)

ИСТОРИЯ, ЭТНОЛОГИЯ И АРХЕОЛОГИЯ

Новейшая история

УДК 94(44) 81 (=35) - 054.72

DOI 10.31143/2542-212X-2020-2-126-142

БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТЬ В КОНТЕКСТЕ МАТЕРИАЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ СЕВЕРОКАВКАЗСКИХ ЭМИГРАНТОВ ВО ФРАНЦИИ (1920-1940-е ГОДЫ)[1]

И.Л. БАБИЧ

Институт этнологии и антропологии РАН
119334, Москва, Ленинский проспект, 32а
babich@iea.ras.ru

Аннотация. Статья подготовлена на основе архивных (государственных и частных архивов Франции) и полевых этнографических материалов, собранных автором во Франции. Она посвящена одному из аспектов бытовой сферы жизни северокавказских эмигрантов, которые обосновались во Франции в 1920-е годы. Автор рассмотрел различные стороны материального благосостояния эмигрантов (приобретение работы, аренда жилья и т.д.). Отдельно автор остановился на различных видах эмигрантской общественной помощи (благотворительности) и ее связи с политическими взглядами северокавказцев. В работе отмечено, что во Франции были обеспеченные северокавказцы, которые еще до революции стали обладателями нефтяных акций (например, Нобеля), были и очень бедные люди. Многим в течение 1930-1940-х годов удалось приобрести финансовое благополучие.

Ключевые слова: Франция; северокавказцы; революция; материальная жизнь; общественная помощь; нефть.

CHARITY IN THE CONTEXT OF MATERIAL LIFE OF NORTH CAUCASIAN ÉMIGRÉS IN FRANCE IN THE 1920-1940s

I.L. BABICH

Institute of Ethnology and anthropology RAS
119334, Moscow, Lenin Ave., 32a
babich@iea.ras.ru

Abstract. The article was prepared on the basis of archival (public and private archives of France) and field ethnographic materials collected by the author in France. The aim of this article is to study one of the aspects of the domestic sphere of life of the North Caucasian émigrés, who settled in France in the 1920s. The author examined various aspects of the material life of emigrants (job, rent

[1] Публикуется в соответствии с планом научно-исследовательских работ Института этнологии и антропологии РАН.

flat etc.), various types of emigrant social assistance and its connection with the political views of North Caucasians. Some of North Caucasian émigrés were the rich. They became owners of oil shares (for example, Nobel), the other – very poor people. Many emigrants acquired financial prosperity during the 1930s and 1940s.

Keywords: France; North Caucasians; revolution; material life; public assistance; oil.

Введение

После 1917 г. в Европе оказались не только русские, но и кавказцы (в том числе и северокавказцы), не готовые принимать советскую власть и изменения, связанные с ней. Материальное благосостояние оказавшихся в 1920-е годы во Франции северокавказских эмигрантов было очень и очень разным. С самого начала своей эмигрантской жизни они по-разному устраивались в новой стране. В дальнейшем их финансовое положение также могло меняться: иногда первоначальная обеспеченность могла смениться более скромным положением, иногда наоборот, эмигрантам удавалось улучшить свою жизнь, продвигаясь по социальной лестнице.

В предлагаемой статье, подготовленной на основе архивных (государственных и частных архивов Франции) и полевых этнографических материалов (интервью с потомками эмигрантов первой волны) рассмотрим финансовое положение северокавказцев в 1920-1940-е годы во Франции – стране, принявшей основную массу российских беженцев. До сих пор в России не было работ, посвященных бытовой сфере жизни народов Северного Кавказа в Европе после октябрьской революции 1917 г. [Бабич 2018: 15-26; Бочарова 2001: 1-50; Сабенникова 2002: 30-100].

Обеспеченные кавказцы

Были эмигранты, которые приехали во Францию с большими деньгами. Так, во Франции оказались крупные кавказские (в том числе и северокавказские) нефтепромышленники. Еще до революции на Кавказе была начата добыча нефти. На Северном Кавказе во второй половине XIX в. уже работал первый нефтеперегонный завод (Грозненский район), а в Азербайджане функционировало «Товарищество нефтяного производства братьев Нобель». Кавказцы, оказавшиеся во Франции, имели акции крупных зарубежных нефтекомпаний (в том числе и фирмы Нобеля). В эмиграции они объединились и создали свою общественную организацию: *Финансово-торгово-промышленный союз независимых республик Армении, Азербайджана, Северного Кавказа и Грузии* (1921 г.), которая должна была защищать их финансовые права в Европе [ААМТ. Кор. II].

Крупными нефтепромышленниками в эмиграции были армяне С. Лианозов, братья И.А. и Л.А. Манташевы, азербайджанцы, а также северокавказцы: чеченцы братья Абдул-Меджид и Абдул-Муслим Чермоевы, их племянник – Абу-Бакар, ингуш Мурзала Куриев, адыг Руслан Джанбеков,

кумык, член Зарубежной делегации Горской республики на Версальскую конференцию[1] Гайдар Баммат [ААМТ. Кор. Х].

Об этом мы узнаем из переписки Г. Баммата и крупного азербайджанского деятеля Али Мардана Топчибаши. Г. Баммат писал, что банк выдал ему и другим нефтепромышленникам из России 5-и процентные ссуды. Архивные материалы дополняются материалами устной истории вдова сына Гайдара – Тимура Баммата – Марьяна вспоминала, что семья Бамматов вначале в эмиграции жила на «нефтяные деньги» (т.е. на вырученные от продажи акций нефтяных предприятий англичанам средства). Впоследствии эти деньги закончились, и они стали жить довольно бедно, пока Гайдар Баммат не стал представителем Афганистана в Швейцарии. Это позволило Гайдару и его семье вновь жить безбедно[2]. Известно, что нефтепромышленники, братья, армяне И.А. и Л.А. Манташевы, приехавшие в эмиграцию с крупными деньгами, во Франции вложили свои средства в коневодство (разведение лошадей), но со временем деньги закончились, и братья, обеднев, стали работать шоферами такси [Русская мысль 1953: № 560; 1954: № 706, 715].

Были и богатые кавказцы, которые приехали со средствами, полученными на Родине не от нефтяных доходов. Например, упомянутый выше азербайджанец Али Мардан Топчибаши в эмиграции располагал собственными средствами, а также деньгами, которые находились у него как у главы азербайджанской делегации, приехавшей на Версальскую конференцию. Эти средства шли как на оплату общественно-политической деятельности азербайджанской Делегации, так и на оплату жилья и питания ее членов.

Жилье и работа

Основная масса северокавказских эмигрантов прибыла во Францию в составе войсковых частей, без средств к существованию, без знания французского языка, и, по сути, без образования. Их военное образование в эмиграции почти не было нужно (лишь некоторым удалось попасть в Иностранный легион, который воевал в различных колониях Франции). Других профессиональных навыков у них не было.

Некоторым из них удалось получить другое образование в Европе. В 1920-е годы власти Чехии активно финансировали обучение эмигрантов из России. Поэтому северокавказцы как и другие эмигранты из России сумели получить образование в Праге, а затем, к концу 1920-х гг., переехали на жительство во Францию.

Основными проблемами большинства российских эмигрантов были две: поиск работы и поиск жилья.

[1] В 1919 г. в Париж на мирную конференцию наряду с представителями других регионов России (Украины, Кубани) прибыли делегации кавказских государств: Горской республики, Грузии, Армении и Азербайджана.

[2] Полевые материалы Бабич И.Л., Лонге-Маркс Ф. Интервью с Марьяной Баммат, женой младшего сына Гайдара Баммата – Тимура, 2 января 2009 г., Париж (Франция).

Работа. Ключевым аспектом адаптации северокавказцев к новой жизни в эмиграции было получение работы. В 1920-30-е годы во Франции можно было найти работу. Об этом свидетельствует прошение русских эмигрантов, проживающих в Чехии, в Лигу Наций. В документе говорилось следующее: «группа русских эмигрантов, находящихся в Праге, ввиду отсутствия какого-либо заработка убедительно просит Лигу Наций о возбуждении ходатайства пред Французским Правительством о разрешении въезда во Францию на работу, согласно прилагаемого списка» [ГАРФ. Ф. 5764. Оп. 1. Д. 209. Л. 100].

Шоферы, таксисты, автомеханики. В 1920-е годы Париж был на первом месте по количеству автомобилей в Европе. В 1930-е годы в столице Франции функционировало три автомобильных завода: Рено (основан в 1898 г., находился в пригороде Парижа – Болонь–Бийанкур), Пежо (1896 г.) и Ситроен (1919 г., располагался в 15-м округе Парижа, на набережной Жавель). До конца 1930-х годов в Европе был настоящий автомобильный бум. В результате, с одной стороны, многие эмигранты из России начали работать шоферами, таксистами и автомеханиками, а с другой, стали работниками автомобильных заводов. Для того чтобы стать таксистом, надо было прожить во Франции не менее пяти лет и сдать два экзамена: на управление машиной и на знание города [Гусефф 2014: 146]. В русском журнале «Иллюстрированная Россия», который поместил большой репортаж о жизни русских шоферов во Франции в 1930-е г., отмечалось: «шоферство стало одной из главнейших возможностей для эмигранта наладить свою изгнанническую жизнь хотя бы приблизительно сносно» [Иллюстрированная Россия 1937: № 40, с. 24-25]. И это действительно так. Работа шоферов, таксистов и автомехаников хорошо оплачивалась (примерно около 10 тыс. франков в год) [АПП. Досье Цаликова. № 2389]. Во Франции было образовано *Общество русских шоферов* (Section des Chauffeurs Russes A .C.), защищавшее права эмигрантов. В Париже в те годы было 15 тыс. такси, 22 тыс. шоферов (из них русских эмигрантов примерно 2–2,5 тыс.). В Обществе русских шоферов числилось 650 чел. [Иллюстрированная Россия 1936: № 21, с. 12-14]. При нем функционировали *Дамский комитет и Общество взаимопомощи русских шоферов*, которые занимались организацией различных видов помощи (отдыха для шоферов и членов их семей на побережье Франции или в горах Швейцарии). В Обществе был свой врач и адвокат.

В архивах Префектуры полиции мы обнаружили списки членов Общества русских шоферов, в которых фигурировали и северокавказские фамилии. Приведем их: полковник адыг П. Ажигоев, П.В. Фицхелауров, казаки Н.В. Ильин, Г.И. Киркоров, поручик из Майкопа Ф.М. Серба, офицер, кумык Ахмет Хан Эльдаров, осетины: полковник Касбулат Арслан-Мурзай Есиев, корнет, георгиевский кавалер Харитон Гаврилович Сикоев, казак Семен Андреевич Хатаев, офицер кавалерии Михаил Николаевич Карамозко; чеченец, офицер Чингисхан Эльмурзаев, абхаз, подпоручик Михаил Федорович Чачуа, а также грузины: поручик И.Л. Джанелидзе, поручик С.С. Джганджгава, офицер А.Г. Гогоберидзе. Осетин Владимир Цаликов до 1940-х годов работал шофером такси, в 1942 г. – дальнобойщиком. Осетин Александр Осипович Сикоев всю

жизнь в эмиграции, до глубокой старости, работал таксистом в Париже, жил безбедно, смог еще при жизни купить участок на кладбище в Сент-Женевьев-де-Буа[1]. Будущий известный писатель осетин Гайто Газданов одно время работал таксистом. Его родственник Александр Давидович Газданов – тоже. Автомеханиками трудились адыги Гамид Гугов и корнет Александр Гаджемуков. До 1941 г. А.Н. Гаджемуков был шофером такси, затем он перешел на работу в гараж (Saint-Didier, 16-й округ, Париж), где он начал трудиться автомехаником. При наличии диплома юриста автомехаником в гараже не один год проработал и офицер осетин М.Н. Абациев [АП. 1932, rég. 853. 8-й округ; 1942, rég. 2525. 15-й округ; 1942, rég. 1183. 15-й округ; 1940 , rég. 294, 15-й округ; 1939, rég. 1726, 15-й округ; АПП. Досье А. Гаджемукова. № 18152; Русская мысль 1959: № 1387].

Работники заводов, фабрик, специалисты и чернорабочие. Как мы указывали выше, многие эмигранты, в том числе и северокавказцы, работали на автомобильных заводах Рено, Пежо и Ситроен. Те, кто находились на должности чернорабочих, получали на этих заводах мало, а те, кто на должности специалистов – прилично. Так, чернорабочим на заводе «Рено» работал осетин Тамбий Елекхоти. Ему платили 4 франка в час (по данным на 1935 г.) [АПП. Досье Елекхоти. № 7.157.], в то же время осетин, казак Григорий Георгиевич Кукиев работал на том же заводе государственным служащим в качестве специального работника и получал 80 франков в день (по данным на 1940 г.) [АПП. Досье Кукиева. № 1 WO 494 11977]. В 1920–1930-е годы на этом заводе трудились осетины: Гайто Газданов, офицер Михаил Николаевич Карамозко, офицер Султанбек Битаров; лезгин, инженер с высшим образованием Ибрагим-Бек Исабекович Гайдар (чертежником) [Русская мысль 1959: № 1387].

В 1940-е годы осетин, военный Константин Николаевич Кобиев работал представителем фирмы Ван Товгаринова (Таугаринова), которая занималась продажей материалов. Получал по тем временам очень высокую зарплату – 2500 франков в месяц [АПП. Досье Кобиева. № 33498]. На фабрике духов трудился юрист, балкарец Тау-Султан Келеметович Шакманов (по данным на середину 1920-х годов). Генерал-майор Генерального Штаба, осетин Георгий Петрович Татонов – на фабрике по изготовлению копировальной бумаги (располагалась в одном из пригородов Парижа) [Родимый край 1970: № 88]. Осетин, полковник Константин Семенович Лотиев – на заводе механиком (впоследствии – уборщиком). Абхаз Георгий Чачуа – металлургом. Кабардинцы Крым-Гирей Кучмазукин – электромехаником, Ш.С. Кетов – посудомойщиком в ресторане. Казак, чеченец Михаил Байсунгуров приобрел в эмиграции профессию красильщика, осетин Николай Георгиевич Доцов – наладчика. На фабрике «Microfusion» рабочим и ночным сторожем работал казак, адыг Венедикт Евдокимович Кучмий, на фабрике по производству детских игрушек (по адресу 8 rue Pastourelle, 3-й округ Парижа) – казак осетин Георгий Джанаев

[1] Полевые материалы Бабич И.Л. Интервью с Лорой Джанаевой, 12 апреля 2015. Париж (Франция)

[Родимый край 1969: № 83, 84; АП. 1940, Rég. 112, 15-й округ; АП. 1941, rég. 3461, 15-й округ; 1941, Rég. 2023, 20-й округ; 1943, Rég. 78, 15-й округ; АПП. Досье Г. Джанаева. № 5348].

Чернорабочими на различных фабриках и заводах работали кабардинцы: Актол Измаилович Шипшев, штабс-ротмистр Хабиж Хажибекирович Абдурахманов, Эль Мурза Асланбекович Бекович-Черкасский; осетин Асланбек Болотоков. Чернорабочими на металлургическом заводе в Южине (В. Савойя) работали: кабардинец Адиль Алтадуков (годы работы на предприятии: 1926-1929), чеченец Роман Байсунгуров (1928-1929), дагестанец Курбан Хаджиев (1926-1929), обрезчиком там же работал осетин, казак Николай Корсуг (1925–1928) [АП. 1937, rég. 2279, 15-й округ; 1940, rég. 3369, 15-й округ; 1940, Rég. 642, 15-й округ; АПП. Досье Д. Албогачиева. № 443489].

Многие беженцы зарабатывали себе на жизнь ремеслом. 10 % русских беженцев были заняты в сфере ремесленного производства: столярные мастерские, ателье по пошиву одежды и т.д. Адыг, полковник Эль-Мурза Гиреевич Тамбиев стал ремесленником [Гусефф 2014: 149; АП. 1936, Rég. 4144, 15-й округ].

Со временем некоторым северокавказцам устроиться на руководящие должности: осетин, полковник *Александр Колиев* стал Директором Инвалидного дома в Ницце, осетин, офицер М.Н. Абациев – Общества «Быстрая помощь» в Ганье (пригород Парижа) [АП. 1942, rég. 4483, 15-й округ].

Несколько северокавказцев сумели в эмиграции возобновить свою врачебную практику, которая у них была на Родине. В этом контексте интересна судьба кабардинца Измаила Магометовича Шакова. Измаил еще в Российской империи окончил горскую школу, Ставропольскую гимназию, медицинский факультет Киевского университета (1914-1917 гг.). До установления советской власти работал в собственной клинике в Грозном. В эмиграции он стал членом Общества русских врачей им. Мечникова во Франции. И. Шакову удалось создать свой кабинет в Париже и стать врачом, акушером-гинекологом. Его кабинет находился в 15-м округе (по адресу 8 square Dessaix), в котором жили почти все северокавказские эмигранты. В 1929 г. он начал публиковать рекламу своего кабинета в журнале «Иллюстрированная Россия», сделал визитки, в которых был указан адрес его кабинета и свою специализацию [Иллюстрированная Россия 1929: № 5, № 24, № 46; АП. 1942, rég. 4483, 15-й округ; 1941, Rég. 2281, 15-й округ; ААМТ. Кор. VII].

Некоторые северокавказцы в эмиграции стали танцорами, исполнителями зажигательных кавказских танцев, в том числе и лезгинки, во французских кабаре и ресторанах, например, осетины: Г.О. Джанаев, (он был одним из старейших членов общественной эмигрантской организации «Осетинский аул во Франции»), ротмистр Осетинского эскадрона Терского полка Григорий Яковлевич (Мурад бей) Туаев. Мурад работал в парижском ресторане «Бор», в кабаре «Pile ou Face» на улице Пигаль (д.59), участвовал в ревю в «Casino de Paris». В Париже был известен и другой танцор, кабардинец Руслан Джанбеков,

который выступал с кавказскими танцами на многих благотворительных концертах. Одновременно с этим Руслан был президентом Ассоциации беженцев-горцев Северного Кавказа (1932 г.), президентом Общества горских народов Северного Кавказа, членом-основателем масонской ложи «Прометей» (1926-1931 гг.). И наконец, ингуш Джамал Албогачиев много лет работал в парижских кабаре, например, в кавказском кабаре по адресу 63 rue Pigalle (1931 г.), выступал в парижском кабаре шашлычной «Казбек» (1947 г.), одновременно с этим занимался изданием журнала «Северный Кавказ» (1934-1939 гг.) [Иллюстрированная Россия 1929: № 51, с. 24; Русская мысль 1949: № 171].

В 1925 г. полковник Федор Иванович Елисеев в Париже организовал танцевальный ансамбль казаков – джигитов. Вначале в него входило всего 7 чел.: Шкуро, Савицкий, Савва Панасенко, Георгий Рябчун, Сергей Проценко, Иван Сопельняк, Галай (Гамалий), потом ансамбль увеличился: в него попало и несколько северокавказцев (западные адыги Пеюк (Беюк) Бракиевич Хачимизов и Чуков, корнет Текинского конного полка осетин Гена Аслабекович Мистулов), армянин Асланов. Одно время с ансамблем сотрудничал и генерал Российской армии, кабардинец Лазарь Бичерахов. Ансамбль гастролировал по многим странам мира – США, Азия и т.д. Впоследствии было создано несколько групп джигитов [Бабич 2019: 202-213; АПП. Досье А. Гаджемукова. № 18152; АПП. Досье Куриева. № 67771; АПП. Досье Г. Джанаева. № 5348].

Со временем многие эмигрантов становились обеспеченными. Как мы указывали выше, шофера в те годы зарабатывали хорошо. К категории обеспеченных мы можем отнести и тех, кто работал специалистами на заводах и фабриках. Но некоторые эмигранты до самой смерти оставались одинокими и бедными.

Жилье. Северокавказцы, проживавшие в Париже и его пригородах, снимали либо комнату в общежитии, либо квартиру, либо дом. Приведем цены, за которые они арендовали жилье. Стоимость комнаты в общежитии в 1930-х гг. была около 70 франков в месяц. Квартиру в Париже или в его пригородах во второй половине 1920-1930-х годах можно было снять за 1500-2000 франков в год (это примерно 150 франков в месяц), были и такие северокавказские эмигранты, кто снимали квартиры (или дома) подороже – за 3000-4000 тыс. франков в год [Бабич 2019: 202-213; АПП. Досье А. Гаджемукова. № 18152; АПП. Досье Куриева. № 67771; АПП. Досье Г. Джанаева. № 5348].

Большинство северокавказцев проживали в 15-м округе Парижа, где располагались дешевые квартиры и общежития. Генерал Российской армии, кабардинец Тембулат Бекович-Черкасский, как только приехал в Париж (в 1920 г.), поселился по адресу 34 rue Viala. Впоследствии, в 1935 г., в этом же доме оказался и его племянник кабардинец Эльмурза Бекович-Черкасский, когда он переехал на жительство в Париж из Праги. Этот адрес примечателен для северокавказских эмигрантов. По этому адресу находилось *общежитие*. В настоящее время в этом доме располагается гостиница. В 1920-1930-х годах в этом общежитии проживали многие северокавказцы (адыги: Бей-Булат Бжегаков с женой Куюк Улагай, Асланбек Болотоков, ингуш М. Куриев). Еще

один часто встречающийся адрес в 15-м округе (в двух шагах от общежития на ул. Вьяла) – 21 rue Sextius-Michel. Здесь тоже могло находиться либо общежитие, либо дом с дешевыми комнатами. В этом доме находился Офис общественной эмигрантской организации – *Объединения черкешенок Северного Кавказа во Франции (*Union des Dames Circassiennes du Caucase du Nord en France) и проживали многие северокавказцы (чеченец Айдаш Чермоев, осетин К.Н. Кобиев и др.). Осетин Георгий Догрович Джанаев работал на фабрике по производству игрушек и снимал квартиру в 15-в округе за 2100 франков. Иногда северокавказские эмигранты снимали квартиры в ближайших пригородах Парижа, поскольку там жилье было дешевле. Приведем пример. По данным на 1933 г., брат дипломата В.Н. Гаджемукова, адыг Александр Гаджемуков снимал для своей семьи жилье в Ванве (оплата 1500 франков в год) [ААМТ. Кор. IV, V; АП. 1944, rég. 4467, 15-й округ; АПП. Досье А. Гаджемукова. № 18152; АПП. Досье Куриева. № 67771; АПП. Досье Г. Джанаева. № 5348].

Со временем некоторым северокавказцам удалось вырваться из нищеты, и они переезжали в хорошие районы Парижа или его пригороды. Например, ингуш М. Куриев переехал в престижный пригород Парижа – Нейи сюр Сен. В 17-м округе снимал квартиру крупный осетинский деятель осетин Тамбий Елекхоти по адресу 15 rue Bernoulli (по данным на 1926-27 гг.). За эту квартиру он платил 150 франков в месяц. Позднее, в 1935 г. он арендовал дом в одном из пригородов Парижа – Болонь-Бийанкур за 3900 франков в год. За хорошую квартиру в 16-м округе (по адресу 28 Georges Sorel) генерал Российской армии, кабардинец Константин Хагондоков платил 3600 франков в год [АПП. Досье Куриева. № 67771; АПП. Досье Елекхоти. № 7.157].

Вначале осетин Владимир Цаликов, имевший семью (жену и ребенка), проживал в 15-м округе в дешевых квартирах, но постепенно, работая шофером такси, он приобрел материальное благополучие. По данным на 1938 г. он снимал приличную квартиру в том же 15-м округе (по адресу 21 Boulevard Grenelle), за которую платил 2500 франков в год. Осетин, военный Константин Николаевич Кобиев был женат, имел дочь. По данным на 1944 г., он получал отличную зарплату 2500 франков в месяц и со временем стал снимать хорошие квартиры в 16-м округе. Другой осетин Григорий Георгиевич Кукиев занимал должности специалиста на заводе «Рено», хорошо зарабатывал и, по данным на 1940 г., проживал в большой квартире, за которую платил 3 тыс. франков в год [АПП. Досье Цаликова. № 2389; АПП. Досье Кобиева. № 33498; АПП. Досье Куриева. № 67771].

Некоторые переехали из Парижа на жительство на юг Франции (главным образом, в Ниццу или ее пригороды – осетины Т. Елекхоти и Д. Дзанти, чеченец Осман Чермоев, кабардинец Владимир Кудашев и др.).

Но были северокавказцы, которые не сумели обустроиться во Франции, до самой смерти жили бедно. Упоминавшийся выше Асланбек Болотоков так и остался проживать в дешевом общежитии до самой смерти (в 1944 г.). Офицер Кабардинского полка, кабардинец Толстнаш Кучмакузин жил один в Лионе в бедности, перед смертью заболел и попал в госпиталь для бедных людей, где и

умер 19 ноября 1959 г. Кучмазукин был похоронен в могиле для бедных на лионском кладбище Гилиотьер. Такие могилы сохранялись лишь пять лет, а затем – ликвидировались. Об этом сообщили его друзья – кабардинцы. В такой же могиле на кладбище Тие (под Парижем) был похоронен в 1958 г. осетин, двоюродный брат ставшего известным писателем Гайто Газдановым – Георгий Данилович Газданов [АП. rég. 4467, 15-й округ; Русская мысль 1959: № 1457].

Помощь для проведения политической деятельности

Следует разделить средства для жизни самих эмигрантов во Франции и средства, которые требовались политически активным эмигрантам для проведения своей общественной деятельности. Кавказские общественные деятели, которые в эмиграции отстаивали идеи независимости Кавказа от России и от СССР, стремились активизировать свою деятельность, для чего они искали и моральную, и материальную поддержку. Часто такую поддержку оказывал азербайджанец Али Мардан Топчибаши. Когда кавказские эмигранты были еще в Константинополе, где в 1921 г. уже бушевала их активная политическая жизнь, состоялось первое заседание представителей политических комиссий Кавказской республик, организовавших Информационное Бюро Союза 4-х кавказских республик. Руководство Бюро (грузин Н. Хомерики, осетин А. Цаликов и др.) обратились к Али Мардану Топчибаши с просьбой предоставить им помощь в размере 20 тыс. франков для организации политической работы в эмиграции. Для проведения в 1921 г. кубанскими казаками и западными адыгами совместной конференции в Праге Али Мардан Топчибаши предоставил им 5 тыс. франков (в долг). Деньги получал секретарь Кубанской делегации, адыг Айтек Намиток [ААМТ. Кор. VII, XI].

Подобную помощь во Франции оказывали и кавказские нефтепромышленники. В 1921 г. руководители зарубежных делегаций Азербайджана, Армении, Грузии и Горской республики вели переговоры с представителями кавказских нефтепромышленников о предоставлении им помощи из фонда нефтепромышленников для активизации политической деятельности заграницей. Так, чеченский лидер Абдул-Меджид Чермоев лично вел переговоры с одним из крупных нефтепромышленников армянином С. Лианозовым. В том же году азербайджанцы отправили своего гонца в США, чтобы он (Махмуд Абдулла Орбелиани-Руставели) в Нью-Йорке нашел крупный займ для делегации Азербайджана во Франции.

Финансирование политической деятельности предполагало различные статьи расходов, например, одна часть шла на содержание членов кавказских делегаций. Приведем документ расходов на содержание членов Азербайджанской делегации, датируемый в 1920-1921 гг. В нем указывалось, что на содержание членов делегации было отпущено 280 тыс. франков, на предоставление стипендии **с**тудентам и служащим – 130 тыс. Кроме того, членам делегации и студентам выплачивалось жалование: так, за январь 1921 г. на это было потрачено 200 тыс. франков. Суммы по тем временам – огромные. В то время азербайджанская делегация располагала такими средствами. Часть

средств предназначалась для организации т.н. «праздников Дней независимости» и французского национального праздника «Дня взятия Бастилии» (14 июля). В 1919 г. азербайджанская делегация провела большой прием в Париже в честь 14 июля. Другая часть средств шла на оплату услуг французских журналистов по продвижению идей независимости Кавказа в средствах массовой информации Франции. Так, азербайджанская делегация оплачивала услуги европейского журналиста, работающего в «Correspondance Universelle», Баллеро (ему был выплачен гонорар в размере 16500 франков) [ААМТ. Кор. II].

Финансовые конфликты

Абдул-Меджид Чермоев – крупный чеченский общественно–государственный деятель, военный Российской империи, глава Горской республики и в этом качестве выехал во Францию на мирную конференцию в Версале (1919 г.). Он располагал акциями иностранных нефтяных обществ, но сразу после прибытия в Париж ему не хватало средств на содержание делегации Горской республики, и он попросил большую сумму в долг у главы делегации Азербайджана – Али Мардана Топчибаши. Первое письмо об этом датируется 7 февраля 1921. Он попросил у Али Мардана 50 тыс. франков в долг сроком на несколько месяцев (до 15 мая 1921 г.). Он надеялся расплатиться деньгами, полученными от продажи нефтяных акций. А.-М. Чермоев писал: «Я имею акции иностранных обществ, котирующихся на биржах Лондона, Бельгии, до 500 миллионов по номиналу». Второе письмо Чермоева датируется 27 мая 1921 г. В нем он вновь просил денег у Топчибаши, но уже не 50 тыс., а 100 тыс. франков: «В виду технических затруднений представляемая мною делегация не может получить от своего Правительства ассигнованных ей сумм, почему я позволяю себе затруднить Вас покорнейшей просьбой ссудить нам, если имеете возможность, сто тысяч франков, каковые будут возвращены с благодарностью сейчас же по получению нами денег». А. Топчибаши предоставил Чермоеву 50 тыс. франков (из средств азербайджанской делегации), а также 20800 франков (из собственных средств). А.М. Чермоев обещал вернуть все деньги 20 ноября 1921 г. [ААМТ. Кор. IV, XIII, XIV].

Со временем Чермоев, действительно, получил деньги по своим нефтяным акциям. Тем не менее, долг А. Топчибаши он возвращал в течение многих лет, и кажется, что полностью так и не отдал. В архиве Топчибаши имеется длительная переписка об этом. Потребовались годы и многочисленные увещевательные письма Али Мардана. А.-М. Чермоев возвращал деньги частями. А.М. Топчибаши применял различные способы воздействия на Чермоева.

Первое письмо Топчибаши о возвращении долга датируется 22 августа 1922 г. Чермоев ответил ему 6 сентября того же года, что сможет вернуть очередную порцию денег после 1 января 1923 г., поскольку, как писал Абдул Меджид, «моя следующая получка должна быть учинена французами к 1 января 1923 г.». Во втором письме от 31 августа 1923 г. А.М. Топчибаши настоятельно просил А.-М. Чермоева вернуть ему деньги. Он писал о тяжелом

финансовом положении азербайджанской делегации: «часть Делегации, за неимением средств, уехала (на жительство – прим. И.Б.) *в дешевую Германию,* а я был вынужден по той же причине переселиться из Парижа в Сен Клу (пригород Парижа – прим. И.Б.), где и живу сейчас с семьей, будучи не в состоянии сохранить за собой квартиру городскую, в которой помещалась и делегация». Али Мардан писал: «Ведь для Вас это сравнительно небольшие суммы. Тем более, как говорят очень многие и даже близкие к Вам, Вы недавно получили большую сумму денег». В 1923 г. А.-М. Чермоев действительно выручил большие средства от продажи своих акций, но в течение 1923-24 гг. он вернул лишь незначительную часть: в 1923 г. - 5 тыс. франков, 1924 г. – еще 14500 франков (отдавал каждый месяц по 500-3000 франков, чаще по 1000 франков). В третьем письме (1924 г.) А.М. Топчибаши писал, что ему нужны средства для оказания помощи членам своей азербайджанской делегации: «если до сих пор я мог уделять на ее самые необходимые нужды из *тощих моих средств*, то теперь она лишена и этого, будучи не в состоянии оплачивать даже небольшие расходы на Канцелярию» [ААМТ. Кор. XII, XIII, XIV].

Очередное письмо Али Мардан написал А.-М. Чермоеву 20 ноября 1925 г., в котором он обращался к нему как к *кавказцу и мусульманину***.** Он писал: «Вы как кавказец, как мусульманин, как близкий нам горец, ратующий за одно с нами во имя свободы наших народов… К тому же, как мы узнали, Вы сейчас имеете возможность вернуть взятые Вами у Делегации и у меня суммы...». К этому времени Чермоев вернул меньше трети своего долга. Он был должен 43 тыс. франков (из средств азербайджанской Делегации) и 7 тыс. франков (из личных средств А.М. Топчибаши) [ААМТ. Кор. XIII, XIV].

Следующее письмо А.М. Топчибаши А.-М. Чермоеву об отдаче долга датируется уже 1929 г. В нем он взывал к *кавказским традициям***.** Он писал: «Еще и еще раз, быть может, в последний раз я вынужден обратиться к Вам, взывать к благородству Вашему, к прекрасным горским традициям, столь обстоятельным в требованиях уважения к старшим, в искренних отношениях к друзьям, в глубоком сознании беспрекословной обязанности выполнения и платежа долгов. Я делаю вынужденно это обращение, побуждаемый тяжелыми обстоятельствами, в коих сейчас протекает жизнь наличного состава Председательствуемой мной Делегации, так, в частности, жизнь моя и моей семьи. Если бы я имел возможность лично Вам описать жуткие подробности этой жизни, Вы бы, уверен, содрогнулись от неприглядных условий нашего положения, полного материального лишения как результата отсутствия необходимых на жизнь средств… За это время, как нам приходилось слышать (имеется в виду с 1921 г. – прим. И.Б.), был ряд моментов, когда у Вас были средства, из коих Вы могли погашать Ваши долги Делегации и мне…». А.М. Топчибаши очень просил вернуть долг. Это письмо он специально отправил не по почте, а попросил члена своей Делегации Дж. Гаджибейли лично доставить А.-М. Чермоеву. Более писем от Чермоева в архиве Топчибаши не было. Нет в нем и расписки Топчибаши о получении долга от А. Чермоева. Поэтому мы думаем, что А.М. Чермоев так и не отдал деньги полностью [ААМТ. Кор. XI].

Из переписки Топчибаши с северокавказцами мы видим, как часто он оказывал им финансовую помощь, давая деньги взаймы как для общественно-политической деятельности, так и для обустройства их быта. Обращались к нему как знакомые ему люди, так и нет. Помогал он и закавказцам. В 1921 г. Али Мардан предоставил 200 франков известному еще до революции северокавказскому деятелю Магомету Бек Хаджетлаше, который собрался переезжать из Парижа в Швецию. В том же году Топчибаши предоставил средства (в долг) для личного обустройства адыгу Пшемафу Коцеву на определенный срок, однако Пшемаф вовремя не вернул средства. К сожалению, с такой ситуацией Али Мардан сталкивался часто: многие ему не отдавали долги. Хотя Али Мардан Топчибаши, в основном, оказывал помощь в 1920-е годы, но и впоследствии он оставался отзывчивым человеком, который приходил на помощь северокавказцам в самых разнообразных ситуациях. Приведем пример из жизни адыга доктора Измаила Шакова. В 1933 г. у него появились проблемы, связанные с его медицинской практикой. На Шакова было заведено судебное дело. Об этом мы узнаем из письма юриста, балкарца Таусултана Шакманова к Али Мардану Топчибаши. Последний сразу же предложил свою помощь как юрист. Дело было урегулировано. Шаков выплатил штраф в размере 100 франков [ААМТ. Кор. VI, VII, XI].

Различные виды общественной помощи

В 1920-е годы во Франции создавались различные фонды, комитеты, объединения, союзы, общества, которые стремились оказать различные виды помощи русским эмигрантам. Северокавказцы, с одной стороны, обращались в русские фонды, а с другой, создавали свои (национальные) фонды. Часто эти фонды назывались по этнической принадлежности народов Кавказа. Так, в Париже активно работал эмигрантский *Комитет по оказанию помощи черкесским беженцам Северного Кавказа в Париже (Le Comité de Secours aux Réfugiés Circassiens du Caucause du Nord à Paris).* Президентом комитета был кабардинец, генерал Российской армии К.Н. Хагондоков, членами комитета: ингуш М. Куриев, осетин, генерал Российской армии М. Дударов и др. Офис комитета находился на одной из самых центральных улиц Парижа – бульваре Осман, дом. 35 (по этому же адресу находился и офис зарубежной делегации Горской республики) [ААМТ].

Комитет проводил в модных залах Парижа (например, зале отеля Кларидж, располагавшийся рядом с Елисейскими полями) благотворительные балы, на которые приглашались русские и кавказские певцы, танцоры и т.д. Доходы от балов шли на оказание помощи черкесским беженцам [ААМТ].

В 1932 г. в префектуре полиции Парижа была зарегистрирована *Ассоциация горских беженцев Северного Кавказа во Франции* (*Association des Refugies Montagnards du Caucase dy Nord en France).* Президентом Ассоциации стал кабардинец Руслан Джанбеков, вице-президентом – дагестанец Ахмед Хан Аварский, казначеем – кабардинец Рамазан Бикежев**.** Членами Ассоциации были люди разных политических взглядов (в том числе и масоны, и военные Российской армии) (северокавказцы Патиш Оптанов, Батыр бек Сикоев, Борок

Бжегаков, Джамал Албогачиев, Саид Эмин Тукаев, абхаз Иван Шервашидзе[1] и др.). Большинство членов Ассоциации проживали во Франции, но были члены и из других европейских стран (например, К.-Х. Бесолти из Чехии). 27 марта 1932 г. Ассоциация провела общее собрание горской молодежи (присутствовало 32 чел., среди которых были Ахмед Аварский, Барагушев, Барачук, Кази-Хан Бесолти, Патиш Отпанов, Уцлиев, Ахмат Хан Эльдаров, Беслениев, Довусоков, Дж. Кануков, Кармов, Г.Я. Туаев, Тукоев, Хакуро, Девлет Шакманов) для того, чтобы организовать *Кассу взаимопомощи горцев Кавказа.* Были собраны индивидуальные взносы в размере 10 франков, которые шли на предоставление помощи бедным горцам [ААМТ. Кор. IV].

Были и региональные организации. Так, в 1933 г. была создана общегорская общественная организация *Братство Горцев Кавказа в Лионе.* Председателем братства стал дагестанец Абдул-Муталиб Бабаев. Цель организации – предоставление помощи северокавказским эмигрантам. Фонд организации пополнялся за счет членских взносов (в размере 10 франков). Подобные организации были и в других европейских странах, где проживали северокавказцы, например, был эмигрантский *Союз Горцев Кавказа в Чехословакии* (его членами стали А. Цаликов, М. Гатагогу, Э. Бекович – Черкасский, Н.А. Бигаев, Крым-Гирей Кучмазукин и др.). Одной из главных функций созданной в 1920-е годы организацией была материальная помощь эмигрантам. Правительство Чехии предоставляло финансовую помощь для получения эмигрантами образования и использовало Союз в качестве посредника для распределения стипендий [Серапионова 1995: 20-80; Горцы Кавказа 1933: № 41, с. 31; Кавказский горец 1923: № 1, с. 70-72].

Благотворительные концерты для организации помощи эмигрантам проводили и *Объединение черкешенок Северного Кавказа во Франции (*Union des Dames Circassiennes du Caucase du Nord en *France), и Объединение осетинок Северного Кавказа во Франции* и др. общественные эмигрантские организации Франции (*Кружок друзей Кавказа, Комитет помощи туберкулезным грузинам, Союз русских армянок)*. В этих концертах активное участие принимали русские и кавказские артисты[2]. Французские артисты участие в этих концертах не принимали.

---

[1] Абхазы и калмыки в эмиграции тяготели к северокавказцам.

[2] Балерина М.А. Арцыбушева, артисты кабаре М.С. Балачев, В. Кузнецова, певцы К.В. Балашов (бас), брат киноартиста Ивана Мозжухина – А.И. Мозжухин, оперные певицы и певцы – А.А. Новикова, Н.П. Кошиц, Н.М. Кашук, Г.И. Максимова, М.А. Гонич, А.Р. Зарудная, Д.А. Смирнов, Г.П. баритон Дудровский, Н.Н. Кедров, Г.Ф. Леонов, Н.В. Лаврецкий, А.Н. Черкасский, исполнительницы русских народных песен Н.В. Плевицкая, певец – шансонье А.Н. Вертинский, певцы, исполняющие цыганские песни, – В.П. Михайлов, А.П. Макаров, Н. Массальская, П. Фесенко, танцовщики Б.А. Князев, В. Скуратов, Н. Развани, певцы русских романсы – В. Поляков, гитарист С.Н. Кротков, виолончелист, конферансье А.Я. Скаржинский, пианист, конферансье А.И. Лабинский, балерины – М. Тиканова, Е.Н. Никольская, И.Л. Рубинштейн, О.И. Преображенская, балеруны – С. Троянов, А.Ф. Дроздов. Русские артисты – Наталья и Дмитрий Поляковы, исполняли черкесские танцы, армянские артисты: певица Елена Ивановна Авнатамова, балалаечник К.Н. Тер-Абрамов, Т. Тер-Осипова, певица Л. Туманова, певец Н.Д. Гукасов,

Земгор. Земгор – созданная еще в Российской империи в 1915 г. на базе земств и городских судов посредническая структура по распределению государственных оборонных заказов. В 1920 г. в Париже русскими эмигрантами по инициативе французского правительства было учреждено *Объединение земских и городских деятелей за границей – Земгор (Comite des Zemstvos et Municipalites Russes de Secoure des Citoyens russes a l' etranger)*. Оно стало посредником в распределении получаемой из разных источников помощи для русских беженцев. Северокавказцы, которые в Российской империи служили военными, казаками, российскими чиновниками, и в эмиграции сохраняли приверженность к единству монархической России, охотно обращались в Земгор. Среди таковых были: адыги, военные Российской армии – Пши-Мурза Тамбиев, В.Е. Кучмий, К. Хагондоков, Г.С. Хубияров; казаки – А.А. Джагинов, И.М. Коцарев, К.И. Хачкурусов, Ш. Кефов, М.Ш. Шогенов, В.Н. Кудашев, И. Пшизов, осетины: военные Российской армии К.С. Латиев, А.О. Сикоев, Х.Г. Сикоев, И. Туваев, О. Гусалов; казаки – Х.П. Тибиков, Д.Н. Габанов, А.А. Жускаев, Х-М.А. Челдиев, П.В. Циклауров, Г.П. Татонов и др. Есть в архиве фонда и просьбы от северокавказских женщин: З. Маймескуловой, Г.А. Султан-Гирей, А.Д. Джабагиевой, М. Джамбаровой. Впоследствии в этот фонд обращались и дети северокавказцев, попавшие во Францию вместе с родителями. В Земгоре был отдельный фонд для предоставления стипендий студентам, в том числе и студентам–кавказцам.

Земгор стал инициатором создания во Франции ряда старческих домов, куда попадали больные или просто пожилые русские эмигранты, за которыми некому было ухаживать. Многие северокавказцы свои последние годы проводили в старческих домах, организованных Земгором. Осетин, генерал-майор Собственного конвоя Его Величества Я.В. Хабаев был председателем отдела Союза русских военных во Франции (1931 г.), членом инициативной группы помощи престарелым инвалидам (1938 г.). Иногда северокавказцы работали в администрациях этих домов. В Ницце был организован старческий дом для военных инвалидов, одно время его директором был осетин полковник А.Н. Колиев [Российское зарубежье 2008-2010; АПП. Досье Кобиева. № 33498].

В русском доме военных инвалидов в *Монморанси* проживали: кубанский казак, полковник Российской армии Г.С. Хубияров, осетин, полковник Терского войска Г.Г. Дотцев, вдова генерала Бекович-Черкасского – кумычка княжна Надживат Капланова, осетин, полковник Российской армии Кирилл Константинович Акоев (там же находилась и его вдова Мария Александровна Сверчкова). В русском доме престарелых в *Кормей-ан-Паризи* свои последние годы провели осетины: генерал-майор Генерального Штаба Г.П. Татонов, полковник Терского казачьего войска, член Объединения осетин во Франции К.С. Лотиев, А.А. Гагосов, родной брат А.К. Бурнацева (основателя Объединения осетин во Франции, Института осетиноведения во Франции) – М.К. Бурнацев.

танцор Ашим-Хан Мануков, грузинка, певица М. Вачнадзе, осетин, танцор Мурат (Г.Я.) Туаев.

Кабардинец князь Владимир Николаевич (Эльбуздук Канаметович) Кудашев (издатель книги «Исторические сведения о кабардинском народе», Киев, 1913 г.) последние годы проживал в Русском общежитии для стариков, организованном Красным Крестом (в пригороде Канн – в Валлорис). В нем он скончался 26 января 1945 г. и был погребен на местном кладбище Валлорис (могила не сохранилась). В этом же старческом доме оказался осетин Иван Туваев. Общество «Быстрая помощь» было образовано в предместьи Парижа – Ганьи в 1945 г. для оказания помощи русским эмигрантам – беженцам. Одним из организаторов этого общества был армянин, масон М.С. Тер-Погосян. Одно время осетин, офицер Российской армии М.Н. Абациев был Директором этого Общества. Впоследствии, когда он заболел, сам стал пациентом Ганьи, поскольку там был медицинский уход (в 1974-1983 гг.). [Русская мысль 1956: № 843].

Свои последние годы в русском доме в Сент-Женевьев-де-Буа вместе с женой – Марией Николаевной провел адыг, дипломат Василий Николаевич Гаджемуков. В 1949 г. он обратился в национальную комиссию Марселя за разрешением поселиться там. После получения такого разрешения супруги прожили в русском доме до самой смерти и были похоронены на кладбище в Сент-Женевьев-де-Буа[1].

Заключение

Итак, мы видим, что северокавказские эмигранты в целом постепенно благополучно обустроились во Франции, многие приобрели новые профессии, жили в хороших квартирах в Париже, но были и такие, кто до старости бедствовал и в конце жизни проживали в старческих домах. Политические разногласия кавказцев вообще, северокавказцев, в частности, отразились на системе организации материальной и иной благотворительной помощи для беженцев – горцев. Те, кто имел пророссийские взгляды, контактировал с русскими и пользовался русскими фондами, те, кто нет – создавал свои фонды и пользовался только ими. Многим удалось вырваться из нищеты первых лет эмиграции, некоторым – нет.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

ААМТ – *Архив Али Мардана Бека Топчибаши* (Топчибашева) // Библиотека Центра по изучению современной России, Кавказа и Центральной Европы // École des Hautes Études en Sciences Sociales (Высшая школа социальных наук). (CERCEC, EHESS). Париж (Франция).

АП – *Архивы Парижа*. Париж (Франция).

АПП – *Архивы префектуры полиции*. Париж (Франция).

Бабич 2018 – *Бабич И.Л.* Зарубежное кавказоведение как часть эмигрантоведения XX в.: история и перспективы // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. – 2018. – № 3 (224). – С. 15-26.

[1] Семейный архив Гаджемуковых. Себастьян Гаджемуков. Париж (Франция).

Бабич 2019 – *Бабич И.Л.* Направления миграций северокавказцев из России в 1920-1930-е гг. // Новейшая история России. – 2019. – Т.9. – № 1. – С. 202-213.

Бочарова 2001 – *Бочарова З.С.* Русские беженцы: проблемы расселения, возвращения на родину, урегулирования правового положения (1920–1930-е годы). – М.: РОСПЭН, 2001. – 400 с.

ГАРФ – *Государственный архив Российской Федерации*.

Горцы Кавказа – *Горцы Кавказа*. 1933.

Гусефф 2014 – *Гусефф К.* Русская эмиграция во Франции: социальная история (1920-1939 годы). – М.: Новое литературное обозрение, 2014. – 321 с.

Иллюстрированная Россия – *Иллюстрированная Россия*. 1929; 1936; 1937.

Кавказский горец – *Кавказский горец*. 1923.

Родимый край – *Родимый край*. 1969; 1970.

Российское зарубежье… 2008-2010 – *Российское зарубежье* во Франции: 1919-2000: биографический словарь: в 3 т. / Под общ. ред. Л. Мнухина, М. Авриль, В. Лосской. – М.: Наука; Дом-музей Марины Цветаевой, 2008-2010. – Т. I. – 796 с.; – Т. II. – 684 с.; – Т. III. – 752 с.

Русская мысль – *Русская мысль*. 1949; 1953; 1954; 1956; 1959.

Сабенникова 2002 – *Сабенникова И.В.* Российская эмиграция (1917-1939): сравнительно-типологическое исследование. – Тверь: Золотая буква, 2002. – 431 с.

Серапионова 1995 – *Серапионова Е.П.* Российская эмиграция в Чехословацкой республике (1920-1930-е годы). – М.: Институт славяноведения и балканистика РАН, 1995. – 197 с.

REFERENCES

Arkhiv Ali Mardana Beka Topchibashi (Topchibasheva) [Archive by Ali Mardan Bek Topchibashi (Topchibashev)]. IN: *Biblioteka Tsentra po izucheniyu sovremennoy Rossii, Kavkaza i Tsentral'noy Evropi. Parizh (Frantsiya)* [Library of the Center for the Study of Modern Russia, the Caucasus and Central Europe. Paris, France]. (In Russian)

Arkhivy Parizha. Parizh (Frantsiya) [Archives of Paris. Paris, France]. (In French)

Arkhivy prefektury politsii. Parizh (Frantsiya) [Archives of Police Prefecture. Paris, France]. (In Russian; In French)

BABICH I.L. *Napravleniya migratsii severokavkaztsev iz Rossii v 1920-1930-e gg*. [Directions of migration of North Caucasians from Russia in the 1920-1930s.]. IN: *Noveishaya istoriya Rossii*. – 2019. – Vol. 9. – No. 1. – P. 202-213. (In Russian)

BABICH I.L. *Zarubezhnoe kavkazovedenie kak chast' emigrantovedeniya XX v.: istoriya i perspektivy* [Foreign Caucasian Studies as a Part of Emigrant Studies of the 20th Century: History and Prospects]. IN: *Vestnik Adygeiskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 1: Regionovedenie: filosofiya, istoriya, sotsiologiya, yurisprudentsiya, politologiya, kul'turologiya*. – 2018. – No. 3 (224). – P. 15-26. (In Russian)

BOCHAROVA Z.S. *Russkie bezhentsy: problemy rasseleniya, vozvrashcheniya na rodinu, uregulirovaniya pravovogo polozheniya (1920-1930-e gody)* [Russian refugees: problems of settlement, returning to their homeland, resolving the legal status (1920-1930s)]. – M.: ROSPEN, 2001. – 400 p. (In Russian)

Gortsy Kavkaza (journal). 1933. (In Russian)

Gosudarstvennyi arkhiv Rossiyskoy Federatsii [State Archive of the Russian Federation]. (In Russian)

GUSEFF K. *Russkaya emigratsiya vo Frantsii: sotsial'naya istoriya (1920-1939 gody)* [Russian emigration in France: social history (1920-1939)]. – M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2014. – 321 p.

Illyustrirovannaya Rossiya (journal). 1929; 1936; 1937. (In Russian)

Kavkazskii gorets (journal). 1923. (In Russian)

Rodimyi krai (journal). 1969; 1970. (In Russian)

Rossiiskoe zarubezh'e vo Frantsii: 1919-2000: biograficheskii slovar': v 3 t. / Pod obshch. red. L. Mnukhina, M. Avril', V. Losskoi [Russian Abroad in France: 1919-2000: Biographical Dictionary: in 3 vols. Ed. by L. Mnukhin, M. Avril, V. Losskaya]. – M.: Nauka; Dom-muzei Mariny Tsvetaevoi, 2008-2010. – Vol. I. – 796 p.; – Vol. II. – 684 p.; – Vol. III. – 752 p. (In Russian)

Russkaya mysl' (journal). 1949; 1953; 1954; 1956; 1959. (In Russian)

SABENNIKOVA I.V. *Rossiiskaya emigratsiya (1917-1939): sravnitel'no-tipologicheskoe issledovanie* [Russian emigration (1917-1939): a comparative typological study]. – Tver: Zolotaya bukva, 2002. – 431 p. (In Russian)

SERAPIONOVA E.P. *Rossiiskaya emigratsiya v Chekhoslovatskoi respublike (1920-1930-e gody)* [Russian emigration in the Czechoslovak Republic (1920-1930s)]. – M.: Institut slavyanovedeniya i balkanistika RAN, 1995. – 197 p. (In Russian)

ИСТОРИЯ, ЭТНОЛОГИЯ И АРХЕОЛОГИЯ

Новейшая история

УДК 93/94:[330.34+330.5]

DOI 10.31143/2542-212X-2020-2-143-177

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ И СОЦИАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ ПОСТСОВЕТСКОГО АЗЕРБАЙДЖАНА: ТЕНДЕНЦИИ, ДИНАМИКА, ИТОГИ

Р.Б. КАРАМУРЗОВ

Институт стран Азии и Африки Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова
125009, г. Москва, ул. Моховая, д. 11, стр. 1
E-mail: karamourzov@gmail.com

Аннотация. В работе рассматриваются различные показатели социально-экономического развития Республики Азербайджан на протяжении почти трёх десятилетий. Даются определения и разъясняется содержание использованных количественных характеристик. Исследуется динамика интегральных макроэкономических индикаторов относительно их уровня 1990 г. Делаются выводы о структурных изменениях в производстве валового внутреннего продукта с момента распада СССР. Анализируются показатели, характеризующие численность и структуру трудовых ресурсов Азербайджана. Освещаются некоторые аспекты трудовой эмиграции из страны за рубеж. Дается обзор индекса человеческого развития и его основных компонент в Республике Азербайджан в 1995-2018 гг. Приводятся данные о значении индекса достижения Целей устойчивого развития, который характеризует прогресс страны в области устойчивого развития. Анализ данных выявил, что концу 2010-х гг. весь и подушевой ВВП Азербайджана превысили уровень 1990 г., соответственно, в 2,5 и 1,8 раза. Численность населения за эти годы возросла на 40%. За период независимого развития в структуре ВВП более чем в полтора раза выросла доля промышленности, причём за счёт её добывающих отраслей. Доля сельского хозяйства в ВВП с 1990 по 2018 гг. сократилась примерно в пять раз (с 26 до 5%), а вклад сферы услуг был таким же, как и в 1990 г. (около 35%). К 2019 г. доля занятых в сельском хозяйстве сократилась до примерно 36 %, доля занятых в сфере услуг выросла примерно до 50 %, а доля работавших в промышленности увеличилась до 14-15 %. За 1995-2018 гг. значение индекса человеческого развития Азербайджана выросло почти на 25%. Относительное место Азербайджана в мировом рейтинге индекса достижения ЦУР оставалось примерно одинаковым.

Ключевые слова: Азербайджан; постсоветский период; социально-экономическое развитие; валовой внутренний продукт; экономический рост; Цели устойчивого развития.

ECONOMIC AND SOCIAL DEVELOPMENT OF POST-SOVIET AZERBAIJAN: THE TENDENCIES, THE DYNAMIC AND THE RESULTS

R.B. KARAMOURZOV

Institute of Asian and African studies, Lomonosov Moscow state university
125009, Moscow, Mokhovaya str., 11/1
E-mail: karamourzov@gmail.com

Abstract. The paper deals with the dynamics of some socio-economic indicators of Azerbaijan for more than two and a half decades. Thorough description of the indicators used for the analysis is provided. The relative dynamics of both total and per capita GDP is investigated. The conclusions on structural changes of the GDP since the collapse of the USSR are drawn. The number and the structure of Azerbaijan's labor resources are analyzed. Some aspects of labor emigration are highlighted. An overview of the Human Development Index and its basic components is made. Data on the changes of the Sustainable Development Goals Index is provided. Certain indicators of Azerbaijan are compared to those of some other countries. The analysis revealed that by the end of the 2010s total and per capita GDP of Azerbaijan exceeded the 1990 level, respectively, 2.5 and 1.8 times. The population increased by 40%. The share of industry in GDP has grown more than 1,7 times (exclusively due to its extractive industries). The share of agriculture in GDP decreased from 26 to 5%, while the share of the services sector was at the level of 1990. By 2019, the share of persons employed in agriculture fell to 36%, the share of people employed in services increased to about 50% and the share of those employed in industry increased to 14-15%. From 1995 to 2018 the score of the Human Development Index of Azerbaijan increased by almost 25%. The positions of Azerbaijan in world SDG index ranking haven't changed significantly.

Keywords: Azerbaijan; post-Soviet period; socio-economic development; Gross domestic product; economic growth; Sustainable Development Goals.

ВВЕДЕНИЕ

К началу 1992 г. на месте бывшего СССР возникло более десятка новых независимых государств. В последующие годы им предстояло осуществить неизменно трудный и болезненный переход от планового хозяйства к новым экономическим отношениям «рыночного типа». Важными чертами этих преобразований были неподготовленность властных структур, отсутствие целого ряда необходимых общественных институтов, наконец, неосведомленность значительной части населения даже в самых общих вопросах новых экономических реалий.

К середине 1990-х гг. все новые независимые государства оказались втянутыми в т.н. кризис переходного типа (который в отдельных случаях осложнялся гражданскими войнами и вооруженными конфликтами с соседними странами). Это социальное явление выразилось, в частности, в сокращении объёмов производства, росте уровня безработицы, снижении реальных доходов населения и, как следствие, падении уровня жизни.

Продолжительность и глубина этого кризиса существенно различались от страны к стране. Так же и в разных сферах отдельно взятых народных хозяйств проявления спада были неодинаковыми. В результате, некоторые

характеристики социально-экономического развития новых независимых государств даже во второй половине 2010-х гг. не достигли значений позднего советского периода, тогда как другие – значительно превзошли лучшие советские показатели.

Причины расхождений в длительности и масштабах «трансформационного кризиса», очевидно, надо объяснять сложной комбинацией самых разных факторов.

Например, немалую роль должна была сыграть разница в «стартовых» значениях отдельных количественных характеристик: ведь несмотря на цельность и универсальность социальной и экономической политики СССР, различия между уровнями развития республик объективно существовали.

Также не вызывает сомнений, что товары новых стран (структура производства которых в это время, во многом, была определена местом и ролями республик в общесоюзном разделении труда), оказались неодинаково «востребованы» мировым хозяйством; разумеется, не последнюю роль здесь сыграла и текущая (на начало 1990-х гг.) (мировая) рыночная конъюнктура и, возможно, близость к потенциальным рынкам сбыта производившейся продукции.

Наконец, нельзя не принимать во внимание результативность национальных стратегий экономического развития, которые нередко различались между собой весьма существенно. Не вдаваясь в подробности этих различий, достаточно указать на общеизвестные факты разной «идейно-политической ориентированности» новых независимых государств. Так, в одних странах приоритетом и целью объявлялись вступление в Евросоюз, в других – декларировалось намерение следовать успешным моделям Восточной (Японии) и Юго-Восточной Азии (Малайзии, Сингапура). В то же время, в политике третьих стран явно проглядывался курс на сближение с культурно и/или исторически близкими государствами (Румынией, Турцией).

Список возможных объяснений разных итогов социально-экономического развития новых независимых государств, конечно, гораздо более обширен. Изучение неодинаковых успехов отдельных стран – важнейшая задача, стоящая перед исследователями бывшего советского пространства. Неотъемлемой частью подобного анализа является рассмотрение количественных характеристик происходивших изменений, а также нынешних значений показателей экономического развития, уровня и условий жизни людей.

В настоящей статье рассматривается динамика нескольких экономических и социальных индикаторов одной из бывших советских республик – Азербайджана. Число их было ограничено исследованием динамики следующих характеристик: экономического роста (динамика ВВП), структуры ВВП по основным секторам производства, особенностей возрастной структуры населения и отраслевой структуры занятости, а также интегральных международных индексов.

МЕТОДЫ

Основным методом анализа настоящей работы является критическое рассмотрение широкого круга количественных показателей, характеризующих положение дел в различных сферах хозяйственной деятельности страны.

Источники данных

Основными источниками статистических сведений, используемых в настоящей статье, являются данные Государственного комитета по статистике Азербайджанской Республики, Межгосударственного статистического комитета стран СНГ, Всемирного банка, МВФ, Программы развития ООН (ПРООН), Международной организации труда (International Labour Organization), Глобального партнерства по распространению знаний о миграции и развитии (Global Knowledge Partnership on Migration), Сети организаций для выработки решений, способствующих устойчивому развитию (Sustainable Development Solutions Network, SDSN).

Показатели

При анализе вопросов социального и экономического развития стран и территорий целесообразно рассматривать как можно большее число показателей. В то же время, очевидно, что на практике данный принцип может быть реализован только с определенными ограничениями. Например, потому, что далеко не по всем показателям есть статистические данные надлежащего качества за весь изучаемый период. Кроме того более или менее подробный анализ по большому числу количественных характеристик трудно осуществить в рамках одной статьи.

Рассматриваемые в настоящей работе показатели условно могут быть разделены на три группы:

1) показатели, характеризующие изменения размеров и структуры народного хозяйства;

2) показатели, характеризующие численность трудовых ресурсов, отраслевую структуру занятости и трудовую миграцию;

3) сводные (иначе, общие) статистические индексы, характеризующие социальное и экономическое развитие страны

1. Показатели, характеризующие изменения размеров и структуры народного хозяйства

Количественные характеристики ВВП. Валовой внутренний продукт (далее, ВВП), является одним из наиболее часто применяемых показателей при анализе экономического развития страны. Именно темпы изменения ВВП рассматриваются в качестве основных характеристик экономического роста.

Когда речь идёт о динамике ВВП неизбежно возникает вопрос о том, как именно её оценивать. Обычно в распоряжении исследователя имеются данные о величине этого показателя в национальной и иностранной валюте. Вторая форма представления особенно удобна для непосредственных международных

сопоставлений. Перевод в иностранную валюту осуществляется, как на основе обменных курсов валют, так и с помощью ППС валют. При этом, в зависимости от задач исследования, могут быть использованы сведения о величине ВВП как в текущих, так и постоянных ценах того или иного года.

При прочих равных, большинством исследователей признаётся, что для целей международных сопоставлений, ППС валют подходят больше, чем обменные курсы (как по своему содержанию, так и потому, что их значения не подвержены колебаниям в той степени, как обменные курсы валют). Данные о ВВП большинства стран, как по обменному курсу, так и по ППС валют содержатся в базах данных Всемирного банка, МВФ, Гронингенского центра по изучению роста и развития экономики «Penn World Table».

Однако точность рассчитанных на основе ППС валют абсолютных значений ВВП разных стран в отдельные годы вызывает сомнения [Карамурзов, Фридман 2011]. В частности, время от времени оспариваются результаты даже относительно поздних раундов Программы международных сопоставлений (проведенных с использованием более совершенных методик расчёта ППС валют) [Maddison 2010].

Поскольку сравнительный анализ абсолютных значений ВВП Азербайджанской Республики и других государств не является основной целью настоящей статьи, наиболее целесообразным представляется использование данных о темпах ежегодного роста ВВП и сравнение этой динамики с некоторым базовым уровнем. В качестве такового предлагается использовать величину ВВП Азербайджана в 1990 г. На первый взгляд, подобный подход может показаться не вполне корректным, ведь современный этап независимого развития республики начался во второй половине 1991 г., тогда как в 1990 г. Азербайджан оставался республикой в составе СССР. Однако поскольку задачей работы является, прежде всего, изучение того как изменения могли отразиться на уровне и условиях жизни людей, представляется верным брать в качестве базового наиболее подходящий для подобного сравнения год, а не значимые в политическом и историческом смысле даты, каковыми, очевидно, являются декларация о государственной независимости страны или признание этого факта де-юре. Поскольку в 1990 г. был достигнут максимум производства во многих отраслях советской экономики, этот год оказался лучшим для большинства советских республик (в т.ч. и для Азербайджана), если судить об успехах хозяйственного развития по величине макроэкономических показателей. Уже в 1991 г. наблюдался заметный спад во многих сферах производства. Соответственно, 1990 г. целесообразно использовать в качестве точки отсчёта потому, что это позволит полнее оценить масштабы происходивших в последующем сокращений производства ВВП.

Структура ВВП. Другой важной характеристикой народного хозяйства является его структура. В базе данных Государственного комитета по статистике Азербайджанской Республики содержатся разнообразные сведения

о вкладе в производство ВВП различных отраслей народного хозяйства[1]. Однако поскольку формат и задачи статьи не позволяют провести детальный анализ динамики отдельных отраслей, в настоящей работе предлагается ограничиться рассмотрением широко применяемых в экономических исследования трёх основных секторов экономики: первичного, вторичного и третичного (сельское хозяйство, промышленность и сфера услуг) [Fisher 1939; Clark 1940: 6-7]. Несмотря на давно звучащие критические замечания, нередко, хорошо аргументированные [Pohl 1970], такая агрегация довольно широко применяется. Она достаточно приемлема и довольно удобна когда если исследование не претендует на исчерпывающий анализ структуры производства товаров и услуг.

В частности, изучение структуры производства ВВП по трём секторам экономики может дать представление об изменениях в приоритетах и возможностях народного хозяйства страны. Например, постепенное снижение доли сельского хозяйства, при прочих равных, может считаться наиболее общей тенденцией, тогда как его относительный рост, требует пристального изучения.

В базах данных Всемирного банка содержатся сведения о вкладе трёх укрупнённых секторов – сельского хозяйства, промышленности и сферы услуг – в народные хозяйства различных стран за длительный период времени. Как правило, эти данные получены на основе национальной статистики соответствующих стран; «укрупнение» отраслей до секторов производится на основе Международной стандартной отраслевой классификации (МСОК) всех видов экономической деятельности. Так, к «Сельскому хозяйству» в широком смысле (иначе, первичному сектору) эксперты Всемирного банка относят отрасли подразделов 01, 02 и 05 МСОК 3.1. Относительно небольшое число подразделов позволяет назвать их здесь: 01 – это «Сельское хозяйство, охота и связанные с этим услуги», 02 – «Лесоводство, лесозаготовки и связанные с этим услуги», 05 – «Рыболовство, аквакультура и услуги, связанные с рыболовством».

К «Промышленности» в широком смысле (иначе, вторичному сектору) относятся отрасли подразделов 10-45 МСОК 3.1; при этом отдельно, как составная часть «Промышленности» в широком смысле, выделяется «Обрабатывающая промышленность», к которой относят отрасли подразделов 15-37.

Поскольку перечисление более чем трёх десятков подразделов МСОК нецелесообразно в настоящей работе, ниже приведены названия основных разделов, собственно, формирующих вторичный сектор, обозначенные в МСОК 3.1 соответствующими литерами: C – Горнодобывающая промышленность и разработка карьеров; D – Обрабатывающая промышленность; E – Электроэнергия, газ и водоснабжение; F – Строительство.

[1] Demographic Indicators // Azerbaijan Statistical Information Service: website. URL: https://www.azstat.org/portal/tblInfo/TblInfoList.do# (date of access: 2020-05-11).

Наконец, к «Сфере услуг» (иначе, к третичному сектору) относят отрасли подразделов 50-99 МСОК 3.1. Поскольку число подразделов МСОК 3.1 включенных в «Сферу услуг» ещё больше, чем в случае с «Промышленностью», по аналогии, ниже приведены названия основных разделов, относящихся к третичному сектору (так же, с их оригинальным литерным обозначением): G - Оптовая и розничная торговля; ремонт автомобилей, мотоциклов, бытовых товаров и предметов личного пользования; H – Гостиницы и рестораны; I – Транспорт, складское хозяйство и связь; J – Финансовое посредничество; K – Операции с недвижимым имуществом, аренда и коммерческая деятельность; L – Государственное управление и оборона; обязательное социальное страхование; M – Образование; N – Здравоохранение и социальные услуги; O – Прочие коммунальные, социальные и персональные услуги; P – Деятельность частных домашних хозяйств в качестве работодателей и недифференцированная производственная деятельность частных домашних хозяйств; Q – Экстерриториальные организации и органы.

Стоит повторить, что указанные группировки приведены в соответствии с МСОК 3.1 Для более современной МСОК 4, сектора, похоже, должны состоять из следующих подразделов: первичный – подразделы 01-03; вторичный – подразделы 05-43; третичный – подразделы 45-99.

2. Показатели, характеризующие численность трудовых ресурсов, уровень и отраслевую структуру занятости

Прежде, чем перейти к рассмотрению показателей, позволяющих понять состояние рынка труда, представляется целесообразным сделать несколько замечаний по поводу такой важной характеристики народного хозяйства как ***численность населения***.

В нынешней практике международных организаций этот показатель является одной из трёх (наряду с площадью территории и величиной ВВП) характеристик «размера экономики» (size of economy) [World Development… 2017: 15]. Данные о динамике численности населения, как правило, получают в ходе национальных переписей, а также путём текущего учёта населения. Во многих случаях наиболее надёжным источником сведений оказывается национальная статистика; в частности, потому, что именно центральные правительства стран имеют наиболее полный доступ к разнообразным сведениям, позволяющим вести учёт населения (данные о размерах домохозяйств, учёт въезда/выезда граждан в страну/из страны, статистика выбытия и прироста населения и т.п.). Сказанное, разумеется, не отменяет необходимости критического отношения к такого рода данным, предоставляемым национальными статистическими ведомствами, т.к. страны нередко заинтересованы преувеличивать или преуменьшать численность (например, завышая таким образом в глазах недружественной страны мобилизационный потенциал своих вооруженных сил).

В нашем распоряжении имеются сведения о численности постоянного населения изучаемой страны из базы данных Государственного комитета по

статистике Азербайджанской республики и именно они использованы при анализе динамики численности населения.

Численность населения даёт лишь опосредованное представление о числе тех, кто потенциально готов и может осуществлять хозяйственную деятельность, т.к. многое тут зависит от других показателей (например, от возрастной структуры населения и пр.).

Важнейшей характеристикой трудовых ресурсов является ***численность экономически активного населения***. Согласно определению, содержащемуся в соответствующем разделе сайта Государственного комитета по статистике Азербайджанской республики, экономически активное население – это часть населения, обеспечивающая в рассматриваемый период предложение рабочей силы для производства товаров и услуг. Экономически активное население включает всех занятых в экономике и безработных[1].

Другой, как представляется, важнейшей характеристикой народного хозяйства является ***структура занятости по секторам***. Данные такого рода предоставляются Международной организацией труда (далее, МОТ).

В методологических пояснениях МОТ есть прямое указание на то, что в её базах данных ILOSTAT сведения о занятых в основных секторах народного хозяйства организованы в полном соответствии с МСОК всех видов экономической деятельности[2]. В частности, для пересмотренного варианта МСОК 3.1 указывается, что в качестве занятых в сельском хозяйстве учитываются люди, работающие в отраслях разделов A («Сельское хозяйство, охота и лесоводство») и B («Рыболовство»). Занятыми в промышленности признаются работники отраслей, отнесенных к D («Обрабатывающей промышленность»), F («Строительство»), C («Горнодобывающая промышленность и разработка карьеров»), E («Электроэнергия, газ и водоснабжение»). Наконец, работниками третичного сектора признаются люди, занятые в сфере рыночных (G, H, I, J, K) и нерыночных (L, M, N, O, P, Q) услуг.

Ещё одной важной характеристикой человеческих ресурсов стран и территорий следует считать ***трудовую миграцию***. Пожалуй, наиболее понятный индикатор размера этого явления – число граждан страны, выезжающих за рубеж с целью осуществления там трудовой деятельности. Однако оценка масштабов данного процесса сопряжена с рядом сложностей, в частности, из-за того, что не всегда национальные миграционные службы собирают подробные данные о числе людей, выезжающих в другие страны в поисках работы.

Тем не менее, в нашем распоряжении есть количественные оценки, позволяющие определить масштабы экономической деятельности граждан находящихся за рубежом. Это так называемые денежные переводы физических

---

[1] Metadata on statistical indicators // Azerbaijan Statistical Information Service: website. URL: https://www.azstat.org/MetaDataInd/bchapsdmx.jsp?prkod=61020&prskod=09 (date of access: 2020-03-17).

[2] Employment by Economic Activity. P 2. // International Labor Organization: website. URL: www.ilo.org/ilostat-files/Documents/description_ECO_EN.pdf (date of access: 2020-03-19).

лиц (remittances). Источником данных подобного рода является статистика Глобального партнерства по распространению знаний о миграции и развитии (Global Knowledge Partnership on Migration, KNOMAD), в рамках работы которого, в частности, обобщаются и публикуются данные об объёме денежных средств, которые переводят мигранты. Имея в своем распоряжении данные об объемах переводов трудовых мигрантов, сопоставляя этот показатель с различными макроэкономическими индикаторами страны, можно получить представление о том насколько значимыми являются эти переводы для населения и страны в целом.

3. Сводные статистические индексы

Показатели этой группы позволяют получить обобщённое представление об успехах в вопросах социально-экономического развития, путём учёта сразу нескольких – не только макроэкономических, но и ряда других, – характеристик.

Индекс человеческого развития. Практически с самого начала широкого внедрения Системы национальных счетов (СНС), звучали предостережения о рисках прямого использования подушевого ВВП в качестве базового показателя развития стран и территорий. Важным следствием подобной критики стала разработка под эгидой ООН показателя, который в большей степени ориентирован на оценку благополучия людей: индекса человеческого развития (ранее, также использовалось название «Индекс развития человеческого потенциала»). Этот показатель призван количественно оценивать благополучие населения в трёх измерениях развития: 1) возможность вести долгую и здоровую жизнь; 2) возможность получения знаний (иначе, доступность системы образования); 3) возможность достичь достойного уровня жизни [Индексы… 2018: 25]. Соответственно, для получения количественной характеристики по каждому из трёх направлений были выбраны несколько показателей. Индикатором, оценивающим возможность вести долгую и здоровую жизнь является «ожидаемая продолжительность жизни при рождении». Возможность получения знаний оценивается с помощью показателей «ожидаемая продолжительность обучения» и «средняя продолжительность обучения». Наконец, возможность достижения достойного уровня жизни оценивается величиной индикатора «валовой национальный доход на душу населения» [Индексы… 2018: 25].

Для удобства используется следующая (довольно условная, заметим) классификация значений ИЧР: значения меньше 0,550 – низкий уровень человеческого развития; значения от 0,550 до 0,699 – средний уровень человеческого развития; 0,700 – 0,799 – высокий уровень человеческого развития; наконец, значения от 0,800 и выше – очень высокий уровень человеческого развития[Индексы… 2018: 17].

Несмотря на наличие докладов о человеческом развитии за довольно длительный (с 1990 г.) период, не всегда соответствующие данные могут быть прямо использованы для анализа прогресса отдельных стран по величине ИЧР. Так, в докладе 2018 г. прямо указывается, что данные этой публикации «не

являются сопоставимыми с теми, что были опубликованы в предыдущих выпусках» [Индексы… 2018: 17]; там же говорится, что сопоставимые по годам и странам сведения о величине ИЧР представлены в таблице 2 этого доклада (стр. 26-29) или на официальной странице Докладов о человеческом развитии: http://hdr.undp.org/data. Именно эти данные будем использовать для анализа.

Индекс достижения Целей устойчивого развития. В сентябре 2015 г. на юбилейной сессии ООН была принята Резолюция 70/1 Генеральной Ассамблеи ООН от 25 сентября 2015 года «Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года». В рамках этой международной инициативы были определены 17 Целей устойчивого развития (ЦУР) и 169 задач, достижение и выполнение которых должно способствовать решению важнейших проблем, стоящих перед человечеством. Для оценки прогресса в достижении ЦУР, была разработана система индикаторов, общим числом 232[1]. Очевидно, что даже поверхностный анализ динамики такого большого числа количественных показателей отдельно взятой страны (тем более, групп стран) является проблематичным.

Для того, чтобы преодолеть эту проблему, Сетью организаций для выработки решений, способствующих устойчивому развитию (далее, SDSN), созданной по инициативе Генерального Секретариата ООН, предложен неофициальный индекс оценки результатов стран в деле достижения Целей устойчивого развития, т.н. индекс достижения ЦУР (SDG Index)[2].

В соответствии с методикой SDSN, в индексе учитываются значения каждого (из числа включенных в анализ) индикатора по каждой из 17 целей, после чего на следующем этапе обобщаются результаты всех ЦУР. Важно подчеркнуть, что принимаемое во внимание при расчёте индекса количество показателей заметно меньше официального числа определенных ООН в качестве таковых. Например, в 2019 г. оно составляло 86 (105 для ряда стран ОЭСР). По сообщениям авторов индекса достижения ЦУР, для анализа прогресса по каждой из 17 целей рассматривается около 5 показателей [Lafortune et al. 2018: 14].

Характерной особенностью расчёта индекса достижения Целей устойчивого развития, о которой нельзя не упомянуть, является то, что и на уровне оценки прогресса по отдельным целям, и на этапе расчёта итогового значения индекса для всех компонент используются одинаковые веса.

В соответствующем подробном руководстве по расчёту индекса ЦУР в связи с этим уточняется, что на более низком уровне обобщения индикаторов

---

[1] Global indicator framework adopted by the General Assembly (A/RES/71/313) including annual refinements contained in E/CN.3/2018/2 (Annex II) and E/CN.3/2019/2 (Annex II) // United Nations Statistical Department: website. URL: https://unstats.un.org/sdgs/indicators/indicators-list (date of access: 2020-02-23).

[2] Важно обратить внимание на то, что на русский язык название индекса примерно одинаково часто переводят как «индекс ЦУР», «индекс достижения ЦУР», так и «индекс прогресса в области ЦУР». В дальнейшем будет использован второй вариант перевода, потому, что он, с одной стороны, адекватно отражает содержание показателя и, с другой, как достаточно компактный.

для оценки прогресса по отдельной взятой цели одинаковые веса для всех количественных характеристик используются потому, что остальные методы присвоения весов ещё менее пригодны для решаемых задач [Lafortune et al. 2018: 20]. Аргументация выбора одинаковых весов для каждой из Целей устойчивого развития при расчёте итогового значения индекса достижения ЦУР ещё более простая: отмечается, что в соответствии с содержанием документа «Преобразование мира. Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года» все 17 целей рассматриваются как одинаково важные [Lafortune et al. 2018: 20].

Даже с использованием методики рассматриваемого индекса, оценка результативности отдельных государств в деле достижения ЦУР сопряжена с рядом трудностей. Так, далеко не по всем показателям, на основе которых рассчитывается индекс, статистические данные представлены в нужном объеме.

Кроме того, сами авторы индекса достижения ЦУР прямо указывают, что результаты оценок величины индекса за отдельные годы непригодны для прямых сопоставлений [Sachs et al. 2019: 19].

С ограничениями подобного рода, а также с дискуссионностью некоторых, упомянутых выше вопросов методики расчёта индекса достижения ЦУР (в частности, использования одинаковых весов для всех компонент анализа на каждом из двух уровней агрегирования результатов), видимо, надо связывать то, что в ежегодных публикациях «Sustainable Development Report» специально подчёркивается: взгляды, представленные в докладе не отражают взглядов агентств, организаций или программ ООН.

Таким образом, необходимо иметь в виду, что использованный для анализа глобальный индекс достижения ЦУР был и остаётся неофициальной интегральной характеристикой прогресса в этой области.

В то же время, SDSN, безусловно, является, группой близкой к ООН и есть достаточно оснований считать её оценки заслуживающими рассмотрения. Кроме того, важно отметить, что – несмотря на спорность отдельных принципов расчёта индекса и нехватку статистических сведений, лежащих в его основе, – других подобных оценок на сегодняшний день нет.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Динамика ВВП. Как отмечалось в предыдущем разделе работы, в нашем распоряжении имелось несколько вариантов оценки экономической динамики Азербайджана: Межгосударственного статистического комитета СНГ, Всемирного банка и Международного валютного фонда. Эти данные приведены в Таблице 1.

Необходимо уточнить: в ряде случаев оценки изменения ВВП по двум или даже всем трём источникам различаются довольно существенно, причём не только по величине, но и по направлению изменений. Например, в 2011 г. по данным Всемирного банка и МВФ ВВП Азербайджана был на 1,57% ниже, чем в 2010 г., тогда как по данным Статкомитета СНГ в 2011 г. в стране имел место

хоть и незначительный, но рост: 0,1%. Также и в 2017 г. по данным Статкомитета СНГ и МВФ ВВП страны вырос примерно на 0,15-0,2%, а по оценке специалистов Всемирного банка ВВП сократился примерно на эту величину: -0,28%.

Такого рода различия в оценке экономических изменений, безусловно, нельзя игнорировать полностью. Однако для настоящей статьи, целью которой является освещение общих тенденций, они не носят принципиального характера, т.к. не влияют существенно на динамику ВВП.

Таблица 1. Темпы роста ВВП Азербайджана в 1991-2019 гг.[1]

	Статкомитет СНГ	**Всемирный банк**	**МВФ**
	1	**2**	**3**
1991	-0,70	-0,70	Нет данных
1992	-22,60	-22,60	Нет данных
1993	-23,10	-23,10	-23,098
1994	-19,70	-19,70	-19,673
1995	-11,80	-11,80	-13,027
1996	1,30	1,30	2,531
1997	5,80	5,80	8,884
1998	10,00	10,00	6,007
1999	7,40	7,40	11,396
2000	11,10	11,10	6,227
2001	9,90	9,90	6,486
2002	10,60	9,44	9,439
2003	11,20	10,21	10,208
2004	10,20	9,25	9,254
2005	26,40	27,96	27,962
2006	34,50	34,47	34,466
2007	25,00	25,46	25,463
2008	10,80	10,59	10,591
2009	9,30	9,37	9,369
2010	5,00	4,79	4,789
2011	0,10	-1,57	-1,573
2012	2,20	2,20	2,203
2013	5,80	5,84	5,843
2014	2,80	2,80	2,798
2015	1,10	1,05	1,05
2016	-3,10	-3,06	-3,064
2017	0,20	-0,28	0,154
2018	1,50	1,41	1,5
2019	2,20	Нет данных	2,25

[1] Подсчитано и составлено по: [25 лет… 2016]; World Development Indicators // The World Bank: website. URL: https://databank.worldbank.org/source/world-development-indicators (date of access: 2020-05-05); World Economic Outlook Databases // International Monetary Fund: website. URL: https://www.imf.org/external/pubs/ft/weo/2020/01/weodata/index.aspx (date of access: 2020-04-05).

Относительные изменения ВВП (в целом и на душу населения) Азербайджана по данным Всемирного банка отражены на графике рис. 1.

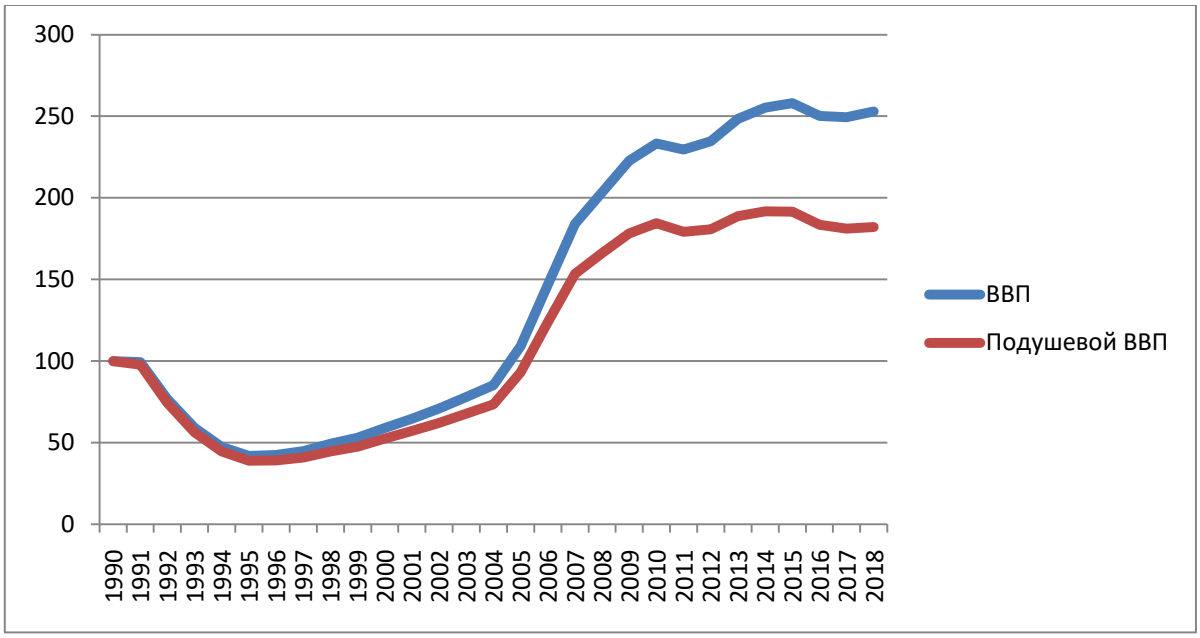

Рис. 1. Динамика всего и подушевого ВВП Азербайджана в 1990-2018 гг. по данным Всемирного банка, % (1990=100%)[1]

Как было сказано, различия в оценках ВВП имевшихся в нашем распоряжении трёх источников не различались принципиально (по-крайней мере, они несущественны для целей данной работы). Сведения базы данных Всемирного банка особенно удобны тем, что там содержится статистика всего и подушевого ВВП начиная с 1990 г. – наилучшего года для многих отраслей народного хозяйства Азербайджана за весь советский период, т.к. именно к этому времени различные показатели производства достигли наибольших значений. Уже в 1991 г. значения индикаторов были ниже, а в первые годы независимого развития нового государства они стали сокращаться быстрыми темпами. Это и некоторые другие обстоятельства, отмеченные в соответствующей части раздела «Методы», делают целесообразным использование 1990 г. в качества базового. Формат данных о темпах экономического роста (в целом и на душу населения) Азербайджана, представленных в базе данных Всемирного банка позволяет рассчитать и представить относительные изменения.

До середины 1990 годов ВВП Азербайджана резко снижался (в среднем, на 15-16 % год). Однако, уже с 1996 г. начался восстановительный этап, хотя темпы роста были почти вдвое меньше темпов снижения в 1991-1995 гг. Итогом этого процесса было полное восстановление к середине 2000-х гг. до уровня 1990 г. и даже его превышение – 109%. Таким образом, начиная с 2005 г. можно говорить о поствосстановительном росте. Заметим что в плоть до 2010

[1] Построено по: World Development Indicators // The World Bank: website. URL: https://databank.worldbank.org/source/world-development-indicators (date of access: 2020-05-05).

г. темпы роста ВВП были исключительно высокими: в среднем, на 19% в год. В 2011 г., по сравнению с 2010 г., ВВП снизился на 1,5%, однако уже в 2012 г. восстановился до уровня 2011 г. и даже несколько его превысил. Далее, рост продолжился вплоть до 2015 г., а зачем показатель снизился на 3% 2016 г. В 2017 г. снижение продолжилось, но в 2018 г. был отмечен рост, вернувший значение ВВП на уровень 2013–2014 гг. – примерно 250% от величины показателя 1990 г.

Хотя, как уже отмечалось, различия между показателями экономического роста разных источников были незначительны, имеет смысл специально рассмотреть динамику ВВП по данным другого источника – Межгосударственного статистического комитета СНГ, – которые особенно «удобны» тем, что на их основе можно рассчитать изменения показателя начиная с 1990 г. (первые оценки темпов роста ВВП в базе данных МВФ имеются лишь начиная с 1993 г. и, соответственно, только на их основе нельзя рассчитать динамику используя в качестве базового 1990 г.).

Если не вдаваться в детали, можно сказать что сведения Статистического комитета СНГ демонстрируют такую же динамику, как и те, что содержатся в базе данных Всемирного банка. В частности, начиная с 1990 г. до середины 1990-х гг. шло снижение ВВП. Довольно принципиальное отличие от сведений Всемирного банка состоит в том, что вплоть до 2015 г. ВВП Азербайджана рос непрерывно, хотя темпы этого роста не всегда были одинаковыми. В 2016 г., впервые после 1995 г., значение ВВП оказались ниже, чем в предыдущем году (на 3,1%). В следующие три года темпы роста были не очень высокими (до 2,2%), однако в итоге к 2019 г. по данным Статкомитета СНГ ВВП Азербайджана достиг наибольших значений и составил почти 275% от уровня 1990 г.

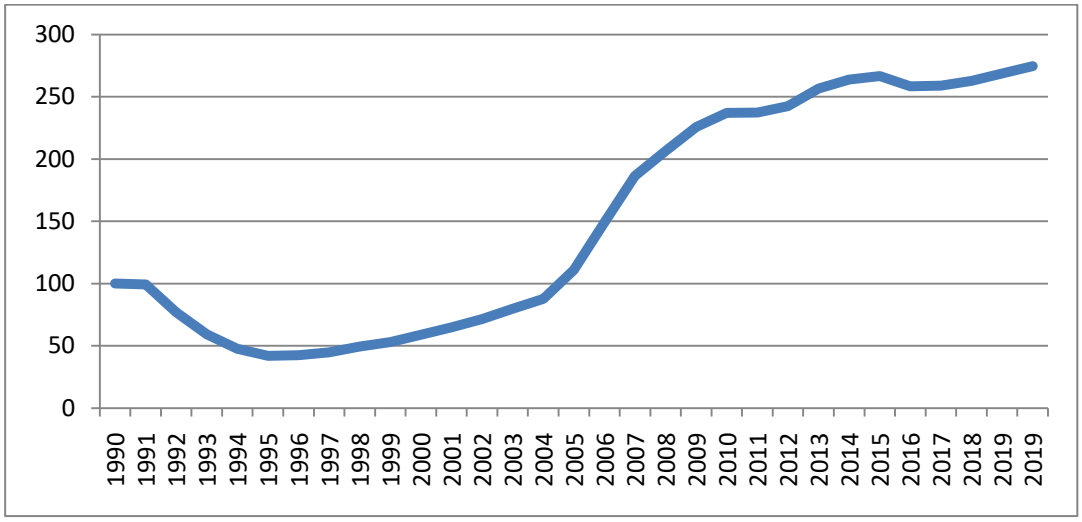

Рисунок 2. Динамика ВВП Азербайджана в 1990-2018 гг. по данным Межгосударственного статистического комитета СНГ, % (1990=100%)[1]

[1] Построено по данным: [25 лет… 2016]; Основные показатели социально-демографической статистики // Межгосударственный статистический комитет СНГ: сайт. URL: http://www.cisstat.com/rus/macro/chislen_pop.pdf (дата обращения: 2020-05-10).

Структура ВВП. Структура ВВП Азербайджана за годы независимого развития претерпела существенные изменения.

Относительно ожидаемым было сокращение доли сельского и лесного хозяйства, а также рыболовства в общей величине ВВП страны. Подобная тенденция наблюдалась у десятков других государств мира. Однако специфической особенностью рассматриваемого национального хозяйства оказалось значительное расширение вклада в ВВП промышленности, при относительно «стабильной» на протяжении всего рассматриваемого перевода доли сферы услуг (см. гистограмму рис. 3).

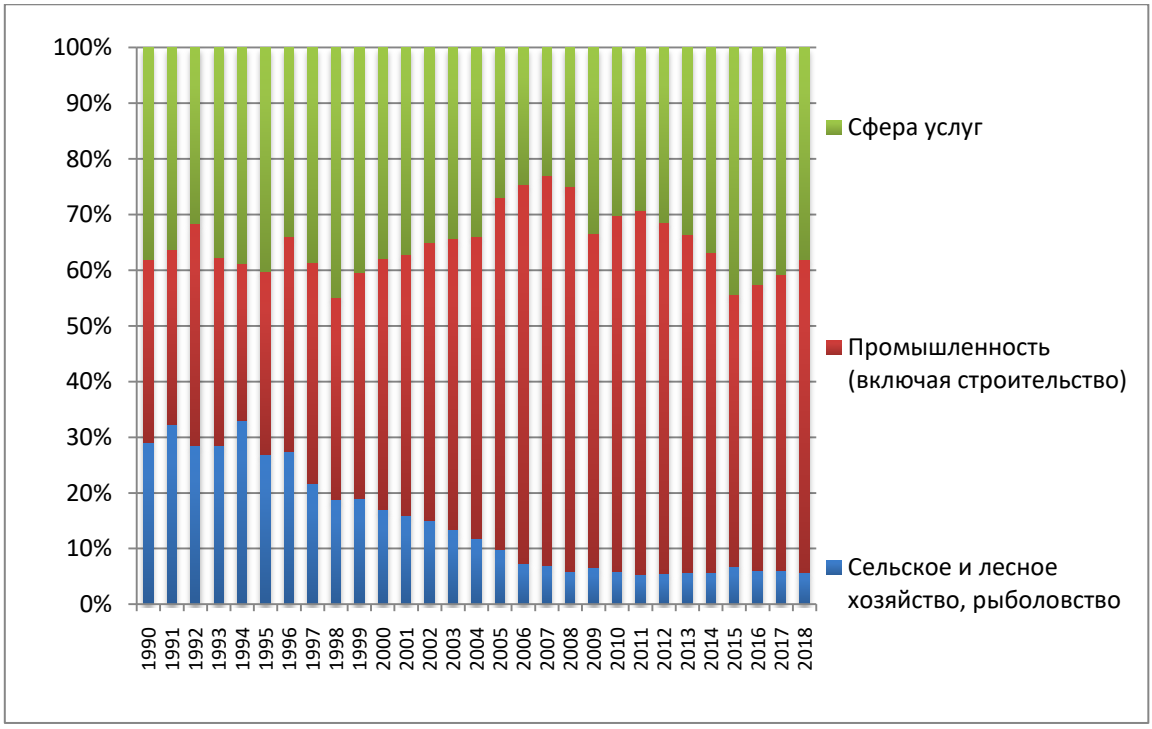

Рисунок 3. Секторальная структура ВВП Азербайджана в 1990-2018 гг.[1]

Такое преобладание было типичным для многих стран – крупных экспортёров нефти и газа. Например, в 1990-2018 гг. доля промышленности ежегодно в среднем составляла в Венесуэле 46%, в Саудовской Аравии – 54%, в Омане – 55%, в Ираке – 62% (см. рис. 11).

На гистограмме рисунка 4 приведены данные о доле в ВВП продукции обрабатывающей промышленности.

[1] Построено по: World Development Indicators // The World Bank: website. URL: https://databank.worldbank.org/source/world-development-indicators (date of access: 2020-05-05).

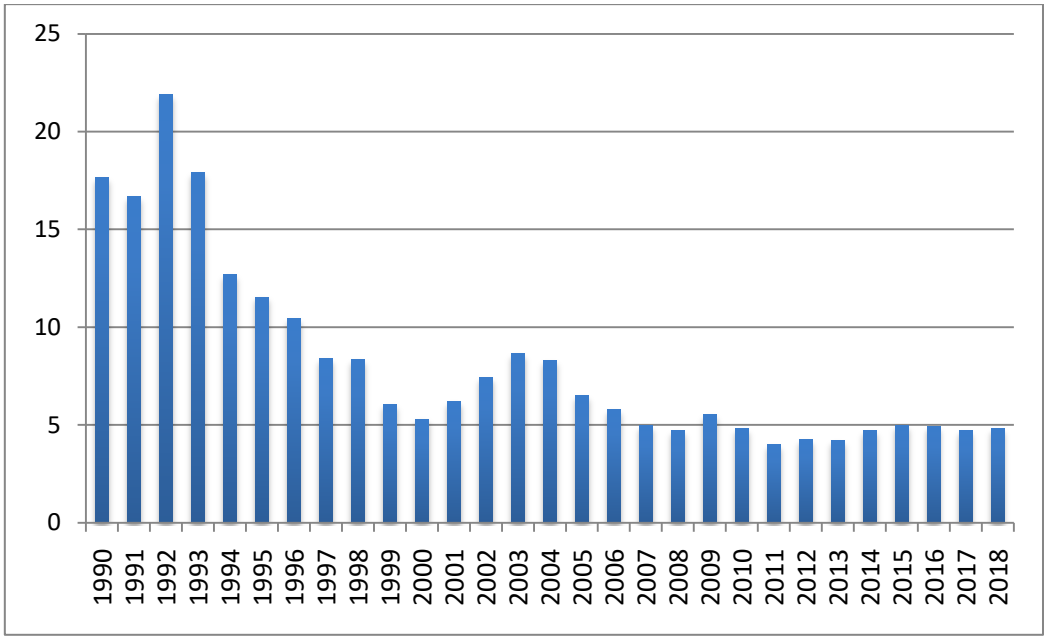

Рисунок 4. Доля обрабатывающей промышленности в ВВП Азербайджана в 1990-2018 гг., %[1]

Более чем трёхкратное сокращение доли продукции обрабатывающей промышленности, на фоне роста совокупного объёма промышленности, довольно красноречиво свидетельствует о том, за счёт чего произошли указанные в предыдущем абзаце изменения. Очевидно, что важную роль здесь сыграла ценовая конъюнктура мирового рынка углеводородных энергоносителей: с 1993 по 2012 гг. стоимость барреля нефти возросла с 16,8 до 105 долл. США[2].

Численность населения. Как было указано ранее, в случае с демографическими показателями обычно целесообразно обращаться к национальной статистике. Для анализа были использованы данные Государственного комитета по статистике Азербайджанской республики.

Азербайджан является единственной страной Южного Кавказа, где численность населения в постсоветский период непрерывно росла. Как следует из графика рисунка 5, численность населения страны в 1995-2019 гг. увеличилась с 7643,5 тыс. до 9981,5 тыс. человек, т.е. почти на 31 %. Среднегодовой прирост за этот период составлял 1,1%.

Соотношение мужчин и женщин в общей численности населения на протяжении всего периода оставалось практически одинаковым (см. рис. 5).

[1] Построено по: World Development Indicators // The World Bank: website. URL: https://databank.worldbank.org/source/world-development-indicators (date of access: 2020-05-05).
[2] World Bank Commodity Price Data (The Pink Sheet) // The World Bank: website. URL: http://pubdocs.worldbank.org/en/226371486076391711/CMO-Historical-Data-Annual.xlsx (date of access: 2020-05-02)

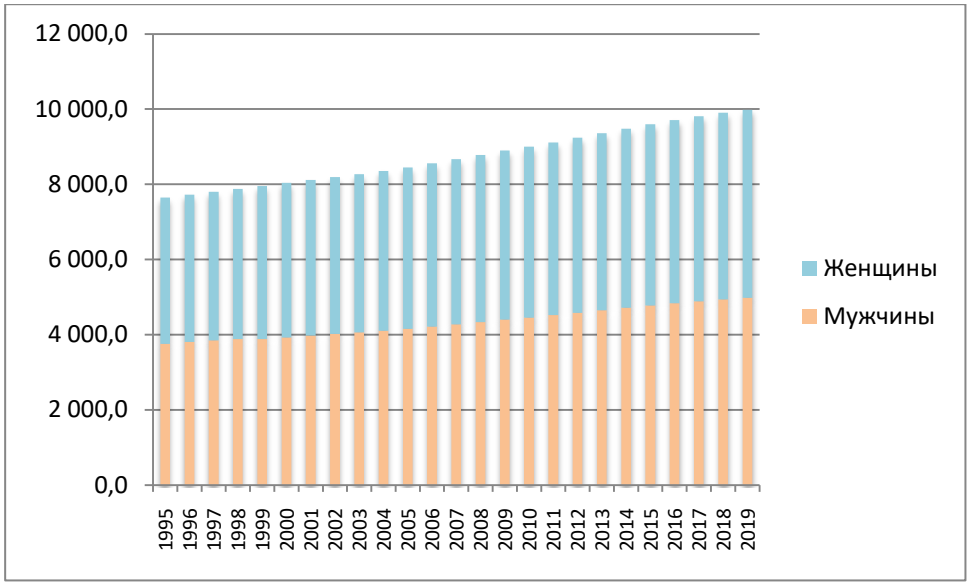

Рисунок 5. Численность и гендерная структура населения Азербайджана в 1995-2019 гг., тыс. человек[1]

Как следует из данных рисунка 6, уже в 1995 г. доля городского населения была выше сельского – 52,4%.

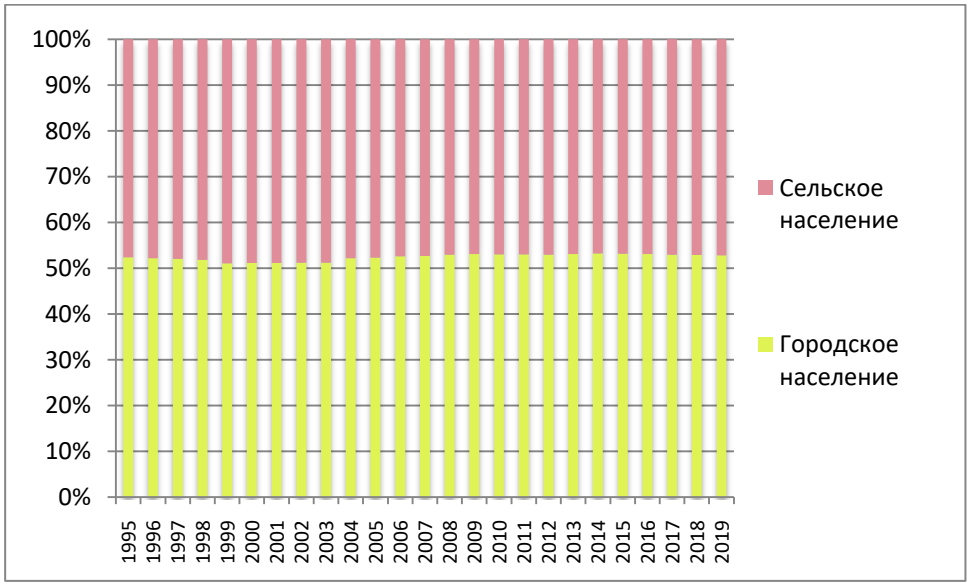

Рисунок 6. Соотношение численности городского и сельского населения Азербайджана в 1995-2019 гг., % [2]

[1] Построено по: Demographic Indicators // Azerbaijan Statistical Information Service: website. URL: https://www.azstat.org/portal/tblInfo/TblInfoList.do# (date of access: 2020-05-11).
[2] Ibid.

На протяжении последующих 25 лет городское население численно преобладало, хотя в отдельные периоды его доля бывала как выше, так и немного ниже, чем в 1995 г. В целом, поскольку на протяжении 1995-2019 гг. относительная величина городского населения оставалась в диапазоне 51-53%, можно говорить, что скорость процесса урбанизации была незначительной.

Экономически активное население. Как уточнялось ранее, экономически активное население – мужчины и женщины способные (по возрасту и состоянию здоровья) и желающие работать, вне зависимости от их статуса занятости.

Как видно из данных, представленных на графике рисунка 7, за весь период наблюдений доля экономически активного населения колебалась в довольно обширном диапазоне: 47,5-54,5% от общей численности населения. Причём, изменения такого масштаба произошли всего за один – 1999 – год. Трудно с определенностью говорить о причинах столь значительных колебаний в конце 1990-х гг. Возможно, дело в стремлении части населения выйти из теневого сектора; например, в силу совершенствования налогового и трудового законодательства, либо желания иметь дополнительный источник средств к существованию (в виде пособия по безработице), вследствие международного финансово-экономического кризиса 1998 г. Более вероятно, что имела место комбинация различных факторов. Нельзя исключать и того, что довольно резкий рост значений в 1998-1999 гг. был связан с определенными изменениями в методике расчёта данного показателя.

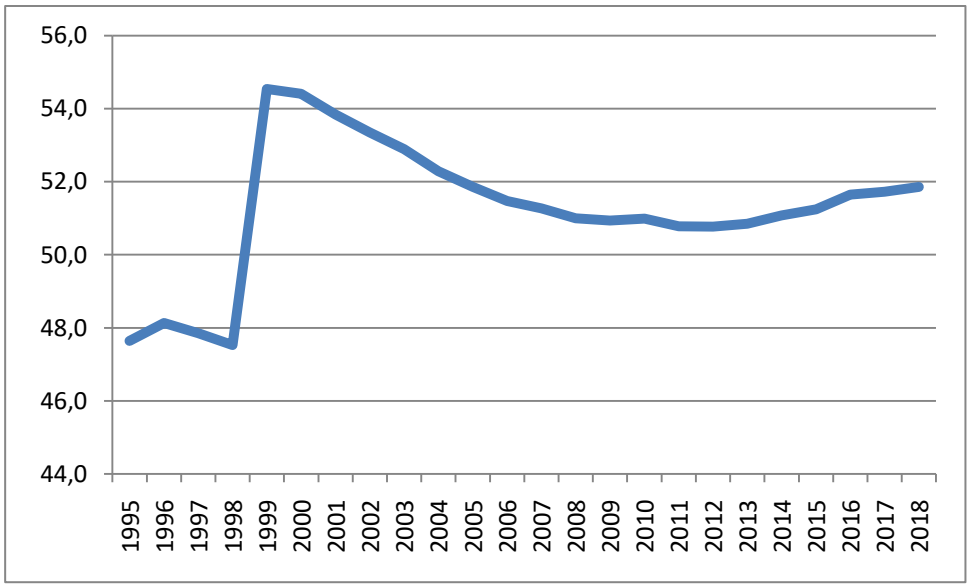

Рисунок 7. Доля экономически активного населения в общей численности населения Азербайджана в 1995-2018 гг., %[1]

[1] Построено по: Economic activity of population // Azerbaijan Statistical Information Service: website. URL: https://www.stat.gov.az/source/labour/?lang=en (date of access: 2020-04-05).

Секторальная структура занятости. Как следует из данных рис. 8, в начале рассматриваемого периода в сельском хозяйстве и в сфере услуг работало примерно одинаковое число людей: 43 и 44 % всех занятых. Доля работавших в промышленности была почти в три с половиной раза меньше – 12,6%. На протяжении последующих трёх десятилетий доля занятых в сельском хозяйстве постепенно сокращалась, а доля работавших в сфере услуг медленно возрастала. В 2019 г. различия были уже довольно значительными: в сельском хозяйстве было занято 35,9 %, а в сфере услуг – 49,3 %. Таким образом, за прошедшие 29 лет доля занятых в сфере услуг стала больше доли занятых в сельском хозяйстве более чем на треть. Доля занятых в промышленности с 1991 по 2019 гг. также возросла, но не значительно – примерно на два с половиной процентных пункта – и составила 14,9%.

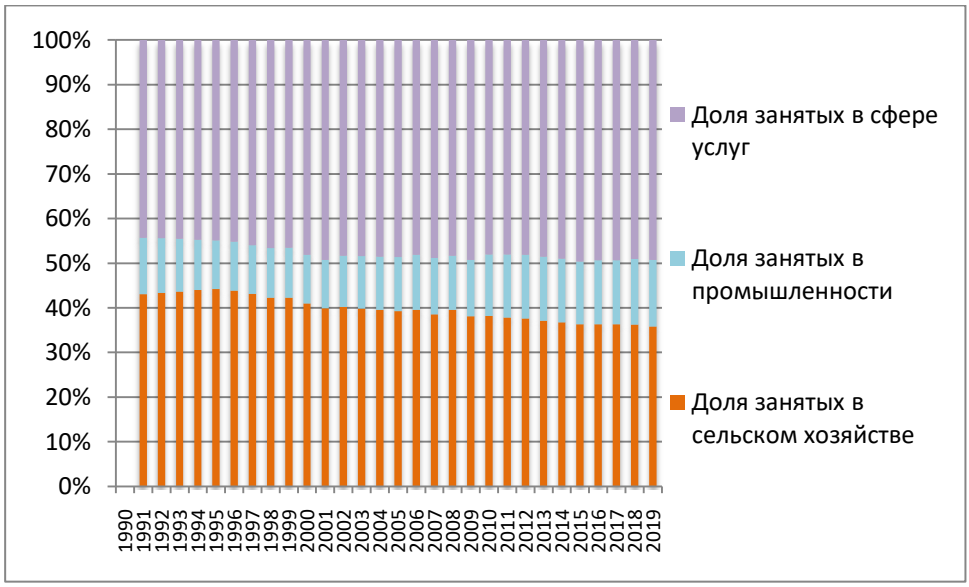

Рисунок 8. Секторальная структура занятости Азербайджана в 1990-2019 гг.[1]

Переводы трудовых мигрантов. Как было отмечено в соответствующей части раздела «Методы», определить точное число трудовых мигрантов довольно сложно, т.к. не всегда можно надёжно установить каковы цели выезда граждан за рубеж. Частично компенсируют нехватку подобных данных имеющиеся в нашем распоряжении оценки денежных переводов физических лиц в страну из-за рубежа. Этот показатель позволяет получить представление о «результативности» усилий тех, кто выезжает за рубеж с целью осуществления трудовой деятельности.

[1] Построено по: World Development Indicators // The World Bank: website. URL: https://databank.worldbank.org/source/world-development-indicators (date of access: 2020-05-05).

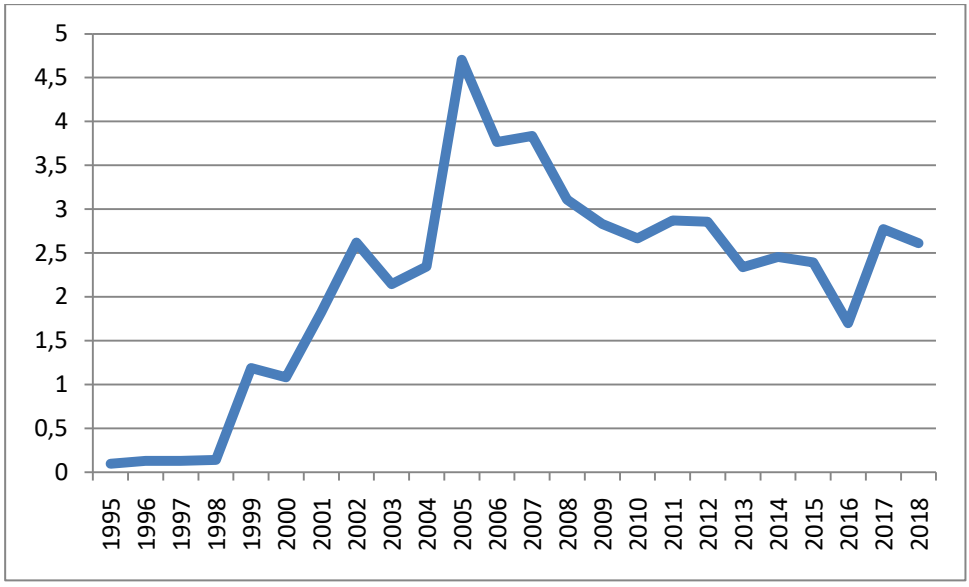

Рисунок 9. Доля полученных из-за рубежа денежных переводов физическим лицам в Азербайджане относительно величины ВВП, %[1].

Величина переводов мигрантов относительно ВВП на протяжении рассматриваемого перевода колебалась довольно значительно: от скромных сотых долей процента до почти 5% ВВП. В самом общем виде динамику этого показателя можно характеризовать следующим образом: довольно стремительный (хотя не всегда последовательный) рост с середины 1990-х до середины 2000-х гг., пик в 2005 г., затем постепенное снижение и в дальнейшем, начиная с 2008-2009 гг., колебание в пределах 2-3% от величины ВВП.

Небезынтересно сравнить эти значения показателя Азербайджана с другими странами мира. В начале рассматриваемого периода, т.е. в 1995 г., среди 136 стран ранжированных по убыванию величины переводов трудовых мигрантов относительно ВВП, Азербайджан находился на 113 месте. Спустя 5 лет, в 2000 г., когда значение показателя составляло 1,08% ВВП, Азербайджан оказался, фактически, в середине списка из 150 стран, по которым были доступны данные.

В 2005 г., когда размеры переводов мигрантов достигли наибольших (относительно ВВП) значений, Азербайджан находился уже на 45-м месте среди 167 стран. Ещё через 5 лет, в 2010 г. Азербайджан занимал семьдесят пятую строчку в мировом рейтинге 179 стран по относительной величине переводов. Наконец, в 2018 г., когда значение рассматриваемого показателя Азербайджана составляло 2,61%, относительная величина переводов мигрантов оказалась примерно равной медианному значению – 2,38%.

[1] Построено по: World Development Indicators // The World Bank: website. URL: https://databank.worldbank.org/source/world-development-indicators (date of access: 2020-04-19).

Небезынтересно отметить, что, скажем, в 2010 г. абсолютный объём денежных переводов Азербайджана (1,41 млрд долл. США) был вполне сопоставим с показателем Киргизии (1,27 млрд долл. США). При этом величина денежных переводов относительно ВВП у этих стран разительно отличалась: Киргизия занимала второе (!) место в мировом рейтинге и доля переводов составляла около 26% ВВП, тогда как Азербайджан с его 2,7% ВВП находился, напомним, на 75-м месте.

Принимая во внимание то, что переводы трудовых мигрантов из-за рубежа безусловно влияют на благосостояние их семей [Migration… 2016: VII], вызывают немалые опасения прогнозы, сделанные в апреле 2020 г. экспертами Всемирного банка. В частности, ожидается, что из-за последствий пандемии COVID-19, а также по причине снижения мировых цен на нефть, общемировой объём переводов трудовых мигрантов в 2020 г. сократится примерно на 28%[1]. С другой стороны, авторы этих оценок отмечают, что стоимость переводов из России в Азербайджан (где работает основная часть азербайджанских трудовых мигрантов) остаётся наименьшей среди всех включенных в анализ направлений переводов[2], что, пожалуй, хотя бы отчасти может компенсировать негативные последствия указанных изменений.

Индекс человеческого развития. Как было отмечено, в разделе «Методы», при многих преимуществах ВВП как интегральной характеристики экономического развития, его недостатком является то, что об уровне и условиях жизни он даёт лишь косвенное представление. Многие исследователи исходят из логики «чем выше подушевой ВВП страны, тем, должно быть, лучше условия жизни её граждан», что хотя и близко к действительности, но не даёт точной картины происходящего.

В этом смысле, ИЧР, в силу своего содержания, позволяет получить более глубокое, чем интегральные показатели системы национальных счётов (ВВП, ВНД и пр.) представление о национальном развитии. Именно для этого он был разработан и подсчитывается сегодня. Так, в разделе сайта Программы развития ООН, посвященном публикациям о человеческом развитии прямо указывается, что одной из ключевых задач Управления по составлению докладов о развитии человеческого потенциала является переключение внимания исследований в области экономики развития со способов подсчётов национального дохода на политику, в центре которой находятся интересы людей[3].

На сайте Программы развития ООН, в разделе «Human Development Reports» (см. http://hdr.undp.org/en/data) есть данные о значениях индекса в 1990-х – 2010-х гг. по большинству стран и территорий мира.

---

[1] World Bank Predicts Sharpest Decline of Remittances in Recent History. PRESS RELEASE APRIL 22, 2020 // The World Bank: website. URL: https://www.worldbank.org/en/news/press-release/2020/04/22/world-bank-predicts-sharpest-decline-of-remittances-in-recent-history (date of access: 2020-05-02).

[2] Ibid.

[3] Human Development Reports // United Nations Development Programme: website. URL: http://hdr.undp.org/en (date of access: 2020-05-23)

По состоянию на май 2020 г., данные о величине ИЧР по Азербайджану имелись с 1995 по 2018 гг. Динамика показателя представлена на графике рисунка 10.

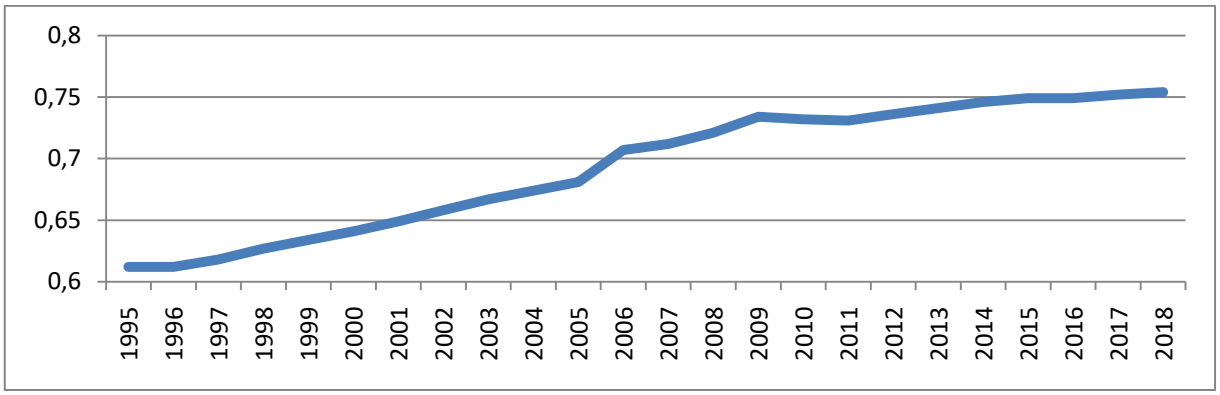

Рисунок 10. Динамика индекса человеческого развития Азербайджана в 1995-2018 гг.[1]

Как следует из графика, на протяжении большей части лет значения ИЧР Азербайджана возрастали, правда, разными темпами. Единственным в своём роде исключением является 2011 г., когда показатель оказался незначительно ниже, чем в 2010 г.: 0,731 и 0,732, соответственно.

При этом, в указанной публикации ПРООН «Индексы и индикаторы человеческого развития: Обновленные статистические данные 2018, ООН, Нью-Йорк» (которая, фактически, является Докладом о человеческом развитии за 2018 г.) по Азербайджану за целый ряд лет представлены данные довольно существенно отличающиеся от аналогичных расчётов по данным Доклада о человеческом развитии 2019 г. Ниже представлена таблица 2, отражающая количественные характеристики различий.

Таблица 2. Значения ИЧР по данным разных изданий[2]

		2000	**2010**	**2012**	**2014**	**2015**	**2016**	**2017**
«Индексы и индикаторы человеческого развития 2018»	а	0,640	0,740	0,745	0,758	0,758	0,757	0,757
«Доклад о человеческом развитии 2019»	б	0,641	0,732	0,736	0,746	0,749	0,749	0,752

Уместно отметить, что в соответствии с особенностями применяемой методики, для большинства стран в величине ИЧР не считаются статистически

[1] Построено по: Human Development Data (1990-2018) // United Nations Development Programme: website. URL: http://hdr.undp.org/en/data (date of access: 2020-05-23).
[2] Составлено по: [Индексы… 2018: 27; Доклад… 2019: 305].

значимыми в четвертом десятичном разряде и поэтому «странам, у которых значения ИЧР равнозначны до третьего десятичного разряда, присваивается один и тот же рейтинг» [Индексы… 2018: 17]. Однако, вне зависимости от того какую меру точности расчётов считать приемлемой, содержащиеся в таблице 2 данные являются своего рода предостережением для исследователей: как и в случае с любыми количественными оценками, при анализе динамики ИЧР важно принимать во внимание различия разных источников сведений.

Индекс достижения целей устойчивого развития. Как было отмечено в соответствующей части раздела «Методы», для анализа результатов в области устойчивого развития будет использован один интегральный показатель – индекс достижения ЦУР (SDG Index). В таблице 3 приведены данные о величине показателя Азербайджана в 2016-2017 гг., а также место страны в мировом рейтинге по величине индекса достижения Целей устойчивого развития.

Таблица 3. Значения и место Азербайджана в мировом рейтинге индекса достижения Целей устойчивого развития в 2016-2019 гг.[1]

Год	*Место в рейтинге*	*Значение индекса ЦУР*
2016	65 (среди 149 стран)	61,34
2017	48 (среди 157 стран)	70,8
2018	45 (среди 156 стран)	70,8
2019	59 (среди 162 стран)	70,5

Как было отмечено в «Методах», более информативным является рассмотрение места страны в мировом рейтинге, т.к. это, по-крайней мере, даёт представление о результативности усилий в области устойчивого развития относительно других государств и территорий. Если «нормировать» ранговые позиции, то видно, что место Азербайджана по величине индекса улучшалось в 2016-2018 г., но в 2019 г. было хуже, чем в 2017 г., хотя всё ещё оставалось лучше, чем в 2016 г.

Поскольку методика расчёта индекса из года в год совершенствуется и уточняется, прямые сопоставления его значений за разные годы не имеют практического смысла. Однако, разбивая для удобства рейтинг на равные части с помощью значений процентилей, можем получить представление о том, как менялось место страны в мировом рейтинге. На протяжении всего периода наблюдений (т.е. в 2016-2018 гг.) Азербайджан находился во второй четверти рейтинга, между медианным значением и третьим квартилем. Стоит отметить, что в 2016 г. значения были ближе к медианному значению рейтинга, в 2017 и 2018 гг. – третьему квартилю, а в 2019 г. – находились примерно между вторым и третьим квартилями.

[1] Составлено по: [Sachs et al. 2016: 16; Sachs et al. 2017: 150; Sachs et al. 2018: 98; Sachs et al. 2019: 100].

ОБСУЖДЕНИЕ

В предыдущем разделе были представлены количественные характеристики изменений в различных сферах народного хозяйства Азербайджана на протяжении почти трёх десятилетий его независимого развития. В ряде случаев имеющиеся данные дают довольно полное представление о состоянии дел. Однако, некоторые наблюдения и выводы нуждаются в дополнениях.

Структура ВВП и структура занятости населения по секторам экономики. Динамика ВВП, рассмотренная в предыдущем разделе, отражает только стоимостной размер экономики и мало, что может сказать об изменениях качественного характера. В частности, восстановление к середине 2000-х гг. всего и подушевого ВВП Азербайджана до их уровней 1990 г., разумеется, не означало, что народное хозяйство страны по своим характеристикам соответствует позднесоветскому периоду. Даже за эти полтора десятилетия, прошедшие после распада СССР в мировой экономике произошли грандиозные сдвиги. В общемировом выпуске промышленности существенно возросла доля высокотехнологичной продукции. Во многом с этим технологическим скачком было связано почти повсеместное увеличение вклада в ВВП третичного сектора, т.к. появились совершенно новые, ранее не существовавшие услуги (например, сотовая связь и интернет). Тем не менее, очевидно, что не только с такого рода изменениями связано повышение доли сферы услуг в Азербайджане за отдельные годы. Так, целый ряд видов хозяйственной деятельности стал «более дорогим»; например, медицина или услуги ЖКХ. Имел место и рост фактического объема существовавших ранее услуг, например, в сфере ремонта автомобилей и бытовой техники (в связи с увеличением соответствующих товаров длительного пользования). Наконец, как уже говорилось, появились и прочно вошли в жизнь совершенно новые виды услуг, в частности, информационно-коммуникационных. Впрочем, чтобы выявить «чистый эффект» от появления этих услуг в произошедших структурных изменениях (т.е. оценить какую часть составляют принципиально новые услуги, а какую те, что были и раньше, но после 1991 г. стали более распространенными и/или более дорогими) необходимо более глубокое изучения вопроса.

Небезынтересно сопоставить имеющиеся данные о структуре производства ВВП Азербайджана с показателями других стран. Для этого на гистограмме рис. 11 представлены сведения о доле сельского хозяйства, промышленности и сферы услуг ряда стран, которые как и Азербайджан являются крупными экспортёрами нефти и газа.

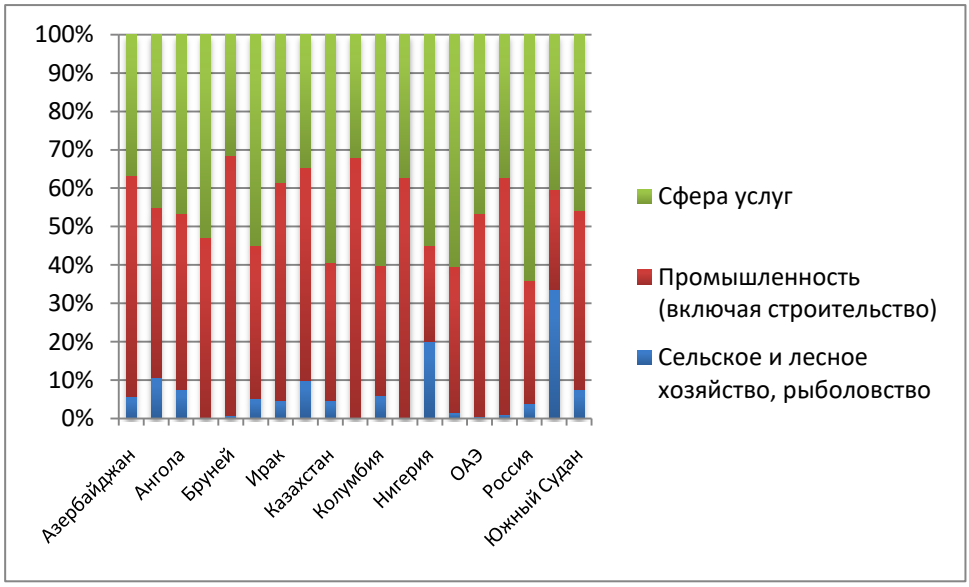

Рисунок 11. Структура ВВП некоторых стран-экспортёров нефти и газа в 2014 г.[1]

Для сравнения выбран 2014 г., т.к. это самый поздний период, за который имеются необходимые данные по максимальному числу крупнейших стран-экспортёров углеводородных энергоносителей.

Пожалуй, наибольшее сходство структуры ВВП у Азербайджана обнаруживается с Ираком, Оманом и Саудовской Аравией. Если бы не гораздо меньшая, чем у Азербайджана доля сельского хозяйства, то можно было бы говорить и о сходстве с экономиками ОАЭ и Бахрейна, т.к. доля промышленности в этих странах составляет, соответственно, 53% и 47% ВВП.

Хотя сам по себе факт структурного сходства ВВП Азербайджана с отдельными государствами Персидского залива не имеет принципиального значения, тем не менее, подобного рода количественная характеристика может быть полезна при анализе особенностей хозяйственного развития страны.

Если секторальная структура ВВП Азербайджана обнаруживает сходством с немалым числом стран-экспортёров нефти и газа, то структура занятости по секторам экономики имеет сходство с гораздо меньшим числом государств указанной группы. Как следует из данных таблицы 4, сходство показателей у Азербайджана здесь наблюдается лишь с Нигерией и Йеменом. Остальные страны в таблице (возможно, за исключением Анголы) имеют существенно более высокие показатели занятых в сфере услуг и гораздо меньшие показатели занятых в сельском хозяйстве, чем у Азербайджана.

[1]Построено по: World Development Indicators // The World Bank: website. URL: https://databank.worldbank.org/source/world-development-indicators (date of access: 2020-05-05).

Таблица 4. Секторальная структура занятости некоторых стран-экспортёров нефти и газа в 2019 г.[1]

	Доля занятых в сельском хозяйстве, %	**Доля занятых в промышленности, %**	**Доля занятых в сфере услуг, %**
Азербайджан	35,9	14,9	49,3
Алжир	9,9	30,7	59,4
Ангола	50,4	8,1	41,5
Бахрейн	1,0	35,2	63,8
Бруней	1,4	15,9	82,8
Венесуэла	8,3	16,6	75,1
Ирак	18,1	22,3	59,6
Йемен	29,0	10,0	61,0
Казахстан	15,8	20,5	63,7
Катар	1,2	54,4	44,4
Колумбия	16,6	20,0	63,4
Кувейт	2,0	24,4	73,6
Нигерия	35,1	12,2	52,7
Норвегия	2,1	19,3	78,7
ОАЭ	1,4	34,4	64,2
Оман	4,6	32,8	62,7
Россия	5,8	26,7	67,6
Узбекистан	23,9	29,5	46,6
Южный Судан	56,9	13,9	29,2

В завершение разговора об особенностях секторальной структуры занятости в Азербайджане, нельзя не отметить факт её значительного сходства с отдельным государствами – бывшими советскими республиками (см. рис. 12).

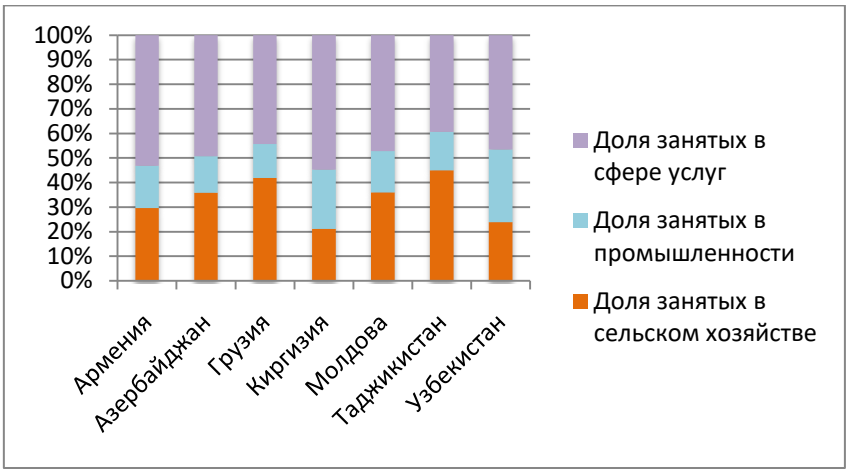

Рисунок 12. Секторальная структура занятости некоторых бывших советских республик в 2019 г.[2]

[1] Составлено по сведениям МОТ, содержащимся в базе данных Всемирного банка: World Development Indicators // The World Bank: website. URL: https://databank.worldbank.org/source/world-development-indicators (date of access: 2020-05-05).

[2] Построено по сведениям МОТ, содержащимся в базе данных Всемирного банка: World Development Indicators // The World Bank: website. URL: https://databank.worldbank.org/source/world-development-indicators (date of access: 2020-05-05).

Как следует из содержания диаграммы рис. 12, в 2019 г. сопоставимо высокой была доля трудившихся в сельском хозяйстве у всех стран Южного Кавказа, у трёх – Киргизии, Таджикистана и Узбекистана, - государств Центральной Азии и у Молдовы. Доля занятых в промышленности здесь варьировалась от 14% у Грузии до 30% у Узбекистана. Наименьшей доля людей работавших в сфере услуг была в Таджикистане (39%), а наибольшей – в Киргизии (55%)

Численность населения. При прочих равных, последовательный рост численности населения страны, пожалуй, может считаться признаком успехов социальной и экономической политики её руководства. В то же время, в нашем распоряжении имеются данные по различным регионам мира, для которых стремительный рост необходимо связывать скорее с общим улучшениями в области медицины (например, снижения материнской и детской смертности), а не с эффективностью конкретных национальных стратегий развития. Поэтому более уместной представляется простая констатация самого факта и примерных масштабов демографического роста.

Как следует из приведенных ранее данных Государственного комитета по статистике Азербайджанской Республики, численность населения страны возросла с 1995 по 2018 гг. на 31%. В нашем распоряжении также есть сведения Всемирного банка о темпах роста населения бывших советских республик за несколько десятилетий, представленные в таблице 5. Принимая во внимание сложность точного учёта реальной численности населения, не следует придавать слишком большого значения конкретным цифрам. Тем не менее, не может вызывать сомнения, что показатели Азербайджана – пример хороших результатов на постсоветском пространстве (см. табл. 5). Заметим, что ранговое положение Азербайджана списке, теоретически, может оказаться ещё выше, если принять во внимание дебаты относительно надёжности статистических данных по двум странам первой тройки: Туркмении и Узбекистану.

Таблица 5. Численность и темпы роста населения бывших советских республик в 1990-2018 гг.[1]

	1990 г.	**2018 г.**	**Изменение численности населения с 1990 по 2018 гг.**
Таджикистан	5 283 814	9 100 837	72,20%
Узбекистан	20 510 000	32 955 400	60,70%
Туркменистан	3 683 967	5 850 908	58,80%
Киргизия	4 391 200	6 315 800	43,80%
Азербайджан	7 159 000	9 942 334	38,90%
Казахстан	16 348 000	18 276 499	11,80%
Россия	148 292 000	144 478 050	-2,60%

[1] Составлено по: Population, total // The World Bank Data: website. URL: https://data.worldbank.org/indicator/SP.POP.TOTL (date of access: 2019-09-09).

Молдова	3 696 000	3 545 883	-4,10%
Беларусь	10 189 000	9 485 386	-6,90%
Украина	51 892 000	44 622 516	-14,00%
Эстония	1 569 174	1 320 884	-15,80%
Армения	3 538 171	2 951 776	-16,60%
Грузия	4 802 000	3 731 000	-22,30%
Литва	3 697 838	2 789 533	-24,60%
Латвия	2 663 151	1 926 542	-27,70%

Важно подчеркнуть, что в случае Азербайджана рост был естественным, т.е. обеспечивался значительным превосходством рождаемости над смертностью, а не иммиграцией, как это имеет место в ряде стран мира.

Сводные индексы. Рассмотрение «структурных характеристик» сводных индексов безусловно представляет большой интерес. Тем не менее, здесь придётся ограничится обзором составляющих лишь ИЧР, т.к. даже анализ вклада самых крупных компонент интегрального индекса достижения ЦУР – индексов каждой из 17 целей, – довольно затруднителен в рамках статьи из-за значительного их числа. Тем более сложно осветить вклад самых базовых элементов, лежащих в основе этого индекса – индикаторов устойчивого развития: по данным «Доклада об устойчивом развитии 2019», подготовленного Сетью организаций для выработки решений, способствующих устойчивому развитию их число в 2019 г., в зависимости от страны, варьировалось от 85 до 114 [Sachs et al. 2019: 42]. В этом смысле ИЧР гораздо «удобнее». Как уже отмечалось, собственно индекс человеческого развития составляется на основе индексов подушевого дохода, долголетия и образования; если быть точнее, ИЧР является средним геометрическим этих трёх индексов. В свою очередь, индекс дохода рассчитывается на основе данных о величине валового национального продукта в расчёте на душу населения, индекс долголетия – на основе сведений об ожидаемой продолжительности жизни и лишь индекс образования – на основе двух показателей: средней и ожидаемой продолжительности обучения. Таким образом, ИЧР формируется на основе значений четырёх базовых показателей.

На диаграмме рис. 13 представлены графики ИЧР и трёх его основных компонент.

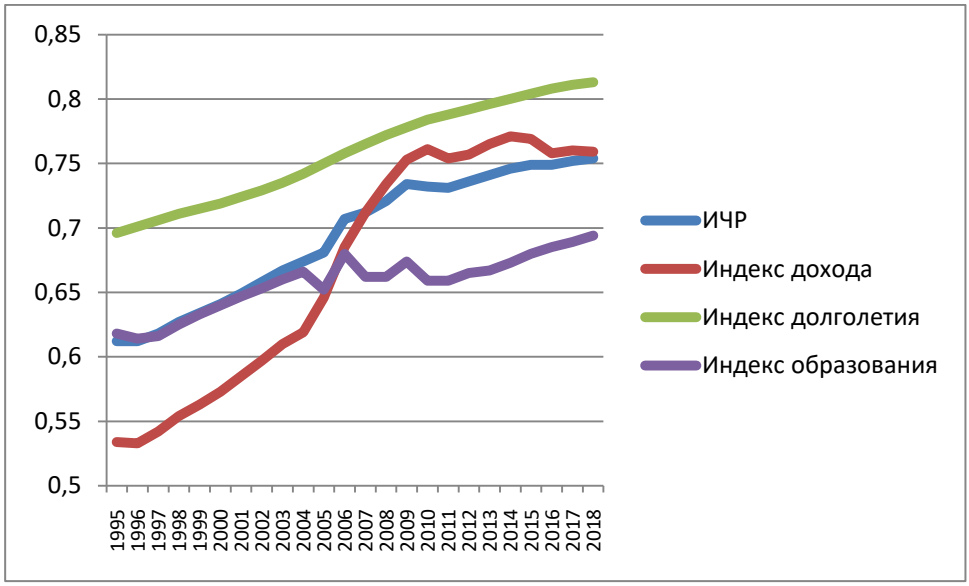

Рисунок 13. Значения ИЧР и его основных компонент в Азербайджане в 1995-2018 гг.[1]

Как видно, динамика всех трёх индексов, на основе которых рассчитывалось итоговое значение ИЧР, различалась довольно существенно. Индекс долголетия все годы демонстрировал наибольшие значения. Индекс дохода большую часть рассматриваемого периода рос быстрыми темпами, которые, впрочем, начиная с 2010 г. не только замедлялись, но в ряде случаев были отрицательными; тем не менее в 2018 г. индекс дохода превосходил уровень 1995 г. почти на 42%. Наконец, индекс образования, в целом, демонстрировал схожий с индексом долголетия тренд, хотя в середине и во второй половине 2000-х гг. его значения несколько колебались, то возрастая, то снижаясь.

Таким образом, достаточно устойчивая на протяжении 1995-2018 гг. динамика ИЧР обеспечивалась не столько изначально высокими и продолжавшими увеличиваться значениями индекса долголетия, сколько преимущественно высокими темпами роста индекса дохода, который в значительной мере компенсировал спад индекса образования.

[1] Построено по: Human Development Data (1990-2018) // United Nations Development Programme: website. URL: http://hdr.undp.org/en/data (date of access: 2020-05-23).

Из содержания рис. 14 можно понять причины снижения и замедления темпов роста индекса образования. На графике представлены значения двух индикаторов – ожидаемого и среднего числа лет обучения, – на основе которых формируется индекс образования.

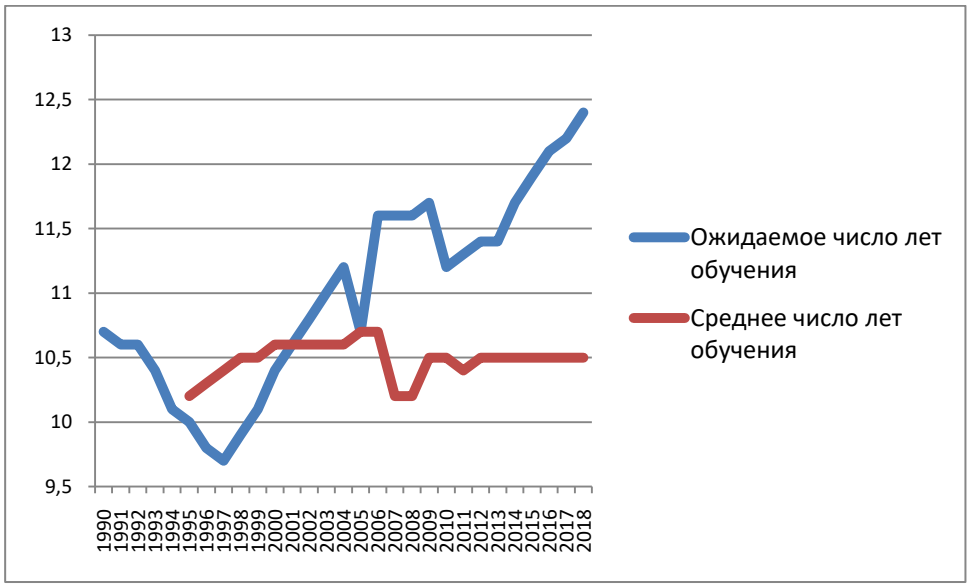

Рисунок 14. Ожидаемое и среднее число лет обучения в Азербайджане в 1990-2018 гг.[1]

Уточним, что понимается под каждым из показателей. Ожидаемая продолжительность обучения, в соответствии с разъяснениями «Доклада о человеческом развитии 2019» – это «количество лет образования, которое, как ожидается, может получить ребенок, достигший официально установленного возраста поступления в школу, если в течение его жизни сохранятся преобладающие тенденции в области возрастных показателей охвата населения образованием» [Доклад… 2019: 303]. В свою очередь под средней продолжительностью обучения понимается «среднее количество лет образования, полученного лицами в возрасте 25 лет и старше, пересчитанное из показателя образовательного уровня населения с учетом официальной продолжительности обучения на каждом уровне образования» [Доклад… 2019: 303].

Как видно из содержания графика рис. 14, в 2006-2007 гг. средняя продолжительность обучения снизилась и в дальнейшем её значения так и не достигли даже уровня 2000 г.

Судя по всему, именно разнонаправленные изменения этих двух индикаторов в конечном итоге и определили довольно противоречивый характер индекса образования Азербайджана во второй половине 2000-х гг. Почти неизменное превышение ожидаемой продолжительности обучения над

[1] Построено по: Human Development Data (1990-2018) // United Nations Development Programme: website. URL: http://hdr.undp.org/en/data (date of access: 2020-05-23).

фактической средней продолжительностью обучения на рис. 14, пожалуй, стоит рассматривать как оптимистичную тенденцию.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Выводы настоящей работы базируются исключительно на изучении официальной (национальной и международной) статистики. Разумеется, такой анализ не может дать полного представления об уровне и условиях жизни людей. Тем не менее, использование статистических сведений имеет преимущества, главное из которых – возможность получить количественные оценки происходивших трансформаций.

Поскольку каждый из рассмотренных в статье индикаторов характеризует положение дел в отдельных сферах народного хозяйства, имеет смысл кратко повторить основные наблюдения.

1. Весь и подушевой ВВП Азербайджана после значительного спада 1990-х гг. не только восстановились к середине 2000-х гг., но и значительно превысили свои докризисные уровни в дальнейшем. Концу 2010-х гг. значение ВВП было выше уровня 1990 г. в 2,5 раза, а подушевого ВВП – в 1,8 раза.

2. Менее впечатляющий рост подушевого ВВП напрямую связан с ростом населения за этот период почти на 40%. Соотношение числа мужчин и женщин в общей численности жителей было практически одинаковым. Городское население лишь незначительно – на 2-3 п.п. – превосходило по численности сельское.

3. С 1990 по 2018 гг. значительно выросла (с 30 до 52%) доля промышленности в ВВП. Подобный рост надо связывать прежде всего с увеличением объема и стоимости продукции добывающей промышленности, т.к. доля обрабатывающей промышленности за этот же период сократилась почти в 4 раза. Доля сельского хозяйства в ВВП к 2018 г. составляла около 5%, однако небольшим (по сравнению со многими странами мира) был и вклад в ВВП сферы услуг.

4. Структура занятости по секторам экономики значительно отличалась от структуры ВВП. На начало рассматриваемого периода в сельском хозяйстве и сфере услуг трудилось примерно одинаковое число людей: около 43-44 %. В промышленности, соответственно, было занято около 12-13 %. В ходе постепенных изменений, в 2019 г. доля занятых в сельском хозяйстве сократилась до примерно 36 %, доля занятых в сфере услуг выросла почти до 50 %, а доля тех кто работал промышленном секторе увеличилась до 14-15 %.

5. Судя по объемам переводов физических лиц из-за рубежа в Азербайджан, даже к концу 2010-х гг. значительная часть граждан страны всё ещё отправлялась на заработки за границу (прежде всего в Российскую Федерацию).

6. С 1995 по 2018 гг. примерно на четверть возросли значения ИЧР. Анализ его компонент показывает, что подобный рост обеспечивался

возраставшей продолжительностью жизни и особенно показателем подушевого ВНД; при этом показатели образования изменялись разнонаправлено

7. В динамике индекса достижения ЦУР (который призван обобщенно характеризовать интенсивность экономического роста, успехи социального развития, а также результативность в деле сохранения окружающей среды) за 2016-2019 гг. разительных изменений не наблюдалось. Можно ожидать, что данный индекс будет более информативным по мере увеличения периода наблюдений.

Полученные количественные характеристики происходивших изменений можно обобщить следующим образом.

Кратный рост ВВП и значительное увеличение численности населения на протяжении многих лет, как правило, могут считаться свидетельством успехов социально-экономической политики страны. С другой стороны, секторальная структура экономики Азербайджана обнаружила много сходств со структурой народных хозяйств стран-экспортёров нефти и газа, значительная часть ВВП которых формируется за счёт природной ренты, что, заметим, не согласуется с современными представлениями об устойчивом экономическом росте. Большая доля занятых в сельском хозяйстве, наряду с несоизмеримо меньшим вкладом этого сектора в ВВП, не позволяет характеризовать его как высокоинтенсивное. Также и сохраняющееся большое значение для населения денежных переводов от граждан страны, трудящихся за рубежом, по-видимому, свидетельствует о том, что трудовые ресурсы не востребованы национальной экономикой в полном объёме.

Не приходится сомневаться, что в кратко- и среднесрочной перспективе будет сохраняться зависимость Азербайджана от конъюнктуры мирового рынка углеводородных энергоносителей. Разные авторы неоднократно высказывали опасения относительно того, что наличие значительных запасов ископаемого топлива может обернуться для стран экспортёров т.н. «ресурсным проклятием» [Sachs, Warner 1995]. Отдавая должное обоснованности подобных предостережений, напомним, что эти же ресурсы способны обеспечить надёжное поступление доходов в государственный бюджет, которые могут быть использованы для технологической модернизации (в т.ч. для реализации инфраструктурных проектов) в различных отраслях народного хозяйства.

В качестве другого специфического преимущества Азербайджана может рассматриваться численность и структура его трудовых ресурсов. Как следует из данных о масштабах трудовой эмиграции, на сегодняшний день не всем азербайджанцам удаётся найти рабочее место, гарантирующее достойный с их точки зрения заработок, в национальной экономике. Между тем, в отличие от большинства крупных экспортёров нефти и газа, Азербайджан может черпать относительно недорогую рабочую силу в среде своего сельского населения, т.к. соотношение селян и горожан даже к концу 2010-х гг. оставалось примерно паритетным. Потенциальная возможность делать ставку на использование собственных трудовых ресурсов, помимо очевидных положительных социальных последствий, будет иметь важный экономический эффект. Так, в отличие от большинства крупных экспортёров нефти и газа, вынужденных

привлекать работников разного уровня квалификации из-за рубежа, широкая опора на внутренние трудовые ресурсы не повлечёт – неизбежного в случае стран Персидского залива, – утекания значительной части заработка в другие страны в виде переводов мигрантов. При этом, не вызывает сомнения, что выработка стратегических решений по сокращению объёма трудовой эмиграции путём создания достаточного количества новых рабочих мест в экономике Азербайджана потребует от руководства страны значительных организационных усилий и большой политической воли.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

25 лет… 2016 – *25 лет* Содружеству Независимых Государств. 1991-2015: статистический сборник / редкол.: гл. ред. – Соколин В.Л. и др. – М.: Статкомитет СНГ, 2016. – 496 с.

Доклад… 2019 – *Доклад* о человеческом развитии 2019. За рамками уровня доходов и средних показателей сегодняшнего дня: неравенство в человеческом развитии в XXI веке. – Нью-Йорк: ПРООН, 2019. – 366 с.

Индексы… 2018 – *Индексы* и индикаторы человеческого развития: Обновленные статистические данные 2018. – Нью-Йорк: ПРООН, 2018. – 111 с.

Карамурзов, Фридман 2011 – *Карамурзов Р.Б., Фридман Л.А.* Проблемы международных экономических сопоставлений (о некоторых спорных вопросах и расчетах) // Россия XXI. – 2011. – № 3. – С. 54-85.

Clark 1940 – *Clark C.* Conditions of Economic Progress. – London: Macmillan, 1940. – 515 p

Fisher 1939 – *Fisher A.G.B.* Production, Primary, Secondary And Tertiary // The Economic Record. The Economic Society of Australia. – 1939. – Vol. 15(1). – P. 24-38.

Lafortune et al. 2018 – *Lafortune G., Fuller G., Moreno J., Schmidt-Traub G., Kroll C.* SDG Index and Dashboards. Detailed Methodological Paper // Paris: Bertelsmann Stiftung and Sustainable Development Solutions Network: website. URL: https://github.com/sdsna/2018GlobalIndex/raw/master/2018GlobalIndexMethodology.pdf (date of access: 2020-04-04)

Maddison 2010 – *Maddison A.* Background Note on “Historical Statistics” // Groningen Growth and Development Centre. Maddison Historical Statistics: website. URL: http://www.ggdc.net/maddison/Historical_Statistics/BackgroundHistoricalStatistics_03-2010.pdf (date of access: 2020-01-07).

Migration… 2016 – *Migration* and Remittances Factbook 2016. 3rd edition. – Washington, DC: World Bank Group, 2016. – 274 p.

Pohl 1970 – *Pohl H.J.* Kritik der Drei-Sektoren-Theorie // Mitteilungen aus der Arbeitsmarkt- und Berufsforschung. – 1970. – Vol. 3. – Issue 4. – S. 313-325.

Sachs et al. 2016 – *Sachs J., Schmidt-Traub G., Kroll C., Durand-Delacre D., Teksoz K.* An SDG Index and Dashboards – Global Report. – New York: Bertelsmann Stiftung and Sustainable Development Solutions Network (SDSN), 2016. – 56 p.

Sachs et al. 2017 – *Sachs J., Schmidt-Traub G., Kroll C., Durand-Delacre D., Teksoz K.* SDG Index and Dashboards Report 2017 – Global Responsibilities: International spillovers in achieving the goals. – New York: Bertelsmann Stiftung and Sustainable Development Solutions Network (SDSN), 2017. – 479 p.

Sachs et al. 2018 – *Sachs J., Schmidt-Traub G., Kroll C., Lafortune G., Fuller G.* SDG Index and Dashboards Report 2018 – Global Responsibilities: Implementing the goals. – New York: Bertelsmann Stiftung and Sustainable Development Solutions Network (SDSN), 2018. – 463 p.

Sachs et al. 2019 – *Sachs J., Schmidt-Traub G., Kroll C., Lafortune G., Fuller G.* Sustainable Development Report 2019. – New York: Bertelsmann Stiftung and Sustainable Development Solutions Network (SDSN), 2019. – 465 p.

Sachs, Warner 1995 – *Sachs J.D., Warner A.M.* Natural Resource Abundance and Economic Growth. NBER Working Paper 5398. – Cambridge, MA: National Bureau of Economic Research Inc., 1995. – 54 p.

World Development… 2017 – *World Development* Indicators 2017. – Washington, DC: World Bank Group, 2017. – 124 p.

REFERENCES

25 let Sodruzhestvu Nezavisimykh Gosudarstv. 1991-2015: statisticheskii sbornik / redkol.: gl. red. – Sokolin V.L. i dr. [25 years of the Commonwealth of Independent States. 1991-2015 / Editorial board: Sokolin V.L. (editor in chief) et al.] – M.: Statkomitet SNG, 2016. – 496 p. (In Russian)

Doklad o chelovecheskom razvitii 2019. Za ramkami urovnya dokhodov i srednikh pokazatelei segodnyashnego dnya: neravenstvo v chelovecheskom razvitii v XXI veke [Human Development Report 2019. Beyond income, beyond averages, beyond today: Inequalities in Human Development in the 21st Century]. – New York: UNDP, 2019. – 366 p. (In Russian)

FISHER A.G.B. Production, Primary, Secondary And Tertiary // The Economic Record. The Economic Society of Australia. – 1939. – Vol. 15(1). – P. 24-38. (In English)

Indeksy i indikatory chelovecheskogo razvitiya: Obnovlennye statisticheskie dannye 2018 [Human Development Indices and Indicators. 2018 Statistical Update]. – New York: UNDP, 2018. – 111 p. (In Russian)

KARAMURZOV R.B., FRIDMAN L.A. *Problemy mezhdunarodnykh ekonomicheskikh sopostavlenii* (o nekotorykh spornykh voprosakh i raschetakh) [Problems in international economic comparisons (some controversial issues and estimations)] IN: Rossiya XXI. – 2011. – No. 3. – P. 54-85. (In Russian)

LAFORTUNE G., FULLER G., MORENO J., SCHMIDT-TRAUB G., KROLL C. SDG Index and Dashboards. Detailed Methodological Paper // Paris: Bertelsmann Stiftung and Sustainable Development Solutions Network: website. URL: https://github.com/sdsna/2018GlobalIndex/raw/master/2018GlobalIndexMethodology.pdf (date of access: 2020-04-04) (In English)

MADDISON A. Background Note on “Historical Statistics” // Groningen Growth and Development Centre. Maddison Historical Statistics: website. URL: http://www.ggdc.net/maddison/Historical_Statistics/BackgroundHistoricalStatistics_03-2010.pdf (date of access: 2020-01-07) (In English)

Migration and Remittances Factbook 2016. 3rd edition. – Washington, DC: World Bank Group, 2016. – 274 p. (In English)

POHL H.J. Kritik der Drei-Sektoren-Theorie // Mitteilungen aus der Arbeitsmarkt- und Berufsforschung. – 1970. – Vol. 3. – Issue 4. – S. 313-325. (In German)

SACHS J., SCHMIDT-TRAUB G., KROLL C., DURAND-DELACRE D., TEKSOZ K. An SDG Index and Dashboards – Global Report. – New York: Bertelsmann Stiftung and Sustainable Development Solutions Network (SDSN), 2016. – 56 p. (In English)

SACHS J., SCHMIDT-TRAUB G., KROLL C., DURAND-DELACRE D., TEKSOZ K. SDG Index and Dashboards Report 2017 – Global Responsibilities: International spillovers in achieving the goals. – New York: Bertelsmann Stiftung and Sustainable Development Solutions Network (SDSN), 2017. – 479 p. (In English)

SACHS J., SCHMIDT-TRAUB G., KROLL C., LAFORTUNE G., FULLER G. SDG Index and Dashboards Report 2018 – Global Responsibilities: Implementing the goals. – New York: Bertelsmann Stiftung and Sustainable Development Solutions Network (SDSN), 2018. – 463 p. (In English)

SACHS J., SCHMIDT-TRAUB G., KROLL C., LAFORTUNE G., FULLER G. Sustainable Development Report 2019. – New York: Bertelsmann Stiftung and Sustainable Development Solutions Network (SDSN), 2019. – 465 p. (In English)

SACHS J.D., WARNER A.M. Natural Resource Abundance and Economic Growth. NBER Working Paper 5398. – Cambridge, MA: National Bureau of Economic Research Inc., 1995. – 54 p.

World Development Indicators 2017. – Washington, DC: World Bank Group, 2017. – 124 p. (In English)

ИСТОРИЯ, ЭТНОЛОГИЯ И АРХЕОЛОГИЯ

Новейшая история

УДК 94(470.64)

DOI 10.31143/2542-212X-2020-2-178-203

КАБАРДИНСКОЕ НАЦИОНАЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ В 1992 ГОДУ: ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ И НАПРАВЛЕНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

А.В. КУШХАБИЕВ

ФГБНУ «Федеральный научный центр
«Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук»
Центр социально-политических исследований
360051, КБР, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18
E-mail: anzor-vk@mail.ru

Аннотация. В статье представлен анализ основных проблем в деятельности общественных объединений Кабардинского национального движения в 1992 г. Выявлено, что в течение 1992 г. общественные объединения Кабардинского национального движения во главе с Конгрессом кабардинского народа осуществляли активную деятельность по реализации своей главной цели – воссоздания суверенной Кабардинской республики в составе РФ в условиях конфронтации с руководством Кабардино-Балкарии. Президент и Верховный Совет КБР, занявшие твердую позицию по сохранению единства республики, предприняли комплекс мер по недопущению разделения КБР на Кабарду и Балкарию. Главными факторами, обусловившими провал проекта Кабардинского национального движения по восстановлению Кабардинской Республики, были: противодействие со стороны властных структур; тупиковая ситуация с определением границ Кабарды и Балкарии экспертными комиссиями ККН и НСБН (комиссии не смогли прийти к компромиссному решению); использование общественными объединениями Кабардинского национального движения значительной части своих ресурсов в деятельности по оказанию поддержки народу Абхазии в борьбе с агрессией. Общественные объединения Кабардинского национального движения также проводили активную деятельность по урегулированию конфликтных ситуаций и поддержанию межнационального мира в республике совместно с органами государственной власти КБР. Руководству КБР во взаимодействии с общественными объединениями Кабардинского и Балкарского национальных движений удалось предотвратить перерастание криминальных инцидентов в конфликт между кабардинским и балкарским населением республики.

Ключевые слова: Кабардинское национальное движение; Кабардинская Республика; Конгресс кабардинского народа; Кабардино-Балкария; органы государственной власти КБР.

KABARDIAN NATIONAL MOVEMENT IN 1992: MAIN PROBLEMS AND DIRECTIONS OF ACTIVITY

A.V. KUSHKHABIEV

FSBSE "Federal Scientific Center
'Kabardin-Balkar Scientific Center of the Russian Academy of Sciences'"
Center of socio-political researches
360051, KBR, Nalchik, Pushkin street, 18
E-mail: anzor-vk@mail.ru

Abstract. The article presents an analysis of the main problems in the activities of public associations of the Kabardian National Movement in 1992. It is revealed that during 1992, public associations of the Kabardian National Movement, led by the Congress of Kabardian People, carried out active activities to realize their main aim – the restoration of the sovereign Kabardian Republic within the Russian Federation in confrontation with the authorities of Kabardino-Balkaria. The President and the Supreme Council of the KBR, who took a firm position on preservation the unity of the republic, have taken a series of measures to prevent the division of the KBR into Kabarda and Balkaria. The main factors stipulated the failure of the Kabardian National Movement project to restore the Kabardian Republic were: opposition from the authorities; deadlock with the determination of the borders of Kabarda and Balkaria by the expert commissions of the CKP and the NCBP (the commissions could not come to a compromise solution); the use by public associations of the Kabardian National Movement of a significant part of their resources in activities to support the people of Abkhazia in the fight against aggression. Public associations of the Kabardian National Movement have also been active in resolving conflict situations and maintaining interethnic peace in the republic, together with state authorities of the KBR. The leadership of the KBR in cooperation with public associations of the Kabardian and Balkarian national movements managed to prevent the escalation of criminal incidents into conflict between the Kabardian and Balkarian population of the republic.

Keywords: Kabardian National Movement; Kabardian Republic; Congress of the Kabardian People; Kabardino-Balkaria; State bodies of the KBR.

Введение

Национальные общественно-политические движения, сформировавшиеся в северокавказских республиках в период перестройки (1985-1991), оказывали значительное влияние на социально-политическую ситуацию в регионе вплоть до середины 1990-х гг. Пик активности Кабардинского и Балкарского национальных движений в Кабардино-Балкарии приходится на начало 1990-х гг., когда возникла реальная угроза разделения республики и межнациональных конфликтов. В этой связи, исследование основных проблем в деятельности Кабардинского национального движения и его влияния на социально-политическую ситуацию в Кабардино-Балкарии в 1992 г. имеет важное фундаментальное и прикладное значение.

Цель работы – комплексный анализ основных проблем и направлений деятельности общественных объединений Кабардинского национального движения в условиях этнополитического кризиса 1992 г.

Источниковедческой базой настоящего исследования являются: материалы периодической печати, архивные документы (Управления Центра документации новейшей истории Архивной службы Кабардино-Балкарской Республики – УЦДНИ АС КБР), опубликованные документы, мемуарная литература, а также материалы личного архива и личные наблюдения автора.

Анализ некоторых аспектов настоящей темы содержится в исследованиях: А.Х. Борова, Х.М. Думанова и В.Х. Кажарова [Боров и др. 1999], М.Х. Гуговой [Гугова 2002], Р.Х. Тазиева [Тазиев 2014], М.Б. Шоровой [Шорова 2010] и др. В то же время в указанных исследованиях нет подробного анализа основных проблем в деятельности общественных объединений Кабардинского национального движения в 1992 г.

Структура Кабардинского национального движения

Кабардинское национальное движение сформировалось в период перестройки (1985-1991) вокруг клуба «Ашамаз», основанного в ноябре 1985 г. (с мая 1990 г. – ОО «Адыгэ Хасэ»). Идеи Кабардинского национального движения были включены в уставные документы партии «Адыгский национальный конгресс» (сентябрь 1991 г.), женской ОО «Сатаней» (сентябрь 1991 г.) и общественно-политического движения «Кабарда» (декабрь 1991 г.). Представители кабардинской национально-демократической общественности участвовали в создании и деятельности региональной ОО «Всечеркесская (адыгская) Отечественная Хасэ» (май 1991 г.), международной ОО «Международная черкесская ассоциация» (май 1991 г.) и регионального объединения «Ассамблея горских народов Кавказа» (август 1989 г., с ноября 1991 г. – Конфедерация горских народов Кавказа). Следует указать, что первым президентом Ассамблеи горских народов Кавказа (АГНК) был один из лидеров Кабардинского национального движения Ю.М. Шанибов. Общественно-политическое движение молодежи «Объединенная Черкесия» была учреждена в КБР 10 января 1992 г. с целью объединения молодежных организаций черкесских народов в единое движение и создание общей организации. Основными целями и задачами данных общественных объединений были содействие демократическим преобразованиям и решение проблем этнокультурного развития [Кушхабиев 2020: 166-168].

Проблема воссоздания Кабардинской Республики

В начале 1992 г. в Кабардино-Балкарии сохранялся политический кризис, который базировался на комплексе противостояний, образовавшихся в предыдущие годы: между Кабардинским и Балкарским национальными движениями, между этими движениями и руководством республики. Органы государственной власти республики готовились к проведению второго тура выборов Президента КБССР. Кабардинское и Балкарское национальные движения осуществляли деятельность по созданию отдельных республик – Кабарды и Балкарии в составе России.

За сохранение единства республики выступали: «Движение за сохранение единства Кабардино-Балкарии», Коммунистическая партия КБССР, общественные объединения «Россияне», «Славяне», Союз молодежи Кабардино-Балкарии, Союз офицеров КБССР, Кабардино-Балкарская республиканская партия консолидации и некоторые другие общественные объединения.

5 января 1992 г. во втором туре выборов Президента КБР приняло участие 53,8% избирателей (262346 чел.). Из них за В.М. Кокова проголосовали 233130 человек (88,86%), против – 29133 человека (11,1%). На 28 избирательных участках в населенных пунктах с преимущественно балкарским населением выборы не проводились. 9 января 1992 г. во время вступления в должность на сессии Верховного Совета (проходившей в г. Нальчике в Доме Советов) первый Президент КБССР В.М. Коков, согласно присяге, возложил на себя обязанность «укреплять и защищать суверенитет Кабардино-Балкарской Республики и ее целостность» [Боров и др. 1999: 143]. В своем выступлении перед Верховным Советом В.М. Коков четко обозначил свою позицию по вопросу о разделении Кабардино-Балкарии. Он заявил, что в Кабардино-Балкарии нет высшей ценности, чем единство, для достижения которого он будет применять «всю силу президентской власти» [Боров и др. 1999: 143].

10 января 1992 г. в г. Нальчике состоялся I Съезда кабардинского народа. Активное участие в работе съезда принимали представители ОО «Адыгэ Хасэ», движения «Кабарда», партии «Адыгский национальный конгресс» (АНК). Органы государственной власти КБССР не только не стали препятствовать Кабардинскому национальному движению в проведении съезда, но сыграли значительную роль в подготовке, проведении и принятии решений съезда. Главным решением съезда стало: «Восстановить суверенную Кабардинскую Республику в пределах исторической территории кабардинского народа» [Решение Первого Съезда... 1992].

I Съезд кабардинского народа избрал руководящий орган – Конгресс кабардинского народа (ККН), главным предназначением которого должна была стать деятельность по восстановлению Кабардинской Республики. Реализация данного решения возлагалась не только на Конгресс кабардинского народа, но и на Верховный Совет и Президента республики [Решение Первого Съезда... 1992]. В «Постановлении I Съезда кабардинского народа» (12.01.1992) сказано, что до окончательного решения вопроса о национально-государственном устройстве республики на ее территории должно обеспечиваться соблюдение Конституции и законов Кабардино-Балкарской ССР [Постановление I Съезда кабардинского... 1992]. Эти решения продемонстрировали зависимость ККН от властных структур.

Высшим руководящим органом ККН являлись съезд и сессия ККН, созываемая не реже 1 раза в 2 месяца. Для реализации принятых съездом решений был избран Исполнительный комитет Конгресса. ККН возглавлял председатель, избираемый съездом кабардинского народа. Председатель ККН одновременно являлся и председателем Исполкома ККН. Первым председателем ККН был единогласно избран профессор Ю.Х. Калмыков.

Конгресс кабардинского народа фактически возглавил Кабардинское национальное движение. ККН был зарегистрирован Министерством юстиции КБР 12 февраля 1993 г. как республиканское общественное объединение.

I Съезд кабардинского народа также принял постановление «О создании республиканской гвардии» (12.01.1992), в котором сказано: «1. Предложить Верховному Совету Кабардинской ССР и Президенту Кабардино-Балкарской ССР создать Республиканскую гвардию численностью до одного батальона, приняв соответствующие законодательные акты по ее формированию» [Постановление Первого Съезда... 1992].

В целом, решения, принятые I Съездом кабардинского народа, устраивали руководство республики. Радикально настроенной части делегатов съезда не удалось добиться принятия решений, направленных на кардинальное изменение национально-государственного устройства республики. Как отметили А.Х. Боров, Х.М. Думанов и В.Х. Кажаров, в результате острой борьбы на съезде были выработаны и зафиксированы компромиссные положения о статусе самого съезда и его руководящих органов, исключающие притязания на властные функции [Боров и др. 1999: 144].

Таким образом, к середине января 1992 г. на территории Кабардино-Балкарии были провозглашены две суверенные республики – Республика Балкария и Кабардинская Республика. Национальный совет балкарского народа и Конгресс кабардинского народа «от имени народа» наделили себя властными полномочиями на территории провозглашенных республик. Руководства Кабардинского и Балкарского национальных движений форсировали разделение Кабардино-Балкарии и правовое оформление двух суверенных республик. Но при разделении Кабардино-Балкарии на две республики особенно остро встала проблема проведения границы между Кабардой и Балкарией, а также проблема определения будущей столицы Республики Балкария. Лидеры Балкарского национального движения настаивали на том, чтобы столицей Республики Балкария, также как и Кабардинской Республики стал г. Нальчик. Лидеры Кабардинского национального движения категорически отвергали такой вариант, считая, что г. Нальчик должен быть только столицей Кабардинской Республики.

Для определения границы между провозглашенными республиками при ККН и НСБН были сформированы комиссии. Комиссия ККН, которую возглавлял доктор исторических наук Х.М. Думанов, пришла к выводу, что, несмотря на передачу царскими властями в XIX – начале XX в., а затем и Советской властью значительной территории Кабарды балкарцам, единственно обоснованной этнической границей между Кабардой и Балкарией следует признать границы, которые были установлены в 1863 г. Терской сословно-поземельной комиссией [Постановление о результатах... 1994; Мезова 1992а; Территория и расселение... 1992: 7-10].

Комиссия НСБН, которую возглавлял доктор исторических наук Х.И. Хутуев, представила свой вариант определения границы между Кабардой и Балкарией. Его сущность заключалась в том, что Республику Балкария

следует образовать на территории расселения и землепользования балкарского народа на момент его выселения 8 марта 1944 г. [Об итогах... 1992].

Таким образом, проблема определения границ между Кабардинской Республикой и Республикой Балкария стала фактически тупиковой. Стороны не смогли принять компромиссное решение. Тем не менее, ККН и НСБН продолжали деятельность по созданию двух суверенных республик.

25 апреля 1992 г. состоялся 3-й этап I Съезда кабардинского народа, на котором были приняты проекты постановлений о переходе всей полноты законодательной и исполнительной власти на территории Кабардинской Республики до избрания нового парламента и формирования правительства к временному Государственному Совету, состоящему, прежде всего, из представителей ККН [Политическое заявление... 1992].

Столь кардинальное и, вероятнее всего, неожиданное решение ККН вызвало резкую реакцию властных структур республики. Уже 27 апреля состоялась 8-я Сессия Верховного Совета КБР, на которой депутаты дали свою правовую оценку 3-му этапу I Съезда кабардинского народа как «попытку антиконституционного государственного переворота» [Мезова 1992b]. В «Политическом заявлении Верховного Совета, Президента и Правительства Кабардино-Балкарской Республики» (от 28.04.1992) зафиксировано, что некоторые лидеры ККН на I Съезде кабардинского народа предложили свержение законно избранных конституционных властей и переход всей власти к ККН или к временному Государственному Совету и проведение выборов в новые органы государственной власти. Данные действия в Политическом заявлении квалифицированы как антиконституционные, подлежащие решительному осуждению. В нем также сказано, что ВС КБР, Президент КБР и Правительство КБР примут решительные законные меры по защите конституционного строя, прав и свобод каждого гражданина, недопущению расчленения республики, по пресечению всяких экстремистских и националистических устремлений. В Политическом заявлении также сказано: «– мы не можем позволить в условиях экономического кризиса, обнищания людей, чтобы республику раздирали разные политические течения, национальные движения и отдельные экстремистски настроенные лидеры» [Политическое заявление... 1992].

Данный документ отчетливо продемонстрировал негативную позицию органов государственной власти Кабардино-Балкарии по отношению к деятельности общественных объединений Кабардинского национального движения по воссозданию суверенной Кабардинской Республики в составе РФ. Для сохранения единой Кабардино-Балкарии высшие руководители республики задействовали все свои ресурсы. В случае создания двух отдельных республик у большинства руководителей министерств и ведомств Кабардино-Балкарии не было бы шансов на переход в новые органы власти Кабардинской Республики. Непредсказуемы были и возможные результаты выборов в новые органы власти, если бы они были созданы. Высшие руководители республики в своих выступлениях регулярно высказывали опасения относительно того, что в

случае разделения КБР в ряде районов неминуемо вспыхнут межнациональные конфликты.

Несмотря на негативную позицию органов государственной власти КБР по данному проекту, лидеры Кабардинского национального движения не стали отказываться от своей цели. 15 мая 1992 г. в г. Нальчике состоялся II Съезд кабардинского народа, на котором было принято постановление, в котором содержится несколько принципиальных пунктов. Среди них: вновь подтвердить, что Съезд кабардинского народа является высшим выразителем интересов кабардинского народа; предложить ККН и Верховному Совету до 1 августа 1992 года разработать нормативные правовые акты по восстановлению Кабардинской Республики; считать целесообразным проведение референдума по вопросу о сохранении единства республики и др. Также в постановлении сказано о том, что съезд не согласен с Политическим заявлением ВС, Президента и Правительства КБР и отвергает обвинения в адрес отдельных руководителей ККН в попытке антиконституционного переворота В постановлении зафиксировано: «Съезд заявляет о том, что все меры по восстановлению Кабардинской Республики, как и прежде, будут осуществляться политическими средствами, в рамках Конституции и действующих законов» [Постановление Второго съезда... 1994: 43].

В целях ослабления Кабардинского и Балкарского национальных движений руководство республики предприняло существенные меры. В мае 1992 г. ВС КБР принял Закон об общественных объединениях, в котором было закреплено: «Не допускается создание и деятельность общественных объединений, имеющих целью насильственное свержение или изменение конституционного строя, нарушение единства территории Кабардино-Балкарской Республики» [Закон... 1994: 148].

Руководство КБР также инициировало создание общественно-политического движения русскоязычного населения «Русскоязычный конгресс» (РЯК), которое было зарегистрировано в августе 1992 г. В уставе РЯК зафиксировано, что целью этого объединения является сохранение целостности Кабардино-Балкарии [Устав... 1994: 185]. Движение «Русскоязычный конгресс» обратилось к ККН и НСБН с призывом приостановить реализацию решений, направленных на разделение республики.

Таким образом, с середины января 1992 г. общественные объединения Кабардинского национального движения во главе с ККН осуществляли активную деятельность по реализации провозглашенной I Съездом кабардинского народа цели – воссоздания суверенной Кабардинской республики в составе РФ – в условиях конфронтации с руководством Кабардино-Балкарии. Президент и Верховный Совет КБР, занявшие твердую позицию по сохранению единства республики, предприняли комплекс мер по недопущению разделения КБР на Кабарду и Балкарию. Главными факторами, обусловившими провал проекта Кабардинского национального движения по восстановлению Кабардинской Республики, были: противодействие со стороны властных структур и тупиковая ситуация с определением границ Кабарды и

Балкарии экспертными комиссиями ККН и НСБН (комиссии не смогли прийти к компромиссному решению).

Обострение общественно-политической ситуации в связи с началом Грузино-абхазской войны и кабардинское национальное движение

В середине августа 1992 г. произошло резкое обострение общественно-политической ситуации в Кабардино-Балкарии. Причиной послужило начало Грузино-абхазской войны. 14 августа 1992 г. войска Госсовета Грузии вторглись на территорию Республики Абхазия с целью ликвидации государственности абхазского народа. Руководство Абхазии обратилось к руководителям и народам Северного Кавказа с просьбой об оказании незамедлительной помощи. В воззвании к Президенту КБР В.М. Кокову и народам Кабардино-Балкарии (15.08.92) сказано следующее: «В час смертельной опасности Президиум Верховного Совета Республики Абхазия просит Президента Кабардино-Балкарской Республики и братские народы Кабардино-Балкарии о помощи всеми имеющимися средствами» [Президенту Кабардино-Балкарской Республики... 1992].

Информация о нападении войск Грузии на Абхазию произвела среди народов Северного Кавказа и, прежде всего, среди этнически родственных адыгов и абазин, широкий общественный резонанс. Особенно широкий размах приобретало движение по поддержке абхазского народа в Кабардино-Балкарии. Общественные объединения Кабардинского национального движения (ККН, «Адыгэ Хасэ» и др.), Международная черкесская ассоциация и Конфедерация горских народов Кавказа с первых же дней вторжения войск Грузии в Абхазию квалифицировали действия руководства Грузии как агрессию против народа Абхазии, выступили с ее осуждением и развернули деятельность по оказанию народу Абхазии политической поддержки, гуманитарной помощи и формированию добровольческих отрядов для участия в борьбе с агрессией. 14 августа, после проведения экстренных заседаний, ОО «Адыгэ Хасэ» и ККН обратились к руководству КБР с просьбой о незамедлительном принятии комплекса мер по урегулированию ситуации в Абхазии [Кушхабиев 2008: 13, 14].

Общественные объединения Кабардинского национального движения фактически ежедневно проводили заседания и собрания, на которых обсуждалась ситуация в Абхазии. Ими принимались обращения с осуждением агрессии Грузии против Республики Абхазия и заявления о солидарности с борьбой народа Абхазии. 15 августа при ККН был сформирован Штаб по оказанию помощи Абхазии. 16 августа 1992 г. Исполком ККН и «Адыгэ Хасэ» на совместном заседании приняли постановление «О неотложных мерах по оказанию помощи Абхазии», в котором, в частности, сказано: «Подтвердить все ранее принятые совместные решения в части оказания помощи братскому абхазскому народу, включая политические акции, организацию записи добровольцев, сбора денежных средств, совместные действия с органами власти КБР по координации принимаемых мер и участие в их реализации

граждан, трудовых коллективов, общественных организаций…» [Кушхабиев 2008: 15].

Чрезвычайная сессия ККН, посвященная ситуации в Абхазии (23.08.1992), приняла постановление «О дополнительных мерах по оказанию помощи Абхазии», в котором содержатся важные пункты: развернуть активную деятельность через ООН, МЧА, российские каналы связи и другие средства для широкого распространения достоверной информации о положении дел в Абхазии; просить руководителей КБР обратиться к Президенту РФ с требованием воздействовать на Госсовет Грузии для немедленного прекращения военной агрессии, вывода войск из Абхазии и политического решения абхазской проблемы; обратиться в ВС КБР с просьбой о незамедлительном созыве чрезвычайной сессии ВС в связи с ситуацией в Абхазии [УЦДНИ АС КБР. Ф. П-2610 Конгресс кабардинского народа. Оп. 1. Д. 13. Л. 20, 21].

Обращения в защиту народа Абхазии также приняли: Демократическая партия КБР, Кабардино-Балкарский республиканский и Нальчикский городской советы ветеранов войны, труда, Вооруженных сил и правоохранительных органов, Федерация независимых профсоюзов Кабардино-Балкарии, группа интеллигенции КБР, группа кабардинских писателей, группа журналистов КБР и другие.

С 15 августа на улицах г. Нальчика развернулись массовые акции солидарности с народом Абхазии (митинги, демонстрации). С каждым днем они приобретали все более масштабный характер. Во избежание негативных последствий общественные объединения Кабардинского национального движения взяли их под свой контроль. Многие из митингующих оставались возле Дома Правительства и ночами. Массовые акции солидарности с народом Абхазии, разворачивались и в других районах Кабардино-Балкарии. Во многих кабардинских селениях проходили сходы жителей и митинги и т. п. Участники этих акций осуждали агрессию Грузии против Абхазии и требовали от руководства КБР принятия незамедлительных мер по урегулированию ситуации в Абхазии [Кушхабиев 2008: 16-18].

Органы государственной власти КБР также дали политическую оценку событиям в Абхазии как агрессии Госсовета Грузии против Абхазии и выступили с осуждением действий руководства Грузии в Абхазии. Позиция органов государственной власти КБР заключалась в необходимости принятия комплекса мер, согласованных с руководством страны, по недопущению дестабилизации ситуации на Северном Кавказе и по оказанию народу Абхазии политической и моральной поддержки, а также гуманитарной помощи. Вместе с тем, руководство КБР выступило против формирования добровольческих отрядов и их участия в военных действиях в Абхазии [Кушхабиев 2008: 18-21].

Негативному развитию ситуации в Кабардино-Балкарии способствовал ввод значительного контингента подразделений внутренних войск и отрядов милиции особого назначения (ОМОН) из других регионов страны. Это было воспринято частью населения республики как мера федеральных властей по противодействию движению по поддержке народа Абхазии. Патрулирование

улиц г. Нальчика, а нередко и некорректные действия солдат ОМОН при проверке документов у населения, послужили причиной обострения политической ситуации в республике.

В условиях обострившейся общественно-политической ситуации в КБР лидеры ККН предприняли меры по налаживанию конструктивного сотрудничества с руководством республики. ККН принял постановление «Об общественно-политической ситуации в КБР» (12.09.1992), в котором сказано о том, что при всем стремлении ККН к сотрудничеству с властными структурами, последние уклоняются от этого и во всех СМИ ведут активную пропаганду против него. По данному вопросу в постановлении принято решение о том, чтобы приложить усилия по налаживанию конструктивного сотрудничества с органами власти и управления. Учитывая негативную реакцию руководства КБР на постановление ККН о создании Национальной гвардии, ККН отменил это постановление. Также выполняя требование руководства КБР о прекращении формирования добровольческих отрядов, в постановлении предписано всем добровольцам, записавшимся для отправки в Абхазию и вернувшимся оттуда, возвратиться в свои города и селения. В постановлении также сказано о том, что батальоны специального назначения внутренних войск, прибывшие из других регионов страны, «совершают действия, оскорбляющие достоинство граждан». Оснований для введения этих батальонов на территорию КБР не было. По данному вопросу в постановлении содержится решение – обратиться к Президенту КБР В.М. Кокову с просьбой о немедленном выводе с территории КБР батальонов специального назначения внутренних войск, прибывших из других регионов страны. [Постановление Конгресса... 1992].

Данное постановление продемонстрировало стремление лидеров ККН к конструктивному сотрудничеству с руководством республики и готовность идти на уступки. Но переговоры лидеров Кабардинского национального движения с руководством республики не привели к стабилизации общественно-политической ситуации. 24 сентября 1992 г. в г. Нальчике возле Дома Правительства начался бессрочный митинг, организованный Кабардинским национальным движением. Причиной митинга послужил арест правоохранительными органами КБР президента КГНК Ю.М. Шанибова (23.09.1992). В митинге приняли участие тысячи жителей КБР, преимущественно кабардинских населенных пунктов, и представители соседних республик. ОО «Русскоязычный конгресс» выразило свое негативное отношение к митингу и потребовало от руководства КБР введения чрезвычайного положения. Митингующие потребовали от руководства республики освобождения Ю.М. Шанибова и предоставления эфирного времени ККН и «Адыгэ Хасэ». В то же время продолжалась переброска в республику армейских подразделений. В г. Нальчике в Доме Правительства разместились подразделения МВД республики, ВВ и спецназ «Альфа». 26 и 27 сентября в ряде районов г. Нальчика произошли столкновения митингующих с подразделениями Внутренних войск и ОМОН, которые применили слезоточивый газ «Черёмуха», а затем и огнестрельное оружие. С обеих сторон

появились раненые. Из Дома Правительства был открыт огонь по митингующим. Сторонники Кабардинского национального движения также блокировали дороги и аэропорт г. Нальчика. Участники митинга приняли постановление, в которое включили требования: немедленно освободить президента КГНК Ю.М. Шанибова из-под стражи и прекратить уголовное преследование руководителей Конфедерации; освободить от занимаемой должности прокурора республики Денисова Э.Г., как «активного участника репрессий против Шанибова Ю.М. и Конгресса кабардинского народа и объявить его персоной нон грата в КБР»; потребовать от Президента КБР в трехдневный срок вывести с территории республики части ОМОН, ВВ и спецназа; развернуть кампанию по сбору подписей для расторжения Федеративного договора КБР с РФ и др. [Постановление общереспубликанского... 1992].

Митинг в г. Нальчике был поддержан и в соседних республиках. Митинги с требованием об освобождении Президента КГНК начались в г. Черкесске и в г. Майкопе. Ситуация приобретала критический характер. 28 сентября прибывший из Чечни на митинг представитель председателя КГНК Ю. Сосланбекова сообщил о вооруженных отрядах, готовых прийти на помощь митингующим, но председатель ККН Ю.Х. Калмыков отказался от этого предложения.

В результате длительных и сложных переговоров между руководством КБР и лидерами Кабардинского национального движения 1 октября 1992 г. было достигнуто соглашение, предусматривавшее прекращение бессрочного митинга, отмену чрезвычайного положения в республике, роспуск Верховного Совета КБР до 1 декабря 1992 г. и вывод подразделений МВД и спецназа с территории республики. Важное значение в урегулировании ситуации имело и освобождение Ю.М. Шанибова 27 сентября. 4 октября бессрочный митинг в г. Нальчике был распущен [К событиям... 1992; Гусейнов 1992; Хроника... 1992; Чрезвычайное... 1992].

После окончания бессрочного митинга в г. Нальчике органы государственной власти Кабардино-Балкарии, отказались подписывать соглашение с ККН, несмотря на ранее заключенную договоренность об этом, и развернули акции давления на Кабардинское национальное движение. Отделы Министерства внутренних дел открыли ряд уголовных дел против активистов кабардинских общественных объединений и добровольцев. Сотрудники МВД КБР провели обыск здания ККН, но они не обнаружили компрометирующего материала [Гусейнов 1992].

Правительственные средства массовой информации КБР стали публиковать различные материалы, в которых ККН и «Адыгэ Хасэ» обвинялись в попытке насильственного свержения законной власти в республике. В частности, ККН обвинялся в создании военных структур со своим штабом и т. п.

На Чрезвычайной 10-й сессии Верховного Совета КБР, состоявшейся 9 октября 1992 г., Президент КБР В.М. Коков выступил с критикой ККН. В частности, он заявил, что в процессе проведения несанкционированного

митинга его организаторы и лидеры ККН осуществляли запись в незаконные вооруженные формирования, блокировали основные автомагистрали и улицы, принимали практические действия по штурму Дома Советов. В.М. Коков также отметил, что в последнее время деятельность ККН и принимаемые им решения, выходили за рамки действующего законодательства, а члены исполкома ККН, добиваясь претворения в жизнь своих незаконных решений, вставали на путь преступления [Об общественно-политической... 1992]. В «Постановлении ВС КБР Об общественно-политической ситуации в Кабардино-Балкарской Республике» (от 09.10.1992), принятом на Чрезвычайной 10-й сессии Верховного Совета КБР, сказано о том, что на протяжении нескольких лет определенные силы, прикрываясь лозунгами о демократии и интересах народа, ведут борьбу за власть, стремятся навязать Съезду кабардинского народа антиконституционные решения, расчленить республику, создать параллельные властные структуры, собственные вооруженные формирования и т. п. В данном постановлении действия организаторов и участников митинга, проходившего в Нальчике 24 сентября – 4 октября 1992 г., признаны антиконституционными, направленными на насильственное свержение законно избранных органов власти. В постановлении также зафиксировано требование к правоохранительным органам о принятии решительных мер по дальнейшему разоружению незаконных вооруженных формирований и изъятию оружия у населения [Постановление Верховного Совета... 1992b].

В постановлении ВС КБР «О Конгрессе кабардинского народа», принятом на Чрезвычайной 10-й сессии Верховного Совета КБР, сказано о том, чтобы признать деятельность Исполкома и руководства ККН, ставящей своей целью насильственное свержение законно избранных органов власти антиконституционной, ведущей к дестабилизации общественно-политической обстановки, разрушению единства Кабардино-Балкарии, разрыву с Российской Федерацией, к развязыванию межнациональной войны. Прокурору КБР поручалось в соответствии с действующим законодательством рассмотреть законность деятельности Конгресс кабардинского народа. Относительно многотысячного митинга, проходившего в г. Нальчике 24 сентября – 4 октября 1992 г., в постановлении сказано, что это был несанкционированный митинг, организованный ККН, на котором была предпринята попытка насильственного свержения конституционного строя в республике, повлекшая за собой трагические последствия [Постановление Верховного Совета... 1992a].

16 октября 1992 г. было принято постановление Президиума ВС КБР «К участникам общереспубликанского митинга о резолюции митинга, организованного с 24 сентября по 4 октября 1992 года Исполкомом Конгресса кабардинского народа и Советом «Адыгэ Хасэ»», в котором также содержится критика Исполкома ККН и Совета «Адыгэ Хасэ» относительно обострения общественно-политической ситуации в республике, связанной с митингом. В данном постановлении отклонена большая часть требований резолюции митинга. Вместе с тем, в постановлении рекомендовано Президенту и Премьер-министру КБР – рассмотреть предложение общественных организаций и

политических партий по формированию правительства национального согласия [Постановление Президиума... 1992].

Следует отметить, что если во время противостояния движения «Демократическая Кабардино-Балкария», в которое вошло и Кабардинское национальное движение, и руководства Кабардино-Балкарии в августе 1991 г. руководство РСФСР не стало поддерживать последнее, которое заняло сдержанную позицию по отношению к ГКЧП, то в 1992 г. федеральные власти стали поддерживать руководство Кабардино-Балкарии. Это было обусловлено тем, что изменился политический курс федерального центра на Северном Кавказе. Если в период перестройки демократические силы России поддерживали национально-демократические движения на Северном Кавказе, то после распада СССР Правительство РФ перешло к политике укрепления государственной власти в Северо-Кавказском регионе.

Прокуратура КБР заявила о том, что Конгресс кабардинского народа, являясь общественной организацией, присвоил себе функции государственных органов, а Исполком ККН и его руководители, под предлогом оказания помощи народу Абхазии, проводили организационные мероприятия по созданию воинских формирований, их экипировке, вооружению и приведению в боевую готовность имевшихся сил. В целом, прокуратура КБР квалифицировала деятельность ККН и принимаемые им решения, как выходящие за рамки действующего законодательства. Относительно членов Исполкома ККН прокуратура КБР заявила, что, они добивались претворения в жизнь своих незаконных решений и встали на путь преступления. В связи с этим, прокуратура КБР поставила перед Верховным судом КБР вопрос о законности деятельности Исполкома ККН [В прокуратуре... 1992].

Исполком ККН обратился в Верховный Суд КБР с возражением на представление прокурора КБР «О прекращении деятельности Исполкома Конгресса кабардинского народа» (от 27.10.1992), в котором содержится просьба об отказе от рассмотрения данного представления из-за отсутствия правовой базы, а также выражено недоверие прокурору КБР [Возражение... 1992].

30 октября 1992 г. член Верховного Суда КБР З.Б. Кодзоков, рассмотрев представление прокурора Кабардино-Балкарской Республики «О прекращении деятельности Исполкома Конгресса кабардинского народа», определил прокурору КБР отказать в принятии данного представления за неподведомственностью спора суду [Определение... 1992].

Кампанией давления органы государственной власти КБР стремились ослабить Кабардинское национальное движение и остановить формирование добровольческих отрядов. Однако кампания давления на ККН не только не остановила добровольческое движение, а, напротив, способствовала его усилению.

Позиция лидеров Кабардинского национального движения по ситуации, сложившейся в КБР, содержится в «Обращении к Верховному Совету КБР, Президенту КБР и народам Кабардино-Балкарии» (октябрь 1992) и. о. председателя ККН Ж.М. Губачикова и тхамады (председатель) «Адыгэ Хасэ»

З.М. Налоева. В обращении они возложили вину за обострение общественно-политической ситуации в республике на ее руководство. В нем сказано, что противостояние между ККН и «Адыгэ Хасэ» с одной стороны и властными структурами с другой началось по причине непринятия властными структурами такой формы оказания помощи народу Абхазии, как сбор добровольцев и их отправка в Абхазию. В обращении отмечается, что серьезными факторами обострения ситуации в КБР стали ввод в республику крупного контингента спецназа из других регионов РФ, введение чрезвычайного положения в КБР и арест Ю.М. Шанибова в кабинете министра внутренних дел КБР. Лидеры Кабардинского национального движения расценили кампанию давления органов государственной власти на ККН и «Адыгэ Хасэ» как старый курс, уже осужденный народом и не соответствующий интересам республики, который нужен руководству «для ликвидации оппозиции и отвлечения населения от требований по улучшению условий жизни, восстановлению экономики, усилению борьбы с организованной преступностью и прогрессирующей коррупцией» [Обращение... 1992]. В обращении сказано: «Мы предупреждаем народы Кабардино-Балкарии о правом повороте в политике Президента и высших органов власти КБР и попытке восстановления тоталитарного режима, подавления демократии, свободы и инакомыслия» [Обращение... 1992].

Общественно-политическая ситуация, сложившаяся в КБР, была рассмотрена и на республиканском собрании адыгских женщин 25 октября 1992 г. в г. Нальчике. В резолюции этого форума содержатся призывы: к Президенту КБР и Президиуму ВС КБР – решить вопрос о скорейшем выводе из республики специальных подразделений войск МВД РФ, к представителям властных структур – «прекратить политические репрессии лиц, принимавших участие в актах протеста против агрессии Грузии в Абхазии и ареста М. Шанибова, освободить из-под ареста лиц, обвиняемых в таких деяниях, ...прекратить уголовное преследование М. Шанибова» и др. [Резолюция общереспубликанского... 1992].

В обращении республиканского собрания адыгских женщин к Президенту РФ. Б.Н. Ельцину и Председателю ВС РФ Р.И. Хасбулатову (от 25.10.1992) содержатся требование – остановить реакцию и травлю общественных и национальных движений. В обращении также содержится призыв ко всем заинтересованным сторонам – сесть за стол переговоров и перейти к конструктивному диалогу [Президенту РФ... 1992].

Среди общественности Кабардино-Балкарии существуют различные версии относительно обвинений властными структурами и правоохранительными органами республики ККН и участников многотысячного митинга в попытке насильственного захвата власти. Одна версия совпадает с вышеуказанной правительственной. Согласно другой версии, после начала войны в Абхазии лидеры Кабардинского национального движения были вынуждены изменить свою стратегию и тактику действий. Они пришли к выводу, что в условиях противодействия со стороны руководства республики общественные объединения Кабардинского национального движения не смогут одновременно решать две крупномасштабные проблемы –

восстановление Кабардинской Республики и оказание поддержки народу Абхазии. В этой связи, они приняли решение отложить деятельность по восстановлению Кабардинской Республики, наладить конструктивное сотрудничество с руководством КБР и все свои ресурсы использовать для поддержки Абхазии. Причиной же резкого обострения общественно-политической ситуации в КБР и бессрочного митинга (24 сентября – 04 октября 1992 г.) послужили ввод на территорию республики подразделений ОМОН и арест президента КГНК и заместителя ККН Ю.М. Шанибова. Десятки добровольцев, находившиеся в г. Нальчике, не получали приказа о захвате Дома Правительства. Во время бессрочного митинга через территорию КБР проезжала интернациональная группа добровольцев, следовавшая из Чечни в Абхазию, но она не получала приказа захватывать Дом Правительства. Лидеры Кабардинского национального движения, в частности, З.М. Налоев неоднократно обращался к участникам бессрочного митинга с требованием не поддаваться на провокации, не входить в Дом Правительства и т. п. Они напоминали участникам митинга о том, что целью митинга является не захват власти, а освобождение Ю.М. Шанибова и вывод подразделений ВВ и ОМОН из республики.

Таким образом, есть основания предполагать, что в августе – начале октября 1992 г. общественные объединения Кабардинского национального движения не ставили цели захвата власти в КБР. Также следует согласиться с утверждением о том, что в связи с невозможностью решения двух крупномасштабных проблем – восстановления Кабардинской Республики и оказания поддержки народу Абхазии, общественные объединения Кабардинского национального движения сосредоточились на решении второй проблемы и приостановили деятельность по восстановлению Кабардинской Республики.

Руководство КБР пришло к выводу, что для стабилизации общественно-политической ситуации в республике необходимы диалог и сотрудничество с общественными объединениями. Для этого в октябре 1992 г. при Верховном Совете республики был создан Консультативный Совет по вопросам взаимодействия органов власти с политическими партиями и общественными организациями Кабардино-Балкарской Республики. В него вошли представители общественных объединений: ККН, НСБН, «Русскоязычный Конгресс», «Адыгэ Хасэ», «Тере», «Россияне», «Единство», «Славяне», Терско-Малкинский отдел Терского казачества, Федерация независимых профсоюзов, Союз молодежи, Совет ветеранов, Комитет женщин, Демократическая и Республиканская партии, партия «Адыгский национальный конгресс» и др.

Относительно сотрудничества властных структур с общественными объединениями в целях стабилизации общественно-политической ситуации в КБР М.Х. Гугова отметила: «события осени 1992 года в г. Нальчике способствовали и конструктивному сотрудничеству органов государственной власти с общественно-политическими организациями, так как только совместными усилиями можно сохранить мир и благополучие в Кабардино-Балкарской Республике и не допустить межнациональной розни. Нельзя

сказать, что общественные объединения и национальные движения всегда и во всем правы, но они, в основном, отражают мнение своих народов, ибо образованы непосредственно ими» [Гугова 2002: 111].

Общественные объединения Кабардинского национального движения продолжали воплощение курса по налаживанию конструктивного сотрудничества с органами государственной власти КБР. 28-29 ноября 1992 г. в г. Нальчике состоялся III Съезд кабардинского народа, в работе которого принимали участие 808 делегатов. Работа съезда была направлена на стабилизацию общественно-политической ситуации в республике, на примирение и сотрудничество Кабардинского национального движения и руководства КБР. На съезде были приняты пакет постановлений и Программа деятельности ККН на 1992-1995 гг., в которой зафиксирована главная задача: «Продолжить работу по воссозданию Кабардинской Республики с условием возврата земель, незаконно переданных в 1944 году сопредельным республикам» [Программа деятельности... 1992].

Относительно конфронтации с органами государственной власти КБР в постановлении III Съезда Кабардинского народа сказано: «В связи с тем, что Президент и Верховный Совет КБР взяли курс на конфронтацию Конгресса кабардинского народа и продолжают крупномасштабную акцию против Конгресса и его актива, поручить ККН разработать тактику действий в качестве конструктивной оппозиционной силы» [Постановление III Съезда... 1992].

В данном постановлении признаны в основном правильными действия ККН, его Исполкома и руководства в период острого политического противостояния в августе – начале октября 1992 г. В постановлении отклонены предъявленные ВС КБР обвинения в адрес ККН в антиконституционной деятельности, попытке насильственного свержения законно избранных органов власти, в разрушении единства КБР, в разрыве отношений с РФ и развязывании межнациональной войны, как не имеющие правовой базы и судебного доказательства. В постановлении ККН подтвердил свою приверженность принципам конституционного решения национальных и иных проблем и призвал все движения, политические партии и властные структуры к совместным действиям по стабилизации общественно-политической ситуации в республике [Постановление III Съезда... 1992].

В постановлении III Съезда Кабардинского народа «О ходе реализации постановления I Съезда кабардинского народа по воссозданию Кабардинской Республики» (от 29.11.1992) зафиксировано: в связи с тем, что в заключениях экспертных комиссий ККН и НСБН по определению границ между Кабардинской Республикой и Республикой Балкария представлены разные подходы, окончательное решение о воссоздании Кабардинской Республики принять, с учетом заключения независимой экспертной группы, на очередном съезде кабардинского народа [Постановление О ходе реализации... 1992].

Таким образом, агрессия Госсовета Грузии против Абхазии оказала значительное влияние на развитие ситуации в Кабардино-Балкарии. В связи с резким обострением общественно-политической ситуации, вызванным противодействием властных структур деятельности ККН по формированию

добровольческих отрядов, арестом президента КГНК Ю.М. Шанибова, а затем и кампанией давления властных структур на Кабардинское национальное движение, в конце 1992 г. оно перешло к тактике конструктивного сотрудничества с органами государственной власти. В связи с невозможностью решения двух крупномасштабных проблем – восстановления Кабардинской Республики и оказания поддержки народу Абхазии, общественные объединения Кабардинского национального движения сосредоточились на решении второй проблемы и приостановили решение первой.

Поддержание межнационального мира как проблема и цель в деятельности Кабардинского национального движения

Поддержание межнационального мира было включено в уставные и программные документы общественных объединений: ОО «Адыгэ Хасэ», ОО «Сатаней», партии АНК, ОПД «Кабарда», ОО «Всечеркесская (адыгская) Отечественная Хасэ» и Конгресса кабардинского народа. В решении Первого Съезда кабардинского народа «О восстановлении Кабардинской Республики» сказано, что: «Кабардинская Республика обеспечивает равенство всех граждан республики перед законом независимо от социального и имущественного положения, расовой и национальной принадлежности, пола, образования, языка, политических и религиозных убеждений» [Решение Первого Съезда... 1992]. В «Обращении I Съезда кабардинского народа к населению Кабардино-Балкарии» (12.01.1992) сказано, что представителям наций и народностей, населяющим территорию республики, будут гарантированы равные с кабардинским народом условия для полной реализации своей национальной самобытности, для полноправного участия в политической, экономической и общественной жизни [Обращение I Съезда... 1992]. В программе деятельности ККН на перспективу зафиксировано решение о том, чтобы регулярно проводить встречи с национально-демократическими организациями и партиями балкарского народа, русского населения, казачества и представителей других народов, проживающих на территории КБР, для обсуждения общереспубликанских проблем по сохранению стабильных межнациональных отношений, мира и согласия в республике [Программа деятельности... 1992].

Во время обострения общественно-политической ситуации в республике активисты общественных объединений Кабардинского национального движения стремились не допустить возникновения межнациональных конфликтов и улаживать различные инциденты и спорные вопросы мирными методами. В рассматриваемое время в Кабардино-Балкарии обострились отношения между определенной частью кабардинского и балкарского населения. Причины заключались в снижении жизненного уровня населения, в нестабильной общественно-политической ситуации на Северном Кавказе и в Кабардино-Балкарии, в противоборстве Кабардинского и Балкарского национальных движений, в ожидании разделения республики на Кабарду и Балкарию, что сказывалось на социальном самочувствии населения. Споры, возникавшие между кабардинцами и балкарцами по земельным вопросам, по

вопросам квотного распределения должностей в госучреждениях и др., приобретали межнациональный характер. В этой связи, лидеры Кабардинского национального движения на своих форумах и массовых акциях призывали кабардинское население к межнациональному миру, к сдерживанию эмоций и т. п. Проблему поддержания межнационального мира в республике общественные объединения Кабардинского национального движения решали во взаимодействии с властными структурами.

В сложившейся ситуации межнациональный характер также приобретали различные происшествия и правонарушения. В частности, в декабре 1991 г. произошел инцидент, обострившийотношения между определенной частью кабардинского и балкарского населения республики. Милиционер-балкарец из села Яникой застрелил несовершеннолетнего юношу-кабардинца из соседнего села Шалушка. Сход жителей с. Шалушка официально обратился в Прокуратуру КБР с требованием принять по отношению к убийце соответствующие меры. Жители с. Яникой обратились к Национальному совету балкарского народа с просьбой обеспечить их безопасность. В ответ жители с. Шалушка попытались перекрыть сообщение с. Яникоя с г. Нальчиком. Между селениями были выставлены подразделения российских войск. Жители многих кабардинских селений прислали делегации к семье убитого юноши с соболезнованиями, а некоторые из них заявляли о готовности принять участие в кровной мести. В сложившейся ситуации председатель «Адыгэ Хасэ» З.М. Налоев взял на себя медиаторские функции. Он убедил семью убитого и жителей села Шалушка не предпринимать какие-либо ответные меры, а решать данный вопрос только по закону [Бабич 1994: 22, 23]. В целом, при посредничестве «Адыгэ Хасэ» удалось предотвратить перерастание данного инцидента в межнациональный конфликт.

Верховный Совет принял постановление «Об общественно-политической ситуации, сложившейся в республике в связи с трагическим случаем, произошедшим в с. Яникой» (09.01.1991), в котором отмечалось, что данный случай «значительно осложнил отношения между жителями селений Яникой и Шалушка, способствовал ухудшению межнациональных отношений, общественно-политической ситуации в республике». [Об общественно-политической... 1994: 103]. Прокурору республики было дано указание – в кратчайший срок обеспечить завершение расследования уголовного дела по данному случаю. Милиционеру-убийце была определена высшая мера наказания. Однако данная мера при обжаловании была заменена Верховным Судом РФ тремя годами лишения свободы. Следствием этого инцидента стало принятие жителями Терского, Зольского и Урванского районов с преобладающим кабардинским населением решений о возвращении им пастбищных земель, переданных ранее балкарским хозяйствам. Позднее Верховный Совет КБР принял постановление «О земельных вопросах» (13.05.1992), в котором считается правомерным и подлежащим разрешению вопросы о пересмотре границ административных территорий населенных пунктов, а также землепользования колхозов и совхозов [О земельных вопросах... 1994].

Аналогичный инцидент также послужил причиной обострения межнациональных отношений в Терском районе КБР. В одном из общежитий г. Нальчика 29 апреля 1992 г. балкарец убил кабардинца, жителя Терского района. После похорон, 1-2 мая 1992 г. группа кабардинцев учинила погромы на фермах балкарских хозяйств в Терском районе. 2 мая жители кабардинского села Хамидие на сходе потребовали убрать из Терского района балкарские фермы. 3 мая произошло нападение группы кабардинцев на балкарцев – жителей с. Новая Балкария. В урегулировании назревавшего конфликта приняли участие активисты ККН, «Адыгэ Хасэ», НСБН и органов государственной власти [Бабич 1994: 23]. Верховный Совет принял постановление «О правонарушениях, происшедших 29 апреля – 3 мая 1992 года в Кабардино-Балкарской Республике» (12.051992), в котором дано поручение прокурору КБР в кратчайший срок обеспечить окончание расследования уголовных дел, возбужденных по этим фактам, и привлечь виновных к законной ответственности. В постановлении также сказано: «твердо и последовательно противодействовать любым попыткам отдельных лиц, политических партий, общественных организаций придать национальную, политическую окраску инцидентам, возникающим на бытовой почве» [О правонарушениях... 1994].

В целом, в 1992 г. общественные объединения Кабардинского национального движения проводили активную деятельность по урегулированию конфликтных ситуаций и поддержанию межнационального мира в республике, совместно с органами государственной власти КБР. Органы государственной власти КБР решали проблему сохранения межнационального мира в рамках мер по сохранению единства республики. Органам государственной власти КБР во взаимодействии с общественными объединениями Кабардинского и Балкарского национальных движений, удалось предотвратить перерастания криминальных инцидентов в межнациональный конфликт в республике.

Заключение

Таким образом, в начале 1992 г. Кабардинское национальное движение выработало политическую формулу, давшую ориентир всей его деятельности в рассматриваемый период – воссоздание суверенной Кабардинской республики в составе РФ. Это была реакция на фактически сложившуюся с провозглашением в ноябре 1991 г. Республики Балкария ситуацию этнополитического раскола в Кабардино-Балкарии. Альтернатива, стоявшая перед обществом и государственной властью заключалась в том, будет ли доведен процесс разделения республики до логического завершения или произойдет этнополитическая реконсолидация единой КБР. Конгресс кабардинского народа, следуя возложенной на него функции, осуществлял активную деятельность по институционализации кабардинской государственности в составе Российской Федерации. Это привело к конфронтации с руководством Кабардино-Балкарии. Президент и Верховный Совет КБР, занявшие твердую позицию по сохранению единства республики,

предприняли комплекс мер по недопущению разделения КБР на Кабарду и Балкарию. Главными факторами, обусловившими провал проекта Кабардинского национального движения по восстановлению Кабардинской Республики, были: противодействие со стороны властных структур; тупиковая ситуация с определением границ Кабарды и Балкарии экспертными комиссиями ККН и НСБН (комиссии не смогли прийти к компромиссному решению); использование общественными объединениями Кабардинского национального движения значительной части своих ресурсов в деятельности по оказанию поддержки народу Абхазии в борьбе с агрессией. Агрессия Госсовета Грузии против Абхазии оказала значительное влияние на развитие общественно-политической ситуации в Кабардино-Балкарии. В связи с невозможностью решения двух крупномасштабных проблем – восстановления Кабардинской Республики и оказания поддержки народу Абхазии, общественные объединения Кабардинского национального движения сосредоточились на решении второй проблемы, и приостановили решение первой.

Общественные объединения Кабардинского национального движения также проводили активную деятельность по урегулированию конфликтных ситуаций и поддержанию межнационального мира в республике, совместно с органами государственной власти КБР. Руководству КБР во взаимодействии с общественными объединениями Кабардинского и Балкарского национальных движений, удалось предотвратить перерастания криминальных инцидентов в межнациональный конфликт в республике.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Бабич 1994 – *Бабич И.Л.* Развитие этнополитической ситуации в Кабардино-Балкарии // Этнополитическая ситуация в Кабардино-Балкарии / Сост. и отв. ред. И.Л. Бабич. – М.: УОП ИЭИА РАН, 1994. – Т. 1. – С. 15-27.

Боров и др. 1999 – *Боров А.Х., Думанов Х.М., Кажаров В.Х.* Современная государственность Кабардино-Балкарии: истоки, пути становления, проблемы. – Нальчик: Эль-Фа, 1999. – 184 с.

В прокуратуре... 1992 – *В прокуратуре* КБР // Кабардино-Балкарская правда. – 1992.16.10. – № 200 (17973). – С. 1.

Возражение... 1992 – *Возражение* на представление прокурора КБР «О прекращении деятельности Исполкома Конгресса кабардинского народа» // Хасэ. – 1992.07.11. – № 17 (21). – С. 2.

Гугова 2002 – *Гугова М.Х.* Общественно-политические движения Кабардино-Балкарской Республики (II половина 80 – середина 90-х гг. XX века). Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. – Нальчик: КБИГИ, 2002. – 154 с.

Гусейнов 1992 – *Гусейнов О.* Бессрочный митинг в Нальчике завершился // Северный Кавказ. – 1992.10.10. – № 41 (92). – С. 6.

Закон... 1994 – *Закон* Кабардино-Балкарской Советской Социалистической Республики Об общественных объединениях // Этнополитическая ситуация в Кабардино-Балкарии / Сост. и отв. ред. И.Л. Бабич. – М.: УОП ИЭИА РАН, 1994. – Т. 1. – С. 147-154.

К событиям... 1992 – *К событиям* в Нальчике // Кабардино-Балкарская правда. – 1992.29.09. – № 186 (17959). – С. 1.

Кушхабиев 2008 – *Кушхабиев А.В.* Кабардинские добровольцы в Грузино-абхазской войне 1992-1993 гг. – Нальчик: Изд-во М. и В. Котляровых, 2008. – 112 с.

Кушхабиев 2020 – *Кушхабиев А.В.* Становление Кабардинского национального движения (1985-1991) // Электронный журнал «Кавказология». – 2020. – № 1. – С. 163-201. DOI: https://doi.org/10.31143/2542-212X-2020-1-163-201

Мезова 1992a – *Мезова И.* ККН: шаги к реальным делам // Кабардино-Балкарская правда. – 1992.23.06. – № 123 (17895). – С. 3.

Мезова 1992b – *Мезова И.* Парламент поднимает перчатку, брошенную лидерами ККН на съезде кабардинского народа // Кабардино-Балкарская правда. – 1992.29.04. – № 83 (17856). – С. 1.

О земельных вопросах... 1994 – *О земельных вопросах* // Этнополитическая ситуация в Кабардино-Балкарии / Сост. и отв. ред. И.Л. Бабич. – М.: УОП ИЭИА РАН, 1994. – Т. 1. – С. 132.

О правонарушениях... 1994 – *О правонарушениях*, происшедших 29 апреля – 3 мая 1992 года в Кабардино-Балкарской Республике // Этнополитическая ситуация в Кабардино-Балкарии / Сост. и отв. ред. И.Л. Бабич. – М.: УОП ИЭИА РАН, 1994. – Т. 1. – С. 131.

Об итогах... 1992 – *Об итогах* работы комиссии Национального совета балкарского народа по административному устройству по вопросам определения этнической территории и этнических границ Балкарии // Кабардино-Балкарская правда. – 1992.19.07. – № 146 (17839). – С. 3.

Об общественно-политической... 1992 – *Об общественно-политической* ситуации в Кабардино-Балкарской Республике. Выступление Президента Кабардино-Балкарской Республики В.М. Кокова на чрезвычайной сессии Верховного Совета КБР двенадцатого созыва // Кабардино-Балкарская правда. – 1992.10.10. – № 196 (17969). – С. 1.

Об общественно-политической... 1994 – *Об общественно-политической* ситуации, сложившейся в республике в связи с трагическим случаем, произошедшим в с. Яникой // Этнополитическая ситуация в Кабардино-Балкарии / Сост. и отв. ред. И.Л. Бабич. – М.: УОП ИЭИА РАН, 1994. – Т. 1. – С. 103, 104.

Обращение… 1992 – *Обращение* к Верховному Совету КБР, Президенту КБР и народам Кабардино-Балкарии // Нарт. – 1992. – Октябрь. – № 4. – С. 1.

Обращение I Съезда... 1992 – *Обращение I Съезда* кабардинского народа к населению Кабардино-Балкарии // Хасэ. – 1992.11.02. – № 3 (8) – С. 1.

Определение… 1992 – *Определение* // Хасэ. – 1992.17.11. – № 18 (22). – С. 1.

Политическое заявление... 1992 – *Политическое заявление* Верховного Совета, Президента и Правительства Кабардино-Балкарской Республики // Кабардино-Балкарская правда. – 1992.29.04. – № 83 (17856). – С. 1.

Постановление Верховного Совета... 1992a – *Постановление Верховного Совета* Кабардино-Балкарской Республики «О Конгрессе кабардинского народа» // Кабардино-Балкарская правда. – 1992.13.10. – № 197 (17970). – С. 1.

Постановление Верховного Совета... 1992b – *Постановление Верховного Совета* Кабардино-Балкарской Республики «Об общественно-политической ситуации в Кабардино-Балкарской Республике» // Кабардино-Балкарская правда. – 1992.13.10. – № 197 (17970). – С. 1.

Постановление Второго съезда... 1994 – *Постановление Второго съезда* кабардинского народа об этапах воссоздания Кабардинской Республики // Этнополитическая ситуация в Кабардино-Балкарии / Сост. и отв. ред. И.Л. Бабич. – М.: УОП ИЭИА РАН, 1994. – Т. 2. – С. 42-44.

Постановление Конгресса... 1992 – *Постановление Конгресса* кабардинского народа «Об общественно-политической ситуации в КБР» // Кабардино-Балкарская правда. – 1992.17.09. – № 176 (17949). – С. 3.

Постановление о результатах... 1994 – *Постановление о результатах* работы Комиссии ККН по определению этнической границы между Кабардой и Балкарией // Этнополитическая ситуация в Кабардино-Балкарии / Сост. и отв. ред. И.Л. Бабич. – М.: УОП ИЭИА РАН, 1994. – Т. 2. – С. 49, 50.

Постановление О ходе реализации... 1992 – Постановление *«О ходе реализации* постановления I Съезда кабардинского народа по воссозданию Кабардинской Республики» // Хасэ. – 1992.12.12. – № 20 (24). – С. 2.

Постановление общереспубликанского... 1992 – *Постановление общереспубликанского* митинга, проведенного в связи с арестом президента Конфедерации горских народов Кавказа, первого заместителя председателя Конгресса кабардинского народа Ю.М. Шанибова // Къэбэрдей. – 1992. – Октябрь. – № 1. – С. 1.

Постановление Первого Съезда... 1992 – *Постановление Первого Съезда* кабардинского народа «О создании республиканской гвардии» // Хасэ. – 1992.11.02. – № 3 (8). – С. 1.

Постановление I Съезда кабардинского... 1992 – *Постановление I Съезда кабардинского* народа // Хасэ. – 1992.11.02. – № 3 (8). – С. 1.

Постановление Президиума... 1992 – *Постановление Президиума* Верховного Совета Кабардино-балкарской Республики к участникам общереспубликанского митинга «О резолюции митинга, организованного с 24 сентября по 4 октября 1992 года Исполкомом Конгресса кабардинского народа и Советом «Адыгэ Хасэ»» // Хасэ. – 1992.07.11. – № 17 (21). – С. 1.

Постановление III Съезда... 1992 – *Постановление III Съезда* Кабардинского народа о работе ККН и общественно-политической ситуации в КБР // Хасэ. – 1992.12.12. – № 20 (24). – С. 2.

Президенту Кабардино-Балкарской Республики... 1992 – *Президенту Кабардино-Балкарской Республики* Кокову В.М. // Республика. – 1992.22.08. – Спецвыпуск. – С. 3.

Президенту РФ... 1992 – *Президенту РФ.* Б.Н. Ельцину. Председателю ВС РФ Р.И. Хасбулатову. Обращение // Хасэ. – 1992.07.11. – № 17 (21). – С. 2.

Программа деятельности... 1992 – *Программа деятельности* Конгресса кабардинского народа на перспективу // Хасэ. – 1992.12.12. – № 20 (24). – С. 1.

Резолюция общереспубликанского... 1992 – *Резолюция общереспубликанского* собрания адыгских женщин // Хасэ. – 1992.07.11. – № 17 (21). – С. 2.

Решение Первого Съезда... 1992 – *Решение Первого Съезда* кабардинского народа о восстановлении Кабардинской Республики // Хасэ. – 1992.11.02. – № 3 (8) – С. 1.

Тазиев 2014 – *Тазиев Р.Х.* Общественно-политические объединения в Кабардино-Балкарии в 1985-2000 гг. – Нальчик: Принт Центр, 2014. – 356 с.

Территория и расселение... 1992 – *Территория и расселение* кабардинцев и балкарцев в XVIII – начале XX веков. Сборник документов. – Нальчик: Изд-во «Нарт», 1992. – 272 с.

Устав... 1994 – *Устав* Общественно-политического движения «Русскоязычный конгресс» // Этнополитическая ситуация в Кабардино-Балкарии / Сост. и отв. ред. И.Л. Бабич. – М.: УОП ИЭИА РАН, 1994. – Т. 1. – С. 185-187.

УЦДНИ АС КБР – Управление Центра документации новейшей истории Архивной службы Кабардино-Балкарской Республики.

Хроника... 1992 – *Хроника* событий // Нарт. – 1992. – Сентябрь. – № 3. – С. 1.

Чрезвычайное... 1992 – *Чрезвычайное* положение в Нальчике объявлено и тут же приостановлено // Известия. – 1992.29.09. – № 215 (23789). – С. 1.

Шорова 2010 – *Шорова М.Б.* Национальный вопрос в общественно-политической жизни Кабардино-Балкарии: середина 1980-х – 1990-е гг. Автореферат дисс. канд. ист. наук. – Нальчик, 2010. – 23 с.

REFERENCES

BABICH I.L. *Razvitie ehtnopoliticheskoi situatsii v Kabardino-Balkarii* [The development of the ethno-political situation in Kabardino-Balkaria]. IN: *Etnopoliticheskaya situatsiya v Kabardino-Balkarii. Sost. i otvetstvennyi red. I. L. Babich* [Ethnopolitical situation in Kabardino-Balkaria. Comp. and responsible ed. I. L. Babich]. – M.: UOP IEIA RAN, 1994. – Vol. 1. – P. 15-27. (In Russian).

BOROV A.Kh., DUMANOV Kh.M., KAZHAROV V.Kh. *Sovremennaya gosudarstvennost' Kabardino-Balkarii: istoki, puti stanovleniya, problemy* [The modern statehood of Kabardino-Balkaria: sources, ways of formation, problems]. – Nalchik: El-Fa, 1999. – 184 p. (In Russian).

Chrezvychainoe polozhenie v Nal'chike ob"yavleno i tut zhe priostanovleno [A state of emergency in Nalchik declared was and immediately suspended]. IN: Izvestiya. – 1992. – No. 215 (23789). – September 29th. – P. 1. (In Russian)

GUGOVA M.Kh. *Obshchestvenno-politicheskie dvizheniya Kabardino-Balkarskoi Respubliki (II polovina 80 – seredina 90-kh gg. XX veka). Dissertatsiya na soiskanie uchenoi stepeni kandidata istoricheskikh nauk* [Socio-political movements of the Kabardino-Balkarian Republic (II half of the 80s – mid-90s of the 20th century). The dissertation for the degree of candidate of historical sciences]. – Nalchik: KBIGI, 2002. – 154 p. (In Russian).

GUSEINOV O. *Bessrochnyi miting v Nal'chike zavershilsya* [An indefinite rally in Nalchik ended]. IN: Severnyi Kavkaz. – 1992. – No. 41 (92). – October 10th. – P. 6. (In Russian)

K sobytiyam v Nal'chike [To the events in Nalchik]. IN: *Kabardino-Balkarskaya pravda*. – 1992. – No. 186 (17959). – September 29th. – P. 1. (In Russian)

Khronika sobytii [Chronicle of events]. IN: *Nart*. – 1992. – No. 3. –September. – P. 1. (In Russian)

KUSHKHABIEV A.V. *Kabardinskie dobrovol'tsy v Gruzino-abkhazskoi voine 1992-1993 gg*. [Kabardian volunteers in the Georgian-Abkhaz war of 1992-1993 years]. – Nalchik: Izd-vo M. i V. Kotlyarovykh, 2008. – 112 p. (In Russian)

KUSHKHABIEV A.V. *Stanovlenie Kabardinskogo natsional'nogo dvizheniya (1985-1991)* [The Formation of the Kabardian National Movement (1985-1991)]. IN: *Elektronnyi zhurnal «Kavkazologiya»*. – 2020. – No. 1. – P. 163-201. DOI: https://doi.org/10.31143/2542-212X-2020-1-163-201 (In Russian)

MEZOVA I. *KKN: shagi k real'nym delam* [KKN: steps to real affairs]. IN: *Kabardino-Balkarskaya pravda*. – 1992. – No. 123 (17895). – June 23th. – P. 3. (In Russian)

MEZOVA I. *Parlament podnimaet perchatku, broshennuyu liderami KKN na s"ezde kabardinskogo naroda* [Parliament picks up the glove thrown by the leaders of the CKP at the congress of the Kabardian people]. IN: *Kabardino-Balkarskaya pravda*. – 1992. – No. 83 (17856). –April 29th. – P. 1. (In Russian)

O pravonarusheniyakh, proisshedshikh 29 aprelya – 3 maya 1992 goda v Kabardino-Balkarskoi Respublike [On offenses that occurred on April 29 – May 3, 1992 in the Kabardino-Balkarian Republic]. IN: *Etnopoliticheskaya situatsiya v Kabardino-Balkarii. Sost. i otvetstvennyi red. I.L. Babich* [Ethnopolitical situation in Kabardino-Balkaria. Comp. and responsible ed. I.L. Babich]. – M.: UOP IEIA RAN, 1994. – Vol. 1. – P. 131. (In Russian).

O zemel'nykh voprosakh [About land issues]. IN: *Etnopoliticheskaya situatsiya v Kabardino-Balkarii. Sost. i otvetstvennyi red. I.L. Babich* [Ethnopolitical situation in Kabardino-Balkaria. Comp. and responsible ed. I.L. Babich]. – M.: UOP IEIA RAN, 1994. – Vol. 1. – P. 132. (In Russian).

Ob itogakh raboty komissii Natsional'nogo soveta balkarskogo naroda po administrativnomu ustroistvu po voprosam opredeleniya ehtnicheskoi territorii i ehtnicheskikh granits Balkarii [About the results of the work of the commission of the National Council of the Balkarian people on the administrative structure for determining the ethnic territory and ethnic borders of Balkaria]. IN: *Kabardino-Balkarskaya pravda*. – 1992. – No. 146 (17839). – July 19th. – P. 3. (In Russian)

Ob obshchestvenno-politicheskoi situatsii v Kabardino-Balkarskoi Respublike. Vystuplenie Prezidenta Kabardino-Balkarskoi Respubliki V.M. Kokova na chrezvychainoi sessii Verkhovnogo Soveta KBR dvenadtsatogo sozyva [About the socio-political situation in the Kabardino-Balkarian Republic. Speech by the President of the Kabardino-Balkarian Republic V.M. Kokov at the extraordinary session of the Supreme Council of the KBR of the twelfth convocation]. IN: *Kabardino-Balkarskaya pravda*. – 1992. – No. 196 (17969). – October 10th. – P. 1. (In Russian)

Ob obshchestvenno-politicheskoi situatsii, slozhivsheisya v respublike v svyazi s tragicheskim sluchaem, proizoshedshim v s. Yanikoi [About the socio-political situation in the republic in connection with the tragic incident that took place in s. Yanikoy]. IN: *Etnopoliticheskaya situatsiya v Kabardino-Balkarii. Sost. i otvetstvennyi red. I.L. Babich* [Ethnopolitical situation in Kabardino-Balkaria. Comp. and responsible ed. I.L. Babich]. – M.: UOP IEIA RAN, 1994. – Vol. 1. – P. 103, 104. (In Russian).

Obrashchenie I S"ezda kabardinskogo naroda k naseleniyu Kabardino-Balkarii [Appeal of the I Congress of the Kabardian people to the population of Kabardino-Balkaria]. IN: *Khase*. – 1992. – No. 3 (8) – February 02th. – P. 1. (In Russian)

Obrashchenie k Verkhovnomu Sovetu KBR, Prezidentu KBR i narodam Kabardino-Balkarii [Appeal to the Supreme Council of the KBR, the President of the KBR and the peoples of Kabardino-Balkaria]. IN: *Nart*. – 1992. – No. 4. October. – P. 1. (In Russian)

Opredelenie [Decision]. IN: *Khase*. – 1992. – No. 18 (22). – November 17th. – P. 1. (In Russian)

Politicheskoe zayavlenie Verkhovnogo Soveta, Prezidenta i Pravitel'stva Kabardino-Balkarskoi Respubliki [Political statement of the Supreme Council, President and Government of the Kabardino-Balkarian Republic]. IN: *Kabardino-Balkarskaya pravda*. – 1992. – No. 83 (17856). – April 29th. – P. 1. (In Russian)

Postanovlenie «O khode realizatsii postanovleniya I S"ezda kabardinskogo naroda po vossozdaniyu Kabardinskoi Respubliki» [Resolution" On the implementation of the resolution of the I Congress of the Kabardian people to recreate the Kabardian Republic "]. IN: *Khase*. – 1992. – No. 20 (24). – December 12th. – P. 2. (In Russian)

Postanovlenie I S"ezda kabardinskogo naroda [Resolution of the I Congress of the Kabardian people]. IN: *Khaseh*. – 1992. – No. 3 (8). – February 11th. – P. 1. (In Russian)

Postanovlenie III S"ezda Kabardinskogo naroda o rabote KKN i obshchestvenno-politicheskoi situatsii v KBR [Resolution of the III Congress of the Kabardian People on the work of the KKN and the socio-political situation in the KBR]. IN: *Khase*. – 1992. – No. 20 (24). – December 12th. – P. 2. (In Russian)

Postanovlenie Kongressa kabardinskogo naroda «Ob obshchestvenno-politicheskoi situatsii v KBR» [Resolution of the Congress of the Kabardian People “On the Socio-Political Situation in the KBR”]. IN: *Kabardino-Balkarskaya pravda*. – 1992. – No. 176 (17949). – September 17th. – P. 3. (In Russian)

Postanovlenie o rezul'tatakh raboty Komissii KKN po opredeleniyu ehtnicheskoi granitsy mezhdu Kabardoi i Balkariei [Resolution on the results of the work of the Commission of the KKN to determine the ethnic border between Kabarda and Balkaria]. IN: *Etnopoliticheskaya situatsiya v Kabardino-Balkarii. Sost. i otvetstvennyi red. I.L. Babich* [Ethnopolitical situation in Kabardino-Balkaria. Comp. and responsible ed. I.L. Babich]. – M.: UOP IEIA RAN, 1994. – Vol. 2. – P. 49, 50. (In Russian)

Postanovlenie obshcherespublikanskogo mitinga, provedennogo v svyazi s arestom prezidenta Konfederatsii gorskikh narodov Kavkaza, pervogo zamestitelya predsedatelya Kongressa kabardinskogo naroda Yu.M. Shanibova [Resolution of the republican rally held in connection with the arrest of the President of the Confederation of Mountain Peoples of the Caucasus, First Deputy Chairman of the Congress of the Kabardian People Yu.M. Shanibov]. IN: *Kebaerdey*. – 1992. – No. 1. – October. – P. 1. (In Russian)

Postanovlenie Pervogo S"ezda kabardinskogo naroda «O sozdanii respublikanskoi gvardii» [Resolution of the First Congress of the Kabardian People “On the Creation of the Republican Guard”]. IN: *Khase*. – 1992. – No. 3 (8). –February 11th. – P. 1. (In Russian)

Postanovlenie Prezidiuma Verkhovnogo Soveta Kabardino-balkarskoi Respubliki k uchastnikam obshcherespublikanskogo mitinga «O rezolyutsii mitinga, organizovannogo s 24 sentyabrya po 4 oktyabrya 1992 goda Ispolkomom Kongressa kabardinskogo naroda i Sovetom «Adyge Khase»» [Resolution of the Presidium of the Supreme Council of the Kabardino-Balkarian Republic to the participants of the republican rally "On the resolution of the rally organized from

September 24 to October 4, 1992 by the Executive Committee of the Congress of the Kabardian People and the Adyghe Khase Council"]. IN: *Khase*. – 1992. – No. 17 (21). – November 07th. – P. 1. (In Russian)

Postanovlenie Verkhovnogo Soveta Kabardino-Balkarskoi Respubliki «O Kongresse kabardinskogo naroda» [Resolution of the Supreme Council of the Kabardino-Balkarian Republic "On the Congress of the Kabardian People"]. IN: *Kabardino-Balkarskaya pravda*. – 1992. – No. 197 (17970). – October 13th. – P. 1. (In Russian)

Postanovlenie Verkhovnogo Soveta Kabardino-Balkarskoi Respubliki «Ob obshchestvenno-politicheskoi situatsii v Kabardino-Balkarskoi Respublike» [Resolution of the Supreme Council of the Kabardino-Balkarian Republic "On the socio-political situation in the Kabardino-Balkarian Republic"]. IN: *Kabardino-Balkarskaya pravda*. – 1992. – No. 197 (17970). – October 13th. – P. 1. (In Russian)

Postanovlenie Vtorogo s"ezda kabardinskogo naroda ob ehtapakh vossozdaniya Kabardinskoi Respubliki [Resolution of the Second Congress of the Kabardian People on the stages of the reconstruction of the Kabardian Republic]. IN: *Etnopoliticheskaya situatsiya v Kabardino-Balkarii. Sost. i otvetstvennyi red. I.L. Babich* [Ethnopolitical situation in Kabardino-Balkaria. Comp. and responsible ed. I.L. Babich]. – M.: UOP IEIA RAN, 1994. – Vol. 2. – P. 42-44. (In Russian)

Prezidentu Kabardino-Balkarskoi Respubliki Kokovu V.M. [To the President of the Kabardino-Balkarian Republic Kokov V.M.]. IN: *Respublika*. – 1992. – Special issue. – August 22th. – P. 3. (In Russian)

Prezidentu RF. B.N. El'tsinu. Predsedatelyu VS RF R.I. Khasbulatovu. Obrashchenie [To the President of the RF B.N. Yeltsin. To the Chairman of the SC RF R.I. Khasbulatov. Appeal]. IN: *Khase*. – 1992. – No. 17 (21). November 07th. – P. 2. (In Russian)

Programma deyatel'nosti Kongressa kabardinskogo naroda na perspektivu [Program of Activities of the Congress of the Kabardian People for the Future]. IN: *Khase*. – 1992. – No. 20 (24). – December 12th. – P. 1. (In Russian)

Reshenie Pervogo S"ezda kabardinskogo naroda o vosstanovlenii Kabardinskoi Respubliki [The decision of the First Congress of the Kabardian people on the restoration of the Kabardian Republic]. IN: *Khase*. – 1992. – No. 3 (8). – February 11th. – P. 1. (In Russian)

Rezolyutsiya obshcherespublikanskogo sobraniya adygskikh zhenshchin [Resolution of the republican assembly of Circassian women]. IN: *Khase*. – 1992. – No. 17 (21). – November 07th. – P. 2. (In Russian)

SHOROVA M.B. *Natsional'nyi vopros v obshchestvenno-politicheskoi zhizni Kabardino-Balkarii: seredina 1980-kh – 1990-e gg. Avtoreferat diss. kand. ist. nauk.* [The national question in the socio-political life of Kabardino-Balkaria: mid-1980s – 1990s. Abstract of Diss. Cand. of Hist. sciences degree]. – Nalchik, 2010. – 23 p. (In Russian)

TAZIEV R.Kh. *Obshchestvenno-politicheskie ob"edineniya v Kabardino-Balkarii v 1985-2000 gg*. [Socio-political associations in Kabardino-Balkaria in 1985-2000]. – Nalchik: Print Center, 2014. – 356 p. (In Russian)

Territoriya i rasselenie kabardintsev i balkartsev v XVIII – nachale XX vekov. Sbornik dokumentov [Territory and resettlement of Kabardians and Balkars in the XVIII – early XX centuries. Collection of documents]. Foreword and compilation of Kh.M. Dumanov. – Nalchik: Izd-vo «Nart», 1992. – 272 p. (In Russian)

Ustav Obshchestvenno-politicheskogo dvizheniya «Russkoyazychnyi kongress» [The charter of the socio-political movement "Russian-language Congress"]. IN: *Etnopoliticheskaya situatsiya v Kabardino-Balkarii. Sost. i otvetstvennyi red. I.L. Babich* [Ethnopolitical situation in Kabardino-Balkaria. Comp. and responsible ed. I.L. Babich]. – M.: UOP IEIA RAN, 1994. – Vol. 1. – P. 185-187. (In Russian)

UTSDNI AS KBR – Upravlenie Tsentra dokumentatsii noveishei istorii Arkhivnoi sluzhby Kabardino-Balkarskoi Respubliki [Office of the Center for Documentation of the Newest History of the Archival Service of the Kabardino-Balkarian Republic]. (In Russian)

V prokurature KBR [At the prosecutor's office of the KBR]. IN: *Kabardino-Balkarskaya pravda*. – 1992. – No. 200 (17973). – October 16th. – P. 1. (In Russian)

Vozrazhenie na predstavlenie prokurora KBR «O prekrashchenii deyatel'nosti Ispolkoma Kongressa kabardinskogo naroda» [Objection to the presentation of the KBR prosecutor "On the termination of the Executive Committee of the Congress of the Kabardian people"]. IN: *Khase*. – 1992. – No. 17 (21). – November 07th. – P. 2. (In Russian)

Zakon Kabardino-Balkarskoi Sovetskoi Sotsialisticheskoi Respubliki Ob obshchestvennykh ob"edineniyakh [The law of the Kabardino-Balkarian Soviet Socialist Republic on public associations]. IN: *Etnopoliticheskaya situatsiya v Kabardino-Balkarii. Sost. i otvetstvennyi red. I.L. Babich* [Ethnopolitical situation in Kabardino-Balkaria. Comp. and responsible ed. I.L. Babich]. – M.: UOP IEIA RAN, 1994. – Vol. 1. – P. 147-154. (In Russian)

ИСТОРИЯ, ЭТНОЛОГИЯ И АРХЕОЛОГИЯ

Этнография, этнология, антропология

УДК 393.05 (470.6)

DOI 10.31143/2542-212X-2020-2-204-231

ДРЕВНИЕ И СРЕДНЕВЕКОВЫЕ КУРГАНЫ В ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЕ НОГАЙСКОГО НАСЕЛЕНИЯ СТЕПНОГО ПРИКУМЬЯ (ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ И ЭТНОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ)

В.А. ФОМЕНКО

Институт гуманитарных исследований – филиал Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук»
360000, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18
E-mail: fva2005@gmail.com

А.Т. ДЖУМАГУЛОВА

Государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Ставропольский государственный педагогический институт» филиал в г. Ессентуки
357600, Ставропольский край, г. Ессентуки, ул. Долина Роз, 7
E-mail: aigul-men@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена древним и средневековым курганам, сохранившимся в степях Прикумья (восточные районы Ставрополья и северные районы Дагестана). Актуальность данного исследования заключается в том, что авторы рассматривают курганы не как археологические памятники, как часть истории и культуры ногайского населения Северо-Восточного Кавказа. В ходе исследования авторами было установлено, что уцелевшие и утраченные курганы в Нижнем Прикумье довольно многочисленны, и современными исследователями, за редким исключением, воспринимаются как объекты культурного наследия, которые следует изучать сугубо археологическими методами (разведки (инвентаризация и паспортизация) и раскопки, приводящие к полному сносу насыпи курганов). Однако курганы являются неотъемлемой частью исторического ландшафта ногайских степей и в частности плоскостного Прикумья. Данные о курганах, как о части культурного наследия ногайского народа, к сожалению, весьма фрагментарны. Они сохранились в исторических документах (например, на картах), и в описаниях археологических разведок и раскопок, в топонимических сводах, материалах фольклорных и этнографических экспедиций. Актуальность исследования обусловлена и тем, что обобщающие публикации по данной теме отсутствуют. Степные курганы продолжают разрушаться в результате строительных работ, распашки, кладоискательства и других факторов. Авторы статьи затрагивают проблему сохранения историко-культурного ландшафта в степях Прикумья.

Ключевые слова: Северный Кавказ; степное Прикумье; XIV – начало XXI века; археологические памятники; курганы; ногайское население; история; культурные традиции.

ANCIENT AND MEDIEVAL BURIAL MOUNDS IN THE HISTORY AND CULTURE OF THE NOGAI POPULATION OF THE STEPPE PRIKUMYE (HISTORIOGRAPHICAL AND ETHNOGRAPHICAL ASPECTS OF THE STUDY)

V.A. FOMENKO

Institute for the studies in humanities – branch of the FSBSE «Federal Scientific Center 'Kabardin-Balkar Scientific Center of the Russian Academy of Sciences'»
360000, KBR, Nalchik, Pushkin st., 18
E-mail: fva2005@gmail.com

A.T. DZHUMAGULOVA

State budgetary educational institution of higher education
«Stavropol state pedagogical Institute» branch in Yessentuki
357600, Stavropol Territory, Essentuki, st. Valley of Roses, 7
E-mail: aigul-men@mail.ru

Abstract. The article is devoted to ancient and medieval burial mounds preserved in the Prikumye steppes (Eastern regions of Stavropol and Northern regions of Dagestan). The relevance of this research is that the authors consider the mounds not as archaeological monuments, but as part of the history and culture of the Nogai population of the North-Eastern Caucasus. During the study, the authors found that the surviving and lost mounds in the Lower Prikumye are quite numerous, and modern researchers, with rare exceptions, are perceived as objects of cultural heritage that should be studied by purely archaeological methods (exploration (inventory and certification) and excavations leading to complete demolition of the mound mounds). However, the mounds are an integral part of the historical landscape of the Nogai steppes, and in particular the planar Prikumye. Unfortunately, data on the mounds as part of the cultural heritage of the Nogai people is very fragmentary. They are preserved in historical documents (for example, on maps), and in descriptions of archaeological surveys and excavations, in toponymic codes, materials of folklore and ethnographic expeditions. The relevance of the research is also due to the fact that there are no generalizing publications on this topic. Steppe mounds continue to be destroyed as a result of construction work, plowing, treasure hunting and other factors. The authors address the issue of preservation of historical-cultural landscape in the steppes of Prikumye.

Keywords: North Caucasus; steppe Prikumye; XIV – early XXI century; monuments of archeology; mounds; Nogai population; history; cultural traditions.

Введение

Ногайцы – этнос, сформировавшийся на юге Восточной Европы в XIV-XV вв. на основе половецкого (кипчакского) и другого кочевого, в основном тюркоязычного, населения [Трепавлов 2016: 46-79]. Для половцев Предкавказья в дозолотордынский период был характерен подкурганный обряд погребения. Сосредоточение значительного количества захоронений с характерными

чертами в степных районах позволяет говорить о былом расположении здесь половецких кочевий [Зеленский 1998].

В районах наибольшей плотности кочевий половцев в Приазовье, Нижнем Подонье и Подонцовье изучены связанные с курганами святилища с каменными либо деревянными изваяниями (Рис. 1), свидетельствующие о существовании доисламского культа предков [Швецов 1979: 199-210; Гуркин 1998: 29-37; Гугуев, Гуркин 1999: 7-32].

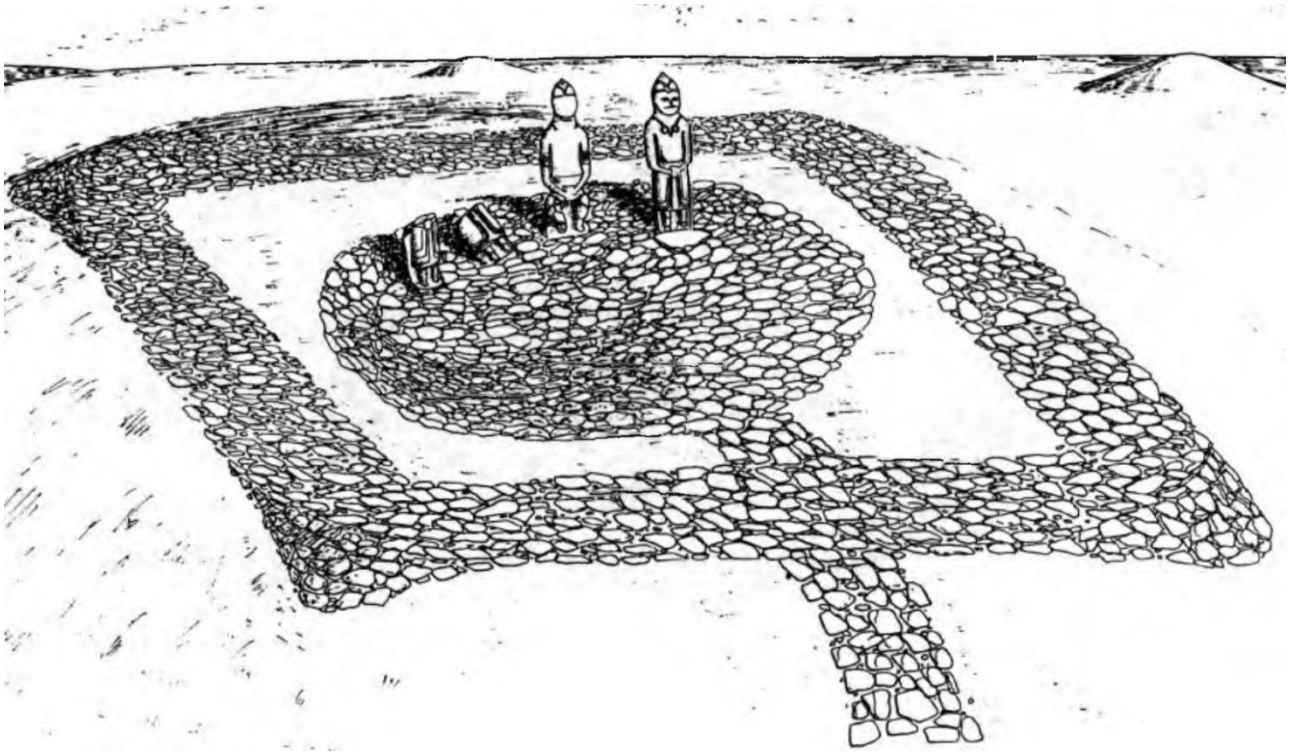

Рис. 1. Вариант реконструкции половецкого накурганного святилища середины XI – начала XIII вв. на правобережье Нижнего Дона (по Ю.К. Гугуеву и С.В. Гуркину, 1999).

Территориально наиболее близким к Прикумским степям изученным половецким поминальным памятником является святилище у с. Бешпагир на Ставрополье [Атавин, Андреева 1998: 231-234].

В период монгольского завоевания большая часть половецких святилищ вероятно была разрушена. В XIV в. среди основного населения Золотой Орды, половцев, происходит распространение ислама. Однако вплоть до современности у потомков половцев, ногайцев, сохранились некоторые элементы древнего культа предков и связанные с ними обычаи почитания курганов. Так при современных раскопках Большого Ипатовского кургана в северной части Ставрополья было открыто, расположенное на вершине насыпи, кладбище ногайцев, включавшее более 150 могил, устроенных в соответствии с мусульманским обрядом. Вероятно, некоторые погребения можно датировать XIX столетием. По сведениям археолога С.Н. Кореневского, исследовавшего памятник, «Узнав о находке, на курган приезжали и современные ногайцы. Они совершали разные ритуальные обряды в честь далеких предков» [Кореневский 2007: 47].

В следствии ряда войн последней трети XVIII и начала XIX в. ногайцы утратили ряд территорий прежнего расселения. В наши дни практически нет ногайских селений в Приазовье, в нижнем течении реки Кубань, в долине реки Калаус. Ногайское население сохранилось в Предкавказье: Верхнее Прикубанье, селение Канглы в Пятигорье. Также к районам Предкавказья, наиболее плотно населенным ногайцами, относятся степное Прикумье (Нефтекумский район Ставрополья и соседние территории Дагестана, в т.ч. Ногайский район).

Ногайцы Прикумья издавна проживает в окружении древних и средневековых курганов, сохранившимся в степях и являющихся частью историко-культурного ландшафта и исторической памятью и наследием местного населения.

Курган – насыпь округлой формы, воздвигнутая над одним или несколькими древними или средневековыми захоронениями. Земляная насыпь кургана часто содержит в себе каменные или другие погребальные конструкции, и иногда окружена рвом. Наиболее ранние курганы появляются на юге Восточной Европы и на Кавказе в эпоху перехода от энеолита к раннему этапу бронзового века [Кореневский 2012: 114-121]. Насыпи древних курганов часто дополнялись более поздними захоронениями и кладбищами (вплоть до XX в.). Сооружение небольших курганных насыпей над погребениями у некоторых народов продолжалось до конца XIX столетия.

Русское слово и археологический термин *курган* является тюркским по происхождению [Гей, Комиссаров 2010: 385]. Однако в современном ногайском языке понятие *курган* (холм, возвышенность, верхушка) обозначается словом *тоьбе* [Ногайско-русский… 2018: 656].

Многочисленные на Северном Кавказе курганы мало и изредка изучаются российскими этнографами, историками, собирателями фольклора и топонимистами. Обычно одиночные курганы, группы курганов и курганные поля рассматриваются как часть общего культурного наследия народов России, которые ввиду древности сооружения курганных насыпей, следует изучать сугубо археологическими методами. К сожалению, согласно принятой методике исследования, раскопки курганов приводят к полному сносу насыпи курганов [Положение… 2018: 23, п. 4-22]. Современное законодательство не запрещает распашку курганов и не может запретить раскопки многих памятников, имеющих не только научную (археологическую) ценность, но и культурно-этническое, а также нравственно-воспитательное значение для местных народов.

Исторические данные о курганах степного Прикумья и других районов, входящих и входивших в области расселения ногайского народа, к сожалению, весьма невелики, хотя, документы по истории ногайцев и ногайских селений хранятся в фондах ряда центральных и региональных архивов. Например, в Государственном архиве Ставропольского края представительны: фонд 249 – Управление главного пристава кочующих народов Ставропольской губернии и фонд 406 – Комиссия для наделения землями кочующих в Кавказской области магометанских народов.

В исторических документах упоминаются отдельные курганы или их группы как географические ориентиры тех или иных военных или иных событий. Нередко курганы фиксировались на старинных картах и схемах.

В качестве примера можно привести публикацию прорисовок карт с обозначением локализации и старинных названий крупных курганов Прикубанья, приведенных в статье И.С. Каменецкого [Каменецкий 2002].

Довольно многочисленные и разные по полноте и детальности отчеты об археологических исследованиях древних и средневековых курганов юга Восточной Европы [Марковин 1960; Державин 1991; Сорокина 2001]. Существенным недочетом многих научных публикаций и неизданных документов является практическое отсутствие данных по истории, фольклору, этнокультурной характеристике этих памятников.

Равнины нижнего Прикумья и наши дни считаются слабо изученными в археологическом отношении. Хотя археологические исследования (в основном разведочного характера) здесь велись. Довольно широкие работы в послевоенные годы здесь проводил видный кавказовед Евгений Игнатьевич Крупнов [Виноградов и др. 1979: 45-46, 57]. В его полевых отчетах за 1946 и 1947 гг. [Крупнов 1946; Крупнов 1947] содержатся ценные сведения о курганах Ногайской степи.

Экспедиция 1946 г. Ее маршрут проходил от города Грозный через станицу Вознесенскую, город Моздок, село Троицкое, селение Ямангой, село Каясула, село Махмут-Мектеб, хутор Русский, село Бажиган, районный центр Терекли-Мектеб, совхоз «Червлёные Буруны» №2, селение Арсланбек, станицу Каргалинская и далее до Грозного [Крупнов 1946: Д. 58. Л. 31; Д. 55. Л. 9. Рис. 26].

Е.И. Крупнов отметил, что: «Из всего обилия разнообразных курганов, покрывающих Моздокскую степь, особо выделяется один гигантский курган, расположенный в 2 км. к востоку от сел. Иргаклы ... Это «Би-тюбе»[1]. () или в полном переводе «царский курган» по-ногайски … среди местного населения бытовала легенда о том, что некогда на вершине кургана стоял шатёр, «князя князей», двор которого был раскинут вокруг кургана. Курган «Би-тюбе» высится громадным холмом среди абсолютно ровной поверхности степи» [Крупнов 1946: Д. 58. Л. 34]. По данным Е.И. Крупнова, высота *Бий тоьбе* в 1946 г. составляла 12,75 м, а если учесть, что вершина была срыта на 1-1,5 м., то высота кургана, вероятно, приближалась к 14 м. Диаметр насыпи равен 88 м. Весь *Бий тоьбе* окружал широкий, сильно оплывший ров (ширина равна 20 м., при глубине до 1 м). В непосредственной близости от кургана *Бий тоьбе* располагались ещё два кургана гораздо меньших размеров [Крупнов 1946: Д. 58. Л. 34-35].

В 3-4 км от *Бий тоьбе* экспедицией был отмечен «громадный и сильно оплывший курган, по величине уступающий «Би-тюбе». ... [его насыпь] несколько удлиненной формы».

[1] Более правильное название *Бий тоьбе.* – В.Ф., А.Д.

Обилие курганов удивляло Е.И. Крупнова: «По дороге в районный центр Каясулу[1], вдоль грейдерной дороги по обе стороны, в окрестностях сс. Ямангой и Бейсей насколько видит глаз всюду можно увидеть курганные группы. Их так много, и они так разбросаны, что, часто не имея никаких ориентиров в ровной степи очень трудно все эти курганы занести на план. Особенно много курганов при подъезде к Каясуле с северо-запада со стороны с. Бейсей». По словам сотрудника местного райисполкома: «при сельско-хозяйственных работах часто встречались в почве бронзовые стрелы, украшения, стеклянная посуда, железные копья, стрелы, сабли. Все это расходилось по рукам, частью уже до войны якобы сдавалась в музей города Махачкала, так как до войны эти районы входили в состав Дагестанской АССР» [Крупнов 1946: Д. 58. Л. 37].

Экспедицией Е.И. Крупнова была зафиксирована курганная группа близ селения Учтюбе-таслы (в настоящее время селение Уч-Тюбе Нефтекумского района Ставропольского края). Группа находилась в 0,5 км от села. Как отмечает исследователь, название *Уьч тоьбе* (с ногайского – три кургана) не совсем правильное, так как группа состоит из четырёх курганов. Один из них очень невысокий и расположен несколько в стороне [Крупнов 1946: Д. 58. Л. 37]. Три крупных кургана *Уьч тоьбе «*...расположены так, что их центры находятся почти на одной линии с запада на восток». Насыпи оплывшей формы. Наибольший курган группы имел высоту 5 м при диаметре 50 м. Его окружал малозаметный, сильно оплывший ров. Весь курган окаймлён прямоугольной в плане оградой, образованной двойной линией канав. Внутри этой своеобразной ограды современное ногайское кладбище. Е.И. Крупнов отметил, что оно было устроено в недавнем прошлом и «все полы большого кургана и площадь, окаймлённая указанными канавами, были покрыты мусульманскими могилами – холмиками». Высота второго (западного) крупного кургана 3,8 м при диаметре насыпи 37 м. Этот курган вместе с центральным окружен канавой, которая в районе самой крупной насыпи «является уже третий канавой». К востоку от большого кургана *Уьч тоьбе* расположена третья насыпь высотой 3,5 и диаметром 36 м [Крупнов 1946: Д. 58. Л. 37-38; Д. 55. Л. 10. Рис. 29]. Все курганы были насыпаны из лёгких песчано-глинистых почв солончаковой степи.

По обе стороны дороги между селениями Кунай и Махмут-Мектеб экспедицией было отмечено несколько курганных групп. Одна курганная группа справа от дороги была окружена двойной линией глубоких рвов и валов в виде гигантского прямоугольника, внутри которого находилось ногайское кладбище. Территория внутри ограды была «... покрыта могилами, ориентированными с запада на восток. Над некоторыми могилами сохранились высокие, тщательно обработаны каменные плиты и памятники. Все они с лицевой стороны раскрашены богато украшены резьбой и арабскими письменами. … на них изображены краской или выбиты рельефом украшения и предметы женского туалета, ... над женскими могилами и черкеска, газыри,

[1] В настоящее время селение Каясула и окрестности входят в состав Нефтекумского района Ставропольского края. – В.Ф., А.Д.

гребешок и поясной набор над мужскими. Некоторые памятники … являются подлинными образцами трудного дела обработки камня» [Крупнов 1946: Д. 58. Л. 39].

Экспедиция 1947 г. (Рис. 2). Ее маршрут также включал в себя несколько регионов Предкавказья, в том числе и северную часть, существовавшей в послевоенные годы Грозненской области, вплоть до реки Кумы [Крупнов 1947: Д. 164. Л. 1].

Рис. 2. Северо-Кавказская экспедиция 1947 г.

Е.И. Крупнов отмечал, что степные пространства, окружающие селение Ачикулак богаты курганами: «Группами и отдельно стоящими холмами, курганы видны в любом направлении от центра сел. Ачикулак. Только в северо-восточном направлении от с. Ачикулак видны на горизонте 53 кургана; некоторые из них достигают значительной высоты; большинство же – небольшие, но сильно оплывшие насыпи».

По дороге от Ачикулака в селение Кара-Тюбе была отмечена группа курганов *Уьч тоьбе* (с ногайского – три кургана) высотой до 3-4 м.

В 2-3 км к западу от селения Кара-Тюбе (в числе других) «высились» два, отдельно стоящие кургана, называемые Большой и Малый Кара-тюбе (по-ногайски *Кара тоьбе* – черный холм [или курган]). По данным Е.И. Крупнова, «Черными курганы названы по цвету поверхности скатов, которые действительно почти лишены растительности, даже полыни».

Рис. 3. Северо-Кавказская экспедиция 1947 г. Курганы *Кара тоьбе* (верхнее изображение) и *Кичи кара тоьбе* (нижнее изображение).

Большой *Кара тоьбе* (или просто *Кара тоьбе* – В.Ф., А.Т.), по данным Е.И. Крупнова, представлял собой огромный курган с довольно крутыми склонами и со срытой вершиной. Высота насыпи – 10,5 м при диаметре 73 м. Учитывая то, что вершина срезана метра на 2, можно предполагать, что действительная высота кургана приближалась к высоте *Бий тоьбе* [Крупнов 1947: Д. 163. Л. 4; Д. 164. Л. 16. Рис. 90].

Несколько южнее *Кара тоьбе* возвышался Малый кара тюбе (Рис. 3)[1]. Высота его насыпи составляла 6 м., при диаметре 60 м. Курган выглядел более оплывшим, особенно с южной стороны [Крупнов 1947: Д. 164. Л. 16. Рис. 91].

[1] В настоящее время насыпи кургана Малый кара тюбе не существует.

На вершине Малого кара тюбе и его склонах были заметны старые следы каких-то раскопок. При осмотре кургана в 1947 г. были найдены два обломка глиняного сосуда, «украшенного нарезным геометрическим орнаментом ранескифского типа». Заведующий местной школой селения Кара-тюбе передал экспедиции «бронзовый втульчатый наконечник двухперой ромбической скифской стрелы (VII-VI вв. до н.э.) ... найденной им у подножья этого кургана». По его словам, несколько лет назад жители села пытались раскопать этот курган. Но из находок были только бронзовые наконечники стрел и глиняные сосуды. По причине этого раскопки были остановлены. Е.И. Крупнов высказал предположение о том, что находки наконечников стрел и сосудов позволяют считать, что в кургане Малый кара-тюбе присутствовали впускные погребения скифского времени [Крупнов 1947: Д. 163. Л. 4].

Рис. 4. Зеид Абдеевич (Абдулхалимович) Кайбалиев. Краевед. Селение Кара-Тюбе. Фото со страницы села Кара-Тюбе в социальной сети Одноклассники (https://ok.ru/karatube).

Е.И. Крупнов писал также, что по словам местного жителя т. Кайбалиева (Рис. 4) у ногайского народа «есть легенды и даже песни, содержащие прямые указания на то, что в таких курганах как «Кара-тюбе», «Сулу-тюбе» и особенно «Би-тюбе» зарыты несметные богатства».

В 1947 г. экспедиция, возглавляемая Е.И. Крупновым, провела также небольшие раскопки на одной из курганных групп, расположенных в степи в 200-250 м к северу от селения Ачикулак [Крупнов 1947: Д. 163. Л. 6; Д. 164. Л. 16. Рис. 92]. Здесь были исследованы подкурганные захоронения эпохи бронзы и скифского времени.

Несколько слов скажем о современном состоянии памятников, осмотренных Е.И. Крупновым более 70 лет назад. Курган *Бий тьобе* (с ногайского – Княжеский или царский курган) сохранился и расположен близ Иргаклы Степновского района. Курган *Сулы тоьбе* (с ногайского – Овсяный курган) расположен в 7,4 км. к югу от юго-западной окраины с. Терекли-

Мектеб (районный центр в Северном Дагестане). По словам местных жителей, ранее возле кургана был небольшой ногайский аул, в советское время назывался Комсомол. До сих пор среди караногайцев есть легенда, что в давние времена, на кургане жил очень богатый князь.

О также сохранившихся курганах *Кара тоьбе* и *Уьч тьобе* близ селения Кара-Тюбе (Нефтекумский район) речь пойдет далее в специальном разделе.

В материалах фольклорных, этнографических и других экспедиций также иногда отражены данные о курганах, связанных с историей ногайцев на юге Восточной Европы (прежде всего на территории Карачаево-Черкесии, Ставрополья, Дагестана и Астраханской области).

Известны немногочисленные публикации каменных надгробий ногайцев (сынтаслар) и надписей-эпитафий. Некоторые такие плиты установлены на курганах [Керейтов, Червонная 2004]. Недавно был опубликован свод намогильных стел Ногайской степи. Книга вводит в научный оборот около трехсот ногайских стел Северо-Западного Прикаспия, датируемых от последней четверти XVIII в. до 70-80-х гг. XX в. [Сынтаслар… 2016].

К историографии проблемы

Истории ногайского населения Предкавказья посвящены многочисленные работы, раскрывающие ее различные этнокультурные [Калмыков и др. 1988; Авксентьев, Аксиев 1998; Керейтов 2009], социально-политические, экономические [Кидирниязов 2003; Джумагулова 2019] и другие аспекты [Бентковский 1883; Ялбулганов 1998; Алиева 2010].

Известны также обобщающие монографии и отдельные статьи по топонимике [Алиева 1996; Булгарова 1999; Булгарова 2016] и фольклору [Османов 1883; Калмыкова 1966; Капаев 2012; Сикалиев 1994; Джанибеков 2019; Ногайская эпическая… 2016] ногайцев.

Однако, как выше отмечалось, данные о роли курганов в истории и культуре ногайцев степного Прикумья весьма разрозненны. Еще более фрагментарно отражены данные по этой теме в публикациях.

В VII выпуске «Сборника статистических сведений о Ставропольской губернии» (1876 г.), выходившего под редакцией И. В. Бентковского, опубликован список курганов (и, вероятно, других возвышенностей – *В.Ф.* и *А.Д.*) на территории Ставропольской губернии [Антонова 1995: 28].

Краеведом-историком П.Н. Кудиновым была предпринята попытка фиксации топонимики ногайских степей Северо-Восточного Кавказа по названию населенных пунктов и курганов. Им были сопоставлены исторические источники, в том числе географические карты второй половины XIX – начала XX вв.

Примечательно, что при сравнении карт Петром Николаевичем было выявлено два совершенно несходных ономастических ареала, идентичных в географических границах. Как он отмечает, ни один из топонимов Ачикулак-Джембойлуко-Едишкульско-Едисанского приставства, не считая конечно

широко употребительных, обозначенных на картах 1874 г., не нашел места на карте 1909 г.

В топонимике Трухмянских и Ачикулакских степей на почвенной карте Ставропольской губернии (1909 г.) упоминаются несколько десятков аулов, из которых до наших дней сохранились лишь отдельные названия: Мангит, Оймаут, Уч тюбе, Эти нокта. Из упоминаемых в начале XX в. более 30 названий курганов в наши дни бытуют только единицы – Кара тюбе, Уч тюбе [Кудинов 2001: 436-437]. Причины явления смены топонимов П.Н. Кудинов, к сожалению, не указал.

Исследователь ногайской топонимии Предкавказья М.А. Булгарова о значении курганов (возвышений) пишет следующее: «Народные обряды, традиционные праздники, сборы проводились обычно у высокого выделяющегося холма, удобного и красивого берега реки. Курганы, а также места, где совершались религиозные ритуалы считались священными. В названиях культовых мест нередко определением выступает прилагательное *ак* «белый», а в составе топонимов в значении «священный», «святой»: *Ак мезар* «Святое кладбище», *Ак мешит* «Святая мечеть», *Ак тас* букв. «Белый камень», здесь в значении «Священный камень», *Ак кая* «Священная скала» ... Почти в каждом ауле есть курган, у которого обычно проводился весенний праздник первой борозды – Сабантой. На вершине кургана устанавливался шатер хана – руководителя праздника. Отсюда названия курганов: *Хан тоьбе* «Хана курган», *Патша той тоьбе* «Царской свадьбы курган», *Той тоьбе* «Свадеб / праздников курган» [Булгарова 1999: 51]. С курганом *Тепреш тоьбе* у сел. Карамурзинский (в Кочубеевском районе Ставрополья) связан старинный и практически забытый праздник Тепреш [Булгарова 1999: 51-52] (о нем речь пойдет ниже в специальном разделе).

В работе Майи Амербиевны упоминается также *Сыйыр тоьбе* «Курган коров» близ аула Эркин-Халк в Карачаево-Черкесии. Это курган островерхий курган имеет также название *Кара тоьбе* «Черный курган» [Булгарова 1999: 235]. Курган *Сынтас тоьбе* (сынтас – намогильный камень) расположен у пос. Эркин-Шахар в Верхнем Прикубанье. По преданию, здесь был похоронен знатный человек [Булгарова 1999: 235]. *Ак мезар тоьбе* «Курган белого кладбища» расположен у аула Кызыл-Юрт в Карачаево-Черкесии. По данным М.А. Булгаровой здесь также находились каменные надгробия сынтас [Булгарова 1999: 117-118].

Современный исследователь религиозных обычаев Ахмет Аминович Ярлыкапов весьма лаконично пишет, что большинство степных ногайских кладбищ в старину было устроено на курганах [Ярлыкапов 2008: 111-112], этот обычай иногда обосновывался целью «... сократить путь правоверному в рай» [Дубровин 1871: 279]. На самом деле, предполагает А.А. Ярлыкапов, это следы древней степной погребальной традиции [Ярлыкапов 2008: 111-112]. В XVII веке путешественник Жан де-Люка отметил, что при погребении ногайцы насыпают над могилой много земли, (курган) [Описание… 1879: 487].

Как отмечалось выше данные археологический исследований курганов редко анализируются учеными других исторических специальностей

(например, этнографами и фольклористами). Материалы о погребениях XVIII-XIX вв., выявленных при изучении древних и средневековых курганов и бескурганных памятников, публикуются редко. В отдельных работах анализируются материалы погребений приазовских ногайцев, хронологически относящихся к Новому времени [Чхаидзе 2012: 49-58; Комаров, Чхаидзе 2013: 17-27].

Редким исключением из указанной тенденции является издание четвертого выпуска «Материалов по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа», в котором рассмотрены результаты археологического исследования двух накурганных мусульманских (ногайских) кладбищ в долине реки Калаус (северные степные районы Ставрополья) у г. Ипатово (Рис. 5). В этом же издании приводятся данные физической антропологии ногайцев рубежа XVIII-XIX – середины XIX в., живших в Прикалаусье и современного ногайского населения Северного Кавказа [Материалы по изучению… 2003].

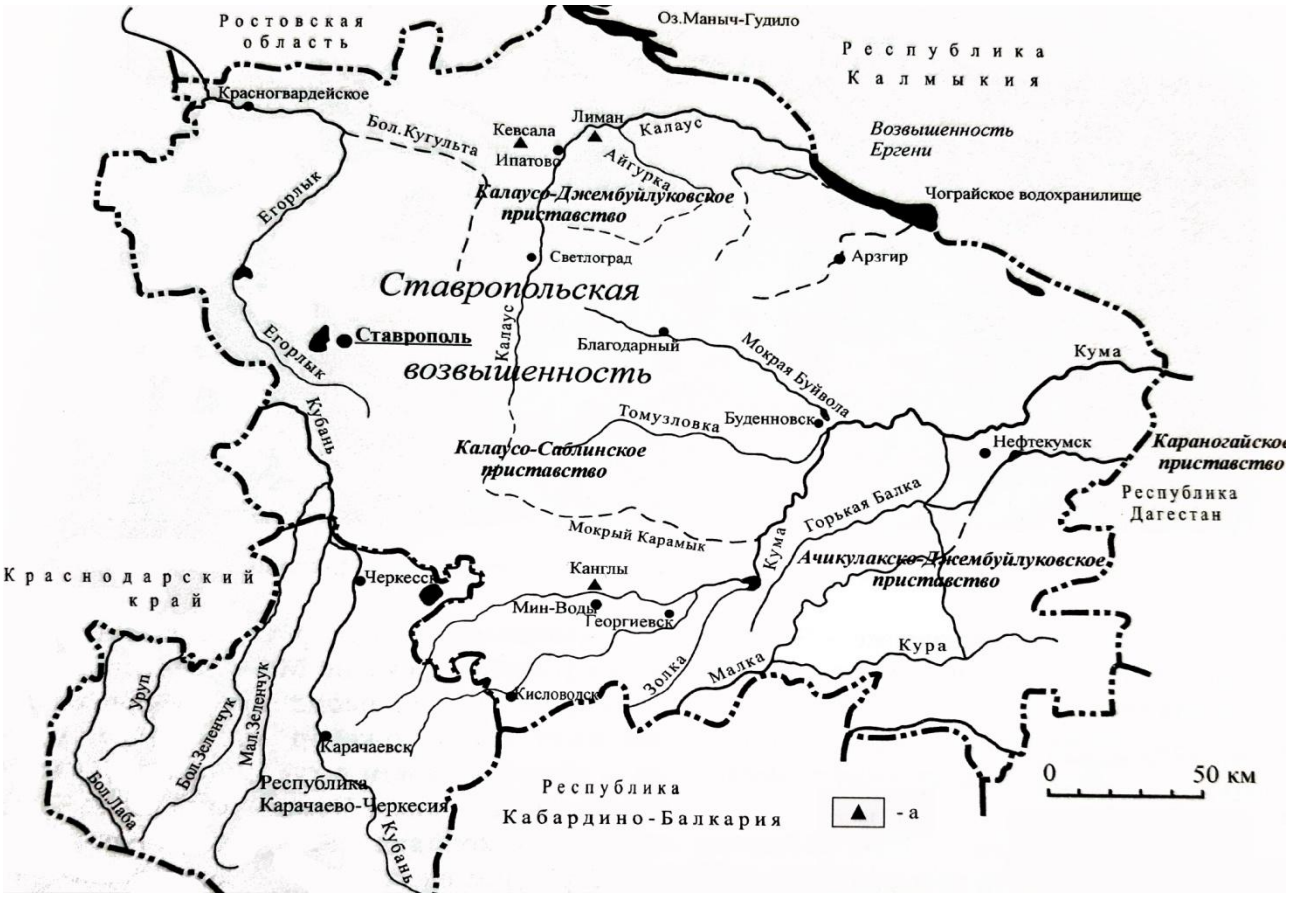

Рис. 5. Схема расселения ногайцев на территории Ставрополья в середине XIX в. (а – населенные пункты, образованные ногайцами после возвращения из Османской империи в 1864-1866 гг.) (по: Материалы по изучению... 2003).

Особенно интересно ногайское кладбище, исследованное на самом большом кургане в окрестностях современного города Ипатово. Некрополь занимал всю юго-западную сторону насыпи откуда открывался вид в сторону Мекки. Выявлены остатки подпрямоугольной в плане ограды в виде рва. Размеры огороженной территории 60х40 м. Здесь исследовано 155

мусульманских могил. Могилы взрослых располагались рядами. Наибольшая концентрация детских захоронений выявлена в центральной части кладбища. На некоторых погребениях сохранились следы надгробий. Общая датировка некрополя – рубеж XVIII-XIX – середина XIX в. [Материалы по изучению… 2003].

Данным изданием и ограничивается историография старинных ногайских накурганных кладбищ.

Следует также сказать несколько слов об обнаруженном возле могил ногайского кладбища на Большом ипатовском кургане гораздо более древнем захоронении. Это погребение знатной молодой женщины сарматского времени, получившей название «ипатовской принцессы». В ее могиле были найдены украшения (гривна, браслеты). Среди погребального инвентаря: кинжал, чаша из дерева, культовые предметы и другие находки [Белинский 2001]. Судя по приведенной реконструкции лица погребенной, она имела ярко выраженные монголоидные черты. Это открытие свидетельствует о том, что степное монголоидное (возможно, тюркоязычное) население из Центральной Азии приходило в степи Северного Кавказа гораздо раньше эпохи гуннского нашествия.

Старинные курганы в окрестностях села Кара-Тюбе (Нефтекумский район Ставропольского края)

17 августа 2019 г. один из авторов настоящей статьи совершил поездку в ряд сел Нефтекумского района Ставропольского края с целью сбора историко-этнографического материала и осмотра здешних курганных групп.

На территории степного Нефтекумья были осмотрены и сфотографированы курганные группы в окрестностях селений Кара-тюбе, Ямангой, Бейсей, Каясула. Местные курганы являются могильниками различных эпох. Плотность сохранившихся курганных насыпей довольно высока. Размеры и другие характеристики насыпи курганов разнообразны. Чаще встречаются небольшие курганные группы, состоящие из одного более крупного и двух курганов меньших размеров. Одиночные курганы иногда отличаются значительной высотой и диаметром. Крупные насыпи располагаются в окрестностях сел Ямангой, Бейсей, Каясула, чаще всего на распаханных участках. Большое количество сохранившихся древних курганных насыпей говорит об относительно плотной заселенности этой местности в эпоху бронзы (IV-II тыс. до н.э.), в скифо-сарматское время и позднее.

В окрестностях села Кара-Тюбе расположено множество отдельных курганов и курганных групп. Небольшие курганы местное население называет *тоьбешек*. Наиболее выразительные курганы в окрестностях села Кара-тюбе: *Кара тоьбе*, *Калмык тоьбе, Уьч тоьбе.* На курганах *Уьч тоьбе* находится действующее мусульманское кладбище.

Название села Кара-Тюбе (с ногайского *кара* – черный, *тоьбе* – курган) – в дословном переводе означает «черный курган». Данные о происхождении этого названия довольно разнообразны и противоречивы. Согласно одной из

неподтвержденных источниками легенд, название села происходит от имени полководца Черного хана[1]. По другой версии, имя селу дал курган, имеющий мрачное и печальное название в связи с тем, что старину в этой местности, во время битвы, пролилась кровь, заставившая курган *Кара тоьбе* почернеть. Также существует версия, что курган был местом казней[2] и потому считался черным (траурным).

В прошлом в кургане *Кара тоьбе* сельчане обнаруживали кости человека, а также сопровождавшие его заупокойные дары (глиняные сосуды, бронзовый нож, топорик, золотое кольцо[3]). В научно-популярной литературе упоминаются и другие курганы в окрестностях села, относящиеся к скифо-сарматской эпохе [История городов… 2002: 464].

Археологические предметы, случайно найденные местными жителями в курганах в округе села Кара-Тюбе, хранятся также в музее здешней средней школы.

Считается, что село Кара-Тюбе образовано в урочище с аналогичным названием в верховьях р. Горькая Балка в 1861 г. 25 декабря 1861 г. часть обществ прикумских ногайцев составили приговор об избрании для оседлой жизни урочища Кара-Тюбе, «где удобная копань хорошей пресной воды и достаточно земли для хлебопашества …» [История городов… 2002: 464]. Селение это представляло собой группу небольших аулов. В 1869 г. в урочище Кара-Тюбе зафиксированы следующие аулы: Оймаут-аул, Етнокта-аул, Индрали Моллы-аул, Кидыш-аул. В них насчитывалось 250 чел., 53 сакли, 3 мечети. Старые наименования: Кёшкен-аул («переехавший аул»), Оймавыт («низина»), Етинокта («семь недоуздков»), Унгут (по названию племени), Уч-Тюбе («три кургана»), Мангыт (по названию племени) [История городов… 2002: 464], а так же Кыдыш, Соин, Куандык-Моллы, Индрали Моллы, Коркут [Административно-территориальное… 2008].

Ачикулакские ногайцы в старину делились на две родовые и географические группы: едисанцев и джембойлуков (остатки Едисанской и Джембойлукской ногайских орд). В урочище Кара-тюбе проживали ногайцы-едисанцы. Они подразделялись на три куба (члены одного родственного колена) – кенегес-бияш, тулуга и буркун [Джанибеков 2019: 455; Административно-территориальное… 2008].

В музее истории средней школы с. Кара-Тюбе (МКОУ СОШ № 12) хранится письмо-ответ на вопрос учащихся школы об истории села Кара-Тюбе, ногайского писателя и просветителя М.К. Курманалиева (1894-1970). В этом документе, датируемом апрелем 1969 г. говорится: «…. Аул Кара-Тюбе назван, названием Кургана – Черный курган. В состав аула Кара-Тюбе входили 4 аулчика[4]. Первый – Мангит, название племени, с запада до южного ряда домов, до дома Кайбалиева Заира. Второе – Етинокта (семь недоузков), от дома

[1] Кара-Тюбе // Нефтекумск.Ру: портал города Нефтекумск. URL: http://www.neftekumsk.ru/neftekumsk/nft-rayon/kara-tyube.html (дата обращения: 15.12.2019).
[2] Там же.
[3] Речь предположительно идет о позолоченной подвеске.
[4] В современном написании – аульчика. – В.Ф., А.Д.

Кайбалиева Заира до дома Азизова Дойна, обе стороны. Третье – Оймаут (низина) от ногайской школы до Махмутовой. Четвертое – Унгут, название племени, начиная от кургана против кирпичного завода до русского Мангита. Напротив ногайского кладбища на востоке назывался Коьшкен аул (перекочевавший аул) – этот аулчик, часть аула Оймаут (Низина). От Оймаут аул до 1924 года был помещен на север Горькой балки, где находится Терско-Кумский канал. Поселок русский-Мангит до Уч-тюбе, переселен русскими, начиная с 1923-24 г., а раньше там жили ногайцы [соседнего] Артезиан-Мангита. В те годы в Кара-Тюбе не было не одного стандартного дома, а были избы, крытые камышом, а также не было ни одного дерева, около дома, был единственный артезианский колодец около Горькой балки, за аулчиком Коьшкен (переехавший аул) …» [Письмо… 1969].

Филолог М.А. Булгарова, разбирая ногайские названия (антропонимы, топонимы) Предкавказья, отмечает, что термин «кара», имеет несколько значений в ногайском языке, и в названиях сел и курганов, употребляется в качестве качественного обозначения «много, большой», соответственно *Кара тоьбе* – Большой курган. Майя Амербиевна отмечает, что на северо-восточной стороне села Кара-Тюбе расположены глубокая балка Орман и курган Тебин. С давних времен ногайцы собирались около кургана Тебин на свои праздники, устраивались скачки. На юго-западной стороне того же села располагался *Кичи кара тоьбе* (дословно – маленький черный курган), чуть далее курганы Ораз и *Уьч тоьбе*. К юго-западу от кургана *Кара тоьбе* располагался курган Шыйкай-киндик [Булгарова 2016: 126-127][1]. Примечательно, что по словам Асана Зеидовича Кайбалива, недалеко от селения Кара-Тюбе находится самое старое в округе кладбище, называемое Шыйкай-мезар (мезар – кладбище). Этому некрополю, по словам местных аксакалов, около четырех или пяти сотен лет[2].

Краевед А.З. Кайбалиев рассказал местную легенду, по которой курган называется «черным», т.к. стал местом расправы. По соседству с кочевыми угодьями ногайцев, проживающих в ауле Кара-Тюбе, располагались калмыцкие зимние кочевья. Взаимоотношения соседствующих народов осложнялись земельными спорами [ГАСК. Ф. 406. Оп. 1. Д. 1. Л. 156; Д. 2. Л. 125]. На одном из курганов, располагавшегося в 3-х км в юго-восточном направлении от кургана *Кара тоьбе*, калмыки проводили религиозные обряды, отчего последний получил название – *Калмык тоьбе*. Но, взаимоотношения живших по соседству народов осложнились после того, как калмыцкий князь украл (с целью жениться) дочь едисанского мурзы. Мурза не дал своего согласия на этот брак, однако отобрать дочь не смог, т.к. силы были не равны. Мурза собрался отомстить. Когда калмыки осенью пришли на зимние кочевья, ногайцы начали убивать (резать) всех попавшихся на их пути калмыков, начиная от кургана *Кара тоьбе* (так же называется в народе *Кан тоьбе* (кровавый курган)) до кургана Коркыт и до Горькой Балки (*Ашы*). Оставшихся в живых, убивали на вершине кургана *Кара тоьбе.* Эти события остались в памяти народа, и с тех

[1] Шыйкай – имя человека, киндик – в данном топониме обозначает курган. – В.Ф., А.Д.
[2] Информация А.З. Кайбалиева, 1939 г.р.

пор эта территория именуется «черной» и «кровавой». Старожилы говорят, что детям нельзя ходить гулять близ кургана *Кара тоьбе*, т.к. там остались неуспокоенные духи, которые могут вызвать болезни, особенно на детей. Также сохранилось поверье, что до 60-х гг. XX в. каждый год в апреле калмыки скрытно ночью проводили на этих курганах поминальные обряды. В 70-е гг. XX в. при строительстве кирпичного завода, близ кургана *Кара тоьбе*, в земле нашли многочисленные кости. Стройка была остановлена[1].

Рис. 6. Курган *Кара тоьбе*. Современный вид. Фото со страницы села Кара-Тюбе в социальной сети Одноклассники (https://ok.ru/karatube).

По данным А.З. Кайбалиева, курган *Кара тоьбе* (Рис. 6) раньше не был таким большим, его насыпь увеличили сами ногайцы, чтобы прикрыть (спрятать) от калмыков курган *Калмык тоьбе*, и прекратить те религиозные обряды на курганах, к которым они ревностно относились[2].

Интересны сведения, оставшиеся в памяти жителей Кара-Тюбе, о существовавших ранее в окрестностях села курганах, но несохранившихся до наших дней. Это курганы: *Кичи кара тоьбе* и *Уьч тоьбе* (группа курганов с повторяющимся названием). Эти курганы были срыты в советскую эпоху. Землю из насыпи курганов использовали для кирпичного завода колхоза имени III Интернационала.

При раскопке кургана *Кичи кара тоьбе* были выявлены захоронения, расположенные головой на север, ногами на юг, а так же погребальный инвентарь (глиняные сосуды, топор и нож из бронзы или меди и другие вещи)[3], предположительно относящийся к эпохе бронзы. В это время была опровергнута легенда о том, что курган назывался черным, т.к. земля под ним черного цвета, однако грунт в насыпи кургана оказался желтый. Все находки были переданы на хранение в Нефтекумский историко-краеведческий музей.

[1] Информация А.З. Кайбалиева, 1939 г.р.
[2] Там же.
[3] Информация М.А. Золотарёвой, 1936 г.р.

Рис. 7. Краеведы селения Кара-Тюбе: А.З. Кайбалиев и М.А. Золотарева. Фото А.Д. Джумагуловой (2019 г.) и со страницы села Кара-Тюбе в социальной сети Одноклассники (https://ok.ru/karatube).

По словам А.З. Кайбалиева, неоднократно при постройке домов сельчане в земле находили кости, и иногда различные вещи (сосуды, наконечники стрел и т. д.). Краевед отмечает, что все село располагается на «старых курганах», а их большое количество в окрестностях связанно с тем, что эта местность была заселена очень давно.

Хотя, существуют и другие точки зрения. А.З. Кайбалиев, говорит, что в детстве он и его сверстники задавали вопросы на эту тему старикам и получали следующий ответ: «Мы сами не видели, но наши отцы нам говорили, что в давние времена, если человек находился в предсмертном состоянии от «плохой» болезни (чума, тиф), то его сажали на лошадь (арбу) и направляли в степь. Вслед за ним посылали всадника. Когда больной падал на землю (умирал), к этому месту направлялись все аульчане, набрав в головной убор земли, и таким образом накрывалось (захоранивалось) тело»[1].

Так же А.З. Кайбалиев отмечает, что в давние времена, ногайцы, проживающие в прикумских степях собирались в урочище кургана *Кара тоьбе*, отправляясь на летние кочевья на более северные территории. То есть эта местность издавна была почитаема среди кочевых ногайских обществ.

Ногайский эпос так же содержит упоминания о черном кургане: «Мырзадар мырза болганда, / Данъылдынъ уьйкен кара тоьбеге, / Шыгып кенъес кылса экен» [Джанибеков 2019: 70]. Этот фрагмент из цикла богатырских песен «Мамай и Орак» переводится как: «Пусть ханы станут

[1] Информация А.З. Кайбалиева, 1939 г.р.

ханами (и когда ими они станут), / То выйдут на простор степи, там где Черный курган / Чтоб дать совет …»[1].

Известным просветителем А.-Х.Ш. Джанибековым в начале XX в. были организованы многочисленные экспедиции с целью сбора исторических, этнографических и фольклорных материалов в ногайских аулах. Абдул-Хамид Шаршембиевич отмечал, что «из содержания ногайских песен видно, что ногайцы, находясь на Кавказе, проводили летнее время в горах, а к зиме избирали кочевья по берегам Терека» [Джанибеков 2019: 468-469]. Так же А.-Х.Ш. Джанибеков отмечает, что во время пребывания ногайцев в горах, часть их перешла на жительство на Кубань с остатками мурз, часть перешла в Ставропольскую губернию, заняв часть долины Кумы [Джанибеков 2019: 470].

В 1793 г. в среде кавказских ногайцев был учрежден российский административный институт приставства. В одно из четырех ногайских приставство вошли Ачикулак-Джембойлукские и Едисанские ногайцы [Калмыков и др. 1988: 42-43]. Они занимали земли закумской степи, которое включало территорию между Моздоком и рекой Кумой. Там кочевали выше названные группы ногайцев [ГАСК. Ф. 249. Оп. 3. Д. 2737. Л. 12-14].

По словам краеведа А.З. Кайбалива на одном из курганов в окрестностях Кара-Тюбе ранее было найдено надгробие с тамгой и датой 1772 год. Так же, по его сведениям, «В селе проживает семья Кедралиевых – они потомки мурз с. Кара-Тюбе. По словам аксакалов их предок, хоть и относился к знатной фамилии, когда прибыл в аул был в очень бедном состоянии. Прибыл он с другими [людьми] со стороны Кубанской линии … В ауле, так как он относился к привилегированной фамилии, [его] одарили всеми благами. По словам стариков [эти] события датируются 1775-1776 гг., когда часть ногайцев переселяют со стороны [нынешнего] Ростова[-на-Дону] на «старые кочевья» к караногайцам, но они остались жить с родственными племенами у а. Кара-Тюбе. С этого периода они «точно» хоронят своих [покойников] на местном кладбище»[2].

Рис. 8. Кладбище села Кара-Тюбе, расположенное на курганах *Уьч тоьбе* (ног. – три кургана). Фото А.Т. Джумагуловой (2019 г.).

[1] Автор перевода – Каратаева Сакинат Исаевна, учитель ногайского языка и литературы МКОУ «Боранчинская СОШ им. К.Б. Оразбаева» с. Боранчи Ногайского района Республики Дагестан.

[2] Информация А.З. Кайбалиева, 1939 г.р.

Рис. 9. Участок кладбища села Кара-Тюбе на курганах *Уьч тоьбе*. Фото А.Т. Джумагуловой (2019 г.).

Традиция располагать кладбища на старых курганах была распространена не только среди местных ногайских обществ. Поселившиеся в данном районе русские крестьяне также иногда устраивают небольшие кладбища. Так одним из авторов статьи осмотрены близ селения Кара-Тюбе православное кладбище (действующее, со слов старожилов, с 1920-1922 гг. и баптистское (заброшенное с 1919 г.).

Праздник Тепреш

Этот старинный весенний праздник, связанный с курганами, сохранился у ногайцев в двух селах Ставропольского края (аул Карамурзинский Кочубеевского района и аул Канглы близ города Минеральные Воды).

По данным жительницы аула Канглы Минераловодского района Ставрополья Майи Султанбековны Рамазановой: «Тепреш проводится в Канглах ежегодно в пятницу до христианской[1] Пасхи (христианская Пасха в воскресенье, наша Пасха в пятницу). Раньше с детьми выходили, с семьями, заранее красили яйца, брали сладости угощения, и шли на курган Майли-тоьбе (Кес-аул[2]) или на курган Борсыклы (за рекой Суркуль) (Янак-пати аул) и с кургана катали яйца, разбивали их, затем ели, проводилось гуляние с музыкой (гармошка, пение), играли в национальные игры. Говорят, что праздник пришел еще со времен язычества. Последние 2-3 года из-за угрозы-клещей уже не так широко празднуется в селе»[3].

Бабушка Майи Султанбековны, объясняя происхождение праздника Тепреш, говорила следующее: «Каьфирлерден алдым, орыслардан алдым, авага

[1] Речь идет о православном празднике. – В.Ф., А.Д.
[2] Имеется ввиду часть крупного аула Канглы. – В.Ф., А.Д.
[3] Информация М.С. Рамазановой, 1960 г.р.

шыгып, яс коьк оьленди таптап, йымырткандын кавыгын ерге туьсирмеге» / «У безбожников взяли, у русских (христиан) взяли, вышли на природу (чистый воздух), по зеленой траве прошлись, и яйцо в скорлупе по земле пустили …»[1].

Похожий календарный праздник Тепреч сохранился у части крымских татар (вероятно, ногайского происхождения) [Бушаков 2013: 19-22], проживающих в пределах современной Турции. В.А. Бушаков проанализировал происхождение слова тепреш/тепреч и обрядов этого праздника. Исследователь пришел к выводу о среднеазиатском или иранском происхождении Тепреча. Причем, в Крыму, как предполагал В.А. Бушаков, появился благодаря кочевникам-ногайцам, передавших этот праздник родственному, крымско-татарскому населению. Слово тепреш/тепреч происходит от персидского слова тäфäрродж, что означает «прогулка, гуляния» [Бушаков 2013: 19-22].

Однако, учитывая различия в признаках архаичности обрядов праздника у этнически и культурно связанных народов – крымских татар и у ногайцев [Зинеева 2014], можно предположить существенное культурное влияние и ираноязычных народов Крыма и юга Восточной Европы, и кочевников-кипчаков, и византийского православия, и генуэзского христианства и многих других факторов, детальное рассмотрение которых заслуживает отдельного исследования.

Выводы

Значительное количество исторической информации о курганах заключают в себе связанные с ними топонимы и данные фольклора. Сравнение названий курганов в пределах Предкавказья показывает повторяемость таких тюркских (ногайских) оронимов как *Кара тоьбе* и особенно *Уьч тьобе*. Перенос названий вероятно связан с миграциями ногайского населения в XVIII-XIX вв. Так *Кара тоьбе* известен в Среднем Прикубанье. На военно-топографических картах XIX в. упоминается Каратюбинский брод через реку Лабу в районе станицы Петропавловской современного Курганинского района Краснодарского края. В 1841 г. в этой местности располагался одноименный кордонный пост. Историк В.Б. Виноградов предполагал, что топоним «Каратюбинский брод» происходит от ногайского словосочетания *Кара тоьбе* и связан с существовавшим здесь когда-то крупным старинным намогильным курганом [Виноградов 1993: 28]. Видимо, этот курган обозначен на карте 1841 г. к северу от нынешней ст. Петропавловской [Каменецкий 2002: 37-38]. К сожалению, в отличие от прикумского *Кара тоьбе,* для прикубанского кургана фольклорные объяснения его названия не известны.

Рассмотрение этнографических материалов о весеннем празднике Тепреш позволило скорректировать возможные пути генезиса этого календарного торжества у ногайцев и крымских татар. Характерно, что бытование праздника у ногайцев в селении Карамурзинском на Кубани и в ауле Канглы в Пятигорье и в наши дни связано с курганами, т. е. древними намогильными насыпями.

[1] Информация и перевод с ногайского М.С. Рамазановой, 1960 г.р.

Анализ и сопоставление археологических, исторических, этнографических и других данных показывают динамику роли курганов в жизни ногайского этноса. Пока можно выделить 3 этапа и в общих чертах обозначить их хронологию.

1. Половецко-раннеисламский этап (XI-XVII вв.). Типично использование более древних курганов для совершения впускных захоронений людей и создание святилищ длительно существовавшего культа предков.

2. Этнографический этап (XVIII-XIX вв.) характеризуется интеграцией языческих по происхождению культов в исламские традиции. Курганы часто используются для устройства кладбищ с погребениями по исламскому обряду.

3. Современный этап (конец XIX – начало XXI в.). Кладбища на курганах продолжают создаваться на новых местах в связи с полной оседлостью и сокращением территории ногайского этноса. Часть изначально языческих культов связанных с курганами (почитание предков, весенний праздник Тепреш) продолжают существовать в традиционном исламе ногайцев Прикумья.

Разноаспектное рассмотрение роли курганов в жизни ногайского населения в старину и в наши дни позволяет прийти к выводу, что этот этнос довольно сильно связан с курганами как историческими памятниками непосредственных предков и частью рельефа, позволяющей устраивать кладбища на возвышенностях.

6. Благодарности

Пользуясь случаем, авторы благодарят за ценную информацию жителей селения Кара-Тюбе Нефтекумского района А.З. Кайбалиева и М.А. Золотарёву, а также жительницу с. Канглы Минераловодского района Ставропольского края М.С. Рамазанову. Благодарим за помощь в переводе на русский язык С.И. Каратаеву – учителя ногайского языка из с. Боранчи Ногайского района Республики Дагестан. Мы также благодарны авторам страницы села Кара-Тюбе в социальной сети Одноклассники (https://ok.ru/karatube).

Список информаторов

1. Золотарёва Мария Андреевна, 1936 г.р., селение Кара-Тюбе, учитель истории местной средней школы № 12, на пенсии.

2. Кайбалиев Асан Зеидович, 1939 г.р., селение Кара-Тюбе, краевед член общественных ногайских организаций.

3. Рамазанова Майя Султанбековна, 1960 г.р., в прошлом работала педагогом МБОУ СОШ № 1 а. Канглы Минераловодского района, в настоящее время актриса РГБУ «Ногайский драматический театр» (г. Черкесск), заслуженная артистка Карачаево-Черкесской республики.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Авксентьев, Аксиев 1998 – *Авксентьев А.В., Аксиев А.З.* Ногайцы Ставрополья. – Ставрополь: Ставропольский государственный университет, 1998. – 43 с.

Административно-территориальное… 2008 – *Административно-территориальное* устройство Ставрополья с конца XVIII века по 1920 г.: справочник / отв. сост. Г.А. Никитенко. – Ставрополь: Комитет Ставропольского края по делам архивов, 2008 // Государственный архив Ставропольского края: сайт. URL: http://www.stavarhiv.ru/userfiles/file/2018/АТД%202008%20_FR12.pdf (дата обращения 10.12.2019).

Алиева 1996 – *Алиева С.И.* Топонимия ногайцев на Кубани. – Армавир: АГПИ, 1996. – 40 с.

Алиева 2010 – *Алиева С.И.* Ногайские тюрки (XV-XX вв.). – Баку: Şərq-Qərb, 2010. – 332 с.: ил.

Антонова 1995 – *Антонова Е.Е.* «Сборник статистических сведений о Ставропольской губернии» как исторический источник // Вестник Самарского государственного университета. – 1995. – № 5/1 (64). – С. 24-31.

Атавин, Андреева 1998 – *Атавин А.Г., Андреева М.В.* Половецкое святилище из Ставрополья // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. – Ставрополь: ГП «Наследие», 1998. – Вып. 1. – С. 231-234.

Белинский 2001 – *Белинский А.Б.* Тайна «Ипатовской принцессы»: древнее захоронение в Ипатовском районе // Памятники Отечества. Вся Россия. Земля Ставропольская. Иллюстрированный альманах. – М.: Молодая гвардия, 2001/3. – Вып. 48. – Т. 1. – С. 26-29.

Бентковский 1883 – *Бентковский И.В.* Историко-статистическое обозрение инородцев-магометан, кочующих в Ставропольской губернии. Ч. 1: Ногайцы. – Ставрополь: Типография Губернского правления, 1883. – 134 с.

Булгарова 1999 – *Булгарова М.А.* Ногайская топонимия. – Ставрополь: Сервисшкола, 1999. – 320 с.

Булгарова 2016 – *Булгарова М.А.* Ногайские имена собственные. – Черкесск: Карачаево-Черкесское республиканское книжное издательство, 2016. – 256 с.

Бушаков 2013 – Бушаков В.А. Про похождення ногайського свята «Тепреш» і його назви, та про кримсько-татарське свято дервіза // Східний світ. – 2013. – №1. – С. 19-22.

Виноградов 1993 – *Виноградов В.Б.* Топонимия Средней Кубани. – Армавир: Армавирский государственный педагогический институт, 1993. – 72 с.

Виноградов и др. 1979 – *Виноградов В.Б., Петренко В.А., Мялковский В.А.* К этнической истории Северо-Западного Прикаспия в I тыс. до н.э. – XVIII в. н.э. // Археология и вопросы этнической истории Северного Кавказа / отв. ред. В.Б. Виноградов. – Грозный: Чечено-Ингушский государственный университет им. Л.Н. Толстого, 1979. – С. 45-58.

ГАСК – *Государственный архив Ставропольского края.*

Гей, Комиссаров 2010 – *Гей А.Н., Комиссаров С.А.* Курган // Большая российская энциклопедия: в 30 т. – М.: Большая Российская энциклопедия, 2010. – Т. 16. – С. 385.

Гугуев, Гуркин 1999 – *Гугуев Ю.К., Гуркин С.В.* Половецкое святилище середины XI – начала XIII вв. на правобережье Нижнего Дона // История и культура народов степного Предкавказья и Северного Кавказа: проблемы межэтнических отношений. – Ростов-на-Дону: Издательство Ростовской государственной консерватории им. С.В. Рахманинова, 1999. – С. 7-32.

Гуркин 1998 – *Гуркин С.В.* Святилища половецкого времени с деревянными изваяниями из раскопок Волго-Донской археологической экспедиции ЛО ИА СССР // Донская археология. – 1998. – №1. – С. 29-37.

Державин 1991 – *Державин В.Л.* Степное Ставрополье в эпоху ранней и средней бронзы. – М.: Институт археологии, 1991. – 186 с.: ил.

Джанибеков 2019 – *Джанибеков А.-Х.Ш.* Сокровищница слов. Соьз казнасы / отв. ред. С.А. Кукаева. – М.: Наука, 2019. – 709 с.

Джумагулова 2019 – *Джумагулова А.Т.* Ногайцы Северного Кавказа, Крыма и Северного Причерноморья в социально-политических и экономических коллизиях XVIII – 60-х гг. XIX вв. – Пятигорск: РИА-КМВ, 2019. – 248 с.

Дубровин 1871 – Дубровин Н.Ф. История войны и владычества русских на Кавказе: в 6 т. – Очерк Кавказа и народов его населяющих. – СПб.: Типография Департамента уделов, 1871. – Т. 1. – Кн. 1. – 640 с.

Зеленский 1998 – *Зеленский Ю.В.* Картирование половецких кочевий Прикубанья и Закубанья с помощью археологических источников // XX юбилейные международные Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа. – Железноводск-Ставрополь: Изд-во СГУ, 1998. – С. 40-42.

Зинеева 2014 – *Зинеева З.З.* Ногайцы и крымские татары: к вопросу об исторических связях // Современная научная мысль. – 2014. – № 2. – С. 11-19.

История городов… 2002 – *История городов* и сел Ставрополья: краткие очерки / науч. ред. Д.В. Кочура, А.А. Кудрявцев. – Ставрополь: Кн. изд-во, 2002. – 702 с.: ил.

Калмыков и др. 1988 – *Калмыков И.Х., Керейтов Р.Х., Сикалиев А.И.-М.* Ногайцы: Историко-этнографический очерк. – Черкесск: Ставропольское книжное издательство Карачаево-Черкесское отделение, 1988. – 232 с.

Калмыкова 1966 – *Калмыкова С.А.* Ногайские народные сказки (на ногайском языке). – Черкесск: Ставропольское книжное издательство, Карачаево-Черкесское отделение, 1966. – 142 с.: ил.

Каменецкий 2002 – *Каменецкий И.С.* Археологические памятники на старый картах Прикубанья // Очерки истории отечественной археологии / отв. ред. И.С. Каменецкий, А.А. Формозов. – М.: Наука, 2002. – Вып. III. – С. 8-61.

Капаев 2012 – *Капаев И.С.* Ногайские мифы, легенды и поверья: опыт мифологического словаря. – М.: Голос-Пресс, 2012. – 424 с.

Керейтов 2009 – *Керейтов Р.Х.* Ногайцы: особенности этнической истории и бытовой культуры. – Ставрополь: Сервисшкола, 2009. – 464 с.

Керейтов, Червонная 2004 – *Керейтов Р.Х., Червонная С.М.* Эпиграфика Ногайской степи // Татарская археология. – 2004. – № 10-11. – С. 168-209.

Кидирниязов 2003 – *Кидирниязов Д.С.* Взаимоотношения ногайцев с народами Северного Кавказа и Россией в XVI-XIX вв. – Махачкала: Издательский дом «Эпоха», 2003. – 216 с.

Комаров, Чхаидзе 2013 – *Комаров С.Г., Чхаидзе В.Н.* Ногайцы Восточного Приазовья по данным краниологии // Вестник Челябинского государственного университета. – 2013. – № 12 (303). История. – Вып. 55. – С. 17-27.

Кореневский 2007 – *Кореневский С.Н.* Современник пирамид. Большой Ипатовский курган на Ставрополье // Достояние поколений. – 2007. – № 2 (3). С. 42-47.

Кореневский 2012 – *Кореневский С.Н.* Рождение кургана (погребальные памятники энеолитического времени Предкавказья и Волго-Донского междуречья). – М.: Таус, 2012. – 256 с.

Крупнов 1946 – *Крупнов Е.И.* Отчет о работе Северо-Кавказской археологической экспедиции 1946 г. // Научно-отраслевой архив Института археологии РАН. – Ф-1. – Р-1. – № 58. – 37 л. – № 55. Альбом иллюстраций к отчету. – 12 л., 33 ил.

Крупнов 1947 – *Крупнов Е.И.* Отчет Северо-Кавказской экспедиции 1947 г. // Научно-отраслевой архив Института археологии РАН. – Ф-1. – Р-1. – № 163. – 149 л. – № 164. Альбом иллюстраций к отчету. – 28 л., 164 ил.

Кудинов 2001 – *Кудинов П.Н.* Нефтекумье. – Астрахань: Новая линия, 2001. – 500 с.

Марковин 1960 – *Марковин В.И.* Культура племен Северного Кавказа в эпоху бронзы. – М.: Издательство Академии наук СССР, 1960. – 151 с.: ил.

Материалы по изучению… 2003 – *Материалы по изучению* историко-культурного наследия Северного Кавказа. Вып. IV: Антропология ногайцев. – М.: «Памятники исторической мысли». 2003. – 244 с.

Ногайская эпическая… 2016 – *Ногайская эпическая* поэма Эдиге / ред. Н.Х. Суюнова. – М.: Наука, 2016. – 512 с.: ил.

Ногайско-русский… 2018 – *Ногайско-русский* словарь / ред. К.Н. Мусаев. – М.: Наука – Восточная литература, 2018. – 895 с.

Описание… 1879 – *Описание* перекопских и ногайских татар, черкесов, мингрелов и грузин Жана де-Люка, монаха Доминиканского ордена (1625) // Записки Императорского Одесского общества истории и древностей: в 33 т. – Одесса: Франко-русская типография Л. Даникана, 1879. – Т. 11. – С. 473-502.

Османов 1883 – Османов М.-Э. Сборник ногайских и кумыкских песен. – СПб., 1883. – 53 с.

Письмо… 1969 – *Письмо* писателя М.К. Курманалиева об истории села Кара-Тюбе (апрель 1969 г.) // Фонды Музея истории средней школы (МКОУ СОШ № 12) с. Кара-Тюбе Нефтекумского района Ставропольского края.

Положение … 2018 – *Положение* о порядке проведения археологических полевых работ и составления научной отчётной документации. – М.: Институт археологии РАН, 2018. – 62 с.

Сикалиев 1994 – *Сикалиев А.И-М.* Ногайский героический эпос. – Черкесск: КЧИГИ, 1994. – 327 с.

Сорокина 2001 – *Сорокина И.А.* Курганные могильники Закубанья. – Краснодар: Крайбибколлектор, 2001. 282 с.: ил.

Сынтаслар… 2016 – *Сынтаслар*. Намогильные стелы Ногайской степи / отв. ред. В.А. Кореняко [и др.]. – М.: Издательский дом Марджани, 2016. – 672 с.: ил.

Трепавлов 2016 – *Трепавлов В.В.* История Ногайской Орды / отв. ред. М. А. Усманов. 2-е изд. – Казань: Издательский дом «Казанская недвижимость», 2016. – 764 с.

Чхаидзе 2012 – *Чхаидзе В.Н.* Погребения ногайцев в Восточном Приазовье и их степные параллели // Проблеми археології Подніпров'я. – Дніпропетровськ: Дніпропетровський національний університет ім. О. Гончара, 2012. – С. 49-58.

Швецов 1979 – *Швецов М.Л.* Половецкие святилища // Советская археология. – 1979. – № 1. – С. 199-210.

Ялбулганов 1998 – *Ялбулганов А.А.* Очерки военной истории ногайцев. Научно-популярный сборник. – М., 2004. –137 с.

Ярлыкапов 2008 – *Ярлыкапов А.А.* Ислам у степных ногайцев. – М.: Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая, 2008. – 266 с.

REFERENCES

Administrativno-territorial'noe ustroistvo Stavropol'ya s kontsa XVIII veka po 1920 g.: spravochnik / otv. sost. G.A. Nikitenko [Administrative-territorial structure of Stavropol from the end of the XVIII century to 1920: directory. Compiled by G.A. Nikitenko]. – Stavropol': Komitet Stavropol'skogo kraya po delam arkhivov, 2008. IN: State Archive of the Stavropol Territory: website. URL: http://www.stavarhiv.ru/userfiles/file/2018/ATD%202008%20_FR12.pdf (date of access: 10.12.2019) (In Russian)

ALIEVA S.I. *Nogaiskie tyurki (XV-XX vv.)* [Nogai Turks (XV-XX centuries)]. – Baku: Şərq-Qərb, 2010. – 332 p.: il. (In Russian)

ALIEVA S.I. *Toponimiya nogaitsev na Kubani* [Toponyms of Nogais in Kuban]. – Armavir: AGPI, 1996. – 40 p. (In Russian)

ANTONOVA E.E. *«Sbornik statisticheskikh svedenii o Stavropol'skoi gubernii» kak istoricheskii istochnik* [«Collection of statistical information about the Stavropol province» as a historical source] IN: Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo universiteta. – 1995. – No. 5/1 (64). – P. 24-31. (In Russian)

ATAVIN A.G., ANDREEVA M.V. *Polovetskoe svyatilishche iz Stavropol'ya* [Polovtsian sanctuary from Stavropol]. IN: *Materialy po izucheniyu istoriko-kul'turnogo naslediya Severnogo Kavkaza* [Materials on the study of the historical and cultural heritage of the North Caucasus]. – Stavropol': GP «Nasledie», 1998. – Iss. 1. – P. 231-234. (In Russian)

AVKSENT'EV A.V., AKSIEV A.Z. *Nogaitsy Stavropol'ya* [Nogais In The Stavropol Territory]. – Stavropol': Stavropol'skii gosudarstvennyi universitet, 1998. – 43 p. (In Russian)

BELINSKII A.B. *Taina «Ipatovskoi printsessy»: drevnee zakhoronenie v Ipatovskom raione* [The Secret of the «Ipatovo Princess»: an ancient burial in the Ipatovsky district]. IN: *Pamyatniki Otechestva. Vsya Rossiya. Zemlya Stavropol'skaya. Illyustrirovannyi al'manakh* [Monuments of the Fatherland. All Russia. Land of Stavropol. Illustrated Almanac]. – Moscow: Molodaya gvardiya, 2001/3. – Iss. 48. – Vol. 1. – P. 26-29. (In Russian)

BENTKOVSKII I.V. *Istoriko-statisticheskoe obozrenie inorodtsev-magometan, kochuyushchikh v Stavropol'skoi gubernii. Ch. 1: Nogaitsy* [Historical and statistical review of foreign Mohammedans roaming in the Stavropol province. Part 1: Nogais]. – Stavropol': Tipografiya Gubernskogo pravleniya, 1883. – 134 p. (In Russian)

BULGAROVA M.A. *Nogaiskaya toponimiya* [Nogai toponymy]. – Stavropol': Servisshkola, 1999. – 320 p. (In Russian)

BULGAROVA M.A. *Nogaiskie imena sobstvennye* [Nogai proper names]. – Cherkessk: Karachaevo-Cherkesskoe respublikanskoe knizhnoe izdatel'stvo, 2016. – 256 p. (In Nogai)

BUSHAKOV V.A. *Pro pokhozhdennya nogais'kogo svyata «Tepresh» i iogo nazvi, ta pro krims'ko-tatars'ke svyato derviza* [About the adventure of the Nogai holiday «Tepresh» and its names, and about the Crimean Tatar holiday of Derviz]. IN: Skhidnii svit. – 2013. – No. 1. – P. 19-22. (In Ukrainian)

CHKHAIDZE V.N. *Pogrebeniya nogaitsev v Vostochnom Priazov'e i ikh stepnye paralleli* [Nogai Burials in the Eastern Azov region and their steppe Parallels]. IN: *Problemi arkheologiï Podniprov'ya* [Problems of Dnieper archeology]. – Dnipropetrovs'k: Dnipropetrovs'kii natsional'nii universitet im. O. Gonchara, 2012. – P. 49-58. (In Russian)

DERZHAVIN V.L. *Stepnoe Stavropol'e v epokhu rannei i srednei bronzy* [Steppe Stavropol in the early and middle bronze age]. – Moscow: Institut arkheologii, 1991. – 186 p.: il. (In Russian)

DUBROVIN N.F. *Istoriya voiny i vladychestva russkikh na Kavkaze: v 6 t. Ocherk Kavkaza i narodov ego naselyayushchikh* [History of the war and Russian rule in the Caucasus: in 6 vols. Essay of the Caucasus and the peoples who inhabit it]. – Saint-Petersburg: Tipografiya Departamenta Udelov, 1871. – Vol. 1. – Book 1. – 640 p. (In Russian)

DZHANIBEKOV A.-Kh.Sh. *Sokrovishchnitsa slov* [A treasure trove of words. Edited by S.A. Kukaeva]. – Moscow: Nauka, 2019. – 709 p. (In Nogai and in Russian)

DZHUMAGULOVA A.T. *Nogaitsy Severnogo Kavkaza, Kryma i Severnogo Prichernomor'ya v sotsial'no-politicheskikh i ekonomicheskikh kolliziyakh XVIII – 60-kh gg. XIX vv.* [Nogais of the North Caucasus, Crimea and the Northern Black sea region in the socio-political and economic conflicts of the XVIII-60s of the XIX century]. – Pyatigorsk: RIA-KMV, 2019. – 248 p. (In Russian)

GASK – Gosudarstvennyi arkhiv Stavropol'skogo kraya [State archive of Stavropol territory] (In Russian)

GEI A.N., KOMISSAROV S.A. *Kurgan* [Kurgan]. IN: *Bol'shaya rossiiskaya entsiklopediya* [Great Russian Encyclopedia]: in 30 vols. – Moscow: Bol'shaya Rossiiskaya entsiklopediya, 2010. – Vol. 16. – P. 385 (In Russian)

GUGUEV Yu.K., GURKIN S.V. *Polovetskoe svyatilishche serediny XI – nachala XIII vv. na pravoberezh'e Nizhnego Dona* [Polovtsian sanctuary of the mid-XI – early XIII centuries on the right Bank of the Lower don]. IN: *Istoriya i kul'tura narodov stepnogo Predkavkaz'ya i Severnogo Kavkaza: problemy mezhetnicheskikh otnoshenii* [History and culture of the peoples of the steppe Ciscaucasia and the North Caucasus: problems of interethnic relations]. – Rostov-na-Donu: Izdatel'stvo Rostovskoi gosudarstvennoi konservatorii im. S.V. Rakhmaninova, 1999. – P. 7-32. (In Russian)

GURKIN S.V. *Svyatilishcha polovetskogo vremeni s derevyannymi izvayaniyami iz raskopok Volgo-Donskoi arkheologicheskoi ekspeditsii LO IA SSSR* [Sanctuaries of the Polovtsian period with wooden sculptures from the excavations of the Volga-don archaeological expedition of the LO IA of the USSR]. IN: Donskaya arkheologiya. – 1998. – No. 1. – P. 29-37. (In Russian)

Istoriya gorodov i sel Stavropol'ya: kratkie ocherki [History of cities and villages of Stavropol: short essays. Edited by D.V. Kochura, A.A. Kudryavtsev]. – Stavropol': Kn. izd-vo, 2002. – 702 p.: il. (In Russian)

KALMYKOV I.Kh., KEREITOV R.Kh., SIKALIEV A.I.-M. *Nogaitsy: Istoriko-etnograficheskii ocherk* [Nogais: Historical-ethnographic essay]. – Cherkessk: Stavropol'skoe knizhnoe izdatel'stvo Karachaevo-Cherkesskoe otdelenie, 1988. – 232 p. (In Russian)

KALMYKOVA S.A. *Nogaiskie narodnye skazki* [Nogai folk tales]. – Cherkessk: Stavropol'skoe knizhnoe izdatel'stvo, Karachaevo-Cherkesskoe otdelenie, 1966. – 142 p.: il. (In Nogai)

KAMENETSKII I.S. *Arkheologicheskie pamyatniki na staryi kartakh Prikuban'ya* [Archaeological sites on the old maps of Prikuban]. IN: *Ocherki istorii otechestvennoi arkheologii* [Essays on the history of Russian archeology. Edited by I.S. Kamenetskii, A.A. Formozov]. – Moscow: Nauka, 2002. – Iss. III. – P. 8-61. (In Russian)

KAPAEV I.S. *Nogaiskie mify, legendy i pover'ya: opyt mifologicheskogo slovarya* [Nogai myths, legends and beliefs: experience of the mythological dictionary]. – Moscow: Golos-Press, 2012. – 424 p. (In Nogai and in Russian)

KEREITOV R.Kh. *Nogaitsy: osobennosti etnicheskoi istorii i bytovoi kul'tury* [Nogais: features of ethnic history and everyday culture]. – Stavropol': Servisshkola, 2009. – 464 p. (In Russian)

KEREITOV R.Kh., CHERVONNAYA S.M. *Epigrafika Nogaiskoi stepi* [Epigraphy of the Nogai steppe]. IN: Tatarskaya arkheologiya. – 2004. – No. 10-11. – P. 168-209. (In Russian)

KIDIRNIYAZOV D.S. *Vzaimootnosheniya nogaitsev s narodami Severnogo Kavkaza i Rossiei v XVI-XIX vv.* [The Relationship of the Nogai people with the peoples of the North Caucasus and Russia in the XVI-XIX centuries]. – Makhachkala: Izdatel'skii dom «Epokha», 2003. – 216 p. (In Russian)

KOMAROV S.G., CHKHAIDZE V.N. *Nogaitsy Vostochnogo Priazov'ya po dannym kraniologii* [Nogais of the Eastern Azov region according to craniology data]. IN: Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2013. – No. 12 (303). Istoriya. – Iss. 55. – P. 17-27 (In Russian)

KORENEVSKII S.N. *Rozhdenie kurgana (pogrebal'nye pamyatniki eneoliticheskogo vremeni Predkavkaz'ya i Volgo-Donskogo mezhdurech'ya)* [The Birth of the Kurgan (funerary monuments of the Eneolithic period of the pre-Caucasus and Volga-Don interfluve)]. – Moscow: Taus, 2012. – 256 p. (In Russian)

KORENEVSKII S.N. *Sovremennik piramid. Bol'shoi Ipatovskii kurgan na Stavropol'e* [Contemporary of the pyramids. The large Ipatovo kurgan, Stavropol]. IN: Dostoyanie pokolenii. – 2007. – No. 2 (3). – P. 42-47. (In Russian)

KRUPNOV E.I. *Otchet o rabote Severo-Kavkazskoi arkheologicheskoi ekspeditsii 1946 g. Otchet khranitsya v nauchno-otraslevom arkhive Instituta arkheologii RAN* [Report on the work of the North Caucasus archaeological expedition in 1946. The report is stored in the scientific and industrial archive of the Institute of archaeology of the Russian Academy of Sciences]. – F-1. R-1. – No. 58. 37 sheets'. – No. 55. Al'bom illyustratsii k otchetu. 12 sheets', 33 il. (In Russian)

KRUPNOV E.I. *Otchet Severo-Kavkazskoi ekspeditsii 1947 g. Otchet khranitsya v nauchno-otraslevom arkhive Instituta arkheologii RAN* [Report on the work of the North Caucasus archaeological expedition in 1947. The report is stored in the scientific and industrial archive of the Institute of archaeology of the Russian Academy of Sciences]. – F-1. R-1. – No. 163. 149 sheets'. – No. 164. Al'bom illyustratsii k otchetu. 28 sheets', 164 il. (In Russian)

KUDINOV P.N. *Neftekum'e* [Neftekumye]. – Astrakhan': Novaya liniya, 2001. – 500 p. (In Russian)

MARKOVIN V.I. *Kul'tura plemen Severnogo Kavkaza v epokhu bronzy* [Culture of the tribes of the North Caucasus in the bronze age]. – Moscow: Izdatelstvo Akademii nauk SSSR, 1960. – 151 p.: il. (In Russian)

Materialy po izucheniyu istoriko-kul'turnogo naslediya Severnogo Kavkaza. Vyp. IV: Antropologiya nogaitsev [Materials on the study of the historical and cultural heritage of the North Caucasus. Iss. IV: Anthropology of nogais]. – Moscow: «Pamyatniki istoricheskoi mysli». 2003. – 244 p. (In Russian)

Nogaiskaya epicheskaya poema Edige [Nogai epic poem Edige. Edited by N.Kh. Suyunova]. – Moscow: Nauka, 2016. – 512 p.: il. (In Nogai and in Russian)

Nogaisko-russkii slovar' [Nogai-Russian dictionary. Edited by K.N. Musaev]. – Moscow: Nauka – Vostochnaya literatura, 2018. – 895 p. (In Nogai and in Russian)

Opisanie perekopskikh i nogaiskikh tatar, cherkesov, mingrelov i gruzin Zhana de-Lyuka, monakha Dominikanskogo ordena (1625) [Description of Perekop and Nogai Tatars, Circassians, Mingrelians and Georgians by Jean de Luc, a monk of the Dominican order (1625)]. IN: *Zapiski Imperatorskogo Odesskogo obshchestva istorii i drevnostei: v 33 t.* [Notes of the Imperial Odessa Society of History and Antiquities: in 33 vols]. – Odessa: Franko-russkaya tipografiya L.Danikana, 1879. – Vol. 11. – P. 473-502. (In Russian)

OSMANOV M.-E. *Sbornik nogaiskikh i kumykskikh pesen* [Collection of Nogai and Kumyk songs]. – Saint-Petersburg, 1883. – 53 p. (In Russian)

Pis'mo pisatelya M.K. Kurmanalieva ob istorii sela Kara-Tyube (aprel' 1969 g.). IN: *Fondy Muzeya istorii srednei shkoly (MKOU SOSh № 12) s. Kara-Tyube Neftekumskogo raiona Stavropol'skogo kraya* [Letter of writer M. K. Kurmanaliev about the history of the village of Kara-Tyube (April 1969). – The Museum of history of secondary school (school № 12) of the village of Kara-tube Neftekumsk district of the Stavropol territory] (In Russian)

Polozhenie o poryadke provedeniya arkheologicheskikh polevykh rabot i sostavleniya nauchnoi otchetnoi dokumentatsii [Regulations on the procedure for conducting archaeological fieldwork and compiling scientific reporting documentation]. – Moscow: Institut arkheologii RAN, 2018. – 62 p. (In Russian)

SHVETSOV M.L. *Polovetskie svyatilishcha* [Polovtsian shrines]. IN: Sovetskaya arkheologiya. – 1979. – No. 1. – P. 199-210. (In Russian)

SIKALIEV A.I-M. *Nogaiskii geroicheskii epos* [Nogai heroic epic]. – Cherkessk: KChIGI, 1994. – 327 p. (In Russian)

SOROKINA I.A. *Kurgannye mogil'niki Zakuban'ya* [Burial mounds of Zakuban]. – Krasnodar: Kraibibkollektor, 2001. – 282 p.: il. (In Russian)

Syntaslar. Namogil'nye stely Nogaiskoi stepi [Synalar. Tombstone steles of the Nogai steppe. Edited by V.A. Korenyako and others]. – Moscow: Izdatel'skii dom Mardzhani, 2016. – 672 p.: il. (In Russian)

TREPAVLOV V.V. *Istoriya Nogaiskoi Ordy* [History of the Nogai Horde]. – Kazan': Izdatel'skii dom «Kazanskaya nedvizhimost'», 2016. – 764 p. (In Russian)

VINOGRADOV V.B. *Toponimiya Srednei Kubani* [Toponymy of the Middle Kuban]. – Armavir: Armavirskii gosudarstvennyi pedagogicheskii institut, 1993. – 72 p. (In Russian)

VINOGRADOV V.B., PETRENKO V.A., MYALKOVSKII V.A. *K etnicheskoi istorii Severo-Zapadnogo Prikaspiya v I tys. do n.e. – XVIII v. n.e.* [On the ethnic history of the North-Western Caspian region in the I millennium bc – XVIII century ad.]. IN: *Arkheologiya i voprosy etnicheskoi istorii Severnogo Kavkaza* [Archeology and Questions of Ethnic History of the North Caucasus. Edited by V.B. Vinogradov]. – Groznyi: Checheno-Ingushskii gosudarstvennyi universitet im. L.N. Tolstogo, 1979. – P. 45-58. (In Russian)

YALBULGANOV A.A. *Ocherki voennoi istorii nogaitsev. Nauchno-populyarnyi sbornik* [Essays on the military history of the Nogai people. Popular science collection.]. – Moscow, 2004. – 137 p. (In Russian)

YARLYKAPOV A.A. *Islam u stepnykh nogaitsev* [Islam among the steppe Nogais]. – Moscow: Institut etnologii i antropologii im. N.N. Miklukho-Maklaya, 2008. – 266 p (In Russian).

ZELENSKII Yu.V. *Kartirovanie polovetskikh kochevii Prikuban'ya i Zakuban'ya s pomoshch'yu arkheologicheskikh istochnikov* [Mapping the Polovtsian nomads, the Kuban and the Zakubanye with the help of archaeological sources]. IN: *XX Yubileinye mezhdunarodnye Krupnovskie chteniya po arkheologii Severnogo Kavkaza* [XX anniversary international Krupnov readings on archeology of the North Caucasus]. – Zheleznovodsk-Stavropol': Izd-vo SGU, 1998. – P. 40-42 (In Russian)

ZINEEVA Z.Z. *Nogaitsy i krymskie tatary: k voprosu ob istoricheskikh svyazyakh* [Nogais and Crimean Tatars: on the question of historical ties]. IN: *Sovremennaya nauchnaya mysl'*. – 2014. – No. 2. – P. 11-19. (In Russian)

ФОЛЬКЛОР И ЛИТЕРАТУРА НАРОДОВ КАВКАЗА

УДК 82-32

DOI 10.31143/2542-212X-2020-2-232-245

НОВЕЛЛЫ З. НАЛОЕВА: ПРОБЛЕМЫ ОСВОЕНИЯ ЖАНРА И ФОРМИРОВАНИЯ ИНДИВИДУАЛЬНО-АВТОРСКОГО СТИЛЯ

Л.Б. ХАВЖОКОВА, Ж.Ю. КУАНТОВА

Институт гуманитарных исследований – филиал Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук»
360000, КБР, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18
E-mail: lyudmila-havzhokova.86@mail.ru, kuantova.zhanna@mail.ru

Аннотация. В статье исследуется новеллистика одного из основоположников жанра новеллы в адыгской (кабардино-черкесской) литературе З.М. Налоева. Впервые исследуется индивидуально-авторское мастерство писателя, определяется его вклад в развитие национальной прозы. В целом, определяются содержательные и композиционные особенности прозаического наследия писателя. Основное внимание акцентируется на соблюдении жанровых установок, соответствии архитектоники произведений З. Налоева канонам жанра новеллы. Всестороннему детализированному анализу подвергается ряд новелл: «Одинокий журавль», «Муса и шило Мусы», «Умыкание», «Мурат и Гуазиза», «Деревянная кукла Хабалы» и др. Выявляются жанровые признаки новеллы: монособытийность, анекдотическое ядро, сказочные, мистические, мифологические мотивы, элементы фантастики, острота конфликта, резкие и неожиданные повороты сюжета и т.д. Отдельное внимание уделяется индивидуальному авторскому приему – использованию философского резюме, завершающего большинство новелл З. Налоева. К исследованию привлечен метод художественного анализа, позволяющий выявить особенности структурно-содержательной организации новелл. Определяется роль и значение отдельных произведений в общем процессе становления и эволюции национальной новеллистики. Результаты исследования могут стать теоретическим подспорьем при изучении адыгской прозы, в частности, малых форм прозаического жанра, а также найти практическое применение в спецкурсах, исследовательских работах преподавателей, аспирантов и студентов.

Ключевые слова: адыгская литература; кабардино-черкесская проза; жанр; стиль; произведение; новелла; новеллистическое творчество.

Z. NALOEV'S NOVELS: PROBLEMS OF DEVELOPING A GENRE AND FORMING INDIVIDUAL AUTHOR'S STYLE

L.B. KHAVZHOKOVA, Zh.Yu. KUANTOVA

The Institute for the Humanities Research – Affiliated of the Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences»
360000, KBR, Nalchik, Pushkin st., 18
E-mail: lyudmila-havzhokova.86@mail.ru, kuantova.zhanna@mail.ru

Abstract. The article explores the novels of one of the founders of the novel genre in Adyghe (Kabardino-Circassian) literature Z.M. Naloev. For the first time, the author's individual and authorial skill is examined his contribution to the development of national prose is determined. In general, the content and compositional features of the writer's prose are determined. The main focus is on observing genre preferences and the compliance of architectonics of Z. Naloev's works with the canons of the novel genre. A comprehensive detailed analysis is made of a number of novels: "The Lone Crane", "Musa and Musa's awl", "Murat and Guaziza", "Wooden Doll of Khabala", etc. Genre signs of the novel are revealed: mono-event, anecdotal core, fabulous, mystical, mythological motifs, elements of fiction, the severity of the conflict, sharp and unexpected plot twists, etc. Special attention is paid to individual authoring – the use of a philosophical summary that completes most of Z. Naloev's novels. The research involved the method of artistic analysis, which allows to identify the features of the structurally-meaningful organization of short stories. The role and significance of individual works in the general process of the formation and evolution of national novel is determined. The results of the study can be a theoretical aid in the study of Adyghe prose, in particular, small forms of the prosaic genre, as well as find practical application in special courses, research works of teachers, graduate students and students.

Keywords: Adyghe literature; Kabardino-Circassian prose; genre; style; work; novel; novelistic creation.

Термин «новелла» происходит от итальянского «*novella*» – «новость», «весть». По своей лаконичности новелла напоминает басню, сказку-быличку, анекдоты, приближаясь к ним по некоторым структурно-композиционным особенностям, но не по содержательным признакам, которые в новелле глубоко специфичны. Это же свойство – лаконичность – отграничивает новеллу от крупных прозаических жанров – повести и романа.

Существуют определенные трудности по отграничению новеллы от других малых форм прозаического жанра (особенно – рассказа), поскольку некоторые из них принимали непосредственное участие в формировании ее признаков, свойств и характеристик. В разное время существовали различные варианты интерпретации новеллы, и даже в пределах одной эпохи наблюдался большой плюрализм точек зрения теоретиков на обозначенную проблему. Наиболее простым подходом к решению данной проблемы являлось признание терминов «рассказ» и «новелла» синонимами, иначе говоря, «рассказ» считался русским термином, обозначающим новеллу.

Этот подход был особенно закономерным в те времена, когда был известен лишь короткий «рассказ». Другими словами, в эпоху Ренессанса, когда итальянская комическая новелла достигла наивысшего расцвета (например, в творчестве Джованни Боккаччо, Франко Саккетти и некоторых других авторов), существовала лишь новелла и ее недооформленные (недоразвитые до новеллы) жанровые формы, служившие историческими

истоками ее генезиса. Согласно другому подходу, критерием сопоставления (сближения, идентификации) новеллы и рассказа служит объем, а критерием их противопоставления (т.е. разграничения) является их структурная организация.

Европейская новелла в определенной степени развивалась под влиянием *фаблио* – повествовательного жанра, сложившегося и функционировавшего в эпоху средневековья. Фаблио, как и новелла, монособытийно, его сюжет базируется на невероятных и удивительных случаях, недоразумениях и совпадениях, неординарных ситуациях и остроумных выходах из них, неожиданных разрешениях конфликта, проблемах, сопровождающихся резкими новеллистическими переориентациями сюжетной линии. Среди отличительных особенностей фаблио, сближающих его с новеллой, следует также указать реалистичность повествуемого. Так, например, в новеллах Дж. Боккаччо, как обычно происходит в фаблио, наблюдается восприятие жизни, кардинально отличающееся от той, что было представлено в феодальном средневековом творчестве: это принятие реального, земного существования; любовь к окружающей действительности в самых тяжелых условиях (даже во время чумы), во всех перипетиях человеческих судеб; трезвое осмысление всех обстоятельств, с которыми сталкивается человек и вера в силу духовно богатой личности. В новеллах Дж. Боккаччо произошла реабилитация плоти, противопоставление идеалов возвышенных, неземных чувств и чувственной, созерцаемой в облике реального человека любви. В целом, в новеллах Дж. Боккаччо, в частности, в «Декамероне» происходит преодоление средневековой односторонности, ограниченности, ситуативности и эмансипация художественной функции произведения от поучительности при одновременном усилении драматизма, свойственного исследуемому жанру.

В эпоху Ренессанса произошло формирование личности с индивидуальным человеческим мышлением и поведением. В бытовавшем тогда феодальном строе человек являлся всего лишь элементом определенного социума – представлял то или иное сословие, общину, монашеский или рыцарский орден и т.д. Он был лишен осознания своей индивидуальности, личностного мировосприятия. Как отмечал исследователь исторической поэтики новеллы Е.М. Мелетинский, «средневековая предновелла <…> была по преимуществу чисто ситуативной, в классической новелле Возрождения поведение персонажей соотнесено не только с обстоятельствами, но с их личными свойствами, впоследствии возникает намек на индивидуальные характеры» [Мелетинский 1990: 168]. Таким образом, в указанную эпоху начался процесс самоидентификации личности и эмансипации его мироощущения и мировоззрения, который протекал исторически сложно, но послужил основой и предпосылкой для возникновения нового жанра литературы – новеллы.

Этапами наиболее интенсивной эволюции новеллы признаны рубежи веков. В начале XIX века были осмыслены жанровые признаки новеллы. Гете писал о ней, как о «случившемся неслыханном происшествии» [Эккерман 1981: 215]. Новелла представлялась небольшим повествованием, насыщенным событиями, о которых рассказывается в лаконичной форме. Среди свойств и

характеристик новеллы отмечалась четкая фабула, удачное сосуществование в ней краткости и описательности, скупость в воссоздании психологического состояния героя, в передаче его чувств и переживаний. Сюжетная канва произведения должна была иметь непредсказуемый «поворот», моментально ориентирующий действие, происходящее в новелле, к его завершению. Новелла была признана строгим жанром, в котором не должны присутствовать никакие лишние элементы. Она могла базироваться на незамысловатом анекдотическом сюжете, но композиционная четкость и строгость трансформировали ее в полноценное художественное повествование с необычной и непредсказуемой развязкой. Анекдотичный характер имплицирован в новелле и проявляется лишь в моменте внезапного поворота сюжетной линии на отрезке между кульминацией и развязкой, что наделяет повествование парадоксальностью, свойственной анекдоту. При этом анекдотичность в новелле может быть лишена комической окраски и наделена чувственной и даже драматической тональностью. Как бы то ни было, данное свойство играет значительную роль в формировании, воссоздании жанровой специфики новеллы.

О разграничении рассказа и новеллы стало возможным говорить только после возникновения критического реализма. С переходом литературы к критическому реализму происходит пересмотр жанровых характеристик новеллы и обнуление многих свойств, которые ранее приписывались жанру. В частности Е.М. Мелетинский отмечал: «Принципиально новый шаг в истории новеллы как жанра совершается на этапе позднего реализма, как раз тогда, когда реализм окончательно избавляется от романтических пережитков и останавливается на пороге натурализма, импрессионизма, неоромантизма. В конце XIX в. новелла теряет не только романтические, но и романические черты, резко отделяется от романа и повести, снова охотно используют анекдотические приемы, хотя на совершенно нетрадиционном материале, шире допускает сатиру (Мопассан, отчасти Чехов) и юмор (Чехов, О. Генри и др.) [Мелетинский 1990: 258].

Начиная с XIX века, главными условиями создания новеллы стало наличие в ней ранее не допускавшихся признаков и критериев, в частности – описательности и развернутости. Кроме того, новелле была противопоказана всякого рода статичность как в содержательном, так и формальном плане. В новелле XIX века наблюдается доминирование психологического драматизма, отодвинувшего на задний план остроту фактических действий, чем было инициировано возникновение новой разновидности жанра – психологической новеллы. Таким образом, в новелле указанной эпохи драматизм, будучи своеобразным фундаментом, на котором строились как содержание, так и композиция новеллы, стал ее главным жанрообразующим признаком, отграничивающим новеллу от менее драматизированного, «безмятежного» рассказа. Однако важно отметить, что пограничная линия между новеллой и рассказом и в настоящее время остается недостаточно отчетливой и зыбкой, но данным фактом все же не исключается существование границы между этими жанрами.

Исходя из всего вышеизложенного, следует заключить, что все попытки жанровой идентификации новеллы носят относительный характер, поскольку не содержат четкой формулировки ее жанровых признаков, а характеризуют ее по отношению к праобразам (анекдоту и басне) и в соотнесении с другими повествовательными формами (рассказом, повестью, романом и т.д.). В целом, большинством теоретиков и исследователей жанра признаны следующие универсальные признаки (каноны) новеллы: лаконичность, острота и парадоксальность сюжета, нейтральность стиля повествования, отсутствие описательности и психологизма, резкая переориентация сюжетной линии, непредсказуемость развязки. Лаконичность, концентрация различных элементов (символов, мифологем, этнологем, в некоторых случаях – фантастики), доминирование действия и неожиданность композиционной «переориентации» инициируют появление в новелле признаков драматизма. Перечисленные свойства не исключительно специфичны для новеллы, однако их интегрированное единство является главной характеристикой исследуемого жанра.

Генезис жанра новеллы в адыгской (кабардино-черкесской) литературе относится ко второй половине XX в. Принимая во внимание тот факт, что становление самой литературы (речь идет о профессиональной литературе, отграниченной от фольклора) приходится лишь на начало XX века, и, учитывая большие потери, которые понесла художественная словесность в годы политических репрессий и Великой Отечественной войны, следует отметить, что освоение исследуемого жанра стало настоящим достижением национальной литературы.

Адыгская новелла берет свое начало от фольклорных преданий («хабаров»), сыгравших важную роль в формировании ее содержательных и архитектонических особенностей. Однако в качестве самостоятельного литературного жанра кабардино-черкесская новелла была сформирована лишь в послевоенную эпоху. Традиции жанра новеллы в его профессионально-литературном понимании впервые были освоены в творчестве ряда авторов: С. Кушхова, А. Хавпачева, Х. Хавпачева, Б. Журтова, Б. Мазихова. Значительный вклад в становление и развитие адыгской новеллистики внес Заур Магометович Налоев.

Прозаическое творчество З. Налоева определило новые тенденции и направления развития национальной новеллистики 80-х годов XX в. Он является автором первого в кабардинской литературе сборника новелл с символичным названием «Одинокий журавль» («Къру закъуэ», 1981). Как верно замечено критиком и литературоведом П.Ж. Шевлоковым, в этом сборнике писателем был преодолен описательный и декламационный характер национальной прозы [Шевлоков 1982: 161].

Новеллы З. Налоева вышли в свет в нескольких книгах. В 2006 году издан сборник «В обзоре луны» («Мазэм фIэкIа зыми имылъэгъуар»), включивший новеллы, написанные З.М. Налоевым в 2000-2005 гг.: «Зеленоглазая красавица» («ТхьэIухуд нэ къуэлэн»), «Мизинец Бекмурзы» («Бэчмырзэ и Iэпхъуамбэжьакiэр»), «Плата за смотрины» («ТехьэпщIэ»), «Кнут Ханох» («Хьэнэхъу и чнутI зэфIэщIар»), «Нескончаемое горе Ханифы»

(«Хьэнифэ и гуауэ мыухыжыр»), «Лжец» («ПцIыупс»), «В обзоре луны» («Мазэм фIэкIа зыми имылъэгъуар»), «Заплутавшее счастье» («Насып щхьэрыуа»), «Умыкание» («Унэидзыхьэ»), «Оспеннолицому не доверяй» («ФэрэкI напэм дзыхь хуумыщI»), «Обувь-перевертыш Папур» («Папур и вакъитI зызыIубыр»), «Обмен сестрами» («Шыпхъузэхъуэж»).

В 2012 году сборник «Одинокий журавль» был переиздан с некоторыми изменениями и дополнениями. В новое издание включены новеллы, написанные в 2000–2010 гг.: «Зеленоглазая красавица» («ТхьэIухуд нэ къуэлэн»), «Чапарица и господин Тыту» («Чапэрицэрэ зиусхьэн ТIытIурэ»), «Чемодан Цыкуха» («ЦIыкIухъу и пхъуантэр»), «Паслен» («Жыг Хъурсанэ»), «Седьмое небо» («Уафэ ебланэр»). «Апсинох» («Iэпсинэху»), «Пестрая корова Сосруко» («Сосрыкъуэ и жэм къуэлэныжьыр»), «Жемуко Татуны» («ТIатIунэ и жэмыкуэр») и др.

В 2014 году вышел в свет первый том трехтомника «Избранное», включивший более трех десятков новелл З. Налоева.

Новеллы З. Налоева по многим жанровым показателям близки к восточным повествованиям нравоучительного характера. В большинстве из них обнаруживаются признаки притч, проявляющиеся в авторских отступлениях дидактического содержания, метких фразах, афористических выражениях, мудрых философских суждениях и сказочных фрагментах, включаемых в сюжет. Другая отличительная особенность новелл З. Налоева состоит в том, что их тематика актуальна вне социального времени: автор затрагивает извечные философские проблемы, которые в разных новеллах могут носить различный характер – иметь социальную направленность, отличаться лирической тональностью, психологической глубиной, драматизмом и т.д. При этом писательское внимание фокусируется на самых главных, жизненно важных явлениях и проблемах, чаще всего – на сохранении духовных ценностей.

Прозаические произведения З. Налоева в целом отличаются яркой системой образов. Как верно отмечено критиком и литературоведом Х.Х. Кажаровым, «образы, воссозданные в прозе Заура Налоева, завораживают своей добротой, чистотой души. На первый взгляд, они – обычные люди, и по своей профессии не отличаются от остальных сельчан: пахари, кузнецы, кожевники. Но самое главное – человечность, честь, сообразительность, мужество этих «обычных» людей. Писатель мастерски выстраивает повествование, в котором бросает своих персонажей в ситуации, проявляющие индивидуальные черты их характеров, или, говоря словами самого Налоева, создает обстоятельства, которые «вынуждают их достать золото, спрятанное в уголках». Благодаря подобному писательскому приему, без особого усилия удается разглядеть их индивидуальные качества и разобраться в том, кто из них есть кто» [Къэжэр 2008: 156].

Новеллы З.М. Налоева пронизаны национальным духом, насыщены этнической символикой, приметами, народной афористикой, элементами мифологии, фольклора, этнографии адыгов. Мастерское владение художественным словом позволило писателю воспроизвести в своей

новеллистике множество жизненно значимых проблем. Героями его произведений часто выступают люди, для которых работа – не тяжелое бремя, а источник всех благ – больше духовных, чем материальных. Характеры персонажей показаны в динамике, действия, происходящие в новеллах, характеризуются остротой и стремительно прогрессирующим развитием, при этом сохраняется легкий и размеренный темп повествования. Все эти особенности в совокупности фокусируются писателем на художественном решении социально-бытовых проблем.

В заглавной новелле сборника «Одинокий журавль» («Къру закъуэ», 1981) З. Налоевым воссоздан новаторский для адыгской литературы образ самоотверженного труженика. Новелла во многом носит автобиографический характер, что подтверждается не только именами и фамилиями, приводимыми в тексте, но и топонимами типа «Урыху» (в тексте – «Урыхужь») – название реки «Урух», «Къугъуэлъкъуей» – «Когулково», т.е. селение Урух Лескенского района КБР – родовое село З. Налоева. Образы героев – Блута и его наставника кузнеца Хакяши Кажарова – показаны автором не просто положительными, добропорядочными, но и глубоко наивными и беспомощными в окружающем их социуме. Для Блута – четырнадцатилетнего подростка – это вполне закономерно, однако удивительным представляется малодушие и мягкосердечность сильного с виду кузнеца, фактурность и физическая сила которого подвергаются в новелле детализированному описанию: «*Къэжэр Хьэкӏашэ лӏы фӏыцӏэшхуэт, ныкъуэтхъуу пащӏэ дахэ тету. Абы и ӏэпщитӏым сыщеплъкӏэ тхуей кӏащӏэ лъэдийм езгъэщхьырт, лъынтхуэ пӏащэхэмрэ мускул налъэхэмрэ къытридзэжауэ. Уадэм я нэхъ хьэлъэр зелъатэу къигъафэрт. Е зэрыфӏыцӏэ лъэщыр арат, е нарт Сосрыкъуэ кӏыщым зэрыщапсыхьар арат – сытми ар сэ лӏы фӏыцӏэ гъущӏынэм езгъэщхьырт, игъащӏэм уадэ нэхъ шынагъуэ ӏэщэ къимыщта пэтми. Зэм-зэмкӏэрэ си пщӏыхьхэм къыхэхуэрт сэ Лъэпщ и лъащэӏэмпӏэм сыбгъэдэту сыздэщытым нарт Сосрыкъуэ и Тхъуэжьейм тесрэ и бжыщхьэ дыкъуакъуэр сысу къыӏухьэу, и пыӏэ щыгум дыгъэр кӏэрахъуэу къитрэ уримыгъэплъу, тажыр зэрызыщхьэрихыу ар Къэжэр Хьэкӏашэу къыщӏэкӏыжу*» [Нало 2014: 12]. – «Кажаров Хакяша был огромным смуглым мужчиной с красивыми поседевшими наполовину усами. Когда я смотрел на его запястья с явно выраженными крупными венами и мускулами, сравнивал их с побегами граба. [Он] с легкостью заставлял «танцевать» самый тяжелый молот. То ли потому, что был смуглым и сильным, то ли по той причине, что нарта Сосруко закалили в кузне – в общем, я сравнивал его с могущественным богатырем, хотя он никогда не брал в руки оружия опаснее молота. Иногда во сне являлось так, будто я стоял возле наковальни Тлепша, нарт Сосруко подъезжал верхом на своем Тхожее, с остроконечным копьем, с ослепляющим солнцем на вершине головного убора, и как только снимал свой шлем, превращался в Хакяшу Кажарова».

Как известно, законы жанра исключают в новелле описательность. Однако в «Одиноком журавле» и других новеллах З. Налоева она настолько естественно вплетается в повествование, что не воспринимается простым

описанием кого- или чего-либо, а направлена на усиление психологизма и драматизма сюжета, играет значительную роль в определении художественной ценности произведения. Так, например, в духе романтизма описывается процесс работы кузнеца Хакяши: «*Ар щылъащэкӏэ уеплъыну гухэхъуэт – и уадэр, уэрэд жиІэу, къигъафэрт, мо хужьу плъа гъущӏым зэрытехуэу, хупхъэм тхьэвыр зэрыхихум хуэдэу, хихуу, зытехуапхъэм шэрыуэу техуэурэ зыхуейм хуигъакӏуэу: тхьэм ибгынэжа гъущӏ· кӏапэжь къищтэрти псэ хилъхьэрт, зэрыхъуари-зэрыщӏари умыщӏэу нал хъурт, шыр теувэхукӏэ щӏым тхыпхъэ тридзэу! Хьэкӏашэ гъущӏыр зыхуейм хуигъэкӏуа нэужь, къыпыгуфІыкІынт, и щхьэ кӏуэцӏым дыгъэ къыщепсрэ нурыр и жьэм къыӏурыпс нэхъей, и дзэ хужьыбэр къэлыду*» [Нало 2014: 12]. – «Наблюдать его в процессе работы было удовольствием – напевая песню, заставлял плясать свой молот, когда его удар достигал раскаленной до белизны железа, расплющивал его, как скалка раскатывала тесто: брал богом забытый кусок старого железа и «наделял его душой», ни с того ни с сего получалась подкова, которая оставляла узорчатые следы на земле, будучи прибитой к копыте коня! Когда Хакяша доводил железо до нужной формы, улыбался, словно в голове у него светилось солнце, просвечивающее в губные щели, обнажая белоснежную улыбку».

В исследуемой новелле наблюдается удачное вплетение религиозных догматов, примет и суеверий в канву повествования, которые вносят в произведение свойственную жанру мистику и имплицированные элементы фантастики. В самом начале новеллы упоминается, что река Урух разлилась, и, что якобы бабушка Машуко накануне вечером слышала как русалка (Псыхъуэгуащэ – *букв.* Богиня долины реки) трижды крикнула: «*Си шыр цӏыкӏухэр ирикъуакъым*». – «Моих деток (детенышей) не хватает [имеется в виду по количеству, т.е. не досчитаться. – *Л.Х., Ж.К.*]». У адыгов была примета, согласно которой в периоды разливов рек Псыхъуэгуащэ звала, завлекала людей в воду и уносила их. Тем не менее, герой новеллы Блут хочет искупаться в самой глубокой точке реки, его «привлекает» опасность. Причина такого рискованного желания объясняется в новелле психологически оправданно, логично: «*Алыхьым ещӏэ… илъэс пщыкӏуплӏ· фӏэкӏа ущымыхъукӏэ ӏэджэ щхьэм къощхьэрыуэ*» [Нало 2014: 11]. – «Всевышний ведает… когда тебе всего четырнадцать лет, в голову приходят разные мысли».

Далее к повествованию привлекается религиозный догмат, согласно которому запрещалось создание любого рода копий живых существ. Автором имплицированно подчеркивается необходимость разрушения устаревших взглядов на мир. Призыв к новым устремлениям, развитию искусства и пропаганде прекрасного завуалирован в поступке Хакяши, создавшего из железа фигуру журавля в позе полета. В данном поступке символиризировано противостояние безграничности искусства и ограниченности людских сознаний, зацикленных на всяких догмах и суевериях. Хакяша – начитанный человек, хорошо владеющий арабским языком. Кузнечное дело, в котором в основном применяется физический труд, не мешает ему быть настоящим интеллигентом: развитие ума героя

пропорционально его физическим возможностям. По уровню сознания Хакяша давно опередил сельчан, обвиняющих его «религиозном преступлении», т.е. в создании копии живого существа, которого он не сможет наделить душой, что, по их мнению, обернется для него неискупимым грехом.

Согласно ходу развития сюжета и в соответствии с воссозданием образа Хакяши как мужественного и сильного героя, в конце произведения ожидается, что герой сможет противостоять «обвинителям», трансформировав их сознание каким-либо поступком, словами, убеждениями... Однако, в соответствии с канонами жанра, в новелле происходит неожиданный поворот, драматическое событие: Хакяша, не выдержав, обвинительных высказываний в свой адрес, положил фигуру журавля на наковальню и, изрубив ее по кусочкам, безмолвно покинул помещение. Восприятие произошедшего другим героем – его учеником Блутом – воспроизводится автором с удивительной психологической глубиной: «…*сигу ихуркъым Хьэкlашэ и къру закъуэр. Ар сыдж упщlапхъэм трилъхьэурэ зэрызэпигъэлъэлъыжар си нэгу къыщыщlыхьэжкlэ, сыхолъэт, сил паупщl нэхъей*» [Нало 2014: 20]. – «…не могу забыть одинокого журавля Хакяши. Когда вспоминаю то, как он, положив его на наковальню, искромсал на мелкие кусочки, вздрагиваю, словно отрезают от меня часть тела (*букв.* «кусок мяса». – *Л.Х., Ж.К.*)».

Таким образом, гармоничный синтез художественной достоверности и реальной действительности позволил З. Налоеву разрешить воссозданную в новелле острую конфликтную ситуацию. В самом конце произведения писатель использует прием философского закрепления всего произошедшего в новелле. Прощальным становится фраза Блута, которую он когда-то услышал от своего наставника. В конце произведения ученик напоминает ее своему учителю: «*Къру закъуэр уэгум къинэм, кIуэдыгъуафIэ мэхъу, лIы пелуаныр закъуэ хъуамэ, сабий хуэдэ къонэ!*» [Нало 2014: 20]. – «Если одинокий журавль остается в небе, [он] вскоре погибает, если богатыря настигает одиночество, он остается как дитя [беспомощным. – *Л.Х., Ж.К.*]».

Как верно отмечено П.Ж. Шевлоковым, рассказы и новеллы З. Налоева отличаются емкой композицией, исключающей аморфную растянутость сюжета, возникающую непосредственно из окружающей художника действительности или образа, а концовка произведений не настолько замкнутая, чтобы ставила точку за исчерпывающим разрешением проблемы или вопроса [Шевлоков 1982: 162-163]. Ярким примером, подтверждающим приведенное мнение, является новелла «Муса и шило Мусы» («Мусэрэ Мусэ и дыдымрэ», 1975). На первый взгляд, сюжет ее очень прост. Мастер потерял свой любимый инструмент и вместо него ему смастерили другой. Шило было изготовлено самым профессиональным кузнецом в селе, поэтому новый инструмент оказался еще лучше прежнего.

В новелле представлено подробное описание процесса изготовления шила. З. Налоев, хорошо разбиравшийся в кузнечном ремесле, раскрыл все тайны работы с железом, начиная от реальных физических действий, заканчивая суевериями и приметами, связанными с изготовлением железных

предметов. Посредством введения в канву повествования элементов народных поверий, символики и т.п. автор выдержал в своем произведении специфику жанра, состоящую в необходимости присутствия в новелле удивительных случаев, «неслыханных происшествий». В рассматриваемой новелле приводятся следующие суеверия, связанные с изготовлением шила: «*Дыдым и щIыным <…> гугъуехь Iэджи пыщIащ. Къамэр угъурсызщи, гъущIыпэ мыгъуэми къыхэпщIыкI мэхъу, дыдыр угъурлыщи, гъущIыпэ махуэ хуейщ. А гъущIым бзаджэнаджэ къыхэмынэн щхьэкIэ Iэмал зэриIэкIэ нэхъ гуащIэу гъэплъыпхъэу къалъытэ гъукIэшхуэхэм. <…> Дыд щыпщIкIэ уIурыбжэ хъунукъым. Уэлэхьи, мыхъуну! ИтIанэ, лъэужьей щыту ящIа дыд сызижагъуэным пэщIэухуэ: фэм хызоIу щыжыпIэ дыдэм, укъегъапцIэр аби, тоцIэфтри уи Iэбжьанэм пхоцIэфт. <…> Абы къищынэмыщIакIэ, жыгыр щыгъагъэм деж е хъарбыз хъугъуэм, мыIэрысэ къыпычыжыгъуэм, мазэщIэ къэунэхугъуэм пщIа дыдым къытекIуэн щыIэкъым. Ауэ мазэр хэIэжауэ е гъэгъар пылъэлъыжауэ дыд пщIыну къыумыхьэжьэ! ПщIари хъунукъым, зыхуэпщIами хуэщ хъунукъым. Ар уи фIэщ зэрыхъун!*» [Нало 2012: 16]. – «Изготовление шила <…> сопряжено с большими трудностями. Меч злополучен, поэтому его можно изготовить и из злополучного металла, а шило, приносящее счастье, следует изготавливать из «благополучного» железа. По мнению великих кузнецов, чтобы изгнать из железа всех злых духов, нужно раскалить его как можно сильнее. <…> В процессе изготовления шила нельзя быть болтливым. Валлахи, нельзя! И еще, пусть даже врага моего минует шило, изготовленное в присутствии недоброго (букв. «приносящего несчастье») человека: в тот момент, когда приноровишься воткнуть ее в кожу, соскальзывает и втыкается в твой ноготь. <…> Кроме того, ничто не сравнится с шилом, изготовленным в пору цветения деревьев, или созревания арбузов, во время сбора яблок, в период наступления новолуния. Но в период, когда луна в ущербе, или во время опадания цветений не приступай к изготовлению шила. И изделие будет негодным, и его обладателю не пойдет впрок. Поверь!».

В целом, в новелле «Муса и шило Мусы» выдержаны канонические требования жанра. Вместе с тем писательский талант З. Налоева проявился не в остроте сюжета или необычности происходящих явлений, а в том, насколько мастерски автор воспроизвел реальную картину о самом заурядном случае. Подобная «будничность», реалистичность сюжета характерна в целом для новеллистики писателя. В этом плане произведения З. Налоева близки к новеллам А.П. Чехова, в которых представлено оригинальное воспроизведение «буднично-бытовых» коротких сюжетов. При этом в некоторых новеллах З. Налоева повседневные фрагменты из жизни отражаются на фантастическом, мистико-мифологическом фоне.

В большинстве новелл З. Налоева, в соответствии со спецификой жанра, обнаруживается анекдотическое ядро в синтезе со сказочными элементами. Нередко сказочно-анекдотическое начало гармонирует с мистическими мотивами. В новелле «Умыкание» («Унэидзыхьэ», 2004) присутствует фрагмент, написанный в стиле *qui pro qui* (латинский фразеологизм, обозначающий принятие кого- или чего-то вместо кого- или чего-то;

употребляется для обозначения путаницы; *букв.* «кто вместо кого»,), который является одним из первичных признаков жанра новеллы. Герои новеллы Джуко и Амирхан с юмором вспоминают услышанную в детстве историю о том, как дед Амирхана был женат на алмасты (самка снежного человека). На самом деле все обстояло совсем по-другому: алмасты состояла в отношениях не с дедом Амирхана, а с дедом другого героя новеллы – Биляла. Вот, что рассказывает Амирхан относительно этой, то ли правдивой, то ли вымышленной истории: «*Ди адэшхуэм алмэстыр нэчыхьыншэу щимыдэм, алмэстым нэчыхьыр къыщыхуимыдэм, «си щхьэц налъэр къызэтыж», – жиІэри, къыпиубыдщ аби, Іихыжащ; фІыуи къехъуэнри, хадэм илъэжыну щыхуежьэм, Билал и адэшхуэр кърихьэлІати, пхъуэщ, щхьэц налъэр къыІэщІичыжри, пхэвылъэм иригъапщкІуэщ аби, нэчыхьыншэу зэришащ куэдрэ, иджыи игъэфызу, иджыи игъэпщылІу… ИтІанэ щхьэц налъэр мэкІэ къигъуэтыжри, я дзадзу цІыкІур псывэм хидзэщ аби, екъури зигъэкІуэдыжащ. Ди насыпти, алмэстыхэр лъхуэрІым, цІыхум яхуэлъхуэрІым, армыхъуамэ Билал алмэсты адэ шыпхъу иІэнкІэ хъунут…*» [Нало 2012: 252-253]. – «Когда наш дед не захотел алмасты без брака, а алмасты не захотела брака, «верни мой волосок», – сказав, отобрала его, хорошенько обматерила, и, собравшись сбежать через огород, наткнулась на деда Биляла, который выхватил из ее рук волосок, спрятал в своих штанах, и долгое время заставлял служить ему и в качестве содержанки, и в качестве помощницы по хозяйству… Потом она по запаху нашла свой волосок, бросила ребенка хозяев в кипяток, и скрылась. К нашему счастью, алмасты не рожают, от людей не рожают, иначе у Биляла могла быть тетя-алмасты…». Эта история, повествуемая героями новеллы, пронизана явно выраженными мистическими мотивами, однако ее подтекст намного глубже, чем может показаться на первый взгляд. В приведенном фрагменте имплицировано древнее народное поверье, согласно которому алмасты становились верными рабами тех, кто обладал их волоском, но если они имели возможность забрать его каким-либо образом, то последствия были трагическими – алмасты либо сильно проклинала, либо делала что-либо плохое, как в приведенной истории (алмасты бросила в кипяток ребенка хозяев).

Вплетение в канву повествования народных примет, поверий, суеверий – частое явление, наблюдаемое в новеллистике З. Налоева. В новелле «Мурат и Гуазиза» («Муратрэ Гуазизэрэ», 2005) повествуется реальная история из жизни. Мурат, будучи отцом большого семейства, теряет супругу и остается один с тремя детьми. Он очень любил жену, поэтому решил никогда повторно не жениться. Однако по прошествии пяти лет после смерти супруги, братья и снохи уговорили его жениться на Гуазизе. Брак оказался неудачным, так как Гуазиза имела ряд вредных привычек – лгать, воровать, курить, выпивать. Предсказывая эту неудачу, автор привел в новелле примету, которая проявилась в тот момент, когда Мурат согласился жениться: «*Гу жаныфІ хъуа зэшитІым* [*Лунэрэ Муратрэ. – Хь.Л., КІу.Ж.*] *я бжьэ зырызыр щызэрагъэнтІэІукІэ, Мурат и стэчаныр къыІэщІокъутэ. Мурат и пэр занщІэу къыпохури, Іэнкуну пІейтейуэ нысэм йоплъ, мы къэхъуам къикІыр сыт жыхуиІэу. МарксизмымкІэ «тху» къихьу щытами, абы адыгэ нэщэнэхэр и фІэщ хъурт, и гъуэгу зэпаупщІамэ*

иригузавэу, пэгун нэщI зыIыгъ IущIамэ къыпикIухьу». [Нало 2012: 340-341]. – «В тот момент, когда два брата [Луна и Мурат. – *Л.Х., Ж.К.*] чокаются, стакан Мурата разбивается. Мурат сразу вешает нос и смотрит на сноху в недоумении, как бы вопрошая, что же значит произошедшее. Несмотря на то, что когда-то получал «пятерки» по Марксизму, он верил в адыгские приметы, переживая, когда ему переходили дорогу, обходя стороной людей с пустыми ведрами». Подобные приметы, а также мистические мотивы, мифологемы, элементы фантастики характерны для всех новелл З. Налоева и являются отличительной чертой его индивидуально-авторского стиля.

Ярким образцом произведения, написанного в жанре новеллы, является «Деревянная кукла Хабалы» («Хьэбалэ и пхъэ гуащэр», 1975), в котором в исчерпывающей мере воплощены все признаки жанра. В новелле создано анекдотическое ядро, в центре которого помещен образ главного героя Хабалы. На первый взгляд может показаться, что тонкий юмор, прослеживаемый в повествовании, связан с образом Хабалы, но в конце произведения ситуация проясняется: в сатирико-юмористической тональности представлен не герой, а общество, окружающее его. Представители данного социума воспринимают как «странность» глубокую духовность Хабалы. Для людей, зацикленных на реалиях материального мира, образ влюбленного простака, наивного и добродушного Хабалы представляется комичным. Однако авторская позиция, озвученная устами одного из персонажей новеллы – сельского муллы, расставляет все и всех по местам. Комментариям сельчан по поводу исчезновения Хабалы: «*Делэти, делэ кIуэдыкIэу кIуэдыжащ!*» – «У дурака дурацкая кончина!» (т.е. «Глупому – глупая смерть»), мулла возражает: «*Алохьу тэхьэла дыщэм ещIэ дэрэ абырэ нэхъ делэр!*» [Нало 2012: 28]. – «Только один Всевышний ведает, кто из нас глупее».

Анекдотичность произведения гармонично синтезирована со сказочными приемами и мотивами. Так, например, в новелле представлено гиперболизированное воспроизведение тяжелого психологического состояния героя во время свадьбы его возлюбленной. Хабала поднялся на дерево, чтобы понаблюдать за тем, как свадебная процессия увозит его любимую в чужой дом, к другому человеку: «*Архъуанэхэ я тутей щIагъым жылагъуэр щIэтщ доплъейри, жыгыщхьэм Хьэбалэ дыкъауэ тесщ, Iунэ здашамкIэ и нэр тедияуэ маплъэри. КIэху къищIауэ цIыхур зэхуэса щхьэкIэ дыгъэр къыщIэкIыху Хьэбалэр къахуехыжакъым. Дыгъэр къызэрыщIэкIыу езыр-езыру къехыжащ. Щхьэц фIыцIэу тутейм дэкIуея щIалэр, уэсым хуэдэу, тхъуауэ къехыжат, – жаIэж зылъэгъуахэм*» [Нало 2012: 25-26]. – «Все село собралось под деревом Архановых и смотрит вверх, озябший Хабала сидит на верхушке дерева, глядя в сторону, куда повезли Уну. Люди, собравшиеся еще до первой зари, не смогли уговорить Хабалу спуститься вплоть до полного восхода солнца. Когда солнце взошло, он добровольно спустился. Юноша, взобравшийся на тутовник черноволосым, спустился оттуда с белесыми, словно снег, волосами, – рассказывают очевидцы».

Чрезмерная гиперболизация описываемой ситуации (особенно в последнем предложении: «Юноша, взобравшийся на тутовник черноволосым,

спустился оттуда с белесыми, словно снег, волосами»), которая в основном характерна для сказочных текстов, не только не снижает художественную ценность новеллы, но и играет важную роль в соблюдении автором канонов жанра, в частности, в создании сказочно-анекдотического ядра и усилении драматизма воссоздаваемого конфликта.

В новелле «Деревянная кукла Хабалы» обнаруживается еще один немаловажный критерий – резкий поворот сюжета от кульминации к развязке, свидетельствующий о полном соответствии произведения З. Налоева требованиям жанра. После замужества возлюбленной Хабала впадает в глубокую депрессию. В такой ситуации читатель прокручивает в голове все возможные варианты поведения и действий героя вплоть до суицида, однако никак не предполагает исхода, описываемого в конце новеллы: «неслыханным происшествием» становится таинственное исчезновение Хабалы.

В исследуемой новелле также прослеживается индивидуально-авторский прием З. Налоева, состоящий в завершении сюжета философским выводом: ответ муллы («Только один Всевышний ведает, кто из нас глупее») становится философским резюме-призывом к переосмыслению жизни в целом и роли каждой личности в ней. «Таинственное исчезновение Хабалы символизирует переоценку ценностей бытия в сознании других персонажей» [Хавжокова 2018: 13].

Следует отдельно подчеркнуть художественное мастерство З. Налоева, проявившееся во всех его произведениях. К примеру, в «Деревянной кукле Хабалы» писатель характеризует главного героя, точнее – показывает его добродушие не посредством долгих описаний внутренних качеств или каких-либо благородных поступков, а более убедительным приемом – оценкой детей, которые, как правило, чувствуют хороших людей. Их любовь была взаимной: Хабала тоже очень любил детей и контактировал только с ними – с чистыми, не испорченными окружающей жестокой действительностью душами: «*Хьэбалэ фIыуэ къэзылъагъурэ ныбжьэгъуу иIэр сабийхэрт – хьэблэ цIыкIум гуащэ зэмылIэужьыгъуэ, хьэгурыгъажэ, кIэфий, пхъэ фоч, пхъэ сэшхуэ яхуищIырти игъэгуфIэрт*» [Нало 2012: 19]. – «Хабалу любили и дружили с ним только дети – маленьким жителям квартала он делал различные куклы, игрушечные коляски, свистульки, деревянные винтовки, деревянные шашки и радовал их».

В целом, новеллы З. Налоева написаны в духе романтизма. В них обнаруживаются свойственные романтической новелле фантастические и мистические мотивы, пророчества, символы, мифологемы, «странные» характеры и состояния героев, психологический параллелизм в гармоничном синтезе с лирическим пейзажем. Однако главной отличительной особенностью новелл З. Налоева является близкое к творениям Г. Клейста воссоздание индивидуализированного микрокосма в окружающем его общекосмическом пространстве.

Новеллистическое творчество З. Налоева следует определить словами Гете – как «неслыханное происшествие», к которым следует добавить эпитет «неповторимый». Именно неповторимость является главным достижением любого мастера. Название первого сборника новелл стало для писателя

пророческим: Заур Налоев – «одинокий журавль» в адыгской новеллистике со своим неповторимым индивидуально-авторским стилем.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Къэжэр 2008 – *Къэжэр Хь.Хь.* Уэрэд щIаусыр: Литературэ портретхэр, эссе. – Налшык: Эльбрус, 2008. – 264 н. (на кабард.-черк. яз.: *Кажаров Х.Х.* Истоки поэзии: Литературные портреты, эссе. – Нальчик: Эльбрус, 2008. – 264 с.).

Мелетинский 1990 – *Мелетинский Е.М.* Историческая поэтика новеллы. – М.: Наука, 1990. – 275 с.

Нало 2012 – *Нало З.М.* Къру закъуэ. Новеллэхэр. – Налшык: ООО «Тетраграф», 2012. – 472 н. (на кабард.-черк. яз.: Одинокий журавль. Новеллы. – Нальчик: ООО «Тетраграф», 2012. – 472 с.).

Нало 2014 – *Нало З.М.* Тхыгъэ къыхэхахэр: Томищым щызэхуэхьэсауэ. Япэ том: Новеллэхэр. – Налшык: Эльбрус, 2014. – 464 н. (на кабард.-черк. яз.: *Налоев З.М.* Избранное: В 3-х т. Т. 1. Новеллы. – Нальчик: Эльбрус, 2014. – 464 с.).

Хавжокова 2018. – *Хавжокова Л.Б.* Этюды об адыгских (кабардинской, черкесской, адыгейской) литературах: Сборник научных статей. – Нальчик: Издательский отдел КБИГИ, 2018. – 270 с.

Шевлоков 1982 – *Шевлоков П.Ж.* Правда жизни: Литературоведческие статьи, творческие портреты. – Нальчик: Эльбрус, 1982. – 164 с.

Эккерман 1981 – *Эккерман П.П.* Разговоры с Гете / Пер. с нем. Н. Манн; вступит. статья Н. Вильмонта, коммент. и указатель А. Аникста. – М.: Художественная литература, 1981. – 67 с.

REFERENCES

ECKERMAN P.P. *Razgovory s Gete* [Conversations with Goethe]. Transl. from Germ. N. Mann; introductory article by N. Wilmont, comments and index by A. Anikst. – M.: Fiction, 1981. – 67 p. (In Russian)

K"EZHER H'.H'. *Uered shchIausyr: Literature portrether, esse* [Sources of poetry: Literary portraits, essays] / KAZHAROV H.H. *Istoki poezii: Literaturnye portrety, esse* [Sources of poetry: Literary portraits, essays] – Nalchik: El'brus, 2008. – 264 p. (In Kabardino-Circassian)

KHAVZHOKOVA L.B. *Etyudy ob adygskih (kabardinskoj, cherkesskoj, adygejskoj) literaturah: Sbornik nauchnyh statej* [Etudes on Adyghe (Kabardian, Circassian, Adyghe) literature: Collection of scientific articles]. – Nalchik: KBIHR Publishing Department, 2018 . – 270 p. (In Russian and Kabardino-Circassian)

MELETINSKYI E.M. *Istoricheskaya poetika novelly* [Historical poetics of the short story]. – M.: Nauka, 1990. – 275 p. (In Russian)

NALO Z.M. *K"ru zak"ue. Novellekher* [The Lone Crane. Novels] / NALOEV Z.M. *Odinokij zhuravl'. Novelly* [The Lone Crane. Novels]. – Nalchik: OOO «Tetragraf», 2012. – 472 p. (In Kabardino-Circassian)

NALO Z.M. *Thyg"e k"yhekhaher: Tomishchym shchyzekhuekh'esaue. Yape tom: Novellekher* [Favorites: In 3 volumes T. 1. Novels] / NALOEV Z.M. *Izbrannoe: V 3-h t. T. 1. Novelly* [Favorites: In 3 volumes T. 1. Novels]. – Nalchik: El'brus, 2014. – 464 p. (In Kabardino-Circassian)

SHEVLOKOV P.Zh. *Pravda zhizni: Literaturovedcheskie stat'i, tvorcheskie portrety* [The truth of life: Literary articles, creative portraits]. – Nalchik: El'brus, 1982. – 164 p. (In Russian)

ФОЛЬКЛОР И ЛИТЕРАТУРА НАРОДОВ КАВКАЗА

УДК 821.512

DOI 10.31143/2542-212X-2020-2-246-259

ТВОРЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ ОМАРА ЭТЕЗОВА В ИСТОРИИ БАЛКАРСКОЙ КУЛЬТУРЫ

А.М. САРБАШЕВА

Институт гуманитарных исследований – филиал Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук»
360000, КБР, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18
E-mail: alenasarb@mail.ru

Аннотация. В статье исследуется творчество одного из первопроходцев профессиональной балкарской словесности Омара Этезова (1913-1964) в историко-литературном контексте 1930-1960-х годов и определяется его роль в истории духовной культуры народа. Литературное наследие писателя (поэзия, художественная проза, драматургия, публицистика) своеобразно преломило магистральные художественные идеи в отечественной культуре прошлого века, и в этом смысле оно представляет историко-культурный и научный интерес. Драматические периоды в судьбе Омара Этезова (Великая Отечественная война, депортация), как и у многих деятелей национальной культуры, отразились в его творческой биографии. Многие рукописи произведений автора были утеряны, а некоторые остались неизданными при жизни. В числе последних – романы «Аслан», «В огне войны», поэма «Башня нартов», драма «Слава». Опираясь на изыскания предыдущих исследователей, предпринимается попытка воссоздания целостной картины творческой эволюции писателя, что дало возможность определить степень его влияния на развитие культуры в целом. В процессе осмысления творческого пути Омара Этезова выявлены и устранены библиографические неточности, связанные с хронологией публикаций писателя (трилогия «В теснине»), определением жанрового статуса отдельных произведений. В результате исследования прослежена динамика литературной деятельности Омара Этезова, отмечены художественные, социально-философские доминанты, подчеркивающие творческую индивидуальность писателя. С учетом существующих пробелов в исследовательской практике внесены коррективы в творческую биографию мастера художественного слова и определено его достойное место в истории балкарской культуры.

Ключевые слова: Омар Этезов; балкарская литература; творческое наследие; национальная культура.

THE CREATIVE HERITAGE OF OMAR ETHESOV IN THE HISTORY OF BALKARIAN CULTURE

A.M. SARBASHEVA

The Institute for the Humanities Research – Affiliated of the Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences»
360000, KBR, Nalchik, Pushkin st., 18
E-mail: alenasarb@mail.ru

Abstract. The article examines the work of one of the pioneers of professional Balkar literature Omar Etezov (1913-1964) in the historical and literary context of the 1930s-1960s and defines its role in the history of spiritual culture of the people. The literary heritage of the writer (poetry, fiction, drama, journalism) in a peculiar way refracted the main artistic ideas in the national culture of the last century, and in this sense it is of historical, cultural and scientific interest. Dramatic periods in the fate of Omar Etezov (the Great Patriotic war, deportation), like many figures of national culture, were reflected in his creative biography. Many manuscripts of the author's works were lost, and some remained unpublished during his lifetime. Among the latter are the novels "Aslan", "In the fire of war", the poem "Tower of Narts", and the drama "Glory". Based on the research of previous researchers, an attempt is made to recreate a complete picture of the creative evolution of the writer, which made it possible to determine the degree of his influence on the development of culture as a whole. In the process of understanding the creative path of Omar Etezov, bibliographic inaccuracies related to the chronology of the writer's publications (the trilogy "In the narrows"), the definition of the genre status of individual works were identified and eliminated. As a result of the research, the dynamics of Omar Etezov's literary activity is traced, and artistic, social and philosophical dominants that emphasize the creative individuality of the writer are noted. Taking into account the existing gaps in research practice, adjustments were made to the creative biography of the master of the artistic word and its worthy place in the history of Balkar culture was determined.

Keywords: Omar Etezov; balkar literature; creative heritage; national culture.

Этезланы Омар (1913-1964) малкъар адабиятны мурдор ташын салгъан жазыучуланы ал сатырларында болгъанды, къалам нёгерлерини араларында бийик билимлилиги эм суратлау сёзге усталыгъы, тил шатыклыгъы, къалам жютюлюгю бла айырмаланнганды. Фахмусуну кючю бла миллет адабиятны «чигинжилеринден бири болургъа жетишгенди» [Теппеев 1968: 17]. Ол къысха жашауну асламысын халкъыбызны маданиятын айнытыугъа, анга къулланыугъа буюргъанды. Андан тышында да, Этезланы Омарны чыгъармачылыгъында кёчюрмечилик иш энчи жерни алгъанды. Белгили орус назмучула Пушкинни, Лермонтовну, украинли жазыучу Шевченкону чыгъармаларын малкъар тилге кёчюрюп, аланы суратлау ишде сынаулары бла малкъар жазыучуланы, окъуучуланы да шагъырейлендиртгенди, миллет адабиятланы, саулайда маданиятланы араларында байламлыкъланы кючлендирирге эм айнытыргъа себеплик этгенди.

Не заманда да Этезланы Омар кесини ёз халкъы бла къаты байламлыкъ жюрютгенди, аны тарыхындан, тилинден, адабият-маданият дуниясындан тогъа жашагъанды. Аны себепли жазыучуну суратлау хазнасы бла толу шагъырейлениу эм аны тинтиу, бир жанындан, малкъар маданиятны айныу жолун толуракъ ачыкъларгъа, экинчиден – миллетибизни жашау сырын теренирек билирге жангы онгла бередиле.

Этезланы Омарны чыгъармачылыгъыны юсюнден оюмларын алимле, кесаматчыла да айтхандыла. Пипинис В., Бычков Д., Орусбийланы Ф., Толгъурланы З., Тёппеланы А., Маммеланы Д., Алтууланы А., Биттирланы Т., Сарбашланы А., Атабийланы А. кеслерини илму ишлеринде жазыучуну чыгъармачылыкъ хазнасыны миллет маданиятны айныуунда магъанасын чертгендиле.

Этезланы Омарны чыгъармаларыны бир къаууму аны саулугъунда басмаланнганды, асламысы уа къагъытда, авторну къол жазмаларында къалгъанды. Жарсыугъа, Этезланы Омарны жашауу 1964 жылда замансыз юзюлгенди. Бир талай заман озгъандан сора аны «Аслан» (1978), «Урушну отунда» (1989), «Нарт къала» (1996), «Махтау» (2003) деген суратлау чыгъармалары басмаланнгандыла.

Жазыучуну суратлау хазнасын жыйышдырып, аны тинтип, филология илмуланы кандидаты Тёппеланы Алим башлагъанды: 1968 жылда ол жазыучуну юсюнден очерк китабын басмалагъанды, 1996 жылда уа «Нарт къала» деген эпика чыгъармасы бла малкъар окъуучуну шагъырей этгенди. Омарны чыгъармачылыкъ къадарын ачыкълауда Моттайланы Светлананы къошумчулугъун да энчи белгилерчады: ол жазыучуну хазнасындан «Аслан» (1978) эм «Урушну отунда» (1989) деген романларын басмагъа жарашдырып, редакторлугъун да этип чыгъаргъанды.

Заман оза баргъаны бла жашау да кюнден-кюннге кесини жангы бетлерин ача барады. Ол тарыхны баш жорукъларындан бириди. Жарсыугъа, ол не кезиуде да толусунлай сакъланмагъанды. Заманны ауур жюгюню тюбюнде кёп белгили жазыучуланы жашау эм чыгъармачылыкъ ызлары басылып, белгисизлей къалгъандыла. Баям, аланы ачаргъа, алагъа жашау эркинлик берирге иги да талай жыл озаргъа керек болур эди. Аны айтханыбыз а, малкъар литератураны мурдорун салгъан жазыучуларыбызны чыгъармачылыкъ хазналары алыкъа саулай ачыкъланмагъандыла, табылмагъандыла, окъуучулагъа толусунлай жетмей турадыла демекликденди. Артыгъыракъда аны алайлыгъын Этезланы Омарны чыгъармачылыкъ къадарында кёребиз.

Арт онжыллыкълада бардырылгъан излем ишлени себебинден Этезланы Омарны чыгъармачылыкъ жолуну бусагъатдагъы окъуучугъа белгили болмагъан бетлери ачылгъандыла [Сарбашева 2002; Сарбашева 2003]. Аладан бири «асыралып» тургъан, КъМР-ни Литература музейини фондларында сакъланнган «Махтау» деген къол жазмасы болгъанды.

«Махтау» деген тёрт актлы драмада сёз Малкъарда жангы эллени къуралыуларыны юсюнден барады. Биз этген оюмгъа кёре, пьеса эллинчи жылланы ахырында – алтмышынчы жылланы башында жазылгъанды. Аны алайлыгъына дагъыда чыгъарманы биринчи бетинде «баргъан заманы бу кюнле» деген авторну сёзлери да шагъатлыкъ этедиле. Суратланнган кезиу малкъар халкъны тарыхында къууанчлы болумла бла белгилиди.

1957 жылда, сюргюнден къайтхандан сора, миллетни къыраллыгъы тохташдырылады, аны айныууна себеплик этерча, къырал программала къураладыла. Аладан бирлери жангы журтланы къурулушлары бла байламлы болгъанды. «Махтауда» ол заман суратланады. Бу сахна чыгъарма биринчи

кере Этезланы Омарны токъсан жыллыгъына аталгъан «Сайламала» деген жыйымдыгъында басмаланнганды [Этезов 2003].

Башында айтылгъан болумла жазыучуну суратлау хазнасына жангы кёзден къарарча излейдле. Илму ишибизни баш борчу – жазыучуну суратлау хазнасын бирге жыйышдырып, аны чыгъармачылыгъыны тарыхын тюз ызгъа тийишдирип толу тамамлауду.

Этезланы Омар 1913 жылда, Эльбрус районда, Тёбен Басхан элде туугъанды, онеки сабий болгъан уллу юйдегиде ёсгенди. Заманны чырмауларына да къарамай, ол билимге итиннген адам болгъанды. 1929-1932 жыллада Владикавказда Агро-Индустриальный пединститутда окъуйду. 1932-1934 жыллада уа Ленинградда Герцен атлы къырал университетни аспирантурасыны эки курсун бошайды.

Этезланы Омар, бийик билим алгъандан сора, кёп жерледе ишлейди: КБАССР-ни НКВД-сыны инспектору (1934-1936), «Социалист Къабарты-Малкъар» газетни литература къуллукъчусу (1937-1938), Къабарты-Малкъар илму излем институтуну илму къуллукъчусу (1939-1940). 1940 жылда СССР-ни Жазыучуларыны союзуна киреди эм Къабарты-Малкъар жазыучуланы биригиуюню бёлюмюню таматасы болады. Уллу Ата журт уруш башланнганлай, 1941 жылны 31-чи декабринде фронтха чакъырылады. Анда этген жигитликлери ючюн «За отвагу» эм «За победу над Германией» деген майдалла бла саугъаланады. 1943 жылда Омар, жаралы болуп, туугъан жерине къайтады. Кёчгюнчюлюк азабын сынай, Къыргъызстанда Къызыл Къая шахаргъа тюшеди. Таукеллигин тас этмей, малкъарлы жаш къадалып ишлейди. Ол орус тилден бла литературадан Къызыл Къаяны ючюнчю номерли иш усталыкъ берген училищесинде устаз болуп (1944-1945), бир къауум жылны шахтада (1945-1950), андан сора шахарда билим берген бёлюмюню (горонону) инспектору (1951-1952) болуп ишлейди.

Этезланы Омар суратлау адабиятда хар жанрында да кесини кючюн сынагъанды: назмучулукъда, («Сакъашилчи жашчыкъ», «Кавказ», «Сизге ахыр кюн келир», «Колхоз къызны жыры», «Сагъыш», «Табийгъат», «Юч тенг» – поэма), къара сёзде («Осман бла Лейла», «Хыжы» – хапарла; «Къаяла унутмагъандыла» – повесть; «Тарда», «Аслан», «Урушну отунда» – романла), публицистикада («Магъаданны туугъаны»), сахна чыгъармачылыкъда («Къанлы той», «Дертчиле», «Акъай бла Акълиман», «Махтау»).

Жазыучуну суратлау дуниясы кенгди, кёп бетлиди. Ол халкъыны жашауун ачыкъларгъа итиннгенди. Аны чыгъармачылыгъыны тематика тюрлюлюгю да ол себепденди: Омар инсан урушну («Аслан», «Тарда»), Уллу Ата журт урушну («Урушну отунда»), халкъны озгъан жашауну («Нарт къала») юслеринден жазгъанды.

«Малкъар литература… совет литератураны бир бутагъы болгъаны себепли, ма ол дементили жол бла айный, заманнга тийишли къуллукъ этгенди. Ол литературада Этезланы Омарны чыгъармачылыкъ ёсюую акъырын эм къыйын баргъанды. Алай ол кеси жашагъан заманны кертисин ачалгъанды, чыгъармаларында аны магъанасын кёргюзталгъанды», – деп чертеди Тёппеланы Алим [Теппеев 1968: 38].

Малкъар жазыучу чыгъармачылыкъ ызын, бир жанындан, кесини суратлау сёзге фахму онгуна кёре, экинчиден – заманны эстетика излемине кёре къурагъанды.

Этезланы Омарны чыгъармачылыгъыны айныу жолу къыланчлы болгъанды. Ол 14 жылындан жазып башлайды. Аны биринчи назмусу «Пионер жыр» деген ат бла 7-чи июлда 1927 жылда «Къарахалкъ» деген газетни бетлеринде басмаланады. 1932 жылда «Сакъашилчи жашчыкъ», «Кавказ» деген назмуларын да жазады. Жазыучуну чыгъармачылыгъыны ал кезиуюнде къуралгъан назмуларыны санында «Кавказ» деген назмусу суратлау даражасы бла, тил байлыгъы бла, энчи бояула эм сезим бла къуралгъан сыфатлары бла, лирика азатлыгъы бла айырмалы болады. Ол шарт фахмулукъну белгиси болгъанын баямлайды.

Бу жыллада Этезланы Омар «Юч тенг», «От кюнле» деген поэмаларын да жазып башлайды. Ала жашауда болгъан тарых болумлагъа (революция, инсан кюреш) жораланадыла. Алай жазыучу башында айтылгъан чыгъармаланы ахырына дери къурап бошаялмайды.

Отузунчу жылланы ахырында Этезланы Омар къара сёз бла да кюрешеди. Ол «Осман бла Лейля» деген хапарын 1939 жылда август эм сентябрь айлада «Социалист Къабарты-Малкъар» газетни бетлеринде басмалайды. Белгиленнген кезиуде «Къаяла унутмагъандыла», «Къайгъылы кюнле» деген повестле да жазылып башланадыла. Биринчи повестьни бир-бир кесеклери «Социалист Къабарты-Малкъар» деген республикалы газетледе малкъар эм орус тилледе басмаланнган да этедиле [Очерки истории… 1981: 123]. Эки чыгъарма да басмагъа урулургъа хазыр болуп тургъанлай башланнган Уллу Ата журт уруш жазыучуну муратларын юзеди.

Этезланы Омар аскерге чакъырылдан алгъа орус эм малкъар тилледе урушха къажау назмула, жырла («Сизге ахыр кюн келир», «Къанлы фашистле», «Мой конь летит на врага») жазады. «Къанлы фашистле» деген назмусу, макъамгъа салынып, фахмулу халкъ жырчыбыз Отарланы Омарны жырлаунда айтылып да тургъанды [Теппеев 1968: 32].

Къара сёз бла назмучулукъдан тышында Этезланы Омар малкъар драматургияны эм сахнаны ал атламларына себеплик этгенлени араларында да болгъанды. Илму тинтиуледе ачыкъланнганына кёре, XX ёмюрню 30-чу жылларында жазылгъан биринчи малкъар пьеса деп жазыучуну «Шыйых бла пионер» чыгъармасына айтылады [Очерки истории… 1978: 259-260]. Алай, биз тапхан архив материаллагъа кёре уа, «Шыйых бла пионер» деген бир актлы пьеса аз алгъаракъда жазылгъанды. Аны Ленин атлы окъуу шахарчыкъны курсантлары 1929 жылда 3-чю майда кеслерини концерт программаларында кёргюзтгендиле [УЦГА АС КБР. Ф. 188. Оп. 1. Д. 42. Л. 142].

Уллу Ата журт уруш башланырны аллында, Этезланы Омар «Арт кюнле» деген пьесасын жазгъанды. Бу чыгъарма, театрда окъулуп, сахнада салынырга хазыр болуп тургъанлай къалады [Сарбашева 2009: 115].

Уруш жылланы ал айларында драматург малкъар театрны сахнасында салынырча гитче пьесала къурайды. Орус тилде басмаланнган «Социалистическая Кабардино-Балкария» газетни бетлеринде билдириулеге

кёре, «колхоз къараучулагъа деп уллу жетишимле бла Этезланы Омарны «Русьну жашы» – немис тузакъда орус солдатны жигитлигини, «Тау элни кюню» – халкъ ополченияны къуралыууну юслеринден бир актлы пьесала салыннгандыла» [Киреев 1941].

1943 жылны октябрь айында Къабарты-Малкъар сахнаны оюнчулары кеслерини ишлерин башлап, К. Гольдонини «Трактирщица», А. Луговскойну «Невидимая сила», Отарланы Керимни «Биз хорларыкъбыз», Рахайланы Исмайылны «Тасхачыла», Этезланы Омарны «Той», «Ирма Ильзе» деген сахна чыгъармаларына кёре оюнла салгъандыла. Аланы кёбюсюню ниет магъаналары душман бла къажау кюрешни юсюнден эди.

Уллу Ата журт урушну жылларында малкъар халкъгъа эки къаты къыйынлыкъ сынаргъа тюшгенди: биринчиден – урушну оту, экинчиден – эсде болмай тургъанлай, жалгъан терслеуле бла сау миллетни туугъан жеринден Орта Азияны бла Къазахстанны аулакъларына зор бла кёчюрюу. Къыралны кюйсюзлюгю бла сау онюч жылгъа миллет маданиятны айныуу тохтайды. Этезланы Омарны башында айтылгъан сахна, акъ эм къара сёз бла жазылгъан чыгъармаларыны асламысы ол кезиуде тас болады.

Кёчгюнчюлюк жыллада жазыучу чыгъармачылыкъ ишин бардырады. Тёппеланы Алимни эсгериулерине кёре, 1956 жылны сентябрь айында, Фрунзеден туугъан жерлерине къайтып келе, ол поездде Этезланы Омар бла танышхан эди. Бу тюбешиу жазыучуну къадарында буйрукъну энчи белгисича болгъан эди. Этезланы Омар жаш жол нёгерине «Нарт къала» деген назмула бла жазгъан сейирлик хапарын окъуп келгенди. «Да мени Кавказгъа элтиб баргъан байлыгъым буду», – деп ёхтемлене эди жазыучу [Теппеев 1968: 65]. Алимни айтыууна кёре, эпикалы чыгъарманы къол жазмасында Этезланы Омарны къолу бла жазылгъан кезиу «1939-1956 жылладыла». Чыгъарма 1939 жылда жазылып, Жазыучуланы биригиуюнде сюзюлгенди. Аны юсюнден билдириу «Социалист Къабарты-Малкъар» газетни бетлеринде 1939 жылда 19-чу сентябрьде басмаланнганды. Болсада, башха чыгъармаларыча, уруш башланнганда «Нарт къаланы» жазмасы тас болады. Кёчгюнчюлюкде ол жангыдан жазылады [Теппеев 1996: 15-16].

Жазыучуну бу поэмасында бурунгу тау жамауатлада жашау суратланады. Сабийликден апсалты жесирликге тюшген Заурбекни бла Зарийни ажымлы къадарлары, тау эллени азатлыкълары ючюн бардырылгъан кюреш чыгъарманы ниет ёзегин къурайдыла. Малкъар халкъны озгъан ёмюрледе жашауу терен суратлау фахмулулукъ бла ачыкъланады. Башында айтханыбызча, къадарны буйругъу бла «Нарт къаланы» басмагъа хазырларгъа, аны чыгъарыргъа Тёппеланы Алимге тюшгенди. Тинтиучю чыгъарманы хар тюрлю жанындан сюзюп, аны суратлау энчилигин, хатын, оюм теренлигин ачыкълап, 1996 жылда басмалап, малкъар адабиятыбызны байыкъдырады, миллет окъуучуну сюйген чыгъармаларыны тизмесин аны бла толтурады.

1957 жылда къыралда тюзлюк тохташып, малкъар миллети Ата журтуна къайтхандан сора Этезланы Омар, жашау сынаууна сюзе, бу тизгинлени жазар:

Ай, не медет, болалмадым жанаргъа,
Урушлада, сюргюнледе тюгендим.
Сакъашилге азат жолун табаргъа
Излей чыкъсам, зулмулагъа тюбедим.
……
Сокъураныу жокъду бюгюн ичимде,
Кюнча тиймей жашагъаным ючюннге,
Бир жилтинчик болгъан эсем, жол ача,
Аз халкъымы таркъаймагъан кючюне [Этезов 1996: 195].

Къадарыны къыланч жолларына да къарамай, Этезланы Омар окьуучуну жашауну сюерге, аны тюз жорукъларына бойсундурургъа излейди. «Жашауну сюйюгюз» деген назмусунда ол хар инсаннга да «Жашаунгда арымагъан ишчи бол, /Хар адам юлгю алырча киши бол! / Жарыкъ кюнню жылыуун хайырлана, / Аманлыкъны сёге, жолдан тайдыра, / Бу жашауну жарыкъ жолун арыта» [Этезов 1996: 194] деген насийхат сёзлерин айтады.

Жыйырманчы ёмюрню экинчи жарымында миллет маданият жангы солуу алады, айныуну жолуна турады. Ол кезиуде басмачылыкъ иш энчи магъананы тутады. Сёз ючюн, 1959 жылда республиканы Халкъ чыгъармачылыкъны юйю малкъар пьесаланы жыйымдыгъын басмалайды. Ол китапха Этезланы Омарны «Дертчиле» (биринчи аты «Тау элде») деген бир актлы, тёрт суратлы пьесасы да киреди. Аны юсюнден Маммеланы Далхат бла Алтууланы Ахмат «Коммунизмге жол» (1960 ж., 29 июнь) газетде «Жашау кертилик бузулмасын» деген статьяларында жазгъандыла. Сюжетини суратлау ызына кёре, чыгъарма Уллу Ата журт урушну кезиуюнде къуралгъанды дерчады: пьесаны экспозициясында «баргъан заманы 1942 жыл, тау элде» деп белгиленеди. Баям, бу сахна чыгъарманы мурдорун башында сагъынылгъан «Тау элни кюню» деген бир актлы пьеса болгъан болур эди. Эштада, Этезланы Омар бу чыгъармасын фронтдан жаралы болуп (1943) къайтхандан сора кенгертип жазгъанды. «Дертчиле» деген пьеса жангыдан «экинчи жашауну» 2002 жылда сынайды: ол «Минги Тау» журналны 5-чи номеринде басмаланнган эди.

Халкъыбыз сюргюнден къайтхандан сора Этезланы Омарны «Къанлы той» пьесасы биринчи кере 1959-чу жылда малкъар театрны сахнасында салынады [Рыжеволова 1959]. Жазыучуну сакъланнган къол жазмаларында бу чыгъарма «Сюймекликден хапар» деген ат бла, къуралгъан кезиую – 1956 жыл деп белгиленеди. Айтылгъан чыгъармагъа кёре салыннган оюн маданиятыбызда махтау бла сагъынылады. Сахна чыгъарманы мурдорун бир бирлерин сюйген эки жаш адамны – бийче къыз Маржанны бла малчы Муссаны бушуулу къадарлары къурайды. Къайтукъ бий ариулугъу кёз къаматхан, жангыз къызын къарт, къарыусуз Ахылау деген бийге эрге береди. Къыз а Муссаны сюеди, аны бла бир юйюр тиргизирге хазырды. Маржанны анасы Шахий къызын ёлюмден, кесини жанын берип, азатларгъа кюрешеди. Сюйген жашы бла къачып кетгени ючюн атасы къызын ёлтюрюрге дейди. Драманы ахыры бушуулуду: Къайтукъ Маржанны сокъур да, сангырау да

болгъан холамлы бийге берирге оноу этип, той бара тургъан кюн къан тёгюледи: къыз, этилген артыкълыкъны кётюралмай, кесин ёлтюреди, анасы Шахий да жоюлады.

Кесаматчыланы оюмларына кёре, суратлау жаны бла сахна чыгъарма къарыусузду: сыфатланы толу ачыкъланмагъаны, сюжет ызны учхаралыгъы, жигитлени тиллерини ушашлыкълары дегенча кемчиликле чертиледиле. Аланы баш сылтаулары – жазыучу чыгъармачылыкъ ишинде халкъ чыгъармачылыкъ тёрелени къатлагъаны, аны заманны эстетика мардалыгъына кёре къурагъаны бла байламлыдыла. Болсада сахна оюннга малкъар театрны фахмулу оюнчулары къатышхандыла. Жут, кюйсюз Къайтукъ бийни къылыгъын КъМАССР-ни сыйлы артисти Маммеланы Ибрахим эсде къалырча ачыкълагъанды. Сёзчю, хыйлачы Фаризатны сыфатын КъМАССР-ни сыйлы артисткасы Кючмезланы Шарифа уста кёргюзтгенди. Насыпсыз таулу тиширыу Шахийни къадарын Залийханланы Тамара ачыкълагъанды. Аладан сора да Къудайланы Ахмат (молла), Чабдарланы Хызыр (Ахылау бий) кеслерини усталыкъларын кёргюзтген эдиле. Ол себепден къараучула сахна оюнга сюйюп къарагъандыла, аны жигитлерини къадарларын ич дуниялары бла ётдюргендиле. Аллай болумну сылтауу да баям эди: ол заманны окъуучусуна/къараучусуна да быллай чыгъармала жуукъ эм ангылашымлы эдиле, эстетика жаны бла аланы халкъ чыгъармачылыкъдан келген тёрели ниет сезимлерине къаршы эдиле. Окъуучулагъа эсге салыргъа сюе эдик: «Къанлы той» деген сахна чыгъарма Омарны «Нарт къала» (1996) деген китабына киргенди.

1960 жылда «Бир актлы пьесала» деген малкъар тилде чыкъгъан жыйымдыкъда дагъыда жазыучуну «Акъай бла Акълиман» деген драма чыгъармасы да киреди.

Этезланы Омарны хар чыгъармасыны къадары да энчи болгьанды.

Башында айтханыбызча, кюйсюз заманны къалабалыгъыны (Уллу Ата журт уруш, кёчгюнчюлюк) сылтауундан бир къаум чыгъармаланы жазмалары тас боладыла. Аллайланы санында «Къаяла унутмагъандыла» деген повестьни жазмасы, басмагъа хазыр болуп тургъанлай, башланнган урушну отунда кюеди. Алай, насыпха, чыгъарманы орус тилге жазыучу М. Киреев этген кёчюрмеси сакъланады. Аны хайырындан Этезланы Омар «Къаяла унутмагъандыла» деген повестин малкъар тилде жангыдан тохташдырады. 1957 жылда Ростов шахарда чыкъгъан «Дон» деген журналны бетлеринде бир юзюгю басмаланады [Этезов 1957]. 1958 жылда чыгъарма малкъар тилде, аны ызындан орус тилде «Камни помнят» деген ат бла1959 жылда энчи китапла болуп чыгъадыла.

Повестьни сюжетини мурдорун Малкъарда инсан урушну баргъаны къурайды. Жигитлени къауумлагъа юлешиниую ол кезиуде тохташхан норматив эстетиканы жорукъларына бойсунады: бир жанындан – жарлы халкъны жашауунда тюзлюкню тохташдырыргъа итиннген Темирбаш башчылыкъ этген къызыл аскерчиле, башха жанындан – алагъа къажау сюелген бийлени келечилери. Суратлау чыгъармачылыкъда сынауу болуп тургъанлай да, Этезланы Омар баш жигитни къылыгъын, аны ич дуниясын толу ачыкълаялмайды. Болсада окъуучуну эсин бу чыгъармада жазыучуну тил

байлыгъы бийлейди. Повестьде аны бир къауум айтым бла баш жигитни ётгюр сыфатын окъуучуну кёз аллына келтирирча къолундан келеди: «…ташланы артындан кючден тыйылып тургъан огъурсузлукъдан эм терен сагъышдан толгъан эки кёз къарай эдиле. Темир бёрк, тырмы тартылгъан мангылай, сол къашны башында жара тап кёрюне эдиле…»; «…бир бирде бузлагъан башлыкъны тюбюнден жангыз кёзлери кёрюнюучю эдиле, ала уа алай жылтырай эдиле!...» [Этезов 1958: 14, 18].

«Къаяла унутмагъандыла» деген повесть башында белгиленнген суратлау кемчиликледен, шарайыпладан азат болмагъанды. Ол совет литературада тохташхан тёрелеге бойсунулуп жазылгъанды. Болсада кесаматчыла ол кезиуде анга ниет-суратлау магъанасы бла жетген чыгъарма болмагъанын жашырмай айтхандыла. «Къаяла унутмагъандыла» деген повесть уллу чыгъарма тюйюлдю, аны уллу черек бла тенглешдирирге жарамаз. Ол таудан келген гитче суучукъгъа ушайды. Алай анда да окъуучу халкъны насыбы ючюн бардырылгъан уллу кюрешни суратын кёралады… Повестьде миллет ариулукъ бла бирге халкъланы араларында шуёхлукъ суратланады. Бу повестьни къурауда жазыучу жетишген чыгъармачылыкъ хорлам энчи кезиу болуп, аны жангы чыгъармаларына жол ачарына ийнанырчады», – деп жазгъандыла Д. Бычков бла В. Пипинис [Бычков, Пипинис 1958].

1960-1970 жыллада малкъар адабият тири айныйды, аны суратлау аулакълары, жагъалары кенгден кенг бола, жайыла барадыла. Анга толу шагъат роман жанрда жазылгъан уллу эпикалы чыгъармала боладыла: белгиленнген кезиуде Залийханланы Жанакъайытны «Тау къушла» (1962), Шауаланы Миналданны «Мурат» (1964), Гуртуланы Бертни «Жангы талисман» (1970) деген романлары басмаланадыла. Ол тизмеде Этезланы Омар «Тарда» (1961) деген юч кесекден къуралгъан чыгъармасы бла биринчилени санында болады. Романда колхоз къурулушну къуралыуундан башлап Уллу Ата журт урушну кезиуюне дери суратланады. Анысюжет мурдоруну асламысын классла аралы бардырылгъан кюреш къурайды (эски дунияны келечилери Жумук, Чокка-эфенди, Сарбий, алагъа къажау сюелген коммунистле Эльбатыр улу, Алчы улу, Иванов). Жигитлени этген ишлери жазыучуну суратлау оюмуна бойсунадыла, ол себепден аланы къылыкълары, энчи шартлары ачыкъланмай къаладыла. Болсада чыгъарманы баш суратлау жетишимине жазыучуну жашау кертиликни суратларгъа итиниуюн санаргъа болады. Бу шарт Жанбермез деген жигитни сыфатыны юсю бла ачыкъланады. Жанбермез баш жигитлени санына кирмейди, болсада аны сыфаты окъуучуну эсин бегиракъ бийлейди. Ол къолайы болгъан, кесини мюлкюн байыкъландыра билген адам болгъанды. Жанг тохташхан совет властьны жамауатда кийирген тюрлениулери таулу кишиде ауур оюмла туудурадыла. Аны келлик заманда жашау къаллай боллугъу жарсытады. «Таланмагъан, сени мени кибик къолайлы адамла бла кюрешиб тебреген жерни несине къууанаса? Чегем ысхылтысы бла Малкъар басияты эди тауну тутуругъу… Совет салабыз дедиле да аланы къурутдула. Энди колхоз салабыз деб малы, кючю болгъанланы къурутсала не бла жашаргъа умут этедиле?...» [Этезов 1961: 90]. Бу сыфат толу къуралмай эсе да,

жазыучуну суратлау сынаууну айныууна, тарых кертиликни ачыкъларгъа итиниуюне шагъатлыкъ этеди.

«Тарда» деген романны экинчи китабы – «Урушну отунда» деген китапды. Моттайланы Светлананы жазгъанына кёре, чыгъарманы титул бетинде Этезланы Омарны ёз къолу бла «1964» деп жазылып бошалгъан жылы чертилгенди, экинчи тизгининде уа «Тарда» деген трилогияны экинчи китабыды деп къошулгъанды [Моттаева 1989: 8]. Романда адамланы уруш жыллада, кёчгюнчюлюкде ажымлы къадарлары суратланадыла. Сапар, Манаф, Хажи, Салих деген малкъар уланланы фронтда этген жигитликлеринден сора да, аланы инсан жигитликлерин суратларгъа къолундан келеди Омарны. Ол шарт жазыучуну кесини суратлау бийикликге жетиширге итиннгенинден тышында да, инсанлыкъ жигитлигине шагъатлыкъ этеди. Этезланы Омарны жигитлери къанларын-жанларын аямай, Ата журтларын къоруулагъан кезиуде, аланы аталары, аналары, сабийлери, юйдегилери жюреклери бла ийнаннган властьны бачамасыны огъурсуз буйругъу бла Орта Азиягъа кёчюрюледиле. Халкъына этилген артыкълыкъны кётюралмай, Сапарча жашла тюзлюкню излеп, инсанлыкъ борчларын толтурургъа излейдиле: ала Сталинни атына къагъытла жазадыла. Жарсыугъа, жигитлени суратланнган тарых болумлада къадарлары ажымлы боладыла: ала жыйырмажыллыкъ тузакъгъа ашырыладыла. Жазыучуну фахмусуну кючю бла этилген артыкълыкъла адам улуну тюзлюкге ийнаныуун оялмагъанын, заманны огъурсузлугъун сынауда адамлыкъ кючюн тас этмегенин суратларгъа къолундан келеди.

Этезланы Омарны трилогиясыны юсюнден малкъар адабиятда бир оюм тохташмагъанды. Тёппеланы Алим 1996 жылда жазгъаннга кёре, «трилогияны бир китабы «Аслан» – 1984 жылда, 2-чи-китабы – «Тарда» – 1963 жылда, 3-чю китабы – «От кюнле» –1990 жылда басмаланннгандыла» [Теппеев 1996: 25]. Былайда чыгъармаланы басмада чыкъгъан кезиулери халатла бла берилгени баямды. Биринчиден, «Тарда» деген роман 1961 жылда, «Аслан» деген роман 1978 жылда басмаланнгандыла. Экинчиден, «Тарда» деген чыгъарманы биринчи бетинде окъуна «юч китаблы роман» деп белгиленеди. Андан сора, башында айтылгъаныча, «Урушну отунда» (1989) деген экинчи китабыны жазмасы шагъатлыкъ этеди. Аны юсюнден Моттайланы Светлана китапны «Ал сёзюнде» айтады. Бу болумну Алим эсге алмагъаны сейирди. Тинтиучю сагъыннган «От кюнле» деген чыгъарманы юсюнден билдириу да окъуучуну ажашдырады. Нек дегенде Алим биринчи кере «Этезов Омар. Чыгъармачылыгъыны юсюнден очерк» деген китабында Омарны 1930 жыллада жазгъан уллу чыгъармаларыны арасында «От кюнле» деген битмей къалгъан поэмасыны юсюнден сагъыннганды [Теппеев 1968: 25]. 1990 жылда уа аллай аты бла Этезланы Омарны романы басмаланмагъанды. Бек башы уа, Тёппеланы Алим белгилеген чыгъармаланы тизмес трилогияны жоругъуна келишмейдиле. Илмуда тохташхан оюмгъа кёре, трилогия деп бир ниет бла, жигитлени

къаууму бла бирикдирилип, тарыхны бир-бир ызындан баргъан кезиулерин суратлап, юч китап-кесекледен къуралгъан чыгъармагъа айтадыла[1].

«Аслан» деген романда суратланнган кезиу, жигитлени къаууму да башхадыла: Аслан деген таулу жигитни башчылыгъы бла жангы властьны тохташдырыргъа къазауат этгенле бла (Къасым, Зайнул-хаят, Азнауур) акъ къазакъланы, алагъа жакъ басханланы (Байкасым, Махай, Осман-эфенди) араларында бардырылгъан кюреш суратланады. Ол себепден, бизни оюмубузгъа кёре, бу чыгъарма энчи китап болады.

Трилогия бла байламлы Алимни терс оюмлауу окъуучуланы, алимлени да ажашдыргъанды. Тинтиучиле Тёппеланы Алимни жазгъанына таянып, ол этген халатланы къатлап, ишлерин къурагъандыла [Габаева 2002; Атабиева 2010]. Бу болумну эсге алып, келир заманда малкъар адабиятны тинтген алимле Этезланы Омарны чыгъармачылыгъын теренден сюзюп, белгиленнген соруну тамамларгъа борчлудула.

Болсада, ачыкъланнган кемчиликлеге къарамай, Тёппеланы Алимни Этезланы Омарны чыгъармачылыкъ жолун тинтиуде уллу къыйынын чертирчады.

Башында айтханыбызча, Этезланы Омарны башха жазыучуладан айырмалы этген бир шарт болгъанды – суратлау тилини байлыгъы, шатыклыгъы, теренлиги. Айтылгъаннга толу шагъатлыкъ жазыучуну хар чыгъармасы да этеди. Аны юсюнден алимле, кесаматчыла да бир ауаздан айтхандыла. «Этезовну битеу жазыучулукъ къудрети — повестьни тилинде кёрюнеди. Малкъар тилни байлыгъын, суратлау жанына онглулугъун автор ангылагъанды. Айхай да, ол ангылаугъа жазыучу ана тилин уста билгенден жетишгенди. Тил'а суратлау чыгъарманы жаратыуда бек уллу шартладан бириди» [Теппеев 1968: 57].

Этезланы Омарны чыгъармаларында ара жерни табийгъат бийлейди. Бютюнда аны суратлауда жазузыучуну сёзге усталыгъы энчи белгиленеди. Сёз ючюн, «Аслан» деген романда табийгъат жан салыннганча суратланады: «Эртденликде, кюн тийгинчи башларын жерге мудах ийилтип, табигъатны къадарындан къутулур онглары болмай, назик чырпыла эм хансла, кюнню жылыуу иги синген заманда, юслеринден чыкъны силкип, кеслерин кюн бутакълагъа тирилтедиле. Жылмылыны башы чыранланы тийреси жазны узуну жашил кырдыкдан айбатланып, тёшеленип болса да, ол тийрелени юслерин къар басханды. Кюн аланы тёбен жанларын эритсе да, хар кюн бузулгъан сайын, биягъы къар кесини жерин кенгден кенг алады, бийлигин энишгеден энишге жаяргъа кезлейди» [Этезов 1978: 260-261]. Этезланы Омарны фахмулугъу къуру табийгъатны суратлаудан тышында да аны сыфатын къурауну жаны бла энчилигиндеди. Ол бир айтымгъатабийгъатны солуун, халин, айныуун сыйындырып айтыргъа онг табады. «Къайгъылы кюнле» деген

[1] Словарь литературоведческих терминов [Электронный ресурс] // Издательство «Лицей»: сайт. URL: https://licey.net/free/16kritika_proizvedenii_literatury_obschie_voprosy_otnosheniya_k_literature/60-slovar_literaturovedcheskih_terminov.html (дата обращения: 22.05.2020)

чыгъармасында жазыучу Чегем тарыны суратын бир айтым бла кёргюзтеди: «Къанатлы учуб ёталмаз дерча тар, бийик къаяланы ичлеринден кёз жашдан эсе таза, жаухар бетли суула къутуруб баргъан Чегем сууна тёгюледиле, баш жанында бирча, ёзек болуп чыкъгъан суу эншгеден-эншге, ууакъдан-ууакъ тамычыла болуб узакъдан къарагъан кёзге жауунча кёрюнедиле» [Этезов 1958: 69]. Айтханыбызны магъанасы – Этезланы Омарны суратлау хазнасы жаланда окъуучулагъа буюрулуп къалмай, аланы эстетика сезимлерин айнытхандан тышында да, тилни тинтген алимлеге къарачай-малкъар тилни байлыгъын, къуралыууну энчилигин ачыкъларгъа кёп онгла береди.

Этезланы Омарны аты миллет маданиятны тарыхында сыйлы жерни алгъанды. Аны чыгъармалары, башында айтханыбызча, заманны ниет излемлерине кёре, ол жыллада айныгъан совет литератураны суратлау жорукъларына тийишлиликде къуралгъандыла. Толгъурланы Зейтунну оюмуна кёре, «...хар чыгъарма кёп тюрлю шартла бла байламлыды: ол политиканы, социально-жамауат жашауну, заманны илишанларын, жазыучуну фахму къолайын, ангылаун, ич дуниясын да бирикдиреди». [Толгуров 2000: 126]. Жазыучу кеси заманыны хауасы бла солугъанды, фахмусун, къаламын да аны борчларына бойсундургъанды. Болсада терен тарых оюмлауу бла жашау кертиликни суратларгъа итинннгенди, ол а аны инсанлыкъ жигитлигини шарты болгъанды.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Атабиева 2010 – *Атабиева А.Д.* Омар Этезов // Очерки истории балкарской литературы. – Нальчик: Республиканский полиграфкомбинат им. Революции1905 г., 2010. – С. 382-391.

Бычков, Пипинис 1958 – *Бычков Д.И., Пипинис В.Ф.* Первая балкарская повесть // Кабардино-Балкарская правда. – 1958. – 8 янв.

Габаева 2002 – *Габаева А.Б.* Балкарские писатели. Биобиблиографический справочник [на балк. яз.: Малкъар жазыучула. Биобиблиография справочник]. – Нальчик: Эльбрус, 2002. – 292 с.

Киреев 1941 – *Киреев М.М.* Спектакли, зовущие в бой // Социалистическая Кабардино-Балкария. – 1941. – 6 нояб.

Моттаева 1989 – *Моттаева С.М.* Вступительное слово // Этезов О.М. В огне войны. [на балк. яз.: Урушну отунда]. – Нальчик: Эльбрус, 1989. – С. 3-8.

Очерки истории… 1978 – *Очерки истории* балкарской литературы [на балк. яз.: Малкъар литератураны историясыны очерклери]. – Нальчик: Эльбрус, 1978. – 452 с.

Очерки истории… 1981 – *Очерки истории* балкарской литературы / Отв. ред. С.У. Алиева. – Нальчик: Эльбрус, 1981. – 400 с.

Рыжеволова 1959 – *Рыжеволова А.* Кровавый той // Кабардино-Балкарская правда. – 1959. – 12 авг.

Сарбашева 2002 – *Сарбашева А.М.* Творческая судьба Этезова Омара [на балк. яз.: Этезланы Омарны чыгъармачылыкъ къадары] // Минги Тау. – 2002. – № 5. – С. 170-173.

Сарбашева 2003 – *Сарбашева А.М.* Этезов Омар // Писатели Кабардино-Балкарии (XIX – конец 80-х гг. XX в.) Биобиблиографический словарь. – Нальчик: Эль-Фа, 2003. – С. 434-437.

Сарбашева 2009 – *Сарбашева А.М.* Балкарская драматургия: этнофольклорная традиция и эволюция жанра. – Нальчик: Издательство КБИГИ, 2009. – 240 с.

Теппеев 1968 – *Теппеев А.М.* Омар Этезов. Библиографический очерк [на балк. яз.: Этезланы Омар. Чыгъармачылыгъыны юсюнден очерк]. – Нальчик: Эльбрус, 1968. – 116 с.

Теппеев 1996 – *Теппеев А.М.* Радость и печаль таланта [на балк. яз.: Фахмуну къууанчлыгъы бла бушуулугъу] // Этезов О.М. Башня нартов. Избранное [на балк. яз.: Нарт къала. Сайламала китабы]. – Нальчик: Эль-Фа, 1996. – С. 3-32.

Толгуров 2000 – *Толгуров З.Х.* Балкарская литература [на балк. яз.: Малкъар литература]. – Нальчик: Эльбрус, 2000. – 406 с.

УЦГА АС КБР – *Управление Центрального государственного архива Архивной службы Кабардино-Балкарской республики*.

Этезов 1957 – *Этезов О.М.* Камни помнят // Дон. – 1957. – № 6. – С. 37-53.

Этезов 1958 – *Этезов О.М.* Камни помнят [на балк. яз.: Къаяла унутмагъандыла]. – Нальчик: Кабардино-Балкарское книжное издательство, 1958. – 132 с.

Этезов 1961 – *Этезланы О.М.* В теснине [на балк. яз.: Тарда]. – Нальчик: Кабардино-Балкарское книжное издательство, 1961. – 248 с.

Этезов 1978 – *Этезов О.М.* Аслан [на балк. яз.]. – Нальчик: Эльбрус, 1978. – 336 с.

Этезов 1989 – *Этезов О.М.* В огне войны [на балк. яз.: Урушну отунда]. – Нальчик: Эльбрус, 1989. – 192 с.

Этезов 1996 – *Этезов О.М.* Башня нартов. Избранное [на балк. яз.: Нарт къала. Сайламала китабы]. – Нальчик: Эль-ФА, 1996. – 328 с.

Этезов 2003 – *Этезов О.М.* Избранное [на балк. яз.: Сайламала]. – Нальчик: Эльбрус, 2003. – 160 с.

REFERENCES

ATABIEVA A.D. *Omar Etezov* [Omar Etezov]. IN: *Ocherki istorii balkarskoi literatury* [Essays on the history of Balkarian literature]. – Nalchik: Respublikanskii poligrafkombinat im. Revolyutsii1905 g., 2010. – P. 382-391. (In Russian)

BYCHKOV D.I., PIPINIS V.F. *Pervaya balkarskaya povest'* [The first Balkarian novel]. IN: *Kabardino-Balkarskaja pravda*. – 1958. – January 8. (In Russian)

ETEZOV O.M. *Aslan* [Aslan]. – Nalchik: El'brus, 1978. – 336 p. (In Balkar)

ETEZOV O.M. *Bashnya nartov. Izbrannoe* [The sledge tower. Favorite]. – Nalchik: El'-FA, 1996. – 328 p. (In Balkar)

ETEZOV O.M. *Izbrannoe* [Favorite]. – Nalchik: El'brus, 2003. – 160 p. (In Balkar)

ETEZOV O.M. *Kamni pomnyat* [Stones remember]. – Nalchik: Kabardino-Balkarskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1958. – 132 p. (In Balkar)

ETEZOV O.M. *Kamni pomnyat* [Stones remember]. IN: Don. – 1957. – No. 6. – P. 37–53. (In Russian)

ETEZOV O.M. *V ogne voiny* [On fire war]. – Nalchik: El'brus, 1989. –192 p. (In Balkar)

ETEZOV O.M. *V tesnine* [In the gorge]. – Nalchik: Kabardino-Balkarskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1961. – 248 p. (In Balkar)

GABAEVA A.B. *Balkarskie pisateli. Biobibliograficheskii spravochnik* [Balkar writers. Bibliographic reference]. – Nalchik: El'brus, 2002. – 292 p. (In Balkar)

KIREEV M.M. Spektakli, zovushchie v boi [Performances calling for battle]. IN: *Sotsialisticheskaya Kabardino-Balkariya*. – 1941. – November 6th. (In Russian)

MOTTAEVA S.M. *Vstupitel'noe slovo* [Introduction]. IN: ETEZOV O.M. *V ogne voiny* [On fire war]. – Nalchik: El'brus, 1989. – P. 3-8. (In Balkar)

Ocherki istorii balkarskoi literatury [Essays on the history of Balkarian literature]. – Nalchik: El'brus, 1978. – 452 p. (In Balkar)

Ocherki istorii balkarskoi literatury [Essays on the history of Balkarian literature]. Ed. by S.U. Alieva. – Nalchik: El'brus, 1981. – 400 p. (In Russian)

RYZHEVOLOVA A. *Krovavyi toi* [Bloody wedding]. IN: *Kabardino-Balkarskaya pravda*. – 1959. – 12th of August. (In Russian)

SARBASHEVA A.M. *Balkarskaya dramaturgiya: etnofol'klornaya traditsiya i evolyutsiya zhanra* [Balkar dramaturgy: ethno-folk tradition and evolution of the genre]. – Nalchik: Izdatel'stvo KBIGI, 2009. – 240 p. (In Russian)

SARBASHEVA A.M. *Etezov Omar* [Etezov Omar]. IN: *Pisateli Kabardino-Balkarii (XIX – konets 80-kh gg. XX v.). Biobibliograficheskii slovar'* [Writers of Kabardino-Balkaria (XIX – the end of the 80s of the XX century). Bibliographic dictionary]. – Nalchik: El'-Fa, 2003. – P. 434-437. (In Russian)

SARBASHEVA A.M. *Tvorcheskaya sud'ba Etezova Omara* [The creative fate of Etezov Omar]. IN: Mingi Tau. – 2002. – No. 5. – P. 170-173. (In Balkar)

TEPPEEV A.M. *Omar Etezov. Bibliograficheskii ocherk* [Omar Etezov. Bibliographic sketch]. – Nalchik: El'brus, 1968. – 116 p. (In Balkar)

TEPPEEV A.M. *Radost' i pechal' talanta* [Joy and sadness of talent]. IN: ETEZOV O.M. *Bashnya nartov. Izbrannoe* [The sledge tower. Favorite]. – Nalchik: El'-FA, 1996. – P. 3-32. (In Balkar)

TOLGUROV Z.Kh. *Balkarskaya literatura* [Balkar literature]. – Nalchik: El'brus, 2000. – 406 p. (In Balkar)

UTsGA AS KBR – *Upravlenie Tsentral'nogo gosudarstvennogo arkhiva Arkhivnoi sluzhby Kabardino-Balkarskoi respubliki* [Management of the Central state archive of Archival service of Kabardino-Balkar Republic].

ФОЛЬКЛОР И ЛИТЕРАТУРА НАРОДОВ КАВКАЗА

УДК 82-14

DOI 10.31143/2542-212X-2020-2-260-274

КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКАЯ ПОЭЗИЯ НОВОГО ВРЕМЕНИ: РЕЛИГИОЗНЫЙ АСПЕКТ

Р.А. КЕРИМОВА

Институт гуманитарных исследований – филиал Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук»
360000, КБР, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18
E-mail: K.roza07@mail.ru

Аннотация. В статье анализируются некоторые аспекты духовного развития карачаево-балкарской словесности Нового времени. Установлена корреляционная зависимость между религиозной сферой и художественной литературой в регионе, отмечается усиление влияния исламских идей на творчество молодого поколения поэтов. Эволюция авторского самосознания в «новой поэзии» ярко иллюстрирует изменения в историко-литературном контексте. Об этом свидетельствуют трансформация религиозного жанра, наблюдающаяся межжанровая диффузия, которая позволила расширить рамки традиционной религиозной тематики. Особый акцент в работе сделан на выявление ключевых концептов в творчестве молодого поколения, а также на исследование поэтики произведений, образов, мотивов, реминисценций, пересекающихся с коранической этикой, приближенной к системе духовных ценностей карачаево-балкарского народа. В результате исследования были раскрыты важнейшие аспекты в развитии художественного сознания современных карачаево-балкарских авторов, обозначены основные тенденции, определена специфика взаимосвязи преемственности и новаторства.

Ключевые слова: поэзия Нового времени; карачаево-балкарская поэзия XXI века; религиозно-дидактический жанр; молитва; концепт.

KARACHAY-BALKARIAN POETRY OF THE MODERN TIME: A RELIGIOUS ASPECT

R.A. KERIMOVA

The Institute for the Humanities Research – Affiliated of the Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences»
360000, KBR, Nalchik, Pushkin st., 18
E-mail: K.roza07@mail.ru

Abstract. The article analyzes some aspects of the spiritual development of the Karachay-Balkarian literature of the New Age. A correlation is established between the religious sphere and fiction in the region, the influence of Islamic ideas on the work of the young generation of poets is growing. The evolution of author's self-awareness in the "new poetry" vividly illustrates the changes in the historical and literary context. This is evidenced by the transformation of the religious genre, the observed intergenre diffusion, which allowed to expand the scope of traditional religious themes. Particular emphasis is placed on identifying key concepts in the work of the young generation, as well as on the study of the poetics of works, images, motifs, reminiscences, intersecting with the Koranic ethics, close to the spiritual value system of the Karachai-Balkar people. As a result of the study, the most important aspects in the development of artistic consciousness of modern Karachai-Balkarian authors were revealed, the main trends were identified, the specificity of the relationship between continuity and innovation was determined.

Keywords: poetry of the modern time; Karachay-Balkar poetry of the XXI century; religious and didactic genre; prayer; concept.

Происходящие изменения в мире, потеря идеологического ориентира в стране, переоценка ценностей, внесли в литературную атмосферу иное восприятие жизни. В силу этого наибольшую значимость обретает проблема осмысления национальной идентичности на уровне глубинных ментальных структур и этнопсихологических особенностей этноса. Согласно авторитетному мнению Ю. Лотмана, «каноническое искусство играет огромную роль в общей истории художественного опыта человечества. И тем более существенно поставить вопрос о необходимости изучать не только его внутреннюю синтагматическую структуру, но и скрытые в нем источники информативности, позволяющие тексту, в котором все, казалось бы, заранее известно, становиться мощным регулятором и строителем человеческой личности и культуры» [Лотман 2002: 315].

В статье используется комплексный подход, комбинирующий элементы сравнительно-типологического, сопоставительно-типологического, системно-целостного и историко-литературного анализа.

В формировании научной концепции исследования важную роль сыграли воззрения Ю.Лотмана, С. Аверинцева, Ю. Крачковского.

Наиболее значимые исследования в области религиозно-дидактической поэзии (в карачаево-балкарской литературе) второй половины XIX – начала XX века принадлежат Т. Биттировой, Б. Тетуеву, З. Караевой, Х. Малкондуеву, К.-М. Тотуркулову, М. Хабичеву; некоторые аспекты затрагиваются З. Толгуровым, З. Кучуковой, Ф. Урусбиевой; данная проблема рассматривается также, в отдельных работах философов, историков С. Эфендиева, Х. Геграева. Однако следует отметить, что творчество нового поколения авторов конца XX – начала XXI в. еще не подвергалось научному осмыслению.

Установлено, что самосознание карачаево-балкарского народа на разных этапах его развития было подвержено влиянию различных культурных локусов. Согласно рассуждениям Б. Тетуева, распространение мусульманской религии на территории Балкарии и Карачая происходило с Востока (Дагестана), а также с Запада (Крыма и Турции).

Безусловно, принятие ислама повлияло на дальнейшую эволюцию духовной жизни этноса: «Религиозно-дидактическая поэзия XIX-XX века оказала существенное влияние на этническое сознание народа, на аксиологическую систему понятий индивидуальной авторской устной, а затем письменной поэзии. В них в популярной, доступной для народа форме проповедуются идеологические ценности ислама, разъясняются основные его положения, утверждается идеал человека, неукоснительно следующего предписаниям Корана» [Тетуев 2007: 19]. Первостепенной задачей писателей была просветительская миссия: приобщение к религии. Один из родоначальников религиозного жанра в балкарской литературе Даут-Хаджи Шаваев (Абайханов) (1800 – 1892) проповедует «высшую» форму религиозного миросознания: «Все живое и понадприродное принадлежит» Аллаху *(«Мусса файгъмабар», «Хыйса файгъамбар», «Мухаммат файгъамбар»* и др.). Эстетические предпочтения Д.-Х. Шаваева повлияли на раннюю лирику К. Мечиева (1859-1945). «Вера в то, что религия способна спасти человека от безнравственности, вернуть человеческие отношения самому человеку, наложили отпечаток на раннюю лирику К. Мечиева». Произведения, созданные в этот период (датированные до 1900 года), отличаются критическим пафосом, а именно обличением человеческих пороков, таких как трусость, алчность, высокомерие. Поэт искренне верил в то, что «тот, кто молится, не совершит зла» [Толгуров 1984: 90]. Просветители опирались на свод нравственных законов Корана, в их произведениях развивается исламская философия «временности этого мира».

Послереволюционная идеологическая переориентация в стране внесла в общественное сознание народа новые ценности и морально-нравственные поведенческие установки. Эти факторы повлияли на дальнейшее развитие художественной культуры. В данный период наблюдается тенденция отдаления национальной литературы от общего пространства «восточной» и традиционной кавказской художественной словесности в пользу западноевропейской школы.

Известно, что в советский период жанры религиозной лирики были исключены из литературы, и соцреализм стал основным, можно сказать, единственным творческим методом. Данный феномен оказал пагубное влияние не только на культуры народов, но и на внутреннее бытие каждой личности, а именно: ее разрушительное воздействие заключалось в собственно «псевдорелигиозной природе» (М.М. Дунаев).

Ввиду этого в 20-30 годах авторская поэзия выполняла сугубо утилитарную роль политической агитки. Образность и эстетика произведений были ограничены требованиями политического, классового заказа и не имели этнической специфики на всем пространстве огромной страны [Керимова 2016: 7].

«В соцреализме преобладает, царит исторический оптимизм. Если писатель достаточно талантлив, он может позволить себе даже изображение трагических обстоятельств, но он обязан выразить веру в конечное торжество идеалов социальной справедливости. Пусть изображается трагедия, но –

оптимистическая» [Дунаев 2003: 45]. Что и наблюдалось в творчестве многих классиков – К. Кулиева, А. Кешокова, Р. Гамзатова, и др. Однако некоторые исследователи ошибочно принимают данный феномен в текстах за проявление сугубо религиозной философии. Безусловно, в творчестве многих писателей после определенного жизненного пути, особенно в условиях трагических обстоятельств, происходит некий пересмотр своих убеждений, переоценка ценностей, которые повлияли на их мировоззрение. Произошедшие трагические события в жизни многих народов (в частности депортация), подвергли сомнениям социалистические идеи гуманизма в художественном сознании. Так, уже в позднем творчестве К. Кулиева появляются стихотворения, приближенные к религиозному жанру, но, как было отмечено ранее, это не проявление религиозного мировоззрения, а лишь отдаление от коммунистической идеологии. Поэтому рассуждать о «религиозности» К. Кулиева достаточно сложно. И этот тезис имеет под собой твердую почву, но решение данной проблемы не входит в круг задач, обозначенных автором. Также стоит отметить, что в лирике последних лет Р. Гамзатова (одного из ярких представителей «атеистической эпохи») появляются религиозные мотивы с таким характерным для многих художников XX столетия качеством, как религиозная толерантность. Религиозная философия в их понимании проявлялась в постижении духовного и физического начал, им чужды «узкоконфессиональные понятия о мудрости и превосходстве одной религии над другой. Было бы справедливым вести речи о своеобразном всечеловеческом экуменизме Р. Гамзатова в том смысле, что он хотел бы видеть на планете единого бога без разделения на религии и установление всеобщего братства» [Гамидова, Акавов 2008: 83].

Таким образом, приблизительно с середины XX века национальная поэзия начинает отдаляться от соцреалистической школы, развиваясь в сторону собственной этнической идентификации. Однако в вопросах догматического характера, в отношении соблюдения канонов ислама все также сохранялись некоторые ограничения. В творчестве писателей советского периода (М. Мокаев, А. Созаев, Б. Гуртуев, Т. Зумакулова, А. Байзулаев и др.) сакральное в Боге проявляется не в его возвышении, уходе от земной жизни, а в причастности его к человеческой судьбе. В таком контексте Бог оказывается максимально приземленным, вписанным в ментальное культурное пространство этноса [Тетуев 2007: 279; Тетуев 2008].

В годы перестройки на Северном Кавказе наступает исламский ренессанс. Это в большей степени связано с появлением возможности выезда в зарубежные страны с целью обучения в религиозных институтах.

В данный период обозначились новые цели и тенденции в литературе региона. Осмысление проблем духовного развития человека посредством канонических концептов ***«грех», «покорность», «судьба», «рок», «терпение»*** подтверждает актуализацию религиозно-дидактического жанра в карачаево-балкарской поэзии Нового времени.

Молодые авторы, бесспорно, чутки к традициям предшественников, но современная поэзия представляет собой новое художественное решение:

субъективное преломление интерпретаций ислама, свободных от культурных установок этноса, первоначально опирающихся на нравственные заповеди Корана (именно на служение человека Богу). Монотеистический принцип построения картины мира лежит в основе не только текстов религиозного содержания, но и произведений различной тематики. Таким образом, происходит расширение рамок традиционной религиозной поэзии, образуя так называемую межжанровую диффузию, которая в свою очередь дополняет традиционное ядро жанровой конструкции другими разновидностями лирического стиха. Наиболее ярко данная тенденция проявляется в любовной, патриотической, философской лирике (Д. Рахаева *«Минг кере шукур Аллахыма!» (Тысячу раз благодарю Аллаха!),* А. Газаева *«Аллах шагъат!...» (Аллах свидетель!)* ***(Подстрочные переводы здесь и далее наши – Р.К.).***

Религиозные мотивы часто встречаются в стихотворениях, посвященных топосу малой Родины и проблемам национального характера (Д. Рахаева *«Жаннет жери» (Райское место)*, Н. Байрамкулов *«Джашау джолда» (Дорога жизни),* Л. Ахматова *«Сангырау кѐкде жюзеди…» (В глухом небе плывет…),* И. Байтуганов *«Неге керекди ол бизге?» (Для чего нам это надо?),* А. Баккуев *«Ата Журтум» (Родина), «Тансыкълыкъ» (Тоска).*

Для нового поколения поэтов одновременно важны как вопросы вероисповедания, так и «верность народным обычаям». Возрождение этноконфессионального сознания демонстрируют в своих произведениях: Ш. Богатырева «*Аллах с нами», «Востоку»*, Н. Байрамкулов *«Джашау» (Жизнь)*, И. Байтуганов *«Насийхатым» (Наставление),* А. Баккуев *«Къайтырса» (Вернешься), «Жаз башы келди…» (Весна пришла…)* [Керимова 2018: 179].

Молодые художники озабочены насущными проблемами своей нации. Молитвенная лирика характеризуется просьбой к Богу о сохранении и процветании народа: *// Айны, жулдузну кёреме, / Табынама Аллахха: Акъ тауум ючюн ёлеме, / Сакъла аны палахдан!//* [Ахматова 2013: 29] *(Вижу я луну, звезду, / Поклоняюсь Аллаху: «Умираю» за белоснежную гору, / Храни ее от бед)*. Взаимоотношения между человеком и Богом в поэтической картине мира Л. Ахматовой осуществляются путем прямого обращения к Высшей силе посредством молитвы. Героиня Л. Ахматовой в молитве ищет спасения от всех жизненных невзгод. Религия, вера, молитва сплетаются с чувствами любви и томления: *«Кёзле къарайла кёкге, Кёкден а тюшеди къар…Эки сюйген жюрекге Насып берирми къадар?...»* (Глаза смотрят в небо, А с неба падает снег…Позволит ли судьба обрести счастье двум влюбленным?...) [Ахматова 2013: 75]. Концепт ***къадар*** (судьба) стоит рассматривать как один из основных понятий художественно-философской парадигмы Л. Ахматовой в аспекте ее религиозных представлений. Однако этимология данного концепта восходит к различным категориям бытия. Концепт ***судьба*** присутствует не только во всех мифологических, религиозных, философских и этических системах, но также входит в ядро национального сознания карачаево-балкарского народа. Концепты ***къадар/жазыу*** (судьба/предписанное) в тексте Л. Ахматовой эксплицируют как предопределённость свыше, вера в абсолютное

божественное начало, основа душевного равновесия, покорности, кроткого отношения к жизненным ситуациям. Несбывшиеся надежды героиня Л.Ахматовой также связывает с *судьбой, с божьим промыслом, со злым роком*:

Кёзлерим а нек толады?
Мадар жокъду къадаргъа…
Гёбелек да ёч болады
Кесин отха атаргъа…[Ахматова 2013: 45].

Почему глаза наполнились слезами?
Ведь судьбу не изменить…
Если суждено, то и мотылек стремится
Броситься в огонь…

В религиозной лирике Л. Ахматовой часто встречаются лексемы/символы, восходящие к кораническим преданиям: *къадар (судьба), мадар (возможность, случай), Аллах (Бог), тилек (молитва),* а также близкие по смыслу понятия: *насып/насыпсыз (счастье, несчастливый), умут (надежда), тёзюм (терпение*). Также часто встречаются мотивы смерти родственников, чувств (любви), «умирания» в природной среде и т.д. Интуитивное восприятие мира подсознательно формирует чувство неизбежности у героини, смиренности, покорности перед бедами. Пессимистическое мироощущение словно подготавливает ее к негативной развязке. ««Не заботьтесь» – потому, что вы должны заботиться о другом, но еще и потому, что о вас позаботятся. «Не заботясь», верующий отнюдь не выходит в пустые просторы беззаботности; он, напротив, входит в строгий затвор заботы о боге, но также и в укромный приют заботы бога. …Именно освобождая от заботы человека, через свою беспомощность человек входит в эту помощь» [Аверинцев 1981: 56]. Связывая две номинации Судьба – Бог, поэтесса представляет именно восточное (мусульманское) сознание данного концепта, согласно рассуждениям М. Пиотровского: «Отличие воли Аллаха от слепой и недоброй судьбы (дахр, мāнīйа), которую он заменил в душах и умах людей» [Пиотровский 1994: 95]. Героиня Ахматовой предполагает связь между испытаниями/терпением и нравственным очищением. Подобные интенции близки традиционной суфийской лирике.

Наметившиеся в новейшей карачаево-балкарской словесности XXI века тенденции религиозно-дидактического жанра широко представлены в поэзии Ш. Аппаева. Основная мысль его произведений сосредоточена одновременно на актуализации духовно-нравственных ценностей, принятых в исламском мире, а также на искоренении внедряющихся в национальное самосознание западных идеологий. В силу основной профессии, которая связана с медициной, у него много произведений, посвященных здоровому образу жизни: *«Ауруладан къутулуу» (Избавление от болезней), «Тютюн ичгенлеге» (Курильщикам), «Дарманла» (Лекарства), «Хирург», «Бир врач къызны*

юсюнден» (О девушке-враче). Наиболее показательным примером в данном аспекте является стихотворение «Аракъы бла ушакъ» (Беседа с водкой):

Эй, аракъы, къайдан чыкъдынг?
Кёп адамны урдунг, жыкъдынг.
Кёп адамны жарлы этдинг:
Тар къабыргъа жол юйретдинг [Тейри къылыч 2011: 71].

Эй, водка, откуда ты взялась?
Многих ты сломила, одолела.
Многих сделала несчастными,
Показав дорогу в тесную могилу.

Острое восприятие человеческих грехов вызвано переживаниями поэта по поводу отдаления мусульман от истин, прописанных в Коране, которые в его представлении воплощают в себе «высшую нравственную справедливость». Своим творчеством молодой автор демонстрирует не только личное мировоззрение, но и своеобразный рациональный протест против «заблудшего разума». Охватывая основные человеческие грехи, поэт убедительно доказывает их деструктивное влияние не только на нравственное поведение, но на физическое здоровье общества. Ш. Аппаев проповедует основные критерии морально-этической концептосферы горца, родственные с кораническим этикетом. Доброжелательность, порядочность, честность, преданность, скромность, уважительное отношение к старшим – основные аспекты нравственности в его произведениях. Лирика всегда содержит религиозный подтекст, иногда образы претерпевают метафорическую трансформацию, что в конечном итоге придает им сакральный смысл.

В своем творчестве Ш. Аппаев стремится охватить наиболее актуальные проблемы человечества. Используя прием персонификации, он наделяет вещный мир сознанием – так он ведет «искренний диалог» с алкоголем:

Жаны, саны таза болгъан,
Аманлыкъдан артха тургъан,
Тилин таза эталгъан,
Гюнахладан кеталгъан,
Халал ашла ашагъан,
Шуёхлукъда жашагъан.
Илмуланы кёп билирге кюрешген,
Адамлагъа ариу, ахшы сёлешген.

Быллайлагъа тыялмайма,
Акъылларын алалмайма,
Саулукъларын бузалмайма,
Хорларма деп айталмайма [Тейри къылыч 2011: 72].

Кто держит сердце, тело в чистоте,
Кто держится подальше от греха,
Кто смог очистить речь свою от лжи,
Кто ест дозволенную пищу,
Миролюбив,
И к знаниям стремится,
С людьми по-доброму беседует всегда.

На таких воздействовать мне сложно,
Разум их не подчинится мне,
Здоровье их испортить невозможно,
Таких людей навряд ли одолею я.

К одной из важнейших особенностей новейшей поэзии можно отнести ее интертекстуальность. Так, вышеупомянутое произведение Ш. Аппаева является прототекстом одного из стихотворений Д.-Х. Шаваева:

Дерт тутмайын, халал къыйын ашасанг,
Ётюрюкден кери болуп жашасанг.
Бир адамны осал ишден тыялсанг,
Жангылгъаннга: «Терссе, сен!» – деп, айталсанг.

Тилинг сени ариу болса адамгъа,
Сёз жюрютмей, тил этмейин хоншуда.
Ыразы этсенг, ананг бла атангы,
Аллах кечер сени этген хатангы [Шаваев (Абайханов) 2007: 100].

Если не таишь в душе злобу,
живешь на то, что заработал честным трудом,
Держишься подальше от обмана.
Можешь предостеречь кого-то от плохих поступков,
Неправому ответишь: «Ты не прав!».

Если речь твоя «красна» при общении,
Не занимаешься сплетнями по соседству.
Если тобой довольны мать и отец,
Аллах простит твои грехи.

Известно, что произведения религиозно-дидактического жанра, датированные XIX – началом XX века, характеризовались определенными функциями, которые содержали в себе дидактический и информативные посылы, «разъяснения, сочетающиеся с эмоциональными призывами следовать морально-этическим нормам ислама» (Б.И. Тетуев). Эти же задачи ставят молодые авторы в своих текстах. Назидательный смысл в конце стихотворения Ш. Аппаева усиливается авторским обращением: *//Эй, аланла, аракъы бла*

сёлешдим, Бу ушакъны назму этип кюрешдим. Ангылагъыз ичги аман болгъанын, Саулукъну да, жашауну да алгъанын!// [Тейри къылыч 2011: 72] *(Эй, аланы, я говорил сегодня с водкой, Эту беседу передаю через стихи. Поймите, что алкоголь не принесет добра вам, Он заберет и здоровье, и вашу жизнь).*

Как и многих молодых авторов, Ш. Аппаева волнует проблема этнической идентификации в эпоху культурной глобализации. Это своего рода стремление заполнить духовный вакуум, образовавшийся в связи с деидеологизацией и пересмотром ценностных приоритетов, а также одно из проявлений защитной реакции, которая, по мнению ученого Ю. Шрейдера, свидетельствует о наступлении мирового кризиса [Шрейдер 1997].

Свое отношение к формирующимся сомнительным принципам и нормам поведения Ш. Аппаев высказывает в стихотворении *«Шёндюгю къызла» (Современные девушки):*

Тютюн ичиу а жайылып барад
Бу жаш тёлюню ичинде.
Шёндюгю къызла хорлай туралла
Жашланы тютюн ичиуде [Тейри къылыч 2011: 74].

Все больше курение распространяется
Среди молодежи.
Современные девушки превзошли в этом парней.

Поэт чувствует потребность в создании дидактических произведений. Исследователь И.В. Компанеева в своей работе рассуждает о назидательной стратегии оценивания: «Стратегия оценивания используется говорящим для выражения собственного мнения по поводу того или иного явления или поступка. В речи рассказчика или персонажей-носителей авторских идей подобные высказывания играют значительную роль. Они критически оценивают происходящее и при этом, напрямую не склоняя читателя к совершению правильных поступков, закладывают в его сознание представления о том, что хорошо, а что плохо» [Компанеева 2016: 104]. Автор придерживается данной стратегии, при этом внимание читателя обращено к определенному посылу со стороны поэта, который свое «неприятие» выражает в тексте жёсткими высказываниями в сочетании с элементами насмешки, а также неожиданными сравнениями: «*ат жортхан кибик» (будто скачет лошадь), «уялмайла» (бесстыжие), «мискинле» (несчастные) и т.д.* Он создает собирательный образ современной горянки, которая под влиянием времени утратила свой колорит, отдалившись от традиционных понятий и духовно-нравственных ценностей своего народа. Скромность и естественная красота, по словам поэта, давно сменились новомодными тенденциями, навеянными западной культурой. Многие ученые определяют западноевропейскую идеологию как «ценности потребительского общества», в частности, арабский писатель А. Хаз-Нидар считает, что такие ценности ведут к унификации

личности [أ ن يدار كاز 1999: 26]. Сюжетообразующим в тексте является проблема сохранения культурного своеобразия. Правила, установленные исламским этикетом в отношении поведения женщин, нарушены. Красота на показ – табу, которого мусульманки строго придерживались, не актуально в современном обществе.

Процессы дегуманизации и десакрализации культуры обусловили обращение молодых авторов к проблеме морально-этических норм в обществе. Сформировавшись в русле религиозного мировоззрения, концепт «грех» стал ключевым в рассмотрении религиозно-философских и духовно-этических аспектов современной карачаево-балкарской словесности. Как отмечает И.С. Брилева, через данный концепт прослеживается взаимосвязь Бог – человек – окружающий мир [Брилева 2001: 123]. Кораническая концепция «душевных» пороков пронизывает всю идейно-тематическую ткань произведений А. Газаевой. Понятие греха тесно связано с номинацией вины перед Богом.

Жылыу керекди,
   жарыкълыкълыкъ.
Ала бир аздыла.
   Кюеме.
Кирден къутулургъа сюеме:
Къайда,
къайдады тазалыкъ?
Намыс да,
   сый да бошду дейбиз,
Байракъ этип
аманлыкъны,
сатдыкъ,
атдыкъ тазалыкъны.
Кимден,
неден да не излейбиз?
Кирликбиз ахырда
жерге.

Аллах сюерми кечерге?...[Газаева 2015: 26].

Нуждаемся мы в теплоте
и радости.
Как мало в жизни этого.
Горю я.
От грязи очиститься хочу:
Где,
Где эта чистота?
И нравственность (порядочность)
и честь ничего не значат нынче,
под флагом подлости и зла

продали, растоптали их.
От кого и что мы ждем теперь?
В итоге все мы будем под землей.
Но простит ли нас Аллах?...

Лирический субъект А. Газаевой, испытывая чувство вины, стремится освободиться от него. Поэта беспокоит проблема десакрализации понятия греха. Десакрализованное представление греха в современном обществе – это «простительная человеческая слабость». Однако данное понятие в лирике А. Газаевой создается под суггестивным воздействием исламской философии в следующей трактовке: «неповиновение», которое может быть либо прощено Богом в силу его безграничной доброты, либо наказано по справедливости [Али-заде 2007]. Как и все молодые авторы, А. Газаева выступает против внедрения западноевропейских идеологий в культуру своего этноса. Поэтому проблема духовного совершенствования личности является одной из ключевых в ее лирике. Вместе с тем, прямое использование слова ***гюнах*** *(грех)* в тексте встречается редко, в основном поэтесса ссылается на общие, так называемые концептуальные области данного понятия, значительно расширив рамки ***«греха»***, охватывая номинации *«вина», «беда», «порок», «обман», «ложь», «недостатки», «слабости»*, которым противопоставляет *«красоту сердца», «внутреннюю чистоту».*

Ийнан да сёзюме
Къарангыда
кёрюрсе
жарыкъны.
Кёрюрсе тазалыкъ
харамлыкъда да.
Ол тазалыкъ –
Нюрюдю жанынгы [Газаева 2015: 51].

Когда поверишь моим словам,
Увидишь свет во тьме…
Найдешь хорошее в плохом.
Это доброта –
Свет твоей души.

По мнению автора, духовное возрождение человека начинается с очищения сердца, воспитания воли и контроля над своими помыслами. Ведь сердце в исламе является главным духовным органом, который Всевышний сделал местом познания, ощущения и прозрения. Данные рассуждения восходят к коранической антропологии о представлении человеческой *души/сердца*. Корановед и хадисовед Ибн ал-Каййим ал-Джаузийа (1292-1350), обсуждая заговор «Фатихой» (первой сурой Корана), употребляет оборот «очищение души (tazkiyat an-nafs) и исправление сердца (islah al-qalb)»

[Костылев 2015: 55]. Анализ текстового пространства А. Газаевой позволяет классифицировать ее творчество в рамках религиозно-дидактического жанра, близкое к форме «мужанат». Поэт стремится к созданию текста на основании постулатов ислама, но для нее значима и назидательная функция («убеждение, обращение к человеческой душе» – Б.И.Тетуев).

Заключение

Таким образом, постулаты ислама и этническая самоидентификация играют важнейшую роль в развитии карачаево-балкарской духовной словесности XXI века. Религиозные мотивы, восходящие к кораническим преданиям, проецируют в национальную поэзию специфические формы художественного самовыражения. Образуется своеобразная жанровая система, корректирующая тематику и образность отображения эстетического.

Безусловно, можно утверждать о существенных различиях в развитии религиозного аспекта (самой этико-религиозной доктрины) в карачаево-балкарской литературе на разных этапах. Как было отмечено, в советский период социальная проблематика вытеснила религиозный аспект в тексте. В современной поэзии молодые авторы при осмыслении религиозных тем опираются на эстетические предпочтения Д.-Х. Шаваева и К. Мечиева, наполняя новыми смыслами традиционные мотивы и образы, что подтверждает тезис Ю. Лотмана об «открытости духовного портала культуры для осмысления каждым поколением» [Лотман 1978: 14].

Важно отметить, что в новейшей поэзии не содержатся прямые отсылки к Корану, но частое использование понятий, характерных для мусульманского вероисповедания, доказывает знание авторами исламской догматики (*Аллах, жаннет (рай), къыбла (кибла), дуа (молитва), иман (вера), къадар (судьба), тилек (молитва/просьба), мёлек (ангел)*.

Авторы заявляют о своей неудовлетворенности земной жизнью, воспринимая ее как испытание, посланное Богом. Поэты заостряют свое внимание на понятиях «греховный», «порочный» мир для того, чтобы возродить религиозное миросознание в народе и актуализировать морально-этические нормы, предписанные мусульманам.

Авторские стратегии новейшей поэзии, как установлено, устойчиво сконцентрированы на сохранении национальной идентичности. Усиление внимания к этнически маркированным текстовым смыслам в определённой степени связано с эпохой глобальных переустройств, вызывающих ответную реакцию – стремление отстоять внутренние, базовые составляющие того или иного этноса.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Аверинцев 1981 – *Аверинцев С.С.* Религия и литература. – М: Эрмитаж, 1981. – 141 с.

Али-заде 2007 – *Али-заде А.А.* Исламский энциклопедический словарь. – М.: Ансар, 2007. – 400 с.

Ахматова 2013 – *Ахматова Л.Ч.* Тилек (Молитва). Стихи. – Нальчик: Эльбрус, 2013. – 152 с.

Брилева 2001 – *Брилева И.С.* Представления о грехе в народной традиции // Язык, сознание, коммуникация. Сборник статей / Отв. ред. В.В. Красных, А.И. Изотов. – М.: МАКС Пресс, 2001. – Вып. 19. – С. 123-129.

Газаева 2015 – *Газаева А.Х.* Барама кёпюрге (Иду к мосту). Стихотворения. – Нальчик: Эльбрус, 2015. – 136.с.

Гамидова, Акавов 2008 – *Гамидова Г.Р., Акавов З.Н.* Религиозные мотивы в лирике Расула Гамзатова последних лет // Известия ДГПУ: Общественные и гуманитарные науки. – 2008. – № 3. – С. 83-86.

Дунаев 2003 – *Дунаев М.М.* Вера в горниле сомнений: Православие и русская литература в XVII-XX веках. – М.: Престиж, 2003. – 176 с.

Керимова 2016 – *Керимова Р.А.* Индивидуальные особенности поэтического стиля К. Кулиева. – Нальчик: КБНЦ РАН, 2016. – 142 с.

Керимова 2018 – *Керимова Р.А.* Карачаево-балкарская поэзия конца XX – начала XXI века: тенденции и особенности // Электронный журнал «Кавказология». – 2018. – №4. – С. 170-181. DOI: https://doi.org/10.31143/2542-212X-2018-4-170-181

Компанеева 2016 – *Компанеева И.В.* Имплицитные средства назидательности (на материале средневерхненемецких назидательных произведений XIII в.) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота. – 2016. – № 4 (58). – С. 103-105.

Костылев 2015 – *Костылев П.Н.* Кораническая антропология: на примере концепта «ГРУДЬ» (SADR) // Вестник ПСТГУ: Богословие. Философия. – 2015. – № 2 (58). – С. 55-72.

Лотман 1978 – *Лотман Ю.М.* Феномен культуры: Труды по знаковым системам. – Тарту: ТГУ, 1978. – 195 с.

Лотман 2002 – *Лотман Ю.М.* Статьи по семиотике культуры и искусства. – СПб.: Академический проект. Серия: Мир искусств, 2002. – 544 с.

Пиотровский 1994 – *Пиотровский М.Б.* Ислам и судьба. В книге: Понятие судьбы в контексте разных культур. – М.: Наука, 1994. – С. 92-97.

Тейри къылыч (Радуга). Сборник произведений молодых балкарских авторов: Стихи, рассказы, сказки / Сост. Б.А. Глашев, М.М. Ольмезов. – Нальчик: Эльбрус, 2011. – 144 с.

Тетуев 2007 – *Тетуев Б.И.* Карачаево-балкарская авторская поэзия второй половины XIX – начала XX века. – Нальчик: Издательство М. и В. Котляровых, 2007. – 340 с.

Тетуев 2008 – *Тетуев Б.И.* Карачаево-балкарская поэзия: генезис индивидуального сознания // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. – 2008. – № 66. – С. 117-123.

Толгуров 1984 – *Толгуров З.Х.* Движение балкарской поэзии. – Нальчик: Эльбрус, 1984. – 252 с.

Шаваев (Абайханов) 2007 – *Шаваев (Абайханов) Д.-Х.* Дуния сагъышла (Раздумья о жизни). Поэмы. Зикиры. Стихи. – Нальчик: КБНЦ РАН, 2007 – 182 с.

Шрейдер 1997 – *Шрейдер Ю.А.* Закон Лотмана в культурологии // Информационное общество: культурологические проблемы. Материалы международной научной конференции (Краснодар 17-19 сентября, 1997) / Отв. ред. И.И. Горлова. – Краснодар: КГАКИ, 1997. – С. 29-30.

الحيوانات تصبح أن لا تجنب به القيام يجب ما. أذ يدار كاز. أذ يدار كاز – 1999 أذ يدار كاز. المسهلكة. – الرياض: السعودية الطباعة, 1999. – 247 صفحة (Хаз-Нидар А. Что делать, чтобы не превратиться в потребляющих животных. – Эр-Рияд: SAUDI PRINT, 1999. – 247 с.)

REFERENCES

AKHMATOVA L.Ch. *Tilek. Stikhi* [Prayer. Poems]. – Nalchik: El'brus, 2013. – 152 p. (In Balkar)

ALI-ZADE A. A. *Islamskiy entsiklopedicheskiy slovar'* [Islamic Encyclopedic Dictionary]. – Moscow: Ansar, 2007. – 400 p. (in Russian)

AVERINTSEV S.S. *Religiya i literatura* [Religion and literature]. – Moscow: Ermitazh, 1981. –141 p. (In Russian)

BRILEVA I.S. *Predstavleniya o grekhe v narodnoy traditsii* [Representations of sin in the folk tradition]. IN: *Yazyk, soznaniye, kommunikatsiya. Sbornik statei. Otv. red. V.V. Krasnykh, A.I. Izotov* [Language, consciousness, communication. Collection of articles. Ed. by V.V. Krasnykh, A.I. Izotov]. – Moscow: MAKS Press, 2001. – Iss. 19. – P. 123-129. (In Russian)

DUNAYEV M. M. *Vera v gornile somneniy: Pravoslaviye i russkaya literatura v XVII-XX vekah* [Faith in the furnace of doubt: Orthodoxy and Russian literature in the XVII-XX centuries]. – Moscow: Prestizh, 2003. – 176 p. (In Russian)

GAMIDOVA G.R., AKAVOV Z.N. *Religioznyye motivy v lirike Rasula Gamzatova poslednikh let* [Religious motives in the lyrics of Rasul Gamzatov of recent years]. IN: *Izvestiya DGPU: Obshchestvennyye i gumanitarnyye nauki*. – 2008. – No. 3. – P. 83-86. (In Russian)

GAZAYEVA A. Kh. *Barama kopyurge. Stihi* [I'm going to the bridge. Poems]. – Nalchik: El'brus, 2015. – 136 p. (In Balkar)

KERIMOVA R.A. *Individual'nyye osobennosti poeticheskogo stilya K. Kuliyeva* [Individual features of the poetic style of K. Kuliev]. – Nalchik: KBNTs RAN, 2016. – 142 p. (In Russian)

KERIMOVA R.A. *Karachayevo-balkarskaya poeziya kontsa XX – nachala XXI veka: tendentsii i osobennosti* [Karachaevo-Balkarian poetry of the late XX – early XXI century: trends and features]. IN: *Elektronnyi zhurnal «Kavkazologiya»*. – 2018. – No. 4. – P. 170-181. DOI: https://doi.org/10.31143/2542-212X-2018-4-170-181 (In Russian)

KOMPANEEVA I.V. *Implitsitnyye sredstva nazidatel'nosti (na materiale sredneverkhnenemetskikh nazidatel'nykh proizvedenii XIII v.)* [Implicit edification tools (based on the material of Middle High German edifying works of the 13th century)]. IN: *Filologicheskiye nauki. Voprosy teorii i praktiki*. – 2016. – No. 4 (58). – P. 103-105. (In Russian)

KOSTYLEV P.N. *Koranicheskaya antropologiya: na primere kontsepta «GRUD'» (SADR)* [Quranic anthropology: the example of the concept of «BREAST» (SADR)]. IN: *Bulletin of PSTGU I: Vestnik PSTGU I: Bogosloviye. Filosofiya*. – 2015. – No. 2 (58). – P. 55-72. (In Russian)

LOTMAN Yu.M. *Stat'i po semiotike kul'tury i iskusstva* [Articles on semiotics of culture and art]. – St. Petersburg: Akademicheskiy proyekt. Seriya: Mir iskusstv, 2002. – 544 p. (In Russian)

LOTMAN Yu.M. *Fenomen kul'tury: Trudy po znakovym sistemam* [The phenomenon of culture: Works on sign systems]. – Tartu: TGU, 1978. – 195 p. (In Russian)

PIOTROVSKY M.B. *Islam i sud'ba* [Islam and the fate of]. IN: *Ponyatiye sud'by v kontekste raznykh kul'tur* [The concept of fate in the context of different cultures]. – Moscow: Nauka, 1994. – P. 92-97. (In Russian)

SCHREIDER Yu.A. *Zakon Lotmana v kul'turologii* [Law of Lotman in Cultural Studies]. IN: *Informatsionnoye obshchestvo: kul'turologicheskiye aspekty i problemy. Materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii (Krasnodar 17-19 sentyabrya, 1997) / Otv. red. I.I. Gorlova* [Information society: cultural problems. Proceedings off the international scientific conference (Krasnodar September 17-19, 1997). Ed. by I.I. Gorlova]. – Krasnodar: KGAKI, 1997. – P. 29-30. (In Russian)

SHAVAYEV (ABAYKHANOV) D.-Kh. *Duniya sagyshla* (*Razdum'ya o zhizni). Poemy. Zikiry. Stikhi* [Thoughts on life. Poems. Zikir. Poetry]. – Nalchik: KBNTS RAN, 2007. – 182 p. (In Balkar)

TETUEV B.I. *Karachayevo-balkarskaya avtorskaya poeziya vtoroy poloviny XIX – nachala XX veka* [Karachay-Balkar author's poetry of the second half of the XIX – early XX centuries]. – Nalchik: Izdatel'stvo M. i V. Kotlyarovykh, 2007. – 340 p. (In Russian)

TETUEV B.I. *Karachayevo-balkarskaya poeziya: genezis individual'nogo soznaniya* [Karachay-Balkarian poetry: the genesis of individual consciousness]. In: *Izvestiya Rossiyskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gertsena*. – 2008. – No. 66. – P. 117-123. (In Russian)

Teyri kylych (Raduga). Sbornik proizvedeniy molodykh balkarskikh avtorov: Stikhi, rasskazy, skazki. Sostavitel B.A. Glashev, M.M. Ol'mezy [Rainbow: Collection of works by young

Balkarian authors: Poems, short stories, fairy tales. Compiled by B.A. Glashev, M.M. Olmezov]. – Nalchik: El'brus, 2011. – 144 p. (In Balkar)

TOLGUROV Z.Kh. *Dvizheniye balkarskoy poezii* [The movement of Balkar poetry]. – Nalchik: El'brus, 1984. – 252 p. (In Russian)

خاز يدار أ. ما يجب القيام به لتجنب أن تصبح حيوانات تستهلكة الحيوانات [KHAZ-NIDAR A. What to do to avoid becoming consuming animals]. – Riyadh: SAUDI PRINT, 1999. – 247 p. (In Arabic)

Наши авторы

Бабич Ирина Леонидовна – д-р истор. наук, главный научный сотрудник Института этнологии и антропологии Российской академии наук
E-mail: babich@iea.ras.ru

Боров Аслан Хажисмелович – канд. истор. наук, доцент, ведущий научный сотрудник Центра социально-политических исследований ФГБНУ «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук»
E-mail: aslan-borov@mail.ru

Азикова Юзанна Мартиновна – канд. истор. наук, доцент кафедры всеобщей истории ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова»
E-mail: i.azikova@kbsu.ru

Демиденко Сергей Викторович – канд. истор. наук, научный сотрудник Отдела скифо-сарматской археологии Института археологии Российской академии наук
E-mail: svdemidenko@hotmail.com

Дерлугьян Георгий Матвеевич – канд. истор. наук, доктор (Ph.D.) социологии, профессор социальных исследований и государственной политики Нью-Йоркского университета в Абу-Даби
Email: GD44@nyu.edu

Джумагулова Айгуль Темерхановна – канд. истор. наук, доцент кафедры истории, права и общественных дисциплин Ессентукского филиала Государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Ставропольский государственный педагогический институт»
E-mail: aigul-men@mail.ru

Дзамихов Касболат Фицевич – д.и.н., профессор, директор Института гуманитарных исследований – филиала ФГБНУ «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук»
E-mail: kbigi@mail.ru

Емкужев Астемир Арсенович – стажер-исследователь научно-исследовательской лаборатории «Нейрокогнитивные автономные интеллектуальные системы» ФГБНУ «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук»
E-mail: astemirserzhant@mail.ru

Кадиева Анна Анатольевна – научный сотрудник Отдела археологических памятников Государственного исторического музея
E-mail: adelgeida85@mail.ru

Карамурзов Ренат Барасбиевич – д-р экон. наук, профессор кафедры экономики и экономической географии стран Азии и Африки Института стран Азии и Африки Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова
E-mail: karamourzov@gmail.com

Керимова Раузат Абдуллаховна – канд. филол. наук, научный сотрудник сектора карачаево-балкарской литературы Института гуманитарных исследований – филиала Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр РАН»
E-mail: K.roza07@mail.ru

Куантова Жанна Юрьевна – аспирант Научно-образовательного центра Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр РАН»
E-mail: kuantova.zhanna@mail.ru

Кушхабиев Анзор Викторович – д-р истор. наук, заведующий Центром социально-политических исследований ФГБНУ «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук»
E-mail: anzor-vk@mail.ru

Муратова Елена Георгиевна – д-р истор. наук, профессор, зав. кафедрой истории России ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова»
E-mail: lena_gm@mail.ru

Сарбашева Алена Мустафаевна – д-р филол. наук, доцент, зав. сектором карачаево-балкарской литературы Института гуманитарных исследований – филиала ФГБНУ «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук»
E-mail: alenasarb@mail.ru

Фоменко Владимир Александрович – канд. истор. наук, доцент, старший научный сотрудник сектора древней истории и археологии Института гуманитарных исследований – филиала Федерального государственного бюджетного научного учреждения Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук»
E-mail: fva2005@gmail.com

Хавжокова Людмила Борисовна – канд. филол. наук, старший научный сотрудник сектора кабардино-черкесской литературы Института гуманитарных исследований – филиала Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр РАН»
E-mail: lyudmila-havzhokova.86@mail.ru

Электронный журнал

Кавказология

Caucasology

№ 2 / 2020

DOI: 10.31143/2542-212X-2020-2

Кабардино-Балкарский государственный университет имени Х.М. Бербекова © 2020